

ИСТОРИЯ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ

ИССЛЕДОВАНИЯ
И ИСТОЧНИКИ

**Российская академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии**

ИСТОРИЯ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ

Исследования и источники

Издательство «АсПУр»
Екатеринбург
2014

УДК 930.2(2)
ББК 63.2(2)
И 90

Рецензенты:
И.В. Побережников, д.и.н.
Г.А. Янковская, д.и.н.

Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии
УрО РАН. – Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. – 368 с.

На страницах сборника рассматриваются проблемы, вызванные недавним появлением в словаре гуманитариев в целом и историков в частности так называемой эго-терминологии. Авторами не просто показаны перспективы ее дальнейшего использования, но и актуализирован целый ряд вопросов, связанных с идентификацией эго-источников, выявлением их когнитивного потенциала, операциональных возможностей, коммуникативного эффекта, а также многие другие. Будучи лишь одной из попыток определения места эго-текстов в системе других свидетельств прошлого и пространстве тех или иных исследований, сборник не предлагает окончательного ответа на поставленные вопросы, тем самым свидетельствуя в пользу продолжения как теоретической рефлексии, так и конкретно ориентированных изысканий в русле эго-проблематики.

Книга адресована историкам, филологам, социологам, культурологам и другим гуманитариям, всем тем, кто интересуется историей, источниковедением и методами современных исследований.

Редакционная коллегия:
Н.В. Суржикова, к.и.н. (гл. ред.), Е.Ю. Лебедеенко, к.и.н. (уч. секр.), С.В. Голикова, д.и.н.,
Л.А. Дашкевич, д.и.н., М.А. Киселев, к.и.н.

ISBN 978-5-904900-22-8

© Авторы, 2014
© ИИиА УрО РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) <i>Суржикова Н.В. (Екатеринбург)</i>	6
1. Исследования	
Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка <i>Троицкий Ю.Л. (Москва)</i>	14
Эго-история и эго-источники: соотношение понятий <i>Румянцева М.Ф. (Москва)</i>	32
Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода <i>Алеврас Н.Н. (Челябинск)</i>	41
Жанр документальной истории семьи как эго-документ: проблема имплицитного читателя <i>Литовская М.А. (Екатеринбург)</i>	55
История города, семей и индивидуальностей в тверских купеческих дневниках <i>Серёда Н.В. (Тверь)</i>	67
Коллекционеры на хозяйственной службе графов Строгановых. Отец и сын А.Е. и Ф.А. Теплоуховы в письмах и дневниках 1831–1902 гг. <i>Игнатьева О.В. (Пермь)</i>	87
Репрезентация вооруженного противостояния в условиях Гражданской войны в воспоминаниях рабочих/большевиков Урала <i>Поршнев О.С. (Екатеринбург)</i>	100
Дневники 1930-х годов: terra sovietica incognita <i>Быкова С.И. (Екатеринбург)</i>	117

Формирование антигитлеровской коалиции глазами советского общества (по дневникам современников)	
<i>Голубев А.В. (Москва)</i>	139

2. Источники

К истории неформальных отношений среди правящей элиты Российской империи (на материалах переписки Д.В. Волкова 1761–1763 гг.)	
<i>Киселев М.А. (Екатеринбург)</i>	162

Как хранили деньги уральские заводчики: письмо Алексея Федоровича Турчанинова 1782 г.	
<i>Ларионова М.Б. (Екатеринбург)</i>	184

Сексуальное насилие сквозь призму эго-документа: прошение Евграфа Глазырина 1871 г.	
<i>Голикова С.В. (Екатеринбург)</i>	191

Екатеринбургский городской голова Илья Симанов (1884–1894)	
<i>Микитюк В.П. (Екатеринбург)</i>	200

Переписка уральских краеведов с российскими историками конца XIX – начала XX в. (на примере переписки председателя Пермской учёной архивной комиссии В.С. Малченко)	
<i>Набокина Т.А. (Челябинск)</i>	215

Семейная переписка провинциальных буржуа начала XX века как исторический источник (на материалах «детских писем» семьи Нассоновых)	
<i>Лебеденко Е.Ю. (Екатеринбург)</i>	232

«Мы не артиллерия, не кавалерия, не пехота, а мы "гвардейская конная артиллерия"»: из воспоминаний вольноопределяющегося Г.А. Римского-Корсакова	
<i>Пахалюк К.А. (Москва)</i>	249

Первая мировая война в воспоминаниях Василия Журавлева	
<i>Лобанов Д.А., Ощепков Л.Г. (Пермь), Суржикова Н.В. (Екатеринбург)</i>	279

«Стараемся делать, что можем...»:	
Пермский университет в письмах профессоров 1917–1922 гг.	
<i>Дашкевич Л.А. (Екатеринбург)</i>	303
«...За что его погубили и нас тоже?»:	
Два прошения о заступничестве. 1935 год	
<i>Лейбович О.Л. (Пермь)</i>	317
Письма во власть в позднюю сталинскую эпоху:	
интимное и политика	
<i>Кимерлинг А.С. (Пермь)</i>	325
Из поселка Калининск М.И. Калинин и другим:	
«диалог» семьи Кучевских с режимом (1940–1958 гг.)	
<i>Красильников С.А. (Новосибирск)</i>	339
Начало Великой Отечественной войны в воспоминаниях	
уральского инженера М.М. Ковалевского	
<i>Шкерин В.А. (Екатеринбург)</i>	350
Список использованных аббревиатур	364
Сведения об авторах	366

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МОДА ИЛИ ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ? (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Как известно, термин «эго-документ» является изобретением западных специалистов¹. Опуская подробности, следует отметить те причины, которые способствовали рождению неологизма. В этом случае принято говорить об антропологизации науки, которая вернула «маленькому человеку» его место на авансцене истории. Но, не останавливаясь на банальностях, хочется подчеркнуть другое – то, что представляется главным следствием изменения историографической ситуации в этой связи, а именно – очевидный дрейф исследовательского интереса историка от изучения событий к изучению состояний. Именно в рамках этого дрейфа актуализировались такие проблемы, как этничность, религиозность, идентичность, гендер, имагологические исследования, история эмоций, исследования памяти и ейджинговые исследования, а также многие другие изыскания, маркирующие те или иные проявления индивидуальности и коллективности.

В изучении этих проблем источники, характеризующиеся непременным присутствием «Я» и не столько запечатлевающие исторические события, сколько создающие их ощущение, стали просто незаменимыми, заполнив лакуны официоза и обретя ту самую самость, которая позволила повысить их статус среди прочих свидетельств прошлого. Изменившееся при этом отношение к документальности, проявившееся в снижении авторитета официальных документов, а с ними и авторитета государственных архивов, заточенных прежде всего на сохранение официальной истории², стало еще одним фактором, добавившим бонусов эго-терминологии, которая, как известно, разнообразна и кроме «материнского» понятия включает еще и такие, как «само-свидетельство», «авто-текст», «я-документ», «жизнеописание», «исповедальный текст» и пр. При этом едва ли стоит удивляться, что эти «эпитеты», использовавшиеся при характеристике тех или иных нарративов, стали звучать в различных комнатах большой гуманитарной квартиры. «Расколдовывание» различных состояний

и смыслов эго-документов изначально было делом всех членов гуманитарной семьи, превратив исследования авто-текстов в непременно междисциплинарные.

В силу демократичности, гибкости, инвариантности классификационных схем, используемых за пределами России применительно к различным свидетельствам прошлого, эго-терминология прижилась и вошла в обиход довольно быстро, породив вокруг себя богатую историографическую традицию. И подводя черту под всем вышесказанным, можно резюмировать, что возникновение термина «эго-документ» на Западе стало не чем иным, как сигналом обновления тематических, источниковых и концептуальных рамок исторических исследований, с которыми обновился и их язык, их терминологическая рамка.

Все эти процессы настигли и отечественную историческую науку, которая в известный момент переживала глубочайший кризис советской модели историописания. Разочарование в ней, что характерно, имело место быть не только в профессиональной среде, но и среди не особо просвещенных и посвященных потребителей исторического знания. Тонны чугуна и стали, число танков и снарядов, ракет и атомных бомб, – история, которая ставила во главу угла эти достижения, давно уже перестала быть узнаваемой, не совпадая с тем, о чем говорили внутрифамильные истории людей. Пока историки собирались с мыслями, эту социальную интуицию уловили российские издательства, «зарядив» целые серии специальных публикаций, в числе которых особо выделяются серии издательства «Новое литературное обозрение» «Переписка» и «История в мемуарах».

Специальные научные исследования, основанные на междисциплинарном подходе и документах, попадающих в номинацию «эго-», заставили себя ждать относительно недолго³. Авторы этих работ, однако, использовать в своих работах термин «эго-документы» не спешили, и он, надо признать, до сегодняшнего дня продолжает рассматриваться многими как маргинальный⁴.

Действительно, зачем нам термин «эго-документ»? Источники, отнесенные на Западе к числу таковых, в родном отечестве давно и хорошо известны, рассуждали и рассуждают скептики. Уже в начале XX в. их публикации исчислялись несколькими тысячами наименова-

ний. С.Р. Минцлов, в частности, подсчитал, что к 1911 г. в России насчитывалось опубликованных записок, дневников, воспоминаний, писем и путевых заметок: 859 – от времен Петра I до Павла I; 2155 – от времен Александра I до Николая I; 1282 – от времен Александра II до Александра III; итого – порядка 4,3 тыс. публикаций⁵. В XX в. ретроспективные документы публиковались не менее активно, о чем свидетельствовали и свидетельствуют многочисленные аннотированные указатели соответствующих изданий⁶. С выработкой специальных подходов к изучению этих источников тоже, вроде бы, все было хорошо⁷. Больше того, к 1980-м гг. в российской историографии окончательно утвердился термин «источники личного происхождения», которые были вписаны в видовую типологизацию исторических источников, казавшуюся тогда – а многим и сегодня кажущуюся – оптимально соответствующей цели системного осмысления материальной и духовной культуры.

Не удивительно, что среди отечественных историков большинство восприняло появление термина «эго-документ» как нарушение отечественной традиции классификации источников и прежде всего покушение на понятие «источники личного происхождения». За поклонением «идолу истоков», от которого когда-то предостерегал еще Марк Блок, а также разговорами о деколонизации национального исторического дискурса, якобы чрезмерно засоренного инозаимствованиями, многие отечественные специалисты, однако, никак не хотят замечать явного противоречия «новые исследования VS старая терминология». Озабоченность этой проблемой среди российских источниковедов проявил, пожалуй, только коллектив авторов под руководством А.К. Соколова. «Становится очевидным, что прежнее источниковедение здесь не оправдывает себя. Необходимо привлечение новых источников, иное прочтение тех, которые считаются основополагающими, изменение способов работы с ними. В теории это касается, прежде всего, переоценки устоявшихся в источниковедении классификационных схем и переосмысления значимости отдельных типов и видов источников для исследовательской практики историка. ...В центре внимания историков на протяжении длительного времени были преимущественно такие источники как мемуары, дневники, письма, хотя всегда было очевидно, что круг материалов личного происхождения

является куда более широким. К ним с полным правом можно отнести те, в которых заложена автобиографическая, социальная, этнографическая, социально-психологическая и другая информация, которая отсутствует в официальных документах, а также в источниках других типов и видов», — отметили авторы работы «Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика», едва ли не впервые в России рискнув упомянуть на уровне учебника термины «я-документ» и «эго-документ»⁸.

Помимо изменения историографической ситуации в целом, причин для рефлексии на тему эго-документы или источники личного происхождения, впрочем, и так предостаточно. Действительно, источники личного происхождения всегда несколько выбивались по критериям своей идентификации из ряда всех остальных источников. Очевидно, что понятие «источники личного происхождения» фокусирует внимание на происхождении документа, тогда как терминалии «законодательство», «статистика», «делопроизводство», «периодика» и пр. отсылают нас прежде всего к его назначению. Так или иначе, но даже И.Д. Ковальченко, в 1982 г., характеризуя видовую классификацию свидетельств прошлого писал: «Широко распространенное до последнего времени в советском источниковедении деление всей совокупности исторических источников ... представляется непоследовательным в силу неоднозначности принципов и критериев их выделения (одни группы выделены по форме отражения действительности, другие – по способу фиксирования информации, третьи – по объекту отражения)»⁹.

Еще одна важная проблема, связанная с источниками личного происхождения, состоит в том, что для них давно уже стал характерным, если можно так выразиться, комплекс неполноценности. В иерархии свидетельств прошлого они всегда занимали последнее или близкое к последнему место, поскольку рассматривались не иначе, как вспомогательные, дополнительные и, по сути, вторичные: «Мемуарная литература является весьма ценным источником. Использование ее в научно-исследовательской работе помогает преодолеть схематизм в изложении исторических событий, обогатить научные труды ярким материалом, важными и характерными деталями»¹⁰, «Воспоминания способны восстановить множество фактов, которые не отразились

в других видах источников. Мемуарные частности могут иметь решающее значение для реконструкции того или иного события»¹¹, «Источники личного происхождения дают исследователю поистине неисчерпаемое множество деталей и примет времени, которые отсутствуют в других источниках»¹².

Вторичность же источников личного происхождения традиционно обосновывалась ссылкой на их субъективность, которая воспринималась не иначе как изъян: «Отличительной особенностью мемуарной литературы является ее субъективность, которая резко бросается в глаза... Важнейшим дополнением к запискам являются письма XVIII в., которые, как и мемуарная литература, отличаются значительной субъективностью»¹³, «Воспоминания, дневники и частные письма являются теми историческими источниками, субъективные особенности авторов которых, как правило, сказываются крайне сильно и выразительно на их объективной познавательной ценности»¹⁴, «Ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»¹⁵, «Субъективность и индивидуальность внутренне, органически присущи всем этим источникам. Личностные особенности авторов сказываются на объективной познавательной ценности этих источников ... Историк обязан внимательно изучать и учитывать эти личные особенности»¹⁶. Как представляется, использование термина «эго-документы» помогло бы снять проблему неполноценности источников личного происхождения, не просто их реабилитируя, но и выводя на новый уровень исследования писем, дневников, воспоминаний и целого ряда документов пограничных жанров.

Вместе с тем все это отнюдь не свидетельствует в пользу безоговорочного употребления термина «эго-документ». Думается, что западная и российская традиции идентификации источников вполне могут существовать параллельно, и совсем не потому, что общая – антропологическая – природа любого свидетельства прошлого не отменяема. Маркировки «эго-документы» и «источники личного происхождения» могут мирно уживаться потому, что их использование – вопрос ситуации. В процессе «внутрицеховой» коммуникации, для внутреннего пользования историков, как представляется, конструкция «источники

личного происхождения» остается вполне пригодной, рабочей. Если же речь идет о практике междисциплинарных исследованиях историко-антропологического свойства, то логично использовать порожденные этой практикой языки описания, методы и пр., чтобы не оказаться в ситуации «про паровоз я, барин, понял, теперь скажи только, куда тут лошадь запрягать?»

Таким образом, из плоскости «мода или необходимость?» проблема эго-терминологии перетекает в нечто принципиально иное. В корне ее состоит вопрос о необходимости определить, что для нас важнее всего в источниках эго-жанра – беспрецедентное личное или социально типическое? И если радикальный постмодернизм требует от нас остановить свой выбор на первом, то более традиционные исследовательские стратегии – безусловно на втором. Отказавшись же от любой конфронтационной риторики, можно сказать, что эго-источники – это замечательное решение проблемы фокусной точки гуманитарных исследований, поскольку они экспонируют и мир отдельной личности (Я), и ее социально обусловленные «параметры» (МЫ), позволяя тем самым изучать типы кристаллизации самых разных социальных «пород» – от уникальных до статистических.

Собственно об этом и свидетельствуют материалы ретроспективного издания, демонстрирующего прежде всего современный уровень усвоения эго-документальной теории. И даже если признать, что в россыпи представленных текстов претензия на интерпретационную новизну автореферентных стратегий закамуфлирована вполне традиционной тематикой и риторикой, отказать настоящему сборнику в постановке целого ряда вопросов, связанных с изучением источников эго-жанра, едва ли возможно. Композиция сборника, предложенная его создателями, не требует особых комментариев, будучи ориентирована на проблематизацию концепта «эго-документ», рационализацию многообразия так называемых само-свидетельств и – в конце концов – на динамизацию соответствующих научных изысканий. При этом, исходя из того, что история любого понятия, включая со временем отвергнутые и отправленные в словарь архаизмов, поучительна, настоящий сборник, как представляется, не потеряется в числе прочих научных изданий, заняв среди них свое, пусть даже скромное, место.

Примечания

¹ См. об этом: Безрогов В.Г. В тисках автобиографии: новые зарубежные справочные издания по истории рассказов о себе и своей жизни // Человек. 2004. № 4. С. 156–166; Зарецкий Ю.П. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Социальная история: Ежегодн. СПб., 2008. С. 329–340; Он же. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования французских историков // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5: Foundation. Ростов-на-Дону, 2011. С. 54–68; Он же. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2012. № 3. С. 218–232; и др.

² См. об этом: Блоуин Ф., Розенберг У. Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Сб. статей. М., 2013. С. 125–153.

³ См., напр.: Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999; Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; и др.

⁴ Исключения из этого правила см.: Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007; Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007.

⁵ См.: Минцлов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России. Новгород, 1911–1912.

⁶ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указатель книг и публ. в журналах / науч. рук., ред. и введение проф. П.А. Зайончковского. Т. 1–5. М., 1976–1989; История советского общества в воспоминаниях современников: Аннотированный указатель мемуарной литературы. М., 1958, 1961, 1967; Советское общество в воспоминаниях и дневниках. Т. 1. М., 1987; Т. 2. М., 1990; Т. 3. М., 1994; Т. 4. М., 2001.

⁷ См. об этом, к примеру: Алексеев В.В. Основные итоги изучения эпистолярных источников в советской научной литературе 60–80-х годов. М. 1987; Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970; Курносоев А.А. Личность в истории, история в личности // История СССР. 1971. № 4; Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник. М., 1959; Принципы издания эпистолярных текстов. М., 1964; Прохоров Е.П. Эпистолярная публицистика: Учеб.-метод. пособие. М., 1966; Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991; и др.

⁸ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004.

⁹ Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: К постановке проблемы // История СССР. 1982. № 3. С. 143.

¹⁰ Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР: Период империализма. Конец XIX в. – 1917 г. М., 1962. С. 373.

¹¹ Кабанов В.В. Источниковедение советского общества. М., 1997. С. 133; Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 639.

¹² Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004.

¹³ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. С. 220, 227.

¹⁴ Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в. / отв. ред. И.А. Федосов. М., 1970. С. 347.

¹⁵ Зайончковский П.А. Предисловие // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1976. С. 6.

¹⁶ Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. Изд. 2-е. М., 1981. С. 343.

Н.В. Суржикова

1. ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.Л. Троицкий

АНАЛИТИКА ЭГО-ДОКУМЕНТОВ: ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ РЕСУРС ИСТОРИКА

Задача настоящей статьи состоит в определении инструментария историка, когда он имеет дело с эго-документами. Но сначала – определение исходного термина. Под эго-документом понимается такой тип текста, в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая линия. Телеология эго-документов может быть описана эгоцентрической формулой: «я-в-мире». Отсюда явно присутствующий (чаще – иплицитно) пафос самооправдания. К эго-документам относятся личные дневники, переписка, мемуары, исповедальные нарративы и некоторые пограничные жанры.

Под инструментарием я понимаю систему понятий и аналитические процедуры, необходимые для извлечения когерентной информации из дневниковых, эпистолярных и мемуарных текстов.

Важно обозначить ракурс рассмотрения эго-документов в качестве дискурсивных феноменов: превращение личных дневников, переписки и воспоминаний в дискурсивные образования означает качественную трансформацию предмета исследования. Дискурсивный подход требует рассмотрения эго-документов во всех аспектах их коммуницирования: креативной, рецептивной и референтной компетенций этих текстов во взаимосвязи, а также учета их коммуникативных стратегий.

Предполагаю подробнее рассмотреть эпистолярный дискурс и лишь коснуться аналитического инструментария дневникового и мемуарного дискурсов.

Личный дневник является примером автокоммуникации «Я – Я», когда пишущий становится читателем собственных записей.

Избыточность автокоммуникации снимается в этом случае за счет временного разрыва между письмом и чтением, когда автор дневника получает возможность увидеть себя «вчерашнего» и тем самым зафиксировать собственное изменение во времени. Человек не равен самому себе в различные временные отрезки и перечитывание своих прошлых записей позволяет «путешествовать» в собственное прошлое. В этой связи при анализе дневниковых текстов важна фиксация автором моментов перечитывания своих записей, так же как и учет интенсивности самого процесса перечитывания. Чем чаще автор дневника фиксирует моменты перечитывания своего текста, тем, вероятнее, выше интенсивность автомоделирующей функции текста.

Молодой Л.Н. Толстой, пропустивший три года ведения дневника, в первой же после перерыва записи (от 14 июня 1850 г.) отмечает: «Опять принялся я за дневник и опять с новым рвением и новою целью. Который уж это раз? Не помню. Все равно может опять брошу; зато приятное занятие и приятно будет перечесть, так же как приятно было перечесть старые. Мало ли бывает в голове мыслей, и которые кажутся весьма замечательными; а как рассмотришь, выйдет пустошь; иные же точно дельные – вот для этого-то и нужен дневник. По дневнику весьма удобно судить о самом себе»¹.

Можно утверждать, что если автор не перечитывает собственный дневник, то в этом случае дневник перестает выполнять функцию автокоммуникации, и является, к примеру, способом «релаксации через текст» или авторской стилизацией «под дневник».

Коммуникативную формулу личного дневника: «Я – Я» необходимо усложнить – «Я – Я (Ты, Вы)». Тем самым подчеркивается условность границ между дневником, с одной стороны, и иными эго-документами – перепиской и мемуарами. В истории эго-документов случаи «письма-дневника», «дневника-воспоминания», «письма-мемуаров» не такие уж редкие. Можно вспомнить классический пример «Былого и дум» А.И. Герцена, эту мемуарную эпопею XIX в., включавшую в себя эпистолярные и дневниковые фрагменты.

Появление личного дневника, вероятно, связано с достаточно высокой рефлексивной зрелостью культурной личности и появлением интимного пространства человека. Дневник, собственно, таким про-

странством и являлся. М.М. Бахтин отмечал невозможность человека «схватить» себя целиком: «...У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу... Фальшь и ложь, неизбежно проглядывающие во взаимоотношении с самим собою», – отсюда желание «подсмотреть свой заочный образ»².

Дневник дает такую возможность, становясь зеркалом саморазвития автора: «Я положительно решил последовательно заносить мои идеи на бумагу, – начинает свой дневник И.С. Гагарин, блестящий русский аристократ и добровольный изгнанник, – Я хочу приучить себя почти ежедневно записывать несколько мыслей. Часто мое умственное развитие происходит во мне без того, чтобы я сознавал каждое его движение. Это прозябание, а не жизнь... я никогда не сумею приобрести привычки думать и размышлять, ежели не научусь выражать мои идеи. Вот отчего я начинаю сию тетрадь»³.

Уже в первой записи от 25 мая 1834 г. Иван Гагарин отмечает основное свойство дневника – способность показывать при перечитывании вектор авторского саморазвития: «Я сделаю из этой тетради журнал моего чтения и моих мыслей и расставлю в нем вехи, для того чтобы я мог время от времени обращать мой взор назад и обозревать путь, мною пройденный»⁴.

Таким образом, можно отметить в процессе дневниковой коммуникации два разнесенных временем процесса: письмо и чтение, при этом, чем больше временная дистанция между этими действиями, тем эффективнее авто моделирующее свойство дневника, фиксирующего душевные, духовные, иногда и физические изменения автора. Зачастую, авто моделирующая функция дневника заявляет себя в повелительной модальности, в которой автор делает очередные записи.

Личный дневник, как правило, содержит три основные тематические линии:

1. Фиксирование и описание внешних событий, свидетелем которых стал автор дневника: дорожных впечатлений, различных коллизий и происшествий, разговоров и сплетен,

2. Описание «внутренних» событий – пришедших идей, душевных состояний, мечтаний, переживаний своих отношений с близкими людьми и проч. Это, по словам Ю.М. Лотмана, «те дневниковые за-

писи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение которого без записи не происходит»⁵.

3. Прямые обращения к самому себе с целью самоизмениться. В этой ипостаси дневник превращает автокоммуникацию в программу собственных будущих действий.

Можно отметить различную модальность, которая обслуживает ту или иную тематическую линию дневника: фиксация и описание внешних или «внутренних» событий, как правило, описывается номинативом или информативом в изъявительном наклонении, тогда как третья линия личного дневника требует повелительного наклонения. Л.Н. Толстой записывает в дневнике от 16 декабря 1850 г.: «С утра писать письма и повесть, съездить на Калымажный двор и в баню, послать в Совет и ко Львову, обедать дома и вечером у князя Андрея Ивановича играть и волочиться за княгиней. Купить сукна и нот после обеда»⁶. Характерно, что в список обязательных для выполнения дел автор включает самоприказ «волочиться за княгиней».

Если фиксирование внешних событий превращает личный дневник в важный источник для реконструкции тех или иных исторических явлений, свидетелем которых стал автор, то вторая линия дневника позволяет восстановить личностную сущность ведущего дневник, заглянуть в его ментальный мир и реконструировать его самоощущения.

Одной из важнейших характеристик авторского «дневникового поведения» может стать самый процесс структурирования *фактов* в *события*. Для этого необходимо обратить внимание на прагматическую линию записей: какие факты автор считает значительными, а какие – пустяками, не достойными внимания. Для точного построения «прагматической шкалы» лучше всего сопоставлять событийную реакцию на один и тот же факт в записях различных дневников (синхронных и исходящих из одного социального и культурного слоя) – при компаративном подходе, или сравнивать записи одного дневника, в которых дифференцируются факты и события.

При реконструкции превращения **факта** в **событие** необходимо помнить плодотворную идею М.М. Бахтина о двусобытийности пове-

ствовательного текста: событие, о котором рассказывается, и событие самого рассказывания. Это означает, что факт может стать событием в рамках конкретной дневниковой записи для конкретного автора, без всякой претензии на всеобщность такой квалификации. Особенно это справедливо для описания «внутренних» событий жизни человека.

Дневниковое тело состоит из элементов, необходимых для осуществления автокоммуникативных функций текста: материалов письма, организации текстового пространства в качестве подневных датированных записей, актов перечитывания прошлых записей. Особенно интересны случаи антропоморфизации дневника или записной книжки: у П.А. Вяземского есть такое автопризнание: «Я просто записная книжка, где жизнь играет роль писца». Иногда человек получает известность исключительно благодаря своему дневнику. Таков, к примеру, «Дневник Марии Башкирцевой».

Как всякий «линейный» нарратив, дневник обладает опасностью возникновения в читательской рецепции каузальных отношений между событиями, по принципу: «после того – значит вследствие этого». Вот почему режим чтения дневника должен включать деконструкцию текстовых спонтанных причинно-следственных отношений.

Еще одна особенность дневникового дискурса: расщепление автора на описываемый персонаж и скриптора. В этом существует возможность и предпосылка для появления эстетического эффекта дневникового дискурса: многочисленные литературные стилизации «под дневник» тому пример.

Воспоминания (мемуары) относятся также к эго-документам и представляют собой весьма ценный исторический источник.

Основой любых воспоминаний является память мемуариста, а потому эти тексты имеют все «родовые признаки» человеческой памяти: неполноту, лакуны, неточности, иногда путаницу имен, названий, событийной канвы. Вот почему нужно быть предельно осторожным при использовании мемуарных источников. Их привлечение в качестве источника заставляет учитывать:

1. *временную дистанцию* между описываемыми событиями и написанием воспоминаний: чем больше дистанция, тем вероятнее ошибки памяти;

2. **степень включенности мемуариста** в события, о которых он пишет: непосредственный очевидец, пользующийся разговорами и слухами или ближайший потомок;

3. **круг источников** мемуаров: только собственная память, показания других очевидцев, записки и дневники, которые велись синхронно событиям;

4. **субъективные интересы** мемуариста: желание отразить событие «как оно было на самом деле», зависить свою роль в событии или иные интересы.

Считается, что самая достоверная линия воспоминаний – это личные ощущения мемуариста, синхронные событийной канве. А самая ненадежная часть мемуаров – прямая речь. А.А. Ахматова говорила, что готова «плюнуть в лицо мемуариста», который через 30 лет воспроизводит прямую речь своих персонажей.

В качестве инструмента для сравнения различных мемуаров можно использовать понятие «плотность текста» – количество конкретных фактов на выбранный объем текста: чем больше примарных фактов приходится на определенный объем сравниваемых воспоминаний, тем выше плотность текста тех мемуаров, где выше этот показатель.

Наконец, **эпистолярный дискурс**, рассмотренный на примере XIX столетия в качестве «эпистолярной пощечины», «розыгрыша» и «дуэли».

Общим местом исследований по русской эпистолярной культуре позапрошлого века стало цитирование известной работы Ю.Н. Тынянова, в которой описывается превращение письма из бытового документа в литературный жанр⁷. Реже цитируется то место статьи «Литературный факт», где автор утверждает, что «...письмо, сыграв свою литературную роль, падает опять в быт, литературы более не задевает, становится фактом быта, документом, распиской»⁸. Нас же письмо будет интересовать не столько как жанрообразующий фактор, но как дискурс, втягивающий в себя не только бытовые и литературные, но и шире – экзистенциальные феномены.

Подход к письму как к определенному типу дискурса предполагает рассмотрение писем в контексте всего процесса письмописания, включая его вполне материальные стороны. Процесс самого письма с соблю-

дением эпистолярного этикета, запечатывание, передача, получение, чтение письма, так же как бумага, чернила, перо – из вещей и процедур факультативного, почти технического свойства, становятся такими же важными, как и само содержание писем: им придается *значение ритуала*, следование (или нарушение) которого получает дополнительный смысл.

Признаком эпистолярной дискурсивности можно считать момент, когда переписка перерастает свое прямое функциональное назначение и обретает самость субъекта, например, свое тело, приметой чего становится антропоморфизация и приписывание субъектных свойств бумаге, чернилу, перу. В поэтическом послании «К перу моему» П.А. Вяземский замечает: «Перо! Тебя давно бродящая рука // По преданной тебе бумаге не водила; // Дремотой праздности окованы чернила...». *Перо* у Вяземского ведет себя как живое существо со своим характером, поступающее, зачастую, против воли хозяина и даже приносящее ему вред. При этом поведение *пера* прямо связано с жанром эпистолы: «Но ты меня с пути сбивало с первых слов! // Приветствием начну, а кончу эпиграммой. // Что ж тут хорошего? В посланиях моих // Нескромности твоей доносчик каждый стих. // Всегда я заведен болтливостью твоею //»⁹. В этом стихотворении, кажется, впервые в русской поэзии складывается метафора пера как оружия («на острие твоём» и «вооружась тобой», говорит поэт, обращаясь к перу).

Существовала целая технология изготовления писчих перьев: гусиные перья «из левого крыла ценятся больше, так как их изгиб удобнее для руки. Для очинки у пера срезали с наружной стороны конец наискось, потом с противоположной стороны, срезывали до половины, так что образовывался полукруглый желобок. На середину конца этого желобка напирала концом острого ножика, держа этот последний вдоль оси пера, так чтобы образовался короткий "расцеп". Раскалывающий кончик ножа, проходя между половинками "расчепа", повреждал их немного, и оне уже не сходились плотно; поэтому, нажимая расколотый конец на ноготь большого пальца левой руки, заставляли трещину распространяться дальше, и расцеп пера образовали из этой правильной части...»¹⁰.

Значение *пера* как части эпистолярного тела подчеркивалась его метонимическими отсылками: по словам П.А. Вяземского, в письме к московскому почтдиректору А.Я. Булгакову, В.А. Жуковский «с своим гениальным шутовством очень забавно определил письмоводительное свойство А.Я. Булгакова: "Ты рожден гусем, то есть все твое существо утыкано гусиными перьями, из которых каждое готово без усталости писать с утра до вечера очень любезные письма"»¹¹. Перо чаще всего упоминается рядом с бумагой: «Боже мой, что здесь за бумага и как чинят перья! Каторга писать, да и полно!» – восклицал Вяземский в письме к жене.

Важно заметить, что устойчивые словосочетания, связанные с *пером*, касаются именно эпистолярного дискурса, а не вообще письма. Так, в одном из писем А.Я. Булгакову на вопрос о своем молчании Жуковский замечает: «Целый месяц не примусь за перо, потому что все время хочу посвятить "Одиссее"»¹². Письменный перевод древнего текста оказывается в сознании поэта никак не связанным с выражением «браться за перо», закрепившимся за письмописанием.

П.А. Вяземский обогатил эпистолярный дискурс еще и «чернильной» метафорой: «...Чернила соблазнительны. Они имеют нечто общее с вином, чтобы не сказать с кровью»¹³. В этом сравнении, которое поэт далее развертывает, акцентируется автоматизм действия чернил («вина», «крови», «желчи») на человека. Чернила, таким образом, из простого технического факта письма становятся соучастником этого действия, а сама метафора «чернила – кровь» на протяжении последующих десятилетий все чаще опредмечивается, демонстрируя свою телесность самым непосредственным образом (стихи, написанные кровью).

Характерный пример антропоморфизации переписки, ее независимости от пишущего, находим в письме И.В. Киреевского к С.П. Шевыреву от 26 октября 1831 г.: «К тому же ты должен знать, что какая-то злая судьба преследует мою переписку с тех самых пор, как я выучился держать перо и, если *жизнь переписки*, так же как жизнь человека, прядется тремя парками, из которых одна начинает, другая продолжает, а третья оканчивает, то у моей переписки, в отличие от других, недостает одно парк, то есть той, которая продолжает. Ты согласишься после этого, что я не виноват»¹⁴.

Признаком сложившегося эпистолярного дискурса можно считать появление метаэпистолярных писем, основным содержанием которых становился самый процесс письма: «Это письмо, которое пишу к тебе в эту минуту, есть ровно тринадцатое написанное в эти последние двадцать четыре часа, – сообщал В.А. Жуковский А.Я. Булгакову, – Я мог бы, по шучьему велению и по моему прошению, просто запечатать в пакет на твое имя письмо мое к Свербеевой; но не хотел брать греха на совесть, не хотел давать тебе повода браниться, не хотел и себя лишиться удовольствия сказать тебе *здравствуй*, что имеет особенное достоинство, когда к сему словцу *здравствуй*, столь легко произносимому словесно, надобно приклеить целый письменный хвост, да еще этот хвост запечатать в пакет и проч. и проч. Вот тебе письмо к Свербеевой. Доставь его. А я страшно устал от своих 12 писем, в числе которых три таких, которых нельзя писать начерно, а надобно переписать четко... Все это должно возбудить великое уважение, тем более что я пишу стоя, что для написания 12 писем надо было отстоять себе ноги, что мои ноги стары, и что теперь жара несносная. И так ты должен поцеловать письмо мое. А что я тебе сказал в этом письме? Ровно ничего. Вот уже конец второй страницы, а ты узнал от меня только то, о чем и говорить бы не следовало, именно то, что я пишу к тебе письмо. Да что же мне впрочем и сказать тебе в эту минуту? Ровно нет ничего. Жарко..., нынче понедельник, завтра вторник. Ну, доволен ли ты? Что же еще?»¹⁵

Эпистолярное тело имеет свои границы и пределы, нарушение которых приводит к его разрушению. Наиболее прочными частями этого тела оказываются технические орудия письма. Перо или бумага могут быть заменены иными предметами, сохраняющими их функциональные свойства. В экстремальных условиях Алексеевского равелина для переписки Е.П. Оболенского и К.Ф. Рылеева бумагой стали кленовые листья, а пером – игла. «Однажды, – вспоминал Оболенский, – добрый наш сторож приносит два кленовых листа, и осторожно кладет их в глубину комнаты, в дальний угол, куда не проникал глаз часового. Он уходит – я спешу к заветному углу, поднимаю листы и читаю: "Мне тошно здесь, как на чужбине, // Когда я сброшу жизнь мою?...".». «У меня, – продолжает Оболенский, – была толстая игла и несколько клочков серой обверточной бумаги. Я накалывал долго,

в возможно сжатой речи все то, что просилось под непокорное орудие моего письма, и, потрудившись около двух дней, успокоился душой и передал свою записку тому же доброму сторожу. Ответ не замедлил. Вот он: "Любезный друг! Какой бесценный дар прислал ты мне! Сей дар чрез тебя... прислал мне сам Спаситель...."». Еще раз получил Оболенский послание на кленовых листьях со знаменитыми стихами «О, милый друг, как внятен голос твой...» Это, по словам декабриста, «была последняя, лебединая песнь Рылеева. С того времени он замолк, и кленовые листья не являлись уже в заветном углу моей комнаты»¹⁶.

Эпистолярное тело, под которым можно понимать совокупность условий, обеспечивающих нормальное функционирование переписки, составляли не одни технические орудия письма, но также некоторые стороны его, например, интенсивность, возможность хранить и перечитывать старые письма, отсутствие тематических запретов. В этом смысле интересный материал дает переписка в экстремальных условиях. В.Н. Фигнер, отсидевшая 20 лет в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости, вспоминает о строгости тюремной цензуры: «Однажды в письме к брату, говоря о бессоннице, Лопатин привел стихи Пушкина: "И на штыке у часового горит полночная луна". И что же? Департамент полиции вернул письмо, требуя изменения текста. На стене крепости ходил часовой, а над крепостью, как над всей землей, бывала луна. Этого было достаточно, чтобы в стихе Пушкина полицейские цензоры усмотрели намек на расположение камеры в тюремном здании»¹⁷.

Тюремный регламент переписки деформировал все стороны эпистолярного тела: «...Получать письма и отвечать разрешалось два раза в год. Два раза! Уже одно это мешало сближению, расхолаживало. К тому же письма не оставляли на руках у нас – мы должны были их возвращать». «Между тем, – пишет Фигнер, – всякий знает, как иной раз приятно при подходящем настроении перечитать старое письмо... Мне приятно видеть почерк близких: когда я бросаю взгляд на полученное письмо, в моем уме тотчас возникает внешний образ автора». По свидетельству революционерки, «...получение письма вызывало не подъем настроения, а тревогу: мы волновались... То было тяжкое волнение людей, которым надобно было забыть, а извне врывается

напоминание и ломает покой души». Из воспоминаний Фигнер «В ожидании, что письмо непременно вызовет тяжелое настроение, Лопатин, если получал письмо перед обедом, откладывал его в сторону, чтобы не испортить аппетита, а потом не читал, чтобы не нарушить послеобеденного отдыха... Да. Письма были не в радость, а в тягость»¹⁸. Не выдержав подобных условий эпистолярного общения, В.Н. Фигнер вовсе отказалась от переписки.

Дискурс обнаруживает себя серьезностью своих проявлений в разных сферах деятельности и тем, что сам становится некоторой деятельностью, сопоставимой, например, с поведением человека. Если бы удалось представить эпистолярный дискурс как последовательность поступков не только в метафорическом, но и реально биографическом смысле, тогда, конечно, право на свой дискурсивный статус письмо получило бы вполне и оправданно. Несколько примеров, приведенных ниже и взятых из разных хронологических «отделов» XIX в., как кажется, обнаруживают изоморфизм реальных и эпистолярных поступков.

По воспоминаниям П.А. Вяземского в годы его отрочества «приглашены были для преподавания мне наук лучшие профессора блестящего периода Московского университета... В числе их должен был быть и Мерзляков. Немецкие профессора добросовестно и аккуратно проливали на меня лучи познаний своих. Один Мерзляков оставался при обещаниях. Наконец отправили меня к нему, чтобы разведать о причине упорного отсутствия его. Не застал я его дома. Мало знакомый тогда с русскими эпистолярными приличиями, оставил я ему записку, которая так начиналась: "Господин Мерзляков, прошу вас" etc. На другой день университетский сторож принес мне на грязном лоскутке бумаги записку, приблизительно такого содержания: "Господин Вяземский, я не школьный учитель, готовый ходить в дом к какому-нибудь немцу, чтобы давать вам уроки. ... С моей стороны амбиция была тоже затронута, и вот чем она разрешилась". ...Мерзляков в то время подписывал стихотворения свои, печатаемые в "Вестнике Европы", следующими буквами *Мрзк* или чем-то подобным.

Разговор

- Ты знаешь ли, мой друг, кто *мерзкий* сочинитель?
- Какие пустяки! Он школьный лишь учитель.

- Да, кто ж тебе сие сказал?
– В письме он сам мне написал»¹⁹.

В этом эпизоде примечательно не столько содержание записки Мерзлякова, понятное по тону, сколько «грязный лоскуток бумаги» на котором она была написана.

Получив первую в своей жизни *эпистолярную пощечину*, Вяземский, как мы видим, не растерялся и ответил первой же в своей жизни эпиграммой. Для нашей темы особенно интересно то, что эту «безграмотную», по его выражению, эпиграмму он обозначил как «мой первый шаг, *mon premier coup de feu*» – мой первый выстрел.

Эпистолярный дискурс, породив многочисленные метафоры письма, строит вместе с тем некоторую дискурсивную практику, помогающую эти метафоры опредмечивать, то есть, в каком-то смысле, осуществлять. Словосочетание *эпистолярная дуэль* воспринимается метафорически. Однако многочисленные случаи, когда причиной реальных дуэлей становилось письмо, заставляют смотреть на эту метафору как на некоторую реальность. Письмо, вызвавшее дуэль, перестает быть просто письменным эквивалентом устного вызова. Оно становится частью дуэльной процедуры. Это хорошо заметно на примере одной из самых трагических дуэльных ситуаций прошлого столетия – пушкинской дуэли. В конспективных заметках Жуковского о последних днях А.С. Пушкина читаем: «...Мое посещение Геккерна. Его требование письма. Отказ Пушкина. Письмо, в котором упоминает о сватовстве. Свидание Пушкина с Геккерном у Е.И. Письмо Дантеса к Пушкину и его бешенство. Снова дуэль. Секундант. Письмо Пушкина...»²⁰. Стилистика конспективной записи заставляет уравнивать глаголы и имена существительные: когда мы воспринимаем как равнозначные слова «посещение», «требование», «отказ», «дуэль», это обусловлено *действием, поступком*, которые стоят за каждым из этих слов. Когда же в одном ряду оказываются слова «дуэль» и «письмо», приходится признать между ними отношения изоморфизма.

Риску предположить, что преддуэльные письма, зачастую, не только становились движущей силой и этапами дуэльных коллизий, но и сами могут рассматриваться как своеобразная дуэль. Обычно зна-

менитое письмо Пушкина барону Геккерну трактуется как решающий шаг, сделавший дуэль неминуемой. По выражению Вяземского, «он излил все свое бешенство, всю скорбь раздраженного, оскорбленного сердца своего, желая, жаждая развязки, и пером, омоченном в желчи, запятнал неизгладимыми поношениями и старика, и молодого».

В письме к своему брату великому князю Михаилу Павловичу император Николай Павлович писал: «Последний повод к дуэли, которого никто не постигает, и заключающийся в самом дерзком письме Пушкина к Геккерну, сделал Дантеса правым в сем деле»²¹. Как видим, столь разные люди совпадают в оценке пушкинского письма как необратимого шага. Интересно, что это письмо император характеризует как «повод, которого никто не постигает». Почти все современники сходятся на том, что решающее письмо Пушкина явно превышает по силе и мощи оскорблений уровень, достаточный как повод для дуэли. Если к этому добавить необычно спокойное поведение поэта после отправки письма – («В тот день, когда письмо было отправлено к Геккерну, Тургенев видел Пушкина два раза, и оба раза Пушкин был весел. Он провел с ним часть утра и видел его веселого, полного жизни, без малейших признаков задумчивости... Пушкин шутил и смеялся»²²), – то можно предположить, что для поэта отправленное письмо имело значение не меньшее, чем выстрел на поединке, об этом же говорит и факт копирования Пушкиным своего письма барону Геккерну.

Указанием на то, что эпистолярная дуэль это не метафорическая фигура, но некоторая реальность, может служить устойчивый документальный комплекс, составленный неизвестным и отложившийся в рукописном отделе РГБ²³. Комплекс насчитывает 13 писем и записок: от пресловутого ордена Рогоносцев до письма П.А. Вяземского к А.Я. Булгакову от 5 февраля 1837 г. Составление такого комплекса, казалось бы, дублирует многочисленные описания этого сюжета его современниками, в том числе и в пространных письмах. Но на самом деле последовательное чтение таким образом собранных эпистолярных напоминает дуэльную перестрелку. Показательны те выводы, которые сделал П.А. Вяземский в письме к А.Я. Булгакову: «Пушкина в гроб положили и зарезали жену

его городские сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургских салонов и безымянные письма... Анонимные письма причина всего: они обдали ядом раздражительное сердце Пушкина, ему с этой поры нужна была кровавая развязка»²⁴.

Иным проявлением эпистолярного дискурса был в XIX в. *эпистолярный розыгрыш*. Пример такого розыгрыша находим в мемуарах А.Г. Достоевской: «18-го мая 1876 года произошел случай, о котором я вспоминаю почти с ужасом. Вот как было дело: в "Отечественных записках" того года печатался новый роман С. Смирновой под названием "Сила характера". Федор Михайлович был дружен с Софьей Ивановной Смирновой и очень ценил ее литературный талант... В романе, между прочим, было помещено анонимное письмо, посланное каким-то негодяем герою романа». В этом письме аноним обвинял жену героя в измене с неким «брюнетом», а в качестве доказательства сообщал: «А коли вы мне не верите, так у вашей супруги на шее медальон повешен, то вы посмотрите, кого она в этом медальоне на сердце носит...» Замысел А.Г. Достоевской состоял в том, чтобы «переписать это письмо (изменив и вычеркнув две-три строки, имя, отчество) и послать его на имя Федора Михайловича: «Мне представлялось, что он, только вчера прочитавший это письмо в романе Смирновой, тотчас же догадается, что это шутка, и мы вместе с ним посмеемся... Следовало несколько замаскировать шутку, и вот я принялась переписывать письмо другим, более круглым, чем мой, почерком. Но это оказалось довольно трудно, и мне пришлось испортить несколько почтовых листов... Назавтра утром я бросила письмо в ящик, и оно среди дня было доставлено нам почтою вместе с другой корреспонденцией». Однако расчет Анны Григорьевны не оправдался, разыгралась бурная сцена ревности: «По-ка-жи ме-даль-он! – закричал во весь голос Федор Михайлович; я поняла, что моя шутка зашла слишком далеко, и, чтобы успокоить его стала расстегивать ворот платья. Но я не успела сама вынуть медальон: Федор Михайлович не выдержал обурававшего его гнева, быстро надвинулся на меня и изо всех сил рванул цепочку... открыл медальон и увидел с одной стороны – портрет нашей Любочки, с другой – свой собственный... Вот ты все смеешься, Анечка, – заговорил виноватым голосом Федор Михайлович, – а, по-

думай, какое могло бы произойти несчастье! Ведь я в гневе мог задушить тебя!»²⁵. Описанный А.Г. Достоевской эпизод интересен не только для понимания психологического облика писателя, но и как проявление могущества эпистолярного дискурса.

Сила эпистолярного дискурса проявилась в его влиянии на эстетический дискурс. «Ревизор» Н.В. Гоголя, с этой точки зрения, может быть рассмотрен как эпистолярная интрига: в самом деле действие комедии начинается с получения письма («Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова», – говорит городничий) и заканчивается чтением перехваченного письма. Но дело не только в эпистолярной рамке гоголевской пьесы. Мотив письмописания – один из ведущих в этом тексте. Обратим внимание на удивительное совпадение высказываний гоголевского почтмейстера и реального П.А. Вяземского о письмах: «Я вам скажу, – говорит почтмейстер, – что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтешь – так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в "Московских ведомостях"!.. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем: есть прекрасные места»²⁶. П.А. Вяземский: «По мне, в предметах чтения нет ничего более занимательного, более умильного, чтения писем... Записки не имеют в себе того выражения истинной жизни, какими дышат и трепещут письма»²⁷. Почти дословное совпадение, на самом деле, указывает на огромную разницу в позициях литературного персонажа и поэта, но и подчеркивает амбивалентность самого эпистолярного дискурса.

В пользу особого статуса эпистолярного поведения говорит тот факт, что эпистолярный дискурс порождает такие поведенческие формы, которые могут существовать только в письмах. Можно, например, вполне говорить об эпистолярном смехе в разных его проявлениях – от шутки до скабрзности. В одном из писем П. Вяземского к А. Булгакову: «Податель сего письма итальянский путешественник маркиз Дада, да, да! Дада, чему ж тут удивляться?» Игра с именем итальянца проходит через весь текст: «Везет письмо Дада, нет, нет...»²⁸

Совершенно иной тип смеха находим в письме В.А. Жуковско-го к А.Я. Булгакову, написанном из Баден-Бадена 15 марта 1850 г.: «Меня всякий раз тошнит, когда приносят мне газеты. Покойный

Франкфуртский парламент делал, однако, одно доброе дело: я подписался на стенографические протоколы его заседаний, и вот уже более года как подтираю ежедневно жопу этими протоколами: бумага мягкая, немецкие речи длинны, скопилась ужасная кипа очистительных подтирок, и, так как все эти немецкие речи имеют сродство с тем, что у меня каждое утро выходит противоположным полюсом тому, из которого в начале своем эти речи исходили, то и вышло, что с тех пор как началась эта операция в низких регионах телесного моего состава, то есть с тех пор, как я немецким Парламентом подтираю свою русскую жопу, мои запоры прекратились, и никогда не производил я таких огромных кренделей моим задом, какие произвожу теперь во славу Германского союза»²⁹. Булгаков поделился эпистолярным смехом с Гоголем и переслал ему письмо Жуковского. На это Гоголь отвечал: «Несказанно обязан за письмо Жуковского, которое при сем возвращаю с чувствительнейшею благодарностью. Что общий друг наш разгневался на немцев, в том нет ничего удивительного. Но я очень рад, что немецкие стенографические протоколы франкфуртских заседаний подействовали, как он выражается, благотворительно на низшие регионы его телесного состава и на печенье кренделей. От этого у него голова становится обыкновенно светлей, и мы можем ожидать из нее выхода еще многого добра»³⁰. В письме Гоголя раблезианский смех Жуковского затихает. Невозможно представить подобные формы комического в устной беседе или в ином, кроме эпистолярного, виде.

Для некоторых людей XIX в. письма стали либо их «главной литературой» (П.А. Вяземский), либо основой жизнестроительства (А.Я. Булгаков). В письме к жене Вяземский значение переписки выразил так: «Я рожден для писем: нигде так не выливаюсь, как в них... Мне жаль, что не увижу своих писем в печати, а быть им в печати, если только крысы их не съедят. Во-первых, появление их в печати, то есть возможность появления их в печати, будет уже хорошим знаком общей температуры. Надобно барометру очень возвыситься, чтобы вынести меня на воздух. Если Павлуша [сын Вяземского – Ю.Т.] станет продавать мои письма, то за них дадут ему 500 рублей, по крайней мере. Смотри, Павлуша, держись, не уступай, право, за одно сегодняшнее дадут 500 рублей...»³¹.

За осуществление предсказания П.А. Вяземского эпистолярный дискурс заплатил дорого: утрата эпистолярной культуры резко понизила коммуникативную цену письма, зато возросла его антикварная стоимость. По поводу одного своего письма, написанного еще в 1830-е гг. и испещренного пометами А.С. Пушкина, Вяземский, спустя несколько лет, заметил: «Хотел бы иное исправить, другое выключить, но поздно: написанное написано, не вырубишь его топором не только на бумаге, но также и из своей жизни, а впрочем и хорошо, что не вырубишь. Это дает силу и власть слову. Теперь замерла животрепещущая нота, которая свежо и сильно звучала в этой свободной речи...»³². Телеграф, а затем и телефон, продолжали разрушать тело эпистолярного дискурса, который постепенно перешел из активного состояния в «археологическое».

Интернет окончательно изменил переписку: электронная версия письма не стала даже отдаленной копией бумажной эпистолы, изменив словарь, стилистику и даже поэтику письмописания. Но это уже тема иного исследования.

Примечания

¹ Толстой Л.Н. Собр. соч. в 20-и тт. М., 1965. Т. 19. С. 47.

² Бахтин М.М. Человек у зеркала // Бахтин М.М. Собр. соч. М., 1996. Т. 5. С. 71.

³ Гагарин И. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка. М., 1996. С. 51.

⁴ Там же. С. 53. Характерна сама инверсия: сначала – чтение, потом – запись своих мыслей.

⁵ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 25.

⁶ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 51.

⁷ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 265.

⁸ Там же. С. 266.

⁹ Вяземский П.А. Соч. в 2-х тт. М., 1982. Т. 1. С. 69–70.

¹⁰ Писние перья // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 46. С. 701.

¹¹ Вяземский П.А. Воспоминание о Булгаковых // Русский архив. 1868. № 9. Стлб. 1443–1444.

¹² Там же. Стлб. 1475.

¹³ Вяземский П.А. Указ. соч. Т. 2. С. 241.

¹⁴ Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 305.

¹⁵ Письма В.А. Жуковского к Московскому почтдиректору А.Я. Булгакову // Русский архив. 1868. № 9. Стлб. 1463.

- ¹⁶ Воспоминания кн. Е.П. Оболенского // *Общественные движения в России в первой половине XIX в.* / сост. В.И. Семевский. СПб., 1905. Т. 1. С. 251–253.
- ¹⁷ Фигнер В.Н. Запечатленный труд: Воспоминания в двух томах. М., 1964. Т. 2.
- ¹⁸ Там же. С. 134, 137.
- ¹⁹ Вяземский П.А. Указ. соч. Т. 2. С. 247–248.
- ²⁰ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: в 2-х кн. М., 1987. Кн. 2. С. 11.
- ²¹ Там же. Кн. 1. С. 152.
- ²² Там же. С. 155.
- ²³ НИОР РГБ. Ф. Пог./Ш. К. 9. Д. 53. Л. 10 об. – 11.
- ²⁴ Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1909. Т. 5. Вып. 1.
- ²⁵ Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1981. С. 297–300.
- ²⁶ Гоголь Н.В. Соч. в 2-х тт. М., 1875. Т. 2. С. 14–15.
- ²⁷ Вяземский П.А. О письмах Карамзина, 1866 // *Полн. собр. соч.* Т. VII. СПб., 1882. С. 135–136.
- ²⁸ НИОР РГБ. Ф. 41. К. 69. Д. 31. Л. 16–17.
- ²⁹ НИОР РГБ. Ф. 27. Д. 16. Л. 4–4 об.
- ³⁰ НИОР РГБ. Ф. 199. Д. 12. Л.
- ³¹ Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1909. Т. 5. Вып. 1.
- ³² Вяземский П.А. *Полн. собр. соч.*: в 12-и тт. Т. II. СПб., 1879. С. 213.

ЭГО-ИСТОРИЯ И ЭГО-ИСТОЧНИКИ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Продуктивное освоение предметного пространства эго-истории предполагает осмысление ее источниковой базы – выявление совокупности / системы исторических источников, обращение к которой позволит осуществлять исследования наиболее эффективно. Но решение этой проблемы невозможно без предварительной рефлексии по поводу эго-истории – рефлексии хотя бы на уровне гипотезы.

Исследовательская гипотеза

Зададимся сначала вопросом: что такое эго-история – каков ее статус в пространстве интеллектуальной истории, под которой – в широком смысле – мы понимаем изучение рефлексивного / осмысленного отношения человека к миру? Эго-история – социокультурная практика индивидуального формирования собственной идентичности? Эго-история – одна из практик историописания? Эго-история – предметное поле актуального исторического знания? Конечно, все эти ипостаси присутствуют в эго-истории, причем в сложных сочетаниях и взаимодействиях. Но для выбора оптимальных стратегий эго-истории их необходимо аналитически дифференцировать.

В первом случае наша задача чисто источниковедческая – выделить / классифицировать и охарактеризовать эго-документы как особый вид или группу видов исторических источников.

Во втором случае необходимо поместить эго-историю в контекст истории исторического знания, соотнести ее с научным историческим знанием и другими типами историописания. Характеризуя ситуацию начала XXI в., отметим лишь один значимый в рамках настоящего исследования фактор: разрыв научного исторического знания и социально ориентированного историописания¹, в соотнесении с последним и целесообразно рассматривать эго-историю. Ошибочно было бы, на мой взгляд, рассматривать эго-историю как *направление* в истории

исторической науки, наряду, например, с гендерной или локальной историей, хотя искушение такое явно существует. Если рассматривать *направление* как область научного исторического знания, предполагающее особый ракурс рассмотрения исторической реальности, то, казалось бы, именно эго-история и обеспечивает этот «особый ракурс», но не надо при этом забывать, что речь идет именно о научных направлениях, а эго-история, несомненно, – практика социально ориентированного историописания.

В третьем случае очевидно, что ответ придется искать в полидисциплинарном пространстве, рассматривая эго-историю (ее предмет) как исследовательский конструкт современной историографии. В этом случае эго-история, наряду, например, с новой локальной историей, выступает как *предметное поле* современного исторического знания. Под предметными полями мы разумеем структурные составляющие современного научного исторического знания, для которых характерно целенаправленное конструирование исторического объекта; последний, будучи сконструированным, выступает в качестве самостоятельного предмета исследования.

Формирование в конце XX в. и актуализация в начале XXI в. предметного поля эго-истории маркирует новую познавательную ситуацию, сложившуюся на рубеже XX–XXI вв. в изучении и конструировании истории. На мой взгляд, эти два периода – конец XX и начало XXI в. – существенно различны в социокультурном плане и соответственно в теоретико-познавательных ситуациях. Эго-история, начиная с 1987 г., формируется в контексте постмодернистского проекта деконструкции². Оставим эту стадию за пределами нашего анализа, поскольку предмет настоящего исследования – социальные функции эго-истории в актуальной ситуации постпостмодерна начала XXI в., для которой характерно, напротив, конструирование коммеморации. С этой точки зрения эго-история, понимаемая как практика социокультурной идентичности, обретает особую актуальность, способствуя преодолению постмодернистской разобщенности. В качестве таковой она и конституируется как предметное поле современной исторической науки.

Итак, с точки зрения предложенной исследовательской гипотезы эго-история – это, с одной стороны, социокультурная практика формирования индивидуальной исторической памяти в условиях выхода из кризиса идентичности, связанного с ситуацией постмодерна, базовой характеристикой которой является кризис доверия к историческому метарассказу, а адекватным направлением исторического знания – микроистория. С другой стороны, изучение этой социокультурной практики в ее исторической ретроспективе и составляет предмет эго-истории как предметного поля исторического знания.

Приведенное рассуждение вовсе не имеет целью поставить под сомнение целесообразность изучения «эго-документов» более раннего, чем постмодерн, периода, а влечет за собой единственный вывод: конструирование предмета эго-истории применительно к Новому времени (то есть периоду до постмодерна) представляет существенную сложность, в том числе и с точки зрения формирования источниковой базы.

Эго-источники или источники эго-истории?

В литературе встречаются понятия «эго-источники» / «эго-документы». По моим наблюдениям, оно пока не вошло в систему видовой классификации, а является собирательным понятием синонимичным более громоздкому, но и более точному «источники эго-истории». На настоящем уровне источниковедческой рефлексии, по-видимому, говорить об *эго-источниках в строгом смысле слова* можно только начиная с последних десятилетий XX в., со времени возникновения устной истории (датой ее рождения, по-видимому, можно считать 1948 г., когда был создан Центр устной истории при Колумбийском университете, ориентированный на запись воспоминаний участников Второй мировой войны; но распространение она получает чуть позже – с 1960-х гг., то есть фактически одновременно с кризисом доверия к историческому метанарративу) и собственно проекта эго-истории (реперная точка здесь 1987 г. – выход книги эго-историй, собранных П. Нора). В перспективе стоит обратить внимание еще на одну группу исторических источников, принадлежащих к иному, нежели письменные, типу, пока еще слабо освоенному источниковедением – *Internet-ресурсы*, типология которых также нуждается в разработке³.

В более широких хронологических границах речь пока должна идти об *источниках эго-истории*, что заставляет поставить вопрос о том, какие виды исторических источников когерентны ее проблематике.

Однако очевидно, что проблема эго-источников требует дополнительной разработки в контексте общей проблемы классификации исторических источников. Зададимся двумя вопросами: 1) могут ли быть выделены эго-источники как особый *вид в корпусе исторических источников Нового времени*; 2) какие виды исторических источников (уже разработанные в источниковедении) стоит рассматривать в качестве источников эго-истории в первую очередь?

Если мы сможем профессионально грамотно ответить на второй вопрос, то сможем ответить и на первый. Логика здесь такая. Феноменологическая концепция источниковедения, восходящая к теоретико-познавательной концепции А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919 гг.), в период с 1939 г. по 2011 г. институционально оформившаяся на основе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 г. – РГГУ; с 1994 г. – кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин) и после ликвидации кафедры консолидированная на основе сайта Источниковедение.ru⁴, основывается на утверждении о целенаправленном создании произведения / интеллектуального продукта в связи с *реализацией той или иной социальной функции*. О.М. Медушевская (1922–2007 гг.), выведшая феноменологическое направление источниковедения на новый концептуальный уровень когнитивной истории, воспроизводит логику концепции следующим образом: «Данный подход позволяет утверждать, что универсалия создания продукта является основанием единого подхода к изучению заложенного в продукте информационного содержания. Этот метод имеет свою последовательность задач и их решения, свой алгоритм. Мы утверждаем далее, что универсалия создания продукта имеет собственную схему: продукт создается как изделие, он всегда соединяет функцию, которую он будет выполнять, и структуру, приданную ему для оптимального эффективного осуществления этой функции. Данный подход позволяет утверждать, что набор структур и функций, исторически изменяясь, создает однотипные множества продуктов, имеющих об-

щие видовые свойства. Определяя вид как класс интеллектуального продукта, имеющего общую эталонную структуру, можно далее рассматривать возникновение, исчезновение и распространение тех или иных видов интеллектуального продукта: вид – индикатор происходящих изменений и основная единица для вдовой историко-источниковедческой компаративистики»⁵.

Таким образом, разрабатывая традиционные виды исторических источников под определенным углом зрения, мы сможем ответить на вопрос (предложить гипотезу): создавали ли люди и, если создавали, то в какие эпохи (например, в Новое время), в каких социокультурных ситуациях, какие-либо источники целенаправленно для фиксации, – точнее, конструирования, – исторической памяти? Вполне очевидно, что поиск изначально пойдет по двум направлениям: *историографическому* и *источниковедческому*. Историографическое направление, казалось бы, само собой разумеется, поскольку историография изучает историческое знание, а его базовая функция – обеспечение идентичности через конструирование общей социальной памяти. Но все не так очевидно: нас ведь интересует эго-история, а изучаемое историографией историческое знание призвано конструировать коллективную память и, в первую очередь, создавать коммеморацию национально-государственного уровня.

Источниковедческое направление приводит к казалось бы очевидному ответу: источники эго-истории – это мемуары и иные источники личного происхождения, которые, естественно, фиксируют самоидентификацию индивидуума. При таком подходе, по-видимому, можно было бы даже рассматривать понятие «эго-источники» / «эго-документы» как отчасти синонимичное понятию «источники личного происхождения» и даже, попытавшись сломать традицию, отдать первому из этих двух понятий приоритет: ведь понятие «источники личного происхождения» фокусирует внимание на происхождении источника в приватной сфере его автора (что не всегда корректно), а понятие «эго-документы» отсылает нас к социальной функции исторического источника, что является основой источниковедческой классификации.

Но есть и обстоятельства, препятствующие такому «переименованию». Поскольку потребность в идентичности, как утверждают пси-

хологи, относится к первичным социальным потребностям индивидуума, то этот фактор присутствует во всех исторических источниках, а если учитывать принадлежность изучаемых историками социумов к историческому типу культуры, то и историческая составляющая там непременно присутствует. Но нам надо выделить те источники, в которых акцент делается на выстраивание идентичности через оторефлексируемое, в той или иной степени, соотнесение себя / своей жизни с историей, пусть и не с глобальной историей, но хотя бы с историей локального социума; те источники, в которых фактор истории как историческая составляющая самоидентификации индивидуума присутствует не в снятом виде, а в той или иной мере эксплицирован.

По-видимому, ближе всего к искомому образцу подходят мемуары, в первую очередь та их разновидность, которую можно назвать мемуары – современные истории⁶. Мемуары – «современные истории» представляют собой вид источников личного происхождения, целью которых выступает *индивидуальная фиксация общественно значимых событий для передачи их в эволюционном целом*. Именно эта характеристика вводит мемуары – современные истории в круг источников эго-истории. Но и этот источник обладает существенными недостатками с точки зрения соответствия задачам изучения эго-истории: мемуары – современные истории, решая задачу позиционирования автора в социокультурном пространстве его современности, как правило, не обладают существенной исторической глубиной. С другой стороны, необходимо учитывать и еще одно обстоятельство, связанное с порождением мемуаров – современных историй, а именно степень влияния на автора социального контекста. Например, хорошо известно, что в России Отечественная война 1812 г. породила обширный корпус мемуарных произведений⁷. Примечательность его в том, что он инициирован общественно значимым событием. И далее на протяжении XIX–XX вв. любое общественно значимое событие вызывало к жизни более или менее обширную мемуаристику. Такого рода «социальный заказ» неизбежно влиял и на содержание мемуаров: авторы, освещавшие одно и то же событие, не могли не учитывать уже высказанные другими авторами (не обязательно мемуаристами, но и публицистами, историками) точки зрения, консолидируясь или полемизируя с ними.

На этом можно было бы остановить собственно источниковедческие поиски эго-источников в узком смысле, поскольку очевидно, что эго-история может быть реконструирована преимущественно на основании источников личного происхождения, но такая реконструкция потребует существенных эвристических усилий, поскольку такого рода информация, как правило, представлена в источниках фрагментарно, если не точечно⁸. Хотя, – подчеркнем еще раз, – в результате реализации проекта «История Урала в эго-документах (XVIII – середина XX в.)» возможно выделение корпуса исторических источников, которые логично будет выделить в соответствующий кластер.

Краеведческие работы как источники эго-истории

Продолжим поиск в междисциплинарном пространстве историографии (истории исторического знания) и источниковедения. Различение исторических источников и историографии обычно относят к первоначальным профессиональным навыкам историка. Однако такое различие осмысленно только в рамках классической модели науки, утратившей свою актуальность еще в конце XIX в. Очевидно, что понимание, исторического источника как интеллектуального продукта автоматически вводит историографические работы в круг исторических источников, а активно формирующееся в последнее время предметное поле источниковедения историографии позволяет нивелировать это различие на уровне метода и исследовательских методик. Под источниковедением историографии в фенеоменологической концепции источниковедения понимается предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. При таком подходе объектом источниковедения историографии является система видов историографических источников – произведений историков, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания как научного, так и социально ориентированного; предмет – порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках.

Если рассматривать эго-историю как одну из практик историописания, стоит обратиться к феномену *исторического краеведения* как социально ориентированного исторического знания. Принципиально важно отличать краеведение как социально ориентированное историописание от локальной истории как исследовательской практики исторической науки⁹. *Историческое краеведение* как самостоятельная область исторического знания, предметом которого является история места (локуса), конституируется в неклассической науке, в условиях кризиса линейной модели национально-государственного историописания и начала разрушения иерархической структуры исторического знания. Это происходит в начале XX в. По-видимому, тогда же появляется само понятие «краеведение»¹⁰. Подчеркнем одну особенность исторического краеведения, заложенную в нем уже в момент выделения из исторической науки: оно не подчинено жестко национально-государственному нарративу, понимается (чаще имплицитно) как равноправная, рядоположенная «большой» истории область историописания. Именно эта особенность исторического краеведения, на мой взгляд, и заставляет присмотреться к нему в связи с выявлением источников эго-истории. Конечно, историческое краеведение как социально ориентированная практика историописания претендует на конструирование локальной (большого или меньшего масштаба) идентичности. Но вопрос о соотношении локальной идентичности и «эго-идентичности» историописателя-краеведа неминуемо должен быть поставлен.

Таким образом, в междисциплинарном пространстве источниковедения и историографии мы выделили два вида исторических источников, когерентных проблематике эго-истории. *Мемуары* – *современные истории*, создание которых свойственно для обозначенного в проекте периода, и *краеведческие работы*, характерные для социально ориентированной истории с начала XX в.

Еще раз подчеркнем: одной из целей (или сопутствующих результатов) разработки *источников эго-истории* может, по-видимому, стать обособление *эго-источников* как самостоятельного кластера в системе классификации исторических источников. Но может и не стать: источниковедческий итог исследовательского проекта открыт, что совершенно нормально для научного исследования.

Но один результат можно отнести к явно ожидаемым. Изучение источников эго-истории применительно к отдельным регионам имеет существенное значение для новой локальной истории, которую отличает, в первую очередь, конструирование своего объекта – локуса, границы которого определяются пространством локальной идентичности, выявляемой, в том числе, и при исследовании источников эго-истории.

Примечания

¹ Подробнее см.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Социально ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве: приглашение к дискуссии // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX – XXI вв. М., 2012. С. 274–290.

² *Essais d'ego-histoire / reunis et presentes par P. Nora.* Paris, 1987. См. также: Троицкий Ю.Л. Эго-история // Дискурс: коммуникация, образование, культура. Новосибирск, 1996. № 1. С. 85–87.

³ См., напр.: Екатеринбург Он-лайн: Электронный ресурс. URL: <http://www.e1.ru/talk/forum/read> (дата обращения – 4 июля 2013 г.). Этот комплекс исторических источников разработан: Махов А.[С.] Паттерны повседневного знания о прошлом на Екатеринбургском веб-форуме // Гефтер: Электронный ресурс. URL: <http://gefter.ru/archive/4920> (дата обращения – 4 июля 2013 г.).

⁴ Источниковедение.ru: Электронный ресурс. URL: <http://ivid.ucoz.ru/> (дата обращения – 4 июля 2013 г.).

⁵ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 226.

⁶ В свое время, ориентируясь на сложившуюся в английской историографии терминологию, мы предложили классифицировать мемуары на два вида – мемуары-автобиографии и мемуары – современные истории. Подробнее см.: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2004. С. 466–485.

⁷ Корпус мемуарных произведений, порожденных событиями 1812 г., исследован А.Г. Тартаковским. См.: Тартаковский А.Г. 1812 г. и русская мемуаристика. М., 1980.

⁸ Правда, есть и исключения. См., напр.: Маловичко С.И. Выпускное сочинение гимназиста середины XIX в. как феномен историописания // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: сб. статей: в 2 тт. М., 2013. Т. II. С. 396–418.

⁹ О различении понятий «историческое краеведение», «локальная история», «новая локальная история», «региональная история» см.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. статей. Ижевск, 2012. С. 3–10.

¹⁰ Понятие «краеведение» отсутствует во всех наиболее известных толковых словарях XIX – начала XX в.: у В.И. Даля, у Ф.А. Брокгауза и И. А. Ефрона, у братьев А. и И. Гранат. Оно появляется только в начале XX в. в академическом «Словаре русского языка» (под ред. А.А. Шахматова, 1891–1916 гг.).

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ЭГО-ДОКУМЕНТ:
К ПОСТАНОВКЕ И ОБСУЖДЕНИЮ ПОДХОДА¹**

Историографический казус. Сравнительно недавно, на конференции в Екатеринбурге «Историк, текст, эпоха» (УрФУ, 2012)², один известный екатеринбургский историк, выступая с докладом, признался, что впервые в своей лексике использует понятие «эго-документ» применительно к источникам личного происхождения. Он сослался на коллективную монографию омских историографов³, откуда заимствовал этот термин. При этом в его словах и интонациях присутствовала смесь ироничного отношения к этому конструкту и существенная доля сомнения в отношении его безоговорочного употребления; понятие воспринималось как интеллектуальный изыск, несколько чуждый и не освоенный в нашей научной культуре. Я внутренне напряглась от подобной рефлексии, поскольку мое выступление как раз предполагало выход на текст – источник, который я была склонна отнести к категории эго-документов⁴. Но признаюсь, что и в моем опыте опора на это понятие тоже была первой попыткой, правда, гораздо более оптимистичной относительно восприятия данного неологизма, чем у коллеги – приятеля. Только по истечении некоторого времени удалось реализовать личную потребность в прояснении для себя ситуации с этим лексическим изобретением и его историей. Углубление в проблему вызвало полное смущение, заставившее вспомнить известный пушкинский укор: «...Мы ленивы и нелюбопытны...».

Историографический опыт. «Просветителем» выступил И.В. Нарский, хорошо знакомый с западноевропейской методологией. В своей «Фотокарточке на память» он ввел сюжет о «субъективности историографического». В этой связи ему понадобилось вхождение в историю субъективности и происхождения понятия «ego-document»⁵. Дальнейшее погружение в проблему открыло имена российского историка Ю.П. Зарецкого, польского специалиста в области истории литературы Л.Ф. Луцевич, которые каждый по-своему выступают

проводниками западноевропейского и восточноевропейского представлений об эго-документах и являются интерпретаторами этого понятия. Имеются исследования, обращенные к эго-документам со стороны философов⁶. О распространенности в отечественной практике применения термина эго-документ свидетельствует появление учебных курсов, обращенных к этому понятию/явлению. В 2011 г. в РГГУ зафиксирован спецкурс Е. Ляминой для филологов под названием «"Эго-документы" русского дворянства (конец XVIII в. – первая треть XIX в.): эвристическая, биографическая, культурная проекция»⁷.

Через общий контекст этих интеллектуальных опытов открывается гораздо более масштабная картина выработки и функционирования понятия «эго-документ» в западноевропейской культурной среде, породившей этот интеллектуальный феномен.

История возникновения понятия отправляет нас к середине XX в., когда в 1958 г. голландский историк Якоб (Жак) Прессер «изобрел» этот термин («egodocument») и попытался впервые определить его границы, предложив им «обозначать такие тексты, в которых автор что-то повествует о своей личной жизни и мире собственных чувств». Подчеркивается, что впоследствии он склонялся к более широкому толкованию введенного понятия, «сделав его собирательным для всех источников, в которых эго намеренно или нет рассказывает либо, напротив, скрывает себя»⁸.

Наблюдая за национальными вариациями процессов интерпретации и модификации термина эго-документ в сообществах голландских, французских, английских и немецких ученых, Ю.П. Зарецкий обратил внимание на наметившуюся с 1990-х гг. характерную тенденцию расширительного его понимания, что присуще многим последователям Я. Прессера⁹. Например, в 1990-е гг., немецкими историками, наряду с использованием термина Ego-Documente в научный оборот было введено еще одно понятие – «свидетельство о себе» (Selbstzeugnis)¹⁰. Возможно, данную вариацию термина/понятия «эго-документ» имела в виду историк русской литературы из Варшавы Л. Луцевич, когда вывела его своеобразную формулу-определение: «Эго-документ – слово, производное от двух слагаемых латинского происхождения (лат. ego – я + лат. document – свидетельство, доказательство), имеющее

значение – я свидетельствую (о себе)»¹¹. Подобное толкование стоит ближе всего к привлекательной позиции В. Шульце, представившего еще в 1992 г. «расширительную», по определению Ю. Зарецкого, «интерпретацию того, какие именно тексты следует считать эго-документами». Версия немецкого историка опирается на убеждение, что любое историческое свидетельство, дающее возможность «услышать» человека, заявляющего о себе, может идентифицироваться как эго-документ, даже если оно явилось результатом какого-либо внешнего принуждения, повлекшего, например, возникновение прошения или протокола допроса.

Источниковедческо-историографическое рассуждение. Исследования Ю.П. Зарецкого раскрывают широкую панораму происхождения интересующего нас понятия, проистекающего из интереса западноевропейских ученых к комплексам переписки, автобиографий, мемуаров, дневников в целях проникновения в мир человека и контекст его эпохи, определявшей формы и способы самоидентификации личности. Важно подчеркнуть при этом, что эго-документы в исследовательских практиках зарубежных коллег входят в актуальное поле научных интересов широкого круга гуманитариев, что позволяет задавать научным штудиям междисциплинарный характер.

Смысловая и типологическая связь западноевропейского понятия «эго-документ» с видовым комплексом источников, который в российской источниковедческой традиции обозначают как «источники личного происхождения», несомненна. В то же время нетрудно заметить, что как раз «расширительный» подход к пониманию эго-документов, «нарушает» отмеченную отечественную традицию, характеризующуюся более «жесткими» границами видовой идентификации источников. Вид источника в теории источниковедения¹² связывается с его функциональным предназначением и воспринимается в контексте его социальной роли и целеполагающих установок, имманентно связанных с интересами и волей его создателя. Устоявшаяся в отечественной науке теория и практика понимания природы источника может вызвать определенное противоречие и даже конфликт подходов при безоговорочной попытке применить термин «эго-документ» к группе источников личного происхождения, если бы мы желали сохранить

верность принципам видовой классификации источников. Есть ли выход из этой ситуации? Думаю, что «да». Мне представляется, что две традиции идентификации источника вполне могут существовать параллельно, более того, *сосуществовать*, обогащая друг друга теоретическими идеями, источниковедческими и историографическими практиками. Залогом взаимодействия разных моделей подходов является, на мой взгляд, общая – антропологическая – природа любого источника/свидетельства. Ведь, так или иначе, в той или другой степени, намеренно или ненамеренно, каждый источник является носителем «свидетельств о себе». Некоторой поддержкой в таком подходе может служить позиция Г.И. Зверевой, поставившая еще на рубеже XX–XXI столетий проблему изучения «самопознания историков»¹³.

Замысел статьи. Краткий обзор некоторых идей относительно смысла и границ понятия «эго-документ» позволяет подойти к формулировке замысла статьи. Он определяется необходимостью определить смысл некоторых интеллектуальных феноменов, имеющих историографическую природу. Потребуется наметить и в какой-то мере раскрыть: что такое «историографический текст», и каково его соотношение с понятием «историографический источник». Другая сторона подхода заставит определиться с категоризацией интересующих историографов текстов, которые могут соответствовать актуализируемому понятию «эго-документ». Наконец, предстоит очертить некие параметры, позволяющие квалифицировать разновидности историографических текстов как эго-документы. Само собой разумеется, что эти аспекты в рассуждениях автора статьи носят постановочный характер.

Историографический текст-1. Позволю себе припоминание еще об одной конференции, прошедшей в Москве в 2008 г.¹⁴ На секционном заседании «Историография и ее история» в контексте обсуждения выступлений ее участников в оборот вошло понятие «историографический текст/тексты» и сложилось общее мнение об актуальности выработки принципов их изучения. И.Е. Рудковская в рамках своей темы высказала мнение об оправданности «перенесения принципов составления "генетического досье" из источниковедения в область историографических исследований», о том, что уровень изученности

историографических текстов существенно ниже в сравнении с опытом источниковедения. В связи с этим прозвучала мысль, что перед историографами возникает «масштабная задача» выработки коммуникативной стратегии исследования текстов, раскрывающих творческий потенциал историков, выступающих их создателями¹⁵. Идея была поддержана в ходе обсуждения.

Возникает закономерный вопрос об определении понятия «историографический текст». На мой взгляд, подходить к его решению нельзя без уточнения понятия «историографический источник».

Историографический источник. Проблема историографического источника в последнее время приобретает дискуссионный характер. Имеющийся опыт обращения к этому понятию не повлек попыток каких-либо четких его дефиниций. Как правило, историографы ограничиваются изложением своего понимания того, какой круг источников в их видовом разнообразии, используемых в исторической, а шире – гуманитарной области знаний, можно включить в границы историографического наблюдения. Эта ситуация не случайна, поскольку на теоретическом уровне, как мне представляется, применительно к любой области исторического знания, в том числе историографии, корректнее говорить об использовании информационного ресурса различных видов источников. Поэтому определение «историографический» видится мне лишь своеобразным маркером, обозначающим совокупность источников, использующихся в такой области научных знаний как история исторической науки (историография). Подобное понимание в отечественной традиции восходит еще к «временам Нечкиной». По сути, лидер советской историографии поддержала в 1980 г. позицию Л.Н. Пушкарева, считавшего, что под «историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки»¹⁶. Сама она подчеркивала необходимость для историографа использования «широкого круга источников» в целях создания фона эпохи, порождавшей особенности развития исторической науки. В то же время в общей их совокупности она склонна была, судя по контексту высказывания, выделять основную группу, являвшуюся носителем «историографи-

ческих фактов» и «подсобную», несущую информацию об историческом контексте¹⁷.

Этот подход в основных чертах воспроизводится многими современными историографами. Представители омской историографической школы на рубеже XX–XXI вв. высказали представление о том, что «традиционный исторический источник, вовлеченный в процесс историографического анализа, приобретает новый статус – статус историографического источника»¹⁸. Эта позиция подтверждена и в их недавнем (2011 г.) историографическом проекте¹⁹. Конечно, вслед за М.В. Нечкиной общий корпус историографических источников следует подвергать дифференциации. В частности, В.П. Корзун выделяет «основную», или «опорную группу», к которой она отнесла «тексты, несущие преимущественно историко-научный (рефлексивный или критический) элемент исторического знания...»²⁰. В то же время из поля зрения историографов, примыкающих к этой позиции, не уходят различные видовые группы традиционных источников.

Имеется и другой подход, выраженный, несомненно, привлекательной попыткой С.И. Маловичко²¹, опирающейся на идеи когнитивной истории О.М. Медушевской: применить к распознаванию «историографических источников» видовой принцип источниковедения, ориентированный на выявление в совокупности интеллектуальных продуктов тех из них, для которых характерна сходная функция и общность их структуры²².

Чрезвычайно важна интенционно заданная позиция С.И. Маловичко относительно применения при анализе и классификации источников (в данном случае – трудов историков) принципа «целеполагания его автора» (курсив – С.И. Маловичко)²³, что позволяет понимать изучаемый научный труд с позиций замысла/мотивации его автора и, следовательно, функционального предназначения научного произведения. С.И. Маловичко высказывает при этом идею закрепления за научными трудами историков, как отдельной видовой группы, обозначения «историографический источник». Все остальные источники, используемые в историографических исследованиях, предлагается, по сути, вывести «за скобки» этого «вида» как вспомогательные по своему положению в историографии. С этим подходом можно согла-

ситься лишь при условии, что он применяется к конкретным задачам того или иного типа историографического исследования²⁴.

Поставим вопрос, насколько целесообразен, аргументирован обозначенный выше подход, если другой принцип современной историографии ориентирует ученого-историографа на изучение контекста жизнедеятельности научного сообщества и каждого его представителя для понимания мотиваций создания труда и условий формирования научного замысла. То есть, речь идет о необходимости и возможности для историографа «вжиться в чужое сознание» и понять «Другого», что сам Сергей Иванович считает принципиально важным. Но можно ли это сделать, отгородившись от «вспомогательной группы» источников. Переписка, мемуары историков, их автобиографии, публицистика и прочая «вспомогательная» с позиций анализируемого подхода интеллектуальная продукция – не актуальна? В западноевропейской традиции всё перечисленное, как мы убедились, относится к категории эго-документов, то есть тому, что позволяет углубиться в экзистенциальную сущность индивида.

Думаю, что не продуктивно выстраивать иерархию видов источников в рамках узко-дисциплинарного подхода, поскольку очевидна ценность и самодостаточность каждого из них. Глубокие и инновационные выступления С.И. Маловичко, имеющие выход и на ряд других аспектов историографического знания²⁵, все же не убедили меня в идее об «историографическом источнике» как отдельном виде в общей совокупности источников, потенциально используемых в историографических исследованиях. Добавлю к сказанному – еще и потому, что, во-первых, изучение истории любой другой научно-дисциплинарной области также опирается на научные труды ученых, которые и составляют отдельную видовую группу источников по истории науки независимо от дисциплинарной принадлежности. Как обозначить в таком случае научные сочинения филологов, философов, физиков, математиков и др.? Очевидно, труды историков-ученых составляют часть этой общей интеллектуальной продукции. Во-вторых, научные виды деятельности ученых, посредством которых он выражает свои идеи, многообразны по целевым установкам и в жанровом отношении. Перечень того, что может быть включено в категорию на-

учных произведений историков, достаточно велик. И они по своему замыслу, функциональному предназначению и внутренней структуре не совсем совпадают. Не просматривается ли за каждым жанром отдельный вид источника? Кроме того, свои научные идеи ученые люди склонны выражать отнюдь не только в сугубо научных формах: в том или ином виде они встречаются в тех же эго-документах.

Историографический текст-2. Вернемся к сюжету об историографических текстах. Акцентуация этого понятия понадобилась для создания некоей, своего рода альтернативной версии относительно понимания происхождения и природы источников, используемых в историографии. Исходя из убеждения, что историограф все же ориентирован на всю совокупность источников для реконструкции научных идей и деятельности историка, считаю не бесперспективным иметь в виду вышеприведенное понятие, как обозначающее различные научные тексты ученых-историков, ставшие объектом интереса историографа. В них историк выражает свои или обсуждает принадлежащие другим, научные идеи, методологические, философские, концептуальные воззрения и пр. Природа научных взглядов, хотя и замешана на коллективном опыте предшественников и современников, но, в конечном счете, всегда персонализирована, получая выражение в личностном знании и индивидуальных научных проектах. Поэтому создаваемые каждым конкретным историком научные тексты инкорпорируют в свое содержание некие коды, позволяющие рассматривать их как «свидетельства о себе»²⁶.

В каких видовых группах источников можно обнаружить голос историка-ученого и выражение своего эго как способа научной самоидентификации? Опираясь на подходы Я. Прессера и В. Шульце, коротко отвечу: в любом из результатов интеллектуальной деятельности, избранных историком для фиксации своих идей. Полагаю, что к рассматриваемой ситуации применимо известное понятие «территория историка». Заимствованное А.Я. Гуревичем у Э.Л. Ладюри²⁷, но переосмысленное им в ином контексте, оно вошло в лексический оборот отечественной историографии. Рискну применить это понятие к своим рассуждениям в нижеследующей интерпретации.

Историк, как и ученый любой другой сферы науки, волен формировать пространство разнообразных текстов, «свидетельствующих о себе». Вот это пространство также можно рассматривать как «территорию историка»: в нем соединяются различные виды деятельности и в соответствии с ней виды созданных ученым-историком текстов; их объединяет одно – выражение его научной мысли. В совокупности они становятся основой интеллектуальной биографии ученого. Видовое разнообразие текстов в этом пространстве является свидетельством многообразия научно-интеллектуальной деятельности и способов самоидентификации ученого-историка как личности и представителя мира науки. Так или иначе, в каждом из своих произведений историк заявляет, свидетельствует о себе, о своей научной позиции и принадлежности к той или иной научной культуре. Научный труд (монография, диссертация), доклад на конференции, научная полемика, рецензия, речь на защите диссертации, выступление оппонента, дневниковая запись с научными размышлениями, письмо с научными откровениями и пр. для историографа предстают «территорией историка». Эта территория принадлежит Другому – ученому-историку иного исторического времени, а совокупность этих текстов становится предметом современного историографического интереса.

Несколько иллюстраций историографических текстов. Можно в дальнейшем пытаться изучать и систематизировать совокупности текстов историка, в которых выражается его научная самоидентификация. В данном случае, ограничимся лаконичным обращением лишь к нескольким примерам из дореволюционного научного опыта для демонстрации возможности спроецировать взгляд на различные тексты историков как порожденные потребностью выразить свое Я в пространстве науки.

В неявной форме самоидентификация ученого предстает уже со страниц сугубо научных произведений – монографий, диссертаций (особенно во вводных их структурах). Примером может служить докторская диссертация В.О. Ключевского, первоначально опубликованная в «Русской мысли» (1880). Журнальный (первый) вариант введения работы демонстрирует авторскую позицию наиболее выразительно²⁸. Оно наполнено историографическими рефлексиями с целью переосмысления старых проблем. Не называя, но подразумевая

имена предшественников (они для читателя – специалиста вполне узнаваемы), он по сути разрушает прежние концептуальные версии, обосновывая собственные, инновационные по смыслу, методологические подходы. Социально-антропологический, как бы мы сейчас назвали, угол зрения историка пролагал пути новой методологии, принятой и продолженной в последовавших трудах учеников: П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, М.М. Богословского, М.К. Любавского и др. Текст диссертации, раскрывающий процесс реализации заявленных инноваций ученого, стал способом его самоидентификации, что вызвало признание в научной среде его идей и лидерства, явившихся залогом формирования научной школы историка.

Особое место в практиках выработки свидетельств о себе занимают, несомненно, дневники, автобиографии, воспоминания, и даже афоризмы историков. В этом отношении дневник Ключевского с его историко-методологическими размышлениями, раскрывающими неповторимый путь методологических исканий историка в течение всей его творческой жизни, трудно переоценить²⁹. Дневниковые записи позволяют понять особенности мышления ученого. Взгляд Ключевского на прошлое был замешан на органически присущей индивидуальной способности – воспринимать историю сквозь призму сохранившихся в современности рудиментарных черт ушедших эпох. П.Н. Милюков, отмечая особую «исследовательскую психику» Ключевского, подчеркивал, что основывалась она на его собственном жизненном опыте. Ученики историка хорошо ощущали «личную связь» историка с историей, поскольку он «нутром» понимал обыденный (повседневный, сказали бы мы) процесс истории³⁰. При изучении прошлого Ключевский умел «вживаться» в него потому, что познание истории сопрягалось у него с процессом самоидентификации. Эта установка, выразившаяся в его известном афоризме «...изучая предков, узнаем самих себя», являлась частью его методологической стратегии.

Дневник ученика Ключевского – Ю.В. Готье «Мои заметки»³¹, раскрывая деятельность и адаптацию ученого к новой ситуации в годы культурной катастрофы, также можно рассматривать как эго-текст, нарратив которого, кроме созданного автором образа новой повседневности, передает опыт выживания ученого-историка, те его научные идеи и исследовательские проекты, которые возникали в этих условиях.

Примечательно, что такой вид источника, как автобиография, находящийся в поле особого внимания зарубежных гуманитариев как эго-текст, нередко в мемуарном опыте ученых становился выражением себя в науке. Характерна автобиография С.Ф. Платонова (1928 г.), в которой традиционные свидетельства о своей жизни становятся эго-свидетельствами научной стратегии мышления историка³². Особенно примечателен тот факт, что автобиографический жанр Платонов использовал для лаконичного изложения своей научной концепции по истории смутного времени³³. Фрагмент текста эго-документа, посвященный докторской диссертации, стал ее своеобразным авторефератом, что можно рассматривать как попытку ученого закрепить систему *своих* идей и *свой* научный статус в новом пространстве постреволюционной науки.

Полагаю, что и такие оригинальные источники, как речи историков на диссертационных диспутах, например, А.С. Лаппо-Данилевского, А.Е. Преснякова – это эго-документы с манифестаций лично окрашенных инновационных научных наблюдений и воззрений, намечавших как перспективы научного поиска (Лаппо-Данилевский, 1890 г.), так и подведение итогов науки (Пресняков, 1918 г.)³⁴.

Под таким же углом зрения могут быть рассмотрены оппонентские выступления и рецензии на труды коллег. Являясь формой выражения критической (историографической и методологической по природе) рефлексии и способом самопознания (идентификации), а также презентации себя и Другого в научном пространстве, они эгоцентричны в своей основе.

Примечания

¹ Статья поддержана фондом перспективных научных исследований ФГБОУ ВПО «ЧелГУ» № ФПНИ-06.6-24-14 «Экспертные функции научного сообщества в контексте национальной диссертационной культуры».

² См.: Историк, текст, эпоха: тезисы IV Междунар. научно-практ. конф. Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории, 16–18 марта 2012 г. Екатеринбург, 2012.

³ См.: Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М., 2011. Историк, вероятно, имел в виду фрагмент характеристики источников ис-

следования, среди которых рядом с «источниками личного происхождения» значатся «эго-документы» (см. с. 41 указанной монографии).

⁴ Текст выступления в виде статьи см.: Алеврас Н.Н. Диссертационная культура второй половины XIX – начала XX в.: речь историка на защите диссертации // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 3(105). С. 276–290.

⁵ Нарский И.В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историографический роман). Челябинск, 2008. С. 377–387 (раздел «Интервью как инструмент историка»).

⁶ См.: Митина С.И. Философский эго-текст, как репрезентант личности мыслителя // Научная библиотека ЧелГУ: Электронный ресурс. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch111018.pdf> (дата обращения – 5 июня 2013 г.).

⁷ См.: «Эго-документы» русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX в.): эвристическая, биографическая, культурная проекция: Программа спецкурса: Электронный ресурс. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-47041.html> (дата обращения – 5 июня 2013 г.).

⁸ Нарский И.В. Указ. соч. С. 378.

⁹ См.: Зарецкий Ю.П. Свидетельства о себе: новые исследования голландских историков // Социальная история: Ежегодник. 2008 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб., 2008. С. 329–340; Он же. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков (РГГУ, 16.04.2011) // Российский государственный гуманитарный университет: Электронный ресурс. URL: <http://visantrop.rshu.ru/print.html?id=1167089> (дата обращения – 22 янв. 2013 г.); Он же. Свидетельства о себе «маленьких людей»: новые исследования французских историков // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5: Foundation. Ростов-на-Дону, 2011. С. 54–68; Он же. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3(83). С. 218–232; и др.

¹⁰ В серии статей Ю.П. Зарецкий фиксирует модификации термина/понятия эго-документ и в других национальных научных культурах: например, во Франции преобладает понятие *l'écrit du for privé*, которое трактуют как «сочинения частного характера» или «сочинения о внутреннем человеке». Это понятие, констатирует Зарецкий, воспринимается более широко, чем *egodocument*; при этом французские историки и литературоведы не стремятся к строгости определения данного неологизма. В англоязычной среде ученых используется комплекс близких по значению понятий: «жизнеописание» (*life-writing*), «рассказ о себе» (*self-narrative*), кроме того, в лексике ученых функционируют термины *ego-document*, *self-testimony*, *first-person writing*.

¹¹ Луцевич Л. Документальность и эго-документ // Литература и документ: теоретическое осмысление темы (круглый стол 27 мая 2008 г.) / ИМЛИ им. А.М. Горького РАН: Электронный ресурс. URL: http://www.imli.ru/structure/theory/krugl_stol.php (дата обращения – 22 марта 2013 г.). Л.Ф. Луцевич является одним из активистов Института русистики Варшавского университета по организации серии конференций по проблеме «Эго-документ и литература». См. об одной из них: Луцевич Л.В. В поисках аутентичности: Междунар. науч. конф. «Дневники, письма, записные книжки русских писателей» (Варшава, 27–28 апр. 2007 г.) // Новое литературное обозрение. 2007. № 87. С. 516–525. Характерно название и другого на-

учного доклада Л.Ф. Луцевич – «Маргинальность, эго-документ, личность», который она представила на конференции «Маргиналии-2008» (см. Луцевич Л.Ф. Маргинальность, эго-документ, личность // Междунар. конф. «Маргиналии-2008: периферия культуры и границы текста», Юрьев-Польский, 3–5 окт. 2008 г.: тез. докладов. М., 2008. С. 84–86).

¹² См.: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 115–117, 216, 226–227, 243–269, 346 и др.

¹³ См.: Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1999. № 1. С. 251–265.

¹⁴ См.: Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2008.

¹⁵ См.: Рудковская И.Е. Историографическая компаративистика: возможные грани исследования // Теории и методы исторической науки... С. 262–263.

¹⁶ Пушкарев Л.Н. Определение, систематизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 102.

¹⁷ См.: Нечкина М.В. Послесловие // Методологические и теоретические проблемы... С. 136–137.

¹⁸ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века: Учебное пособие. Омск, 2001. С. 38.

¹⁹ См.: Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие... С. 41.

²⁰ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург–Омск, 2000. С. 22. Следует оговориться, что В.П. Корзун в соответствии с задачами своей монографии имела в виду специальные исследования по историографии, методологии, науковедению.

²¹ Маловичко С.И. Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии // Концепция когнитивной истории: круглый стол, посвящ. 90-летию со дня рождения О.М. Медушевской / Источниковедение.ru: Электронный ресурс. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/anonsy_npsh/medushevskaja_90/14-1-0-110 (дата обращения – 5 июня 2013 г.).

²² См. о видовой структуре и определении вида источников: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории... С. 115–117, 216, 226–227, 243–269, 346 и др.

²³ Автору принадлежит комплекс статей (в ряде случаев в соавторстве с М.Ф. Румянцевой), в которых высказана чрезвычайно продуктивная мысль для изучения исторического знания в целом: о параллельном существовании исследований, принадлежащих разным типам исторического знания – социально ориентированного и научно ориентированного.

²⁴ В этом отношении понятна позиция, например, В.Д. Камынина, работающего преимущественно в границах проблемной историографии (см.: Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии на рубеже XX–XXI вв. // Известия Уральского государственного ун-та. 2010. № 3(78). Говоря об историографических источниках,

он также вычленяет то, что относится к результатам научно-исследовательской деятельности историка (см.: Камынин В.Д. Указ. соч. С. 63). Назовем это коротко – научные труды историков. Их особый статус для историографа очевиден. Но контекст дальнейших рассуждений автора не дает оснований считать, что перечнем научных трудов историков автор статьи ограничивает понимание смысла понятия «историографический источник» (см.: Камынин В.Д. Указ. соч. С. 63–64).

²⁵ См.: Маловичко С.И. Непонимание как форма сосуществования разных типов исторического знания. Ч. I // Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков: круглый стол, посвящ. 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского (2013 г.) / Источниковедение.ру: Электронный ресурс. URL: http://ivid.uscoz.ru/publ/anonsy_npsh/lappo_150/14-1-0-136 (дата обращения – 5 июня 2013 г.).

²⁶ По аналогии приведу определение С.И. Митиной понятия «философский эготекст», под которым понимается «текст, написанный мыслителем о себе» и «обосновывается его смысловое богатство и полезность» – в данном случае «для культурфилософии» (см. Митина С.И. Указ. соч.).

²⁷ См.: Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 81–109.

²⁸ См.: Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества // Русская мысль. Год первый. 1880. Январь. С. 40–54.

²⁹ См.: Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 260–271, 364–378 и др.

³⁰ См.: Милюков П.Н. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 203–207.

³¹ См.: Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.

³² См.: Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. I. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 256–288.

³³ Там же. С. 271–279.

³⁴ См.: Алеврас Н.Н. «...Мир вещей в пространстве диссертационной культуры» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 6. К., 2011–2012. С. 136–159.

ЖАНР ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЕМЬИ КАК ЕГО-ДОКУМЕНТ: ПРОБЛЕМА ИМПЛИЦИТНОГО ЧИТАТЕЛЯ¹

Семейная история – неотъемлемая часть существования любой семьи, не только воспроизводящая в определенной последовательности значительные события из жизни ныне живущих ее членов и их предков, но также формирующая семейную мифологию, выступающая скрепой, которая обеспечивает семейную идентичность. Она задает определенную систему ценностей, помогает усвоить определенные образцы поведения, формирует представления о семейных ролях.

В большинстве случаев становление подобной истории происходит более или менее спонтанно. Она складывается в устном виде, передаваясь в форме многократно повторяемых рассказов, которые, будучи, по сути, фольклорными, имеют варианты и претерпевают изменения, обусловленные личностью рассказчика, временем и адресатом рассказывания. Достоверность рассказов подтверждается фотографиями, письмами, наследственными предметами и т.п. Отдельные эпизоды, являясь нарративной составляющей разного рода семейных мероприятий, вроде совместных трапез, дней рождения, помолвок и поминок, постепенно оформляются в цельный текст, из которого – в зависимости от интенции рассказчика – при необходимости могут быть вынуты и воспроизведены или переработаны необходимые рассказчику фрагменты. Таким образом, семейная история существует как набор подвижных и легко заменяемых эпизодов, скрепляют которые наличие героев событий – членов семьи и – в ряде случаев – оценка соответствия/несоответствия поступков этих героев некоей общесемейной поведенческой модели.

Естественно в таком случае, что у отдельных членов семьи возникает соблазн закрепить свою версию истории, записав ее и представив как целое. Большая часть таких текстов пишется для себя и/или для потомков и за пределы семьи не выходит. Куда более редким является случай, когда человек не только сознательно письменно выстраивает

семейную историю, но предлагает несколько ее вариантов, часть которых предназначена для публичного ознакомления. В итоге возникает своеобразный жанр документальной истории семьи, параметры которого мы рассмотрим на примере книги А.В. Зырянова «История уральско-шотландской семьи. Вардроперы, Ятесы и Памфиловы»².

Автор книги – доктор экономических наук, активно преподающий профессор, создатель научных монографий, учебников и статей. Основные направления его изысканий связаны с «товародвижением, логистикой, коммерческой деятельностью»³. В то же время он пишет и издает стихи (сборник «Семейный альбом», 2008), является Почетным председателем Урало-шотландского общества, неспраздно интересуется всем, что связано с Великобританией⁴. Эта сторона деятельности А.В. Зырянова обусловлена добровольно принятой им на себя обязанностью воссоздать историю своей семьи, главная характеристика которой – уральско-шотландская – вынесена автором в заглавие его книги, предназначенной для широкого читателя.

Если члены семьи, по идее, должны интересоваться своими предками, особенно когда ими можно гордиться, то посторонним читателям для приобщения к чужой семейной истории необходима дополнительная мотивация, которая в случае отсутствия иных механизмов (знаменитое имя автора, знаменитая семья и т.п.) вкладывается в сам текст, воссоздавая в самом способе его организации образ предполагаемого получателя заложенной в тексте информации, способного понять авторское послание.

Словесная часть анализируемой нами книги оформлена, по определению ее автора, как «научно-популярное издание»⁵ – авторитетный в читательской среде тип литературы, предполагающий занимательное изложение итогов научных изысканий. Научность книги автор подтверждает тем, что в соответствии с установленными для научных работ правилами его текст имеет научных консультантов⁶, рецензентов⁷, библиографический список. Источниками истории семьи, что специально оговаривается автором, служат книги «официальных» историков⁸, стихотворения, фотографии, рисунки, дневники, воспоминания членов семьи, а также высказывания о семье, найденные в чужих письмах, дневниках, воспоминаниях. Его книгу можно – и автор,

хорошо знакомый с правилами академического письма, это прекрасно осознает – принять за компилят, каковым она, по сути, не является, поэтому он подчеркивает свой вклад в собирание и выстраивание истории семьи: «Изначально основой данного раздела является почти дословный рассказ Маргариты Алексеевны Солюс (урожд. Памфиловой), которая принадлежит к X поколению и является сестрой моей бабушки... Однако в ходе дальнейшей работы ее история была существенно дополнена и уточнена»⁹.

В то же время строгость текстового оформления подчеркивает, что перед нами образец «домашней» историографии. И дело не только в том, что автор в одних случаях цитирует источники точно или поясняет компиляцию¹⁰, а другие, например, «воспоминание бабушки писателя Николая Григорьевича Никонова»¹¹ о том, как она служила в семье Ятесов, приводит безо всяких ссылок. И не в том, что для привлечения читателя в повествование вплетены, казалось бы, необязательные для семейной истории факты¹². Куда более принципиальным оказывается своеобразие заложенных в тексте образов имплицитных автора и читателя, которое состоит в их внутренней противоречивости. Свообразие, сознательно проводимое автором.

Профессиональный исторический текст предполагает выраженную объективность, сколь бы альтернативной общепринятой ни была изложенная в нем концепция. Автор истории уральско-шотландской семьи эту объективность реализует.

Будучи профессиональным исследователем, пусть и в иной области, автор прекрасно отдает себе отчет в субъективности любых частных свидетельств, в том числе и Памфиловых-Вардропперов и их потомков, поэтому он постоянно поверяет частные мнения более строгими, например, статистическими данными¹³. Более того, он подчеркнуто выражает доверие профессиональным историкам, вписывая рассказ о своей семье в общий контекст российской истории – такой, какая уже составлена до него, и собрав воедино множество разрозненных документов. Уже в предисловии, написанном частично в форме аннотации предназначенной для прочтения книги, он подчеркивает новизну своего исследования именно через отсылку к общепринятому (=объективному): «История семьи вплетена в историю России

и Западной Сибири. Она охватывает тему частного предпринимательства во второй половине XIX – начале XX века. Показана не часто освещаемая в литературе жизнь интернациональных семей, образовавшихся в результате смешанных русско-шотландских браков»¹⁴.

Но «объективная» история обычно скрывает своего автора, а в нашем случае авторской позиции присуща демонстративная открытость. Эмоциональность автора, упоминание душевных трат, с которыми связана многолетняя работа над историей семьи, входит в стилевой закон повествования: «В написанной ранее "Истории семьи" и сделанной на ее основе этой рукописи много моих слез, души и сердца»¹⁵. Он открыто выражает восторг, радость, огорчение, подчеркивая, что текст написан «эмоционально прямым потомком, который хотел прикоснуться не только к сухим фактам, но и к жизни и переживаниям своих предков. И поделиться сделанным с людьми»¹⁶. Так же эмоционально автор объясняет, почему взялся за свою книгу: «Как же так, чужие люди, не имеющие никакого отношения к моим предкам, так тепло и подробно рассказывают о них, а я – ученый профессор и правнук своих известных предков пока остаюсь пассивным?»¹⁷.

Автор открыто радуется найденным им похвалам своей семье¹⁸, гордится тем, что в Карском море есть остров, названный – пусть и с ошибкой¹⁹ – по фамилии его предков – Вардропер, благодарит создателей фильма об имени его предков: «Это [документальный фильм "Золото Черной Речки" – М.Л.] трогательный и недолгий рассказ, прежде всего, об Алексее Федоровиче Памфилове и его больших и добрых делах... Мне как его прямому потомку необычайно волнительно было смотреть и пересматривать фильм. Слушать высказывания различных людей (ученых, краеведов, крестьян, дачников). Которые в комплексе создали эффект присутствия, как будто я сам с ними говорю и слушаю их добрые, от сердца идущие слова»²⁰. В качестве выражения признательности он помещает в текст фотографии тех людей, кто помогал ему в поисках: они тоже становятся героями книги²¹. Более того, в истории семьи даже появляется специально выделенный фрагмент «О помощи британцев в поиске моих родственников, покинувших в 1924 году Россию»²².

Автор охотно обсуждает источники, из которых складывается семейная история, так же подчеркивая эмоциональную составляющую

этой работы: «Я во всех случаях старался бережно обходиться с авторским текстом, кому бы он ни принадлежал. Душа противилась их правке. ... Меня поразило то, что, даже используя собственный текст, который я писал порою многие годы назад, я не решался его как-то переделывать. Он, казалось, нес на себе какой-то неуловимый авторитет и отпечаток времени и истории. Свою особую ауру и энергетику»²³. При этом автор подчеркивает, что волен сам определять степень адекватности поставленной задаче приводимого им неочевидного материала. Так объясняется, например, появление в книге фотографий не относящихся к семье людей²⁴ или мемуаров совершенно постороннего человека²⁵.

Таким образом, читатель видит не только результат – объективную историю семьи, но и процесс ее складывания. Книга получает двойной сюжет. С одной стороны, история клана Вардропперов-Памфиловых. С другой – история написания семейной истории, поскольку в рассказе автора поиски родственников превратились в приключение, одарившее дружбой или знакомством со многими хорошими людьми.

Это сближает текст «Истории уральско-шотландской семьи», скорее, с литературным текстом, созданным в жанре документального расследования, где пишущий историю является одним из героев повествования, а создание истории – важнейшей сюжетной линией. Неслучайно, видимо, краткое предисловие к книге написано Д.А. Граниным – известным писателем и к тому же автором одной из популярных отечественных книг, созданных в этом жанре²⁶. Орел авторства «Блокадной книги» подчеркивает значимость частного высказывания, обнаруживающего неизвестное в, казалось бы, очевидном и эмоционально восполняющего фактическую информацию Большой истории.

Если суммировать содержательное противоречие образа автора истории семьи, можно определить его как простодушного историка, который стремится быть предельно объективным и достоверным, но постоянно «срывается», рассказывая, как ему, ученому-профессору, но неспециалисту в области историографии, удалось сделать замечательное дело – составить историю своей семьи.

Кому же адресует свою книгу «простодушный историк», все время подчеркивающий, что есть более полный вариант родословия, предназначенный для внутрисемейного пользования? Как уже отмечалось, в тексте присутствует столь же противоречивый, как автор, имплицитный читатель.

С одной стороны, это потенциальный оппонент, отнюдь не относящийся к числу доброжелательно поддерживающих концепцию автора. Именно ему – стороннику «лакировать» семейную историю адресованы такие, например, пояснения автора: «Об условиях труда рабочих на заводе говорят следующие факты. Примечание [А.З.]. Можно по-разному относиться к этой информации. Одна из внучек А.Ф. Памфилова и А.Я. Вардроппер считала, что это лживая и чрезвычайно идеологизированная информация. Поэтому ее следует исключить. В отношении идеологизированности я согласен. В части степени достоверности следует что-то принять как истину. Таким образом, я все-таки не исключил информацию по двум причинам. Во-первых, нужно использовать какой-то один принцип, когда привлекаешь сторонний материал, т.е. все включать или ничего, оставляя читающему право самому сделать вывод, найти "свою" правду. Во-вторых, я совсем не думаю, что информация столь лжива. Хорошо известно, что уровень эксплуатации рабочих в период становления капитализма был весьма высоким»²⁷.

С другой – читатель – это человек, с которым можно быть достаточно откровенным. Ему можно показывать свои стихи, не опасаясь критики²⁸. Или, обсуждая историю второго брака своей прабабушки, вызвавшего раскол в семье, не скрывать внутрисемейных противоречий: «Автор "английских" воспоминаний Маргарита Вардроппер считал, что он хотел ее денег и имущества. С этим совершенно не согласна российская часть семьи. В частности, – Солюсы, которые считают, что второй муж был интеллигентным человеком, в большой степени помогшим в дальнейшем воспитании детей»²⁹. Более того, сожалея о лакунах в истории, автор обращается к читателям же с просьбой о помощи: «К сожалению, текст книги в этом месте не сохранился: утеряна нижняя часть страницы 240». Как отмечает исследователь, в доступном ему экземпляре, то есть гугловском сканированном, от-

сутствует целый абзац. Там могут быть интересные подробности пребывания Гоувинга в доме Вардропперов. «Так что, обращается ко всем исследователь [а я присоединяюсь], дорогие друзья, если вдруг у кого-то есть возможность взять в местной библиотеке этот томик и отсканировать первые два абзаца XV главы, то благодарность моя будет безмерна»³⁰.

Простодушный историк, пишущий для читателя-друга, стоящего на неприемлемых для автора подходах к истории, – это противоречие снимается волевым усилием автора. Как уже отмечалось, у автора есть сознательная установка на публичность: «Поначалу книга писалась исключительно для семьи автора (детей и внуков). Однако в период ее завершения стало понятно, что значительная часть материала представляет не только чисто семейный интерес, и автор принял решение сделать второй ее вариант, предназначенный для широкой читательской аудитории – людей, равнодушных к истории своего Отечества и дорожащих своими корнями»³¹. Он принципиальный ученый-непрофессионал, в этом смысле близкий своему читателю, которому дается урок обретения надличностного смысла существования.

Из чего исходит автор «Истории русско-шотландской семьи»? Он поддерживает идею постоянного обогащения уже готовой истории. Есть некая общеизвестная историческая канва, своего рода фон, на котором можно, меняя масштаб, развернуть историю своей семьи, то есть факты, связанные с отдельными людьми и событиями, позволяющие уловить некоторые важные закономерности, в его случае – о роли и месте интернациональных семей в российском прошлом.

Семья – это общность, в которой человек получает эмоциональную поддержку, признание, чувство уверенности и безопасности. Она создает устойчивое основание социальному самоопределению человека. А.В. Зырянов с самого начала расширяет границы своего авторства за счет прямых высказываний своих предков. Он взмошел на новую ступень по сравнению со своими предшественниками, которые фотографировали, рисовали, писали дневники, стихи. Именно он взял на себя труд задать параметры родовой идентификации.

Ключевая идея, которую последовательно проводит автор книги: идея плодотворного смешения культур. Не случайно на обложке,

вне сомнения, выполненной под присмотром автора книги, сверху над фотографиями основоположниками этой семьи изображены волынщик и шотландский замок – общеизвестные символы Шотландии, а внизу грязная городская русская улица с классицистским особняком, окруженным одноэтажными домами.

Во Введении, где автор ссылается на авторитет А.С. Пушкина с его хрестоматийным четверостишием «Два чувства равно близки нам...», он посвящает свою книгу прабабушке, урожденной Вардроппер, и прадедушке Памфилову – основателям «интернациональной семьи». Автор, используя факсимильные оттиски писем, дневников, чужие документальные исследования в итоге из всего этого разнородного материала склеивает род лирического повествования, пафос которого – радость от проведенного разыскания, позволившего не только написать цельную историю рода, но и обрести в процессе этого написания новых друзей, обогатить себя.

В предисловии Д. Гранина есть важные слова о том, что в постсоветские времена «все сословия русской жизни открываются как желанная родня»³³. То, что еще недавно было потенциально опасным – родственники из правящих сословий, родственники за границей, внезапно стало своего рода символическим преимуществом. Установление шотландских корней и обнаружение британских родственников автора родословия как раз и оказываются такими «желанными» событиями его жизни.

Идея объединения культур становится краеугольным камнем семейной истории, к каким бы ветвям семьи ни принадлежали ее носители. История семьи начинается с главы «Вардропперы – появление в России», а завершается разделом «XII поколение (Вместо эпилога)» и содержит помимо перечисления известных автору потомков А.Ф. и А.И. Памфиловых, фотографии среднего поколения семьи, отдаленно похожих друг на друга людей, которые носят английские и русские имена. В подписях под фотографиями они названы «правнуками Анны Вардроппер и Алексея Памфилова»³³. В итоге совершенно естественно книгу заключает часть «Урало-шотландское общество» – своего рода приложение к истории русско-шотландской семьи. Она начинается цитатой, авторство которой не указано: «Есть

своя закономерность в том, что группой энтузиастов в Екатеринбурге было создано Уральско-Шотландское общество, а А.В. Зырянов стал его почетным председателем»³⁴.

Автор предлагает читателям цельное изложение семейного мифа, если понимать под мифом формообразующую и объединяющую всех членов семьи историю и выведенную на ее основании идеологию. Миф более или менее внятно объясняет, в чем уникальность конкретной семьи, задает своего рода «шаблоны», на которые могут ориентироваться члены семьи, формируя ее нормы и ценности. Формула семейного мифа вырастает из повторяющихся компонентов семейной истории: в судьбах членов семьи выделяются определенные действия, подтверждающие определенное семейное качество.

Семья Вардропперов-Памфиловых не избежала ударов истории, но ее члены умели спокойно и с достоинством встречать выпад судьбы и продолжать заниматься своим делом. Они не чужды творчеству, которое является их внутренней потребностью (стихи, фотографии, дневники, рисунки членов семьи), но не стремятся во что бы то ни стало выставить его напоказ. Они запечатлевают свою повседневную жизнь для потомков, делают записи о детях, рисуют для них книги, пишут стихи и даже роман о своем прошлом в семье, родня занимает важную часть их жизни. Это люди, верные семье, радостно воссоединяющиеся с ней, выполняющие в мире свою функцию – символизировать родство Шотландии и России.

Автор обнаруживает следы сходства между разбросанными во времени и пространстве членами семьи. Сходство подчеркнуто фотографиями, обнаружено в бытовых привычках. Так, показывая фотографию Офелии, одной из собак прадеда, А.В. Зырянов замечает: «В моем доме с детства и по сей день было много собак и кошек. Они всегда были моими верными друзьями. Ниже будет написано о моей Британской [так! – М.Л.] семье. У них тоже множество зверья, особенно у моей двоюродной сестры Анны Харви. Да и у ее мамы, а у моей тетки Аленушки (Елены Николаевны Вардроппер, урожденной Шишко)»³⁵. Его стихотворение «Две собаки. Ностальгия. Офелия» прямо выражает эту важную для автора идею семейного сходства: «Вот так живем, по

кругу, по спирали,/ Путь повторяя испокон веков. / Рождались внуки, деды умирали, / В наследство оставляя нам любовь!»³⁶

Финалом семейной истории становится символическое воссоединение: восстановление семейной могилы. К праху бабушки был подхоронен прах ее умершей в Англии дочери, а на памятник помещены три фотографии: бабушки, расстрелянного неизвестно где ее мужа – деда автора и его тети, умершей вдали от Родины. Восстановление единства расширенной «интернациональной семьи» – вот итог проделанной А.В. Зыряновым работы: «Я горд, что мне довелось быть для них всех кусочком утраченной семьи и России»³⁷.

Написанная им история – это еще и своеобразное восстановление семейной гармонии через символическую реабилитацию своей ветви семьи: «Они [авторы записок – М.Л.] не являются прямыми моими предками и уж точно никогда не предполагали, что кто-то, *а тем более – я*, когда-то, спустя полвека после составления ими своих записок, подхватит их дело. Одна из них, жившая в Англии, просто и не знала обо мне, о моем существовании. Другая – видела только раз *простого мальчика из скромной рабочей семьи, внука ее сестры, приехавшего в Ленинград из провинциального Свердловска*. Но я продолжил эту историю, подхватил»³⁸.

В изложении автора история семьи имеет две кульминационные точки: создание урало-шотландской семьи родоначальниками и восстановление утраченных в 1920-е годы связей. Автор предстает в этом случае не объектом, а субъектом истории, выполнившим важнейшую миссию воссоединения семьи. Благородство этой миссии дало ему право на компиляцию текстов разного рода, написанных предшественниками, на создание не летописания, но собственного расследования.

Семейная история, очевидно, выполняет функцию побуждения: читатель, увлекшись восстановленной чужой историей, должен, по идее, заняться восстановлением своей собственной, чтобы в итоге подобные частные истории выполнили функции вспомогательного материала для восстановления полнокровной истории России.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках Интеграционной программы УрО–СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

² Зырянов А.В. История уральско-шотландской семьи. Вардропперы, Ятесы и Памфиловы. Челябинск, 2012.

³ Там же. С. 5.

⁴ Великобритания: Взгляд из России. Екатеринбург, 2005.

⁵ Установка на популярность очевидна и в оформлении издания: книга обильно иллюстрирована фотографиями, репродукциями, виньетками заставок, орнаментами, обрамляющими поля, и т.п.

⁶ Е.Г. Богданова, В.Н. Ермолаев, А.В. Иванов, Ф.С. Корандей, В.Е. Копылов, А.А. Солюс.

⁷ Кафедра истории России Уральского государственного педагогического университета, В.Е. Копылов.

⁸ Автор, руководствуясь в своей истории правилами оформления научной работы, широко использует систему отсылок к списку литературы в конце книги: «Здесь уместно обратиться к материалам исследования, выполненным Ф.С. Карандеем ... К счастью, сохранились документальные материалы об этом путешествии, которые приводятся и в печати [42]. Они проливают свет на характер встреч тюменцев с иностранными учеными. Приведем краткие выдержки, касающиеся встреч Брема с Вардропперами». Подобного рода замечания есть буквально на каждой странице. См.: Зырянов А.В. Указ. соч. С. 29.

⁹ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 12.

¹⁰ См., например: «О состоянии промышленности в городе Екатеринбурге, заводе Ятеса и его хозяине сохранились некоторые сведения [36, с. 46, 47, 87, 88, 96, 103, 105, 108, 124, 128, 129, 145, 208, 211; 23, с. 235, 238, 297]. Воспользуемся этими материалами». После чего следует краткий пересказ упомянутых источников. См.: Зырянов А.В. Указ. соч. С. 20.

¹¹ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 24.

¹² В связи с тем, что один из родоначальников Роберт Вардроппер родился в шотландском городе Абердине, упоминаются и шотландские корни Лермонтова, и то, что в одноименном порту располагалась база подъема со дна Баренцева моря атомной подводной лодки «Курск». См.: Зырянов А.В. Указ. соч. С. 14.

¹³ «В своих воспоминаниях о детстве в Сибири Маргарита Вардроппер пишет, что Памфилов не был способным человеком, а его жена – Анна, красивая женщина, была много талантливее его [...] Чтобы лучше и объективнее прояснить ситуацию, обратимся к данным А.И. Бакиной и Л.А. Додоновой, которые дали справочные данные о крупнейших предпринимателях России». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 88.

¹⁴ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 4.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 7.

¹⁸ «Нам это позволило получить яркое, многообразное и очень приятное впечатление

о семьях Вардропперов и Памфиловых», после чего цитирует слова о доме Вардропперов как «оазисе английского гостеприимства на самой границе суровой заснеженной Сибири». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 39.

¹⁹ На с. 49–50 приведена соответствующая карта. Имя острову дал Ф. Нансен, признательный прадеду автора за помощь в покупке «тридцати остяцких собак». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 48

²⁰ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 96.

²¹ «Сведений об истории семьи Памфиловых в моем распоряжении имеется не очень много. Большую помощь я получил от Виктора Ефимовича Копылова, ученого и краеведа, много сделавшего для изучения истории Тюменского края. Он провел титаническую работу по исследованию истории предпринимательства в Тюмени [...] Я горжусь своей дружбой с этим человеком». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 73.

²² Зырянов А.В. Указ. соч. С. 155.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ «Фотографии помещены мною, чтобы, во-первых, можно было увидеть лица людей, близких семье Вардроппер. А, во-вторых, чтобы, читая подписи на оборотах фотографий, убедиться, что на них изображены друзья Агнессы Вильгельмовны». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 53.

²⁵ «Прервем ненадолго воспоминания Маргариты Вардроппер. И вновь в нашем описании обратимся к воспоминаниям другой эмигрантки из России – Евгении Германовны Фрезер. Здесь интересно отметить, что она находилась в таком же примерно возрасте, как и Маргарита (Маргарита старше Евгении лишь на пять лет, а воспоминания относятся к одному возрасту). Обратите внимание, в какой большой степени перекликаются воспоминания двух девочек». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 66.

²⁶ Речь идет о «Блокадной книге» (1977–1981), подготовленной Д. Граниным совместно с А. Адамовичем.

²⁷ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 21.

²⁸ «Люблю альбом листать, семейный старый. / В нем фотографии имения родового: / Гостиная, стол, самовар, гитара, / Знакомо все, и все не так уже ново. // Вот на диване бабушкины сестры / Перед отцом сидят, красивы и умны. / Высокие и строгие прически, / А у одной – и бусики видны. / Дивана спинка и дорожка кружевная, / Подушка в изголовии лежит. / И зеркало в резной дубовой раме – словесных / Мой прадед здесь порой, наверно, спит». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 98.

²⁹ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 110.

³⁰ Там же. С. 43.

³¹ Там же. С. 4.

³² Там же. С. 5.

³³ Там же. С. 169–172.

³⁴ Там же. С. 175.

³⁵ Там же. С. 99.

³⁶ Там же. С. 99.

³⁷ Там же. С. 163.

³⁸ Там же. С. 8.

**ИСТОРИЯ ГОРОДА, СЕМЕЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЕЙ
В ТВЕРСКИХ КУПЕЧЕСКИХ ДНЕВНИКАХ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX вв.**

Дневниково-мемуарные записи тверских купцов конца XVIII – начала XIX вв. свидетельствуют, что истории индивидуальности, семьи, рода, города, страны и человечества в целом часто соседствуют и плавно переходят друг в друга. Каждый из дошедших до нашего времени текст позволяет проследить траекторию развития личности его автора, выявить жизненные ценности и приоритеты, понять его отношение к происходившим вокруг событиям и окружающим людям.

В архивах и музеях Тверской области хранится довольно много дневников и мемуаров¹. Они мало известны широкой научной общественности, хотя тексты их уже издавались, а некоторые и неоднократно. Еще до Октябрьской революции в сокращенном виде в Трудях Тверской ученой архивной комиссии был издан, к примеру, дневник А. Чиренина², отдельным изданием выходила «Летопись Михаила Тюльпина»³. В 2007 г. в составе сборника, куда вошли дневники и мемуары московских, сибирских и тверских купцов конца XVIII – первой половины XIX вв., было издано несколько памятников личного происхождения, созданных в семьях купцов Твери и Торжка⁴. Часть из них никогда не публиковались, другие издавались, но либо в извлечениях, либо в составе сборников, качество которых не предоставляет читателям возможности для атрибуции и интерпретации текстов, а мизерный тираж не позволяет надеяться, что эти издания сколь-нибудь заметным образом повлияют на развитие науки⁵.

Общим для всех этих текстов является наличие у основного автора каких-либо предварительных заметок предков или его собственных ранних записей, перенесенных в дошедший до нас памятник. Так, записки Матвея Тюльпина, отца Михаила Тюльпина, скорее всего, составили основу «Летописи Михаила Тюльпина». Среди прочего она рассказывает о пожаре 1763 г., когда автору было всего лишь 8 лет от

роду. Описание последствий пожара и восстановления города, растянувшееся на 9 листов, едва ли разумно называть записью, скорее, это небольшое историческое повествование, логично выстроенное, написанное хорошим стилем, весьма грамотно. Текст был составлен, очевидно, уже в начале XIX в., но едва ли детская память автора или память кого-то другого могла сохранить до того времени сведения о численности чудом сохранившихся тарелок, количестве дней, прожитых после пожара в чужих домах, внешнем облике города до начала перепланировки. Вероятнее всего, в основе записей, относящихся к периоду до 1775 г., лежали записи представителей старшего поколения Тюльпиных, а в основе последующих – записи самого Михаила.

Памятник, сохранившийся до наших дней, М. Тюльпин начал вести в 1817 г. Скорее всего, именно тогда он литературно обработал заметки своих предков, а также свои собственные записи, сделанные ранее, соединив их с выписками из периодических изданий⁶. Переписав содержание различных источников о событиях минувших в специально заведенной тетради, он стал фиксировать наблюдаемые события по мере того, как они происходили.

Влас Григорьевич Томилов, приступая в 1822 г. к ведению своей Памятной тетради, сначала переписал в нее заметки, которые вел ранее, с 1776 г. по 1797 г., его отец Григорий Григорьевич, а также он сам, начиная с 1797 г. Обо всем этом он сообщил в заголовке к своему творению: «Памятная книга к[упца] В[ласа] Г[ригорьевича] Томилова, писанная тверским купцом Григорьем Григорьевичем Томиловым с 1776 года по 1797-й год, а с того времени продолжается Власом Григорьевичем Томиловым»⁷. Однако Влас не просто переписывал предварительные записи, но дополнял их новыми фактами, которые позволяют читателю увидеть развитие судьбы того или иного человека, историю монумента, воинского образования и т.д. Переписав с записей отца под 1777 г. сведения о закладке монумента в честь Екатерины II, он тут же сообщил, что в 1811 г. его разобрали, чтобы поставить более достойный⁸. Под 1791 г. имеется запись следующего содержания: «мая 22-го родилась у Матрены дочь Феодосья Никифорова, что ныне за Якимом Матвеичем Барылиным»⁹.

Описывая войну 1812 г., Влас Томилов использовал множество источников, и в том числе пытался процитировать (сразу после описания Бородинского сражения) эпитафию на могиле Багратиона¹⁰, текст которой стал ему известен явно после окончания войны, а возможно еще позднее, скажем в 1822 г., когда собственно и был начат дошедший до нас памятник. Используемые Власом композиционные приемы свидетельствуют о не вполне умелой и не в полной мере осознанной попытке создать произведение мемуарного жанра на основе более ранних записей.

Ведение дневника у Томиловых было делом старшего в роду. Григорий Григорьевич вел записи до 1797 г., то есть практически до своей смерти (1801 г.). Затем в течение почти 30 лет дневник вел Влас Григорьевич, старший сын Григория. В декабре 1830 г. одна из записей была сделана рукой Николая – старшего сына Власа. Она сообщает об отъезде «батюшки Власа Григорича с товаром на девятнати подводх до города Ржацка ...»¹¹. Интересно, что именно в 1830 г. Николай начинает самостоятельные поездки по торговым делам, то есть ему одновременно доверяют семейный бизнес и позволяют прикоснуться к дневнику. При этом следует отметить, что младший брат Власа – Осип – не участвовал в ведении дневниковых записей даже в период совместного проживания братьев в доме отца и совместной торгово-предпринимательской деятельности. После 1830 г. записи в дневнике Томиловых велись в две руки, Власом и Николаем. Записи Власа преобладали, отчасти вероятно потому, что старея, он перекладывал на сына основную часть торговых дел, а сам все чаще оставался дома. Николай, наоборот, все чаще стал отлучаться по делам торговли. С 1838 г., после смерти Власа, дневник должен был вести Николай, но занятый хозяйством он касался его очень редко. Зафиксировав смерть отца, он 10 лет не брал дневник в руки. Записи возобновились в 1848 г., однако до 1861 г. их было сделано всего 12; большая их часть относится именно к 1861 г. и сообщает о пожарах в городе, после чего дневник обрывается.

По Памятной книге Томиловых традиция составления текста памятника личного происхождения прослеживается более отчетливо, чем в летописи М. Тютлина. Во-первых, Влас подчеркивает преемственность этого семейного занятия в заголовке к памятнику,

во-вторых, при исследовании текста становится очевидно, что в этой семье право или обязанность ведения дневника передавалась от отца к старшему сыну. Аналогичная, но не тождественная, ситуация существовала в семье жителей Твери Блиновых.

Явно не богатые Блиновы еще в начале 70-х гг. XVIII в. завели тетрадь небольшого формата в хорошем кожаном переплете, видимо, рассчитывая на длительное ее сохранение. Для них она стала неким символом, чем-то сродни родовой иконе. Эта тетрадь с записями, внешне похожая на дорогую книгу, на протяжении последующего столетия являлась неотъемлемой частью дома, где проживали глава рода и его старший сын. Однако, в отличие от Томиловых, Блиновы не ограничивали доступ к ведению дневника для других членов семьи.

Дневник Блиновых – это сложный по своей структуре исторический источник и мы называем его дневником, лишь следуя традиции¹². Зачинатель летописи, по всей вероятности, вообще не считал необходимым фиксировать семейные события, личные переживания. Первые листы дневника содержат лишь сведения о пожарах в городе, строительстве церквей, истории пугачевского бунта. Все они внесены в тетрадь одномоментно, не ранее времени казни Е. Пугачева, потому как в этом комплексе записей о казни не упоминается. Эта часть текста написана «в один присест», о чем можно судить на основании исследования графики письма и цвета чернил и что придает памятнику черты произведения мемуарного жанра.

Первые сведения личного плана датированы в памятнике 1774 г., но стоят они уже после сведений о казни Е. Пугачева, а значит сделаны не ранее 1776 г., и примерно с того времени события фиксируются сразу после их завершения или вскоре после того. Характер мемуаров дневнику Блиновых придает так же то обстоятельство, что в состав некоторых записей входят сведения, относившиеся к более раннему периоду¹³. Вот пример такой записи, сделанной в 1777 г., с упоминанием события, бывшего в предыдущем году: «В 1777 году в Петербурге был морской потоп, судов переломала множество и людей перетонуло несколько сентября з 9-го на 10-е число. В 1776 году взяты ребята в семинарию. В 1777 году июня 8-го дня было иксенование, то есть, слушание в милистрацком зале¹⁴. Был архиерей

Арсений, и губернатор Тутолмин Тимофей Иванович, и дворян было много. Изрядно обучены, все похвалили»¹⁵.

Два из трех исследуемых текстов (М. Тюльпина и Блиновых) начинают повествование с 1763 г., когда произошел знаменитый тверской пожар, от которого выгорела значительная часть города. В Памятной книге В. Томилова первая запись датирована 1777 г.

Совпадение хронологических рамок повествования памятников придает особый интерес их изучению: последняя четверть XVIII – начало XIX вв. – это для жителей Твери очень насыщенное событиями время, и важно выяснить, какие из них выбирал каждый из авторов для освещения в своем дневнике, на что более обращал внимание при описании. Это помогает уяснить жизненные ценности самого автора, его понимание целей ведения записей и отношение к происходившему вокруг.

Авторы всех текстов сообщают о приездах членов императорского дома. Однако частота приводимых сведений этого плана и их распределение по годам все же различается у разных авторов. В семейной хронике Блиновых и в летописи М. Тюльпина таких сведений много больше, нежели в Памятной книге В. Томилова. Блиновы и М. Тюльпин сообщали о приездах в Тверь царствующих особ и их ближайших родственников: Екатерины II, ее сына Павла вместе с молодой, рано умершей женой Натальей Алексеевной, а затем – с императрицей Марией Федоровной, позднее – о посещениях Твери довольно многочисленными потомками Павла – императором Александром I, великими князьями, их супругами, князьями и т.д. Эти записи могут много рассказать о восприятии горожанами поведения представителей царствующего дома. Особенно интересным является комплекс записей о посещениях Твери членами правящего дома в период 1809–1812 гг.

В 1809 г. в Твери поселился принц Г. Ольденбургский вместе со своей женой Екатериной Павловной – любимой сестрой российского императора. Визиты царских особ в Тверь стали чаще и длились дольше, даже сам царь Александр I гостил здесь по несколько дней. Дневник Блиновых и летопись М. Тюльпина сообщают о его приездах и с некоторым удивлением отмечают простоту общения между братом и сестрой. Авторы подчеркивали неофициальность посещений членов царской семьи Твери: их появление и передвижения по

городу не сопровождалось устройством официальных церемоний встреч и проводов. «Безо всякой церемонии поутру 30-го ноября был государь и с их высочествами в соборе у молебна, а обедню стояли в придворной церкви», – зафиксировал Иов Блинов¹⁶. Царь разъезжал по городу в открытой карете или в санях, а то и вовсе пешком. В частности, Тюльпин записал, что 31 мая 1810 г. в 9 часов утра царь один прогуливался пешком по берегу реки в Заволжской и Затверецкой частях города практически без охраны: «Только позади его в немалом расстоянии – один придворный господин»¹⁷.

Блинова поразила непритязательность принца Ольденбургского, который, сопровождая жену и шурина, часто ехал на запятках саней. Царь «ездили каждый день по городу с их высочествами 3¹⁸: одне с княгинею в санех, а супруг на запятках. Были и в Желтикове и в Девичьем монастыре. Из Твери выехал государь в Москву и с их высочествами декабря 5-го на 6-е в ночи 1-м часу с полуночи безо всякой церемонии»¹⁹.

В отличие от Блинова и Тюльпина, Влас Томилов практически ничего не писал о частых визитах родственников царя в Тверь. Вполне вероятно, что по причине своих частых отлучек из города по торговым делам он не имел возможности наблюдать те сцены, которые так поразили Иова Блинова и М. Тюльпина.

Следует отметить, что, даже описывая одни и те же события, разные авторы расставляли акценты по-разному. Иов Блинов, а позднее и его сын Петр уделяли внимание посещениям монархами и их окружением соборов, отмечали их присутствие на церковных службах. В описании церемонии сопровождения гроба с телом Александра I по г. Твери для Петра Блинова (именно он вел дневник после смерти основного автора – Иова) предметом описания стали, прежде всего, детали церковной службы, которой сопровождалось движение гроба по городу к собору: «Была первая литии у заставы, а вторая – в Ямской у церкви. Был в ходу преосвященный, после литии преосвященный осенял крестом, а после кропил святой водой...»²⁰. Такой выбор угла зрения обусловлен, скорее всего, тем, что Петр был певчим церковного хора.

Для Власа Томилова важна была светская сторона церемонии, для него интерес представляли складывавшиеся в процессе похорон

императора контакты различных категорий горожан между собой и с придворными, сопровождавшими гроб: «В три часа пополудни собралось у заставы все дворянство, духовенство и купечество тверские. ...Наперед ехал полицмейстер верхом, а за ним – отряд жандармов по два в ряд и взвод уланов, сделав дротики на погребение, а потом ремесленники с цеховыми значками, за ними купечество до 70-ти человек, по сторонам младшие, впереди за ними депутаты от городов, потом дворянство, во все старшие позади. За ними преосвященный Иона архиепископ Тверской и Кашинский, а потом несли на подушках ордена старшие из генералов...»²¹. Следует отметить, что Влас участвовал в качестве одного из трех представителей Твери в процессе сопровождения до границ Тверской губернии тела императрицы Елизаветы Алексеевны, умершей вскоре после Александра I. События, связанные с этим, описаны достаточно подробно и заканчиваются фразой: «Сию поездку проводили все благополучно, похвально и весело. Градским головою мы были очень довольны»²².

Сведения по городской топографии имеются во всех памятниках, но у Блиновых и В. Томилова они лишь проскальзывают в связи с описанием крестных ходов, похоронными процессиями, описаниями работ по благоустройству. Причем, для авторов дневников пространственными городскими ориентирами являются различные объекты. Блиновы, описывая движение, в качестве промежуточных пунктов чаще всего указывают церкви и реки, а В. Томилов – улицы, по которым двигалась процессия. В связи с холерой 1831 г. В. Томилов сообщил, что мощи благоверного князя Михаила Ярославича несли «по двум главным улицам города и именно по Набережной и до Скорбященской церкви, а отселе по валу до самого собора»²³. Петр Блинов, описывая тот же крестный ход, в качестве основных ориентиров указывает церкви: «Мощи понесли угодники божия на Волгу до Тихвинской часовни... и шли берегом по Волге до устья Тверцы и поворотили направо и шли до Скарбящей Божии матери... И вышли прямо на вал к Лазури и поворотили направо и дошли до Встретиния Господня и была лития...»²⁴.

Осознанное и целенаправленное описание городской топографии до пожара и изменений в городской планировке в ходе застройки по генеральному плану времени Екатерины II находим лишь в летописи

М. Тюльпина. Тюльпин очень подробно описал городскую планировку в том ее виде, в каком она была до пожара. Вот лишь небольшой отрывок из этого описания: «Потом церковь Скорбящая Богоматери, деревянная, потом наклонялась дорога к Вознесенью так, как и ныне, только была ближе к церкви, по самую паперть, потом непрямо простиралась ко Владимирской и была по правую сторону церкви. При которой имелась небольшая каменная ограда сажени на две ширины, мимо которой неширока была дорога, потом простиралась в Ямскую, а Ямская от ограды церковной имелась как сажени на 10 или на 15»²⁵. Перепланировка города вызывала у Тюльпина неприятие. Из центра города его семья, занимавшаяся солодовенным промыслом, вынуждена была перебраться на окраину: «В начале весны отвели нам места для построения домов и заводов самые дальние. И необитаемой пустырь в блиском разстоянии был, где убогий дом, для погребения не-исправно умерших, к самой паточине Лазури. По составлении плана назначено оными командовавшими положение, чтобы заводы, как-то воскобойные, солодовые, кожевенные были бы в самом крайнем месте плана. По необходимости нашей и нужде начали строиться и построили деревянный дом обыкновенного тогда расположения и солодовню деревянную же на дворовом месте»²⁶.

Все известные дневники фиксируют серьезные работы по благоустройству города в период нахождения здесь резиденции генерал-губернатора принца Г. Ольденбургского. При этом В. Томилов более всего обратил внимание на перестройку дворца, предназначенного под резиденцию, и обустройство прилегающей к нему территории. Возможно, это было связано с личными планами Томилова по приобретению и благоустройству собственного дома. Власа явно поражали масштабы привлечения рабочей силы, использовавшейся для этих работ: «Для пребывания их высочества принца Георгия с супругою назначено перестроить дворец, которой работали до 500 человек. Августа 30-го ввечеру их высочества прибыли прямо во дворец [имеется в виду Путевой дворец, построенный при Екатерине II и перестроенный к приезду принца архитектором Росси – *Н.С.*], которой был совсем уже отделан, а прочие службы и дома строились, где было, включая, что были в саду, до 1500 человек рабочих и до 300 лошадей»²⁷.

Что касается всего прочего, то Влас лишь отметил, что «срыт земляной вал, который находился вместо каменной стены, который был кругом крепости, вышиною сажени две с половиною, а перед ним – высокий ров»²⁸. В данном случае Влас акцентировал внимание на разрушении того, что было ему привычно, совершенно не указывая тех перспектив, которые открывались перед городом и горожанами и должны были улучшить условия их повседневного существования. Примерно также относился к процессу благоустройства и М. Тюльпин.

В мае 1811 г., Михаил сообщил о введении «каменного налога» – обязательном сборе со всех въезжающих в город трех камней. В июне 1812 г. он не без раздражения сделал запись следующего характера: «3-го дня начали канал копать, и у нас весь почти огород отошел под насыпь, с лишком тридцать сажень»²⁹. Этим записи о грандиозных по масштабу работах по городскому благоустройству в дневнике Тюльпина исчерпываются. Вопросы о переустройстве дворца и благоустройстве улиц М. Тюльпин вообще не касался. Оттенок недовольства замечен в свидетельствах Михаила, и это особенно любопытно, учитывая, что перепланировка и перестройке города в период правления Екатерины II, которой он посвятил достаточно много внимания, так же не вызвала у него положительных эмоций.

Иное отношение к проблеме мы видим в дневнике Иова Блинова. В отличие от М. Тюльпина и В. Томилова он в начале осени 1809 г. никак не отметил факт приезда семейства принца Г. Ольденбургского в Тверь, Иов явно не придавал этому значения. Однако, описывая, как и все, катание на санях царя Александра и семьи принца в конце ноября, Иов, единственный из авторов дневников, зафиксировал факт выдачи царем беспроцентной ссуды на городское благоустройство: «В Твери в бытность свою пожаловал городу миллион 17 тысяч на 20 лет без процентов на строение города и мощение улиц и зделание вала на городской стороне»³⁰.

Позднее Иов описывал ход работ по благоустройству города. Необходимо отметить, что запись об этом, датированная 1811 г., оказалась в непосредственном соседстве с записью о приезде семьи принца Ольденбургского в Тверь, что произошло в 1809 г., то есть двумя годами ранее. «1809-го года августа 29-го дня в вечеру приехали княгиня

Екатерина Павловна и с супругом Георгием Голстин-Олделбрским. Прежде в собор, потом пошли из собора в северные двери во дворец пешком. Встреча была со звоном. На другой день были в соборе у обедни и молебна. 1811-го года летом обривняли город, и на устье Тмаки набили сваи, и сделали тарасы, и город до мосту обложили дерном, а Береговую³¹ сравняли и вымостили камням», – записал Иов летом 1811 г.³²

По всей вероятности, именно начало работ по благоустройству города и позволило осознать Иову значение устройства в г. Твери резиденции Г. Ольденбургского – генерал-губернатора Тверского, Новгородского и Ярославского, женатого на родной сестре императора. Впрочем, Иову вообще было свойственно темпоральное мышление в системе *ex post*, которое позволяло ему увязывать – и в своем сознании, и в тексте дневника – разновременные события³³.

В 1812 г. работы по благоустройству города возобновились, они приняли еще более *грандиозный* характер, и власти старались подчеркнуть значимость этих работ. Вот что сообщает о событиях весны и начала лета Иов Блинов, размышляя опять-таки в системе *ex post*: «1812-го года начали мостить у [церкви, – *Н.С.*] Семена Столбника площадь камнем в апреле месяце зборым³⁴ камнем на заставах. 1811-го года с мая месяца начали город [остатки крепостного вала, – *Н.С.*] срывать ровно с положением земли и Береговую равнять и камнем и дерном берег окладывать, а дорогу камням мостить и вал до воксалу³⁵ делали этим летом. 1812-го года начали канаву от Тмаки по Лазури копать. Июня 1-го дня молебен служил и воду святил Козмодемьяновской священник; был губернатор Кологривов. Дворянства множество и народа; были напитки и закуска. Подрядчикам – тверской купец Яков Петров Барсуков, подрядился копать с кубической сажени по 3 руб. 75 коп. Копали поляки и российские, всего на работе было не менее 600 человек»³⁶.

Внимание прежде всего к общественной жизни города, к событиям значимым для жизни Твери и страны в целом отличает рукописный текст Иова Блинова от всех других.

В дневниках нашли отражение различные факты и формы взаимодействия горожан, однако, нельзя не отметить, что поводами для

детального описания в дневниках взаимодействий людей были либо экстремальные ситуации (эпидемии, пожары), либо торжества, празднества, например, по случаю открытия губернии, либо похороны известных людей. В. Томилов и И. Блинов, кроме того, фиксировал сведения об обедах, которые устраивались в связи с какими-либо событиями. В частности, В. Томилов пишет: «Августа 6-го обедал я у архиеерея вместе с дворянством, купечеством, 32 персоны, из купцов – 6 человек»³⁷. Сознание того, что он был в числе этих шести человек, явно наполняло его гордостью, как и участие в траурных процессиях вместе с представителями других сословий и даже других городов.

М. Тюльпин ни разу не сообщил о городских торжествах и празднествах, которые проходили достаточно часто в честь разного рода событий, в то время как из дневника Иова Блинова о подобных празднествах хорошо известно. В частности, он писал о городском празднике, который проходил в связи с «турецким замирением» и объявлением в этой связи Манифеста о разделении горожан на купечество и мещанство: «Первой день – весь день звон был, и кушали хлеба во дворце, готовил Агей Свечин, и поставка была с пивом. А на 2-й день купеческой обет был, и пушечная пальба и ружейная, и певчий пели многолетие и канты, и купеческие жены были, играли на скрипках и на прочих играх и тонтовали»³⁸. А под вечер были собраны молодые ребята, пели песни и плясали, а к всенощной зазвонили и перестали»³⁹. Он также описал праздник 28 января 1776 г. в честь открытия губернских учреждений, торжества в связи с закладкой в 1777 г. монумента в честь Екатерины II и некоторые другие. И в этом случае, как и в ситуации с описанием мер по благоустройству города, Иов Блинов проявил себя как автор, в первую очередь уделявший внимание событиям, значимым для истории города. По большому счету именно его текст можно назвать летописью г. Твери.

Подобные праздники и застолья способствовали консолидации различных социальных, территориальных, профессиональных образований в городское общество, расширяли коммуникативное пространство каждого из горожан, но значимость этих контактов, по всей вероятности, осознавал лишь И. Блинов. При этом в его хронике крайне редко находят отражение контакты между людьми, возникавшие в ходе трудовой деятельности горожан, крестин, похорон.

Это можно рассматривать как свидетельство их восприятия автором как событий, лежащих в русле повседневности, а значит не достойных внимания. При этом сами факты рождений, смертей и т.д. достаточно тщательно фиксировались автором.

Дневниковые записи позволяют судить об отношении их авторов к церковным делам и событиям церковной жизни и даже об их отношении к религии и вере. К числу событий, которые тщательно фиксирует Иов Блинов, следует отнести начало строительства и ремонта городских храмов, их освящение, украшение, он отмечает приезды в город священнослужителей из других регионов. Только среди записей 1774 г. у Иова есть три, которые с точностью до дня датируют такие события. «1774 году августа 10-го дня у Троицы у Белай иконостас исподний ярус поставили и позолотили и госпоцки праздники и местные образа написали. У Микиты Мученика церковь освятили за Тверцою 1774 году сентября 25 дня. У Катерины Мученицы зачели бут бутить на церковь 1774 году сентября 20-го дня», – записал Иов⁴⁰.

Иов неоднократно отметил факты посещения церковных служб членами императорского дома. В ряде случаев он очень детально описал действия монархов и, кажется, что он находился в непосредственной близости от них. Такое ощущение приближенности Иова к царствующим особам наиболее выражено в текстах, относящихся к периоду 1785–1812 гг. Вот как описывает Иов пребывание в городе Екатерины II в начале июня 1785 г.: «Во Тверь приехала майя 31-го дня в 3-м часу сполдень, была в соборе, из собора шла пешком во дворец и ночевала. Июня 1-го дня слушала обедню и хлеба кушала и, откушавши, поехала в Москву от обедни из собора прямо в дорогу и ехала из городу до самого конца Ямской шагом и народу было множество и друг друга давили»⁴¹.

Влас Томилов гораздо реже сообщал о событиях местной церковной жизни: сменах епископов, их переездах из городской резиденции в загородную и пр. Не часто мы находим в Памятной книге Томиловых и факты строительства или ремонта церквей, при этом Влас неоднократно писал о пожертвованиях в пользу церкви и о цене икон, заказанных для своего дома. Влас тщательно фиксировал свои затраты на приобретаемые для украшения икон материалы, а также сто-

имость работы мастеров-ювелиров. Нельзя не отметить тот факт, что затраты на домовые иконы были гораздо больше, чем затраты на украшение храмовых икон. На серебрянный оклад для образа Федоровской божьей матери в декабре 1816 г. Влас потратил 286,6 рубля. Оплечие на образ четырех богородиц обошлось ему в 1820 г. в 125 рублей вместе с работой. В том же году на жемчужную ризу на образ Федоровской Богородицы было потрачено 110 рублей. Позднее суммы затрат на эти цели лишь увеличивались. Что касается храмовых икон, то Влас дважды сообщил о расходах на украшение фольгой образов в Девищем монастыре, что обошлось ему в общей сложности в 100 рублей⁴².

Если проследить, что и как фиксировал М. Тюльпин по поводу событий церковной истории, то не трудно заметить, что, рассказав о судьбе храмов после пожара 1763 г., потом он крайне редко сообщает о них что-либо. Но при этом М. Тюльпин скрупулезно отмечал смены епископов в Тверской епархии, иногда – смену игуменов и архимандритов, часто сообщая сведения о более раннем периоде их жизни, а подчас и об их последующей судьбе. Каждый из епископов, который побывал в Тверской епархии при жизни Михаила, имел в его рукописи свой номер. Причем номера, присвоенные Михаилом тому или иному епископскому правлению, иногда обозначены не только в тексте, но и на полях рукописи арабскими цифрами. В 1763 г. Михаил сделал две записи: «Майя 28-го определен сюда епископ Энокентий. Встречу его не упомню за малолетством. В том же году определен во Псков ноября 2-го дня. На моей памяти первой архиерей... Декабря 6-го дня определен сюда преосвященный Гавриил, но встречу его за малолетством не упомню, но только часто ходил я смотреть его в служении и слушать его проповеди, которые говорил он очень хорошо. [В] 1770 [г.] переведен в Санкт-Петербург, второй н[а] п[амати]»⁴³.

Более поздние записи содержат сведения о том, как и где встречали преосвященных. «5. Сентября 22 дня определен сюда преосвященный Иоасаф из Нижнего Новгорода, который прибыл сюда декабря 6 дня. Встреча была, и облачался в церкви Вознесения Господня и шел со кресты до собора для служения литургии. Был здесь при епархии 4 года и 2 месяца и 6 дней. 1788 году февраля 12 дня преставился и погребен или поставлен в Желтиков монастырь, в церковь Успения Богоматери за левою крылостью, противу другого окна, неподалеку

от стены выложена палатка. Пятой архиерей на моей памяти», – записал Михаил в 1783 г.⁴⁴

Подобные части в Летописи М. Тюльпина по своей конструкции тяготеют к мемуристике и историческому нарративу. Примерно в таком же ключе написаны и первые страницы Летописи, где рассказывается о перепланировке и перестройке Твери после большого пожара, произошедшего в 1763 г. Близость Летописи Тюльпина к историческому сочинению – отличительная черта данного памятника на фоне других сохранившихся текстов горожан.

Внимание различных авторов к историческому прошлому города и смене епископов объясняется, скорее всего, тем обстоятельством, что в 70-х гг. XVIII в. архиепископ Тверской и Кашинский Платон Левшин сделал «социальный заказ» – собрать сведения обо всех местных иерархах и местной истории. В негласном конкурсе победил Д. Карманов, а собранные им сведения были размещены на стенах городского собора. Д. Карманов умер еще в 1795 г., а Михаил Тюльпин, по всей вероятности, рассчитывал на то, что у властей (церковных или светских) рано или поздно возникнет потребность в дополнительных сведениях по истории края. Это наше предположение основано на копии письма В. Яньковского, подшитого к копиям же экземпляру Летописи М. Тюльпина, обнаруженной в документах Тверского государственного объединенного музея⁴⁵. В. Яньковский сделал некоторые поправки к тексту Михаила, посоветовав ему дополнить описание тверского пожара 1763 г. некоторыми деталями.

Текст письма позволяет думать, что М. Тюльпин рассчитывал на востребованность текста своей Летописи современниками. До определенного времени (примерно до 1800 г.) он писал историю города достаточно последовательно и регулярно. Однако нельзя не отметить, что часть Летописи, сообщавшая как выглядела Тверь до пожара и как город изменился после него, прописана наиболее детально и больше всего в жанровом отношении напоминает исторический очерк.

Различна и степень внимания авторов дневников к событиям семейной жизни, фактам рождения своих и чужих детей, к смерти соседей и родственников. Она зависит прежде всего от времени записей и от индивидуальных черт характера автора, его представлений о том, какими должны быть дневниковые записи.

Иов Блинов был очень скуп на записи о жизни семьи, особенно в первые годы ведения дневника. Род занятий Иова и его сыновей совершенно не известен из текста семейного памятника. Лишь в середине XIX в. внуками Иова были сделаны некоторые записи на этот счет. Иов практически ничего не сообщил о женщинах семьи, он называл их имена обычно лишь в связи с их смертью. В первые десятилетия ведения своего памятника Иов не указывал также и факты рождения внуков, имена невесток. Подобные сведения появились лишь после войны с Наполеоном. После 1835 г. дневник Блиновых вели в основном женщины, и по сути лишь события, происходившие в среде потомков Иова и их ближайших родственников, привлекали их внимание. Из записей этого периода мы знаем о семейных ссорах и можем рассуждать об их причинах.

М. Тюльпин и В. Томилов с одинаковым вниманием относились к фактам рождения сыновей и дочерей, указывая имена, отчества и фамилии своих избранниц. Михаил Тюльпин, сообщив, что женился на дочери купца Петра Федотова Подсыпаньина Евдокии, тут же отметил обстоятельство, по всей вероятности, смущавшее его: «Женился я 17 лет 10 месяцев, а взял я 18 лет 6 месяцев»⁴⁶. Все дети от брака Михаила Тюльпина и Евдокии, кроме первых двух, умерли во младенчестве. Михаил тщательно фиксировал дни рождения и смерти своих детей, подсчитывал количество прожитых ими дней и месяцев, реже – лет. И в этой тщательности подсчетов слышна нота горечи.

По текстам М. Тюльпина и В. Томилова легко прослеживаются генеалогические связи, потому что и Михаил, и Влас часто использовали личные местоимения и указывали на степень родства с различными людьми при фиксации тех или иных событий: «батюшка», «матушка», «зять» и др. «Был брат Осип в Лыскове», – писал, в частности, Влас Томилов. «Марта 6-го дня поутру рано родился сын Никифор. Крестный – батюшка Матвей Федорович, крестная – теща Прасковья Васильевна», – сообщил М. Тюльпин.⁴⁷ Подобные указания очерчивали широкий круг родственников, с которыми поддерживали связи Тюльпины и Томиловы, свидетельствуя тем самым об их общительности.

Знанию родственных связей М. Тюльпина помогает то обстоятельство, что он на первой же странице Летописи описал свое ге-

неалогическое древо. Летопись начинается с фразы: «О начальном происшествии рода Тюльпина». Далее, в своеобразном маленьком введении к Летописи, Михаил сообщил о своих предках: Василии Григорьевиче – священнике церкви Николая Чудотворца, располагавшейся на территории тверского Кремля, о прадеде Григории Васильевиче, «который вышел в посад или купечество и перешел жить на Большую улицу в приход ко Владимирской Богородицы»⁴⁸. Затем М. Тюльпин перечислил всех потомков Григория мужского пола.

Исследуемые тексты крайне мало сообщают о повседневной жизни горожан, некоторое исключение в этом плане – Памятная книга Томиловых. Кажется, это единственный памятник, где детально указаны цены за выполнение тех или иных работ по ремонту дома, изготовлению образов или окладов для них и т.д. Источник сообщает, например, что в 1827 г. «марта 18-го сделан новый ларь. Работал Андрей Молодцов за 21 руб. 60 коп. Железной прибор – Фома за 20 руб. Прибавлено столяру 5 руб.»⁴⁹.

Вероятно, по мнению Томиловых семейная летопись должна была отражать прежде всего реальную жизнь семьи и ее повседневные заботы, включая заботы о хлебе насущном, о комфорте и удобстве дома, где проживала семья, и т.п. О стремлении Власа к комфорту свидетельствует множество записей, особенно относящихся к 1817 г.: «Октябрь. 16-го числа купили мы с аукционного торга дом после Ивана Петровича Черепягина, ценою за семь тысяч двести двадцать пять рублей... Ноября 6-го порядил я плотников делать забор, ворота и крыльцо. Все оное за 200 руб. ...Поряжены печники зделать внизу 2 и вверху 3 печи, старые сломать и мусор вычистить, ценою за 135 руб. Работать начали 10-го декабря, окончили 7-го февраля. Работали Илья Воеводин и Степан Народов»⁵⁰.

В тексте по истории семьи Томиловых многие записи свидетельствуют об активной торгово-предпринимательской деятельности членов семьи. Под 1795 г. сообщается: «Генваря 15-го взяли лавку в Железном ряду после Семена Цаплина под № 4-м. Платили за оную по 30 руб. в год. Товару снято у Цаплина на 170 руб.»⁵¹. Влас зафиксировал многие детали своих торговых операций, позволяя определить размер полученной им прибыли, а также сформировать представление о харак-

тере отношений, существовавших между тверскими купцами, которые, как известно, строили свое благосостояние на перепродаже зерновых, муки, круп. В 1824 г. Влас Томилов записал: «Сего года было у меня в покупке овса 2138 кулей по 6 руб. 20 коп., муки – 254 куля по 11 руб. 80 коп. А продал овес Максиму Иваночу и Ивану Козмичу по 7 руб., муку по 13 руб.» Под датой 1807 г. Влас Томилов отметил: «Октября 20-го брат Осип покупал хлеб в Лыскове, которой остался на зимовку в Нове Городе, которой тут же и продан: мука аржаная за куль по 9 руб. 10 коп., овес по 5 руб. 10 коп., ячмень 6 руб., солод за 2 пуда 2 руб. 30 коп. Денег половину ждать»⁵².

Сведения о ценах и их колебаниях являются обязательным атрибутом каждого годового цикла записей М. Тюльпина, но они сообщаются без всякой связи с хозяйственной деятельностью семьи или состоянием экономики города или страны в целом. Совершенно не понятно, высоки или низки эти цены, зачем они приводились автором, в связи с чем создается впечатление, что они были зафиксированы исключительно для памяти потомков.

Авторы дневниковых записей скупы на выражение эмоций, но Памятная книга Томиловых, в период, когда ее вел Влас, и в этом случае представляет исключение. Из записи, относящейся к 1817 г. становится известно, что «сего ж месяца разделились мы с братцем Осипом Григоричем: лавка старая мне, а ему старой дом, которой положен по воле брата в 8000 руб., а я полагал – 10000»⁵³. Само построение записи позволяет говорить о возникших незадолго перед этим семейных противоречиях, хотя прямых указаний на этот счет в рукописи нет.

Влас не стеснялся в оценках людей, выражениях своих наблюдений и чувств по их поводу. Наиболее часто он выражал свое отношение к другим горожанам, фиксируя факт их смерти. Например, под 1828 г. есть запись: «20-го [февраля. – *Н.С.*] преставилась Настасья Ивановна Нечаева. Больна было очень мало. Женщина была очень умная и гостеприимная и веселая»⁵⁴. Не скрывал он и негодования, жалости, сочувствия. Вот как он сообщил о смерти племянницы в феврале 1837 г. «Февраля с 26-го на 27-е в ночи скончалась Лизавета Осиповна, дочь брата Осипа Григорыча, а кресница Марьи Никифоровны. В замужестве была три года за Васильем Ильиным На-

заровым. Жизнь ее была самая неприятная: при всем богатстве текли через золото слезы: больна была чихоткою месяца три. Свекор и муж тяготили ее жизнь: первой суровостию, а последней – поведением. Даруй ей, Господи, царство небесное. Жизнь ее продолжилась 22 года не полные»⁵⁵.

Подводя итог, следует отметить, что все рассмотренные нами памятники личного происхождения – результаты творчества представителей 2–3 поколений рода. В основе начальных записей явно лежали наброски предков. Ведение записей предстает как некая семейная традиция. Во всех текстах встречаются записи, придающие им характер мемуарного произведения, но лишь одно из трех описываемых сочинений – летопись М. Тюльпина тяготеет, и только в первой своей части, к историческому нарративу.

В содержании записей дневников, особенно относящихся к концу XVIII – началу XIX вв. наблюдаются некоторая общность: в частности, все авторы упоминают о посещениях Твери представителями царствующей династии, о благоустройстве города, событиях, собиравших большое количество горожан. При этом заметны серьезные отличия в тех деталях, на которые обращает внимание каждый из летописцев. Различия наблюдаются и в восприятии авторами происходивших событий и в отношении к ним. Если описание похорон Александра I у Петра Блинова пронизано скорбью, то у В. Томилова в тексте, скорее, сквозит воодушевление от возможности увидеть множество людей, с которыми в повседневной жизни общаться не удавалось: местными дворянами, священнослужителями, придворными генералами.

Памятная книга купцов Томиловых свидетельствует о жизнелюбии ее основного автора – Власа, его общительности. Наиболее пристальное внимание в своем дневнике он уделил житейским мелочам и радостям, торгово-предпринимательской деятельности. Глобальные проблемы: приезды царствующих особ, городские празднества, благоустройство улиц, – его занимали гораздо меньше.

М. Тюльпин уделял этим сюжетам чуть больше внимания, но и для него общественная жизнь города, его благоустройство и даже появления в городе императора не представляло столь большого

интереса, как для Иова Блинова. Не трудно заметить, что многие городские изменения, в том числе благоустройство города в период нахождения в Твери резиденции Г. Ольденбургского у И. Блинова вызывало положительные эмоции, в то время как у М. Тюльпина – раздражение.

В сведениях о личной жизни М. Тюльпин и В. Томилов проявляли себя, как люди, уделявшие значительное внимание семейным заботам. И. Блинов скуп на подобную информацию. Но, скорее всего, это не значит, что он заботился о своей семье меньше. По всей вероятности, он полагал, что тот памятник, который в его семье начали вести в 60–70-х гг. XVIII в., предназначен для записей иного рода. В этой связи следует признать, что на право считаться летописью города может претендовать, пожалуй, лишь дневник Блиновых и прежде всего в той его части, которая была написана Иовом и Петром.

Примечания

¹ Часть из них хранится в коллекции рукописей Государственного архива Тверской области (ГАТО. Ф. 1409). См., например: Памятная книга купцов Томиловых (Оп. 1. Д. 338); рукопись летописи М. Тюльпина (Оп. 1. Д. 1135); дневник Блиновых (Оп. 1. Д. 1137). Дневник жителей Торжка Маслениковых частично хранится в Государственном архиве Тверской области (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2621), рукопись с более поздними сведениями – в Тверском государственном объединенном музее (ТГОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49). Рукопись дневника А. Чиренина находится в Кашинском филиале областного музея (ТГОМ. Кашф КОФ 2657).

² См.: Журнал 76-го заседания Тверской ученой архивной комиссии от 18 июня 1900 г.

³ См.: Летопись о событиях в гор. Твери тверского купца Михаила Тюльпина. 1762–1823 гг. Тверь, 1909.

⁴ См.: Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2007.

⁵ См.: Дневники тверских купцов. Тверь, 2002.

⁶ Дата установлена по водяному знаку бумаги.

⁷ Купеческие дневники и мемуары. С 318.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С 320.

¹⁰ Там же. С 327.

¹¹ Там же. С. 349. Перечень городов в этой записи был дополнен позднее рукой Власа.

¹² Голубев И. Ф. Коллекция рукописей. Краткий обзор. Калинин, 1960. С. 34.

¹³ Об особенностях этого памятника см.: Серeda Н. В. Дневник купцов Блиновых и его авторы // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 256–277; Она же. Про-

странство и время в дневнике купцов Блиновых // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1(12). С. 400–412.

¹⁴ Имеется в виду помещение магистрата.

¹⁵ Купеческие дневники и мемуары. С. 230.

¹⁶ Там же. С. 238.

¹⁷ Там же. С. 287.

¹⁸ Так в тексте. Видимо, имеется в виду, что ездили втроем.

¹⁹ Купеческие дневники и мемуары. С. 238.

²⁰ Там же. С. 248.

²¹ Там же. С. 340–341.

²² Там же. С. 341–342.

²³ Там же. С. 350.

²⁴ Там же. С. 252–253.

²⁵ Там же. С. 269–270.

²⁶ Там же. С. 271.

²⁷ Там же. С. 324.

²⁸ Там же. С. 325.

²⁹ Там же. С. 289, 290.

³⁰ Там же. С. 239.

³¹ Скорее всего, речь идет о Береговой улице.

³² Купеческие дневники и мемуары. С. 239.

³³ Подробнее см.: Серeda Н.В. Пространство и время в дневнике купцов Блиновых...

³⁴ Так в тексте, вероятно, имеется в виду собранный камень.

³⁵ Воксал – территория для прогулок горожан. В начале XIX в. она располагалась возле Московской заставы города.

³⁶ Купеческие дневники и мемуары. С. 240.

³⁷ Там же. С. 343. Запись датирована 1827 г.

³⁸ Вероятно, речь идет о танцах.

³⁹ Купеческие дневники и мемуары. С. 228.

⁴⁰ Там же. С. 227.

⁴¹ Там же. С. 232.

⁴² Там же. С. 331, 336, 339.

⁴³ Там же. С. 270.

⁴⁴ Там же. С. 276.

⁴⁵ ТГОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148.

⁴⁶ Купеческие дневники и мемуары. С. 274.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 266.

⁴⁹ Там же. С. 343.

⁵⁰ Там же. С. 334.

⁵¹ Там же. С. 320.

⁵² Там же. С. 338, 324.

⁵³ Там же. С. 334.

⁵⁴ Там же. С. 344.

⁵⁵ Там же. С. 358.

**КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ НА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ ГРАФОВ
СТРОГАНОВЫХ.**

**ОТЕЦ И СЫН А.Е. И Ф.А. ТЕПЛОУХОВЫ В ПИСЬМАХ
И ДНЕВНИКАХ 1831–1902 гг.**

Делом жизни и главной темой для коллекционера, как правило, выступает собранная им коллекция. В коллекционировании, несомненно, отражается история с точки зрения субъектности, в этом смысле коллекция может выступать эго-источником. Более того, чем ярче в конкретном собрании выражена личная тема, пристрастия и увлечения, тем в большей степени такая коллекция отражает не столько свое время, сколько личность коллекционера. Собирая коллекцию, коллекционер, зачастую, обретал самого себя.

Появление коллекционирования в России как культурной практики связано с процессом европеизации, начатым реформами Петра I. Приобщение к европейским ценностям и образу жизни проходило неравномерно, как относительно социальных групп, так и столичной и провинциальной России¹. История коллекционирования маркирует и иллюстрирует постепенный характер европеизации, в рамках которого собирательство выступало одним из коммуникационных каналов европейских ценностей и образа жизни.

Данный процесс находит отражение в биографиях коллекционеров, в эго-документах, выступающих не только источниками по истории коллекционирования, но и истории субъектности. Процесс европеизации связан с рождением идеи личности, с появлением возможностей для выбора моделей поведения, его рационализацией. Какие факторы могли выступать катализатором для развития субъектности? На примере истории одной семьи, отраженной в эго-документах, попробуем зафиксировать этот процесс и его динамику.

Биографии Александр Ефимовича и Федора Александровича Теплоуховых, отца и сына, во многом очень схожи. Оба относились

к так называемой служительской интеллигенции, большую часть жизни трудились в Пермском имении графов Строгановых.

Высокий уровень образования, осознание своей миссии приводили к потребности в рефлексии, фиксации своих мыслей, чувств, поступков, что подтверждается большим количеством документов личного происхождения, которые хранятся в Государственном архиве Пермского края в родовом фонде Теплоуховых. Данный фонд во многом уникален, представляя собой своего рода семейную сагу, касающуюся не только истории этой семьи в нескольких поколениях, но и отражающую социальную, культурную историю страны и региона, позволяющую выходить на проблемы изучения истории археологии и коллекционирования, лесоводства и образования.

А.Е. Теплоухов (1811–1885), выходец из крепостной среды, благодаря Строгановым получил образование в одном из лучших высших учебных заведений по лесному делу – в Тарандтской королевской лесной академии в Саксонии. Около сорока лет Александр Ефимович состоял на службе у Строгановых, главным образом в Пермском имении, где дослужился до главноуправляющего, был главным лесничим. Создав в то же время первые русские руководства по лесоводству, Теплоухов заслужил на этом поприще титул «патриарха русского лесоводства»².

Коллекционирование, по сути, входило в круг обязанностей А.Е. Теплоухова: с момента обращения С.Г. Строганова относительно поиска и покупки для него археологических находок Александр Ефимович стал основателем и своего семейного собрания, особую группу в котором составляли археологические древности. Более того, после выхода в отставку коллекционирование и занятия археологией стали основным жизненным интересом А.Е. Теплоухова. Можно предположить, что именно коллекционирование, как сфера свободного времяпровождения, в отличие от выполнения служебных обязанностей, стало для А.Е. Теплоухова способом обретения субъектности, конструирования своего мира, который он так стремился спасти от любых внешних вторжений и чужих глаз.

Ключевой фигурой, повлиявшей на А.Е. Теплоухова как в отношении коллекционирования, так и элементов образа жизни, выступил

С.Г. Строганов. Видимо, одним из первых событий, повлиявших на Теплоухова, была его поездка вместе с С.Г. Строгановым в Ригу в 1831 г. В дневнике, который А.Е. Теплоухов вел по примеру многочисленных записок путешественников, отразилась его во многом еще подданныческая психология, проявлявшаяся, в частности, в том, что он с благоговением принимал заботу о себе со стороны патрона: «Прекрасный Господин, я бесконечно благодарю его о моем попечении»³.

Теплоухов отдавал все свои письма для прочтения С.Г. Строганову, соблюдал его требование не заводить самостоятельных знакомств, читал книги из списка, рекомендованного Строгановым, принимал наставления об изучении немецкого языка, понимая свое путешествие как важную часть образования и воспитания.

Самым несчастным днем в дневнике назван день, когда А.Е. Теплоухов переписывал казенные бумаги для графа и совершил ошибки, следствием чего стало требование С.Г. Строганова нанять двух писарей: «Это все равно, что меня вывести на парадную площадь близ столба с надписью "дурак". Самолюбие мое жестоко оскорблено»⁴.

Получив образование в Германии, оставаясь крепостным, А.Е. Теплоухов, видимо, усвоил европейский образ жизни, ему было предложено остаться в качестве преподавателя в Тарандтской королевской лесной академии, речь даже зашла о его женитьбе на дочери профессора К.Л. Крутча. Вернувшись к Строгановым, он получил свободу, женился на Р.К. Крутч, но до конца своих дней считал себя во всем обязанным семье Строгановых, прежде всего, в отношении службы не за страх, а за совесть.

В 1847 г. А.Е. Теплоухов приехал в Пермское имение Строгановых, вступив в должность лесничего. О том, что он чувствовал себя «белой вороной» среди остальных служащих, можно судить только по обрывочным сведениям о неприязни А.Е. Теплоухова к главному управляющему В.А. Волегову, неумеренно пьянствовавшему, что не могло не отражаться на служебных обязанностях. Вероятно, всеми силами А.Е. Теплоухов стремился создать вокруг себя привычную для себя обстановку, в которую входили служба, занятия наукой и педагогической практикой, формирование личной библиотеки, а также особая манера одеваться, курение табака, употребление хорошего чая и кофе.

С.Г. Строганов был страстным коллекционером древностей, это увлечение было связано не столько с семейными традициями, сколько с тем интересом к памятникам древних цивилизаций, который он наблюдал во Франции, в Лувре, первом публичном национальном музее. Узнав, возможно, благодаря публикации в «Отечественных записках» заметки П.И. Мельникова-Печерского о посещении села Ильинского, о коллекции древностей В.А. Волегова⁵, С.Г. Строганов обратился к Теплоухову с просьбой, по сути, требованием, покупать у местного населения археологические находки и клады.

Впоследствии, уже после смерти В.А. Волегова, именно с покупки части его коллекции А.Е. Теплоухов начал свою собирательскую деятельность. С.Г. Строганов обратился к Теплоухову с письмом, в котором пояснил свой интерес к археологическим древностям Прикамья, а также просил продолжить покупку находок: «В настоящее время я в особенности занимаюсь исследованиями в происхождении Скифов, одноплеменных с Чудами или финнами, переселившимися с равнин Ср[едней] Азии в первых веках после Рож[дства] И[исуса] Х[риста]. На юге раскопки курганов открыли науке важные данные, но недостаточно много, чтобы определить, где по близости Волги или Камы [произошло] разделение племени, часть которого потянулась на юг, а другая пошла на Север и населила север России и берега Балтийского моря! В последнем случае все находки в старинной Биармии могут быть очень важны для науки, а потому Александр Ефимович, я обращаюсь к Вам, не из-за одной прихоти, а от имени науки я прошу способствовать мне ... к отысканию Археологических памятников означенной эпохи, и радушно и щедро расплачивать[ся] моими средствами. Граф Сергей Строганов»⁶.

Таким образом, именно коллекционирование становится общим делом, увлечением как С.Г. Строганова, так и А.Е. Теплоухова, создает лишний повод для их общения. Но для этого А.Е. Теплоухову нужно было не только присылать купленные находки, но и быть готовым вести диалог на научные темы, связанные с археологией. Постепенно лесоводство отошло на второй план, А.Е. Теплоухов с увлечением занимается пополнением своей коллекции и ее изучением. Так, с 1867 г. он вел археологический дневник, в который заносил сведения

об археологических находках и кладах, о приобретении древностей в свою коллекцию. О способе, с помощью которого пополнялась археологическая коллекция, говорит следующее высказывание А.Е. Теплоухова: «Мои лета и денежные средства не позволяют мне предпринимать разезды и раскопки в больших размерах. Однако крестьяне часто приносят мне и продают старинные изделия, которые они собирают при обработке своих полей, и моя коллекция, таким образом, значительно увеличивается бронзовыми и другими древностями из чудских поселений»⁷.

Предпринимал А.Е. Теплоухов поездки по интересующим его в археологическом отношении местам, пользуясь даже малейшей возможностью для отыскания древностей, что, конечно, негативно сказывалось на сохранении археологических памятников: «В прошлом году во время посещения моих родственников в Кудымкаре, я с археологической целью, осмотрел окрестности села и вблизи его на высоком берегу Кувы, нашел место под пашнями с явными признаками городища, занимающее около полудесятины пространства. Не имея достаточно времени на собирание вещей, я пригласил тогда детей местных жителей, учеников школы, и показал им, чего они должны искать в этой местности, обещая за каждую, даже мелкую вещицу от 1 до 10 копеек. С прилежанием муровья принялись они за рытье земли куштанами, палками и пальцами»⁸.

С предметами из своей коллекции А.Е. Теплоухов не расставался даже во время путешествия в Европу. Он посещал европейские музеи, знакомился с их археологическими коллекциями, методами их классификации и хранения, привнося эти передовые знания и технологии в свою коллекцию, занимаясь ее описанием, поиском аналогий. Позднее, когда в Ильинское приедет известный русский археолог А.А. Спицын для составления каталога коллекции Теплоуховых, сын Александра Ефимовича, Федор Александрович, будет рассказывать, как рассматривая в очередной раз в своем кабинете какой-нибудь предмет пермского звериного стиля, отец радовался, как ребенок, обнаружив какую-то деталь, часть, которую до того не замечал.

Именно через практику коллекционирования А.Е. Теплоухов разрушает социальные преграды и сокращает в том числе и расстояние

в веках между провинциальным селом Ильинским, столичными и европейскими научными центрами. А.Е. Теплоухов состоял членом Германского общества антропологии, этнологии и первобытной истории, Антропологического общества в Вене и Финно-угорского общества в Гельсингфорсе.

Но ощущение собственной свободы было еще робким и нуждалось, с одной стороны, в постоянных подтверждениях своего нового статуса, с другой стороны, охране своей коллекции от всех тех, кто мог на нее претендовать.

После смерти А.Е. Теплоухова на семейном совете было принято решение не делить коллекцию, а передавать ее одному из членов семьи, кто в наибольшей степени проявит к этому интерес. Таким человеком стал Федор Александрович Теплоухов (1845–1905).

После ранней смерти жены все заботы, связанные с воспитанием и образованием троих детей легли на плечи А.Е. Теплоухова. Своим сыновьям он стремился дать высшее образование, для чего обратился за финансовой помощью к Строгановым. Более того, Федор Александрович, по сути, прошел по пути образования А.Е. Теплоухова, получив профессию лесоведа в той же Тарандтской королевской лесной академии. Еще обучаясь в Пермской гимназии, Ф.А. Теплоухов пишет письма родственникам, особенно тесные и доверительные отношения сложились у него с отцом, что со всей наглядностью демонстрирует их переписка.

С раннего детства Федор Александрович помогал А.Е. Теплоухову, зарисовывая археологические находки, хотя его профессиональные интересы были далеки от археологии и древней истории. Разделяя многие увлечения отца, Ф.А. Теплоухов вместе с тем не планировал служить вдали от столиц, в Ильинском, ему виделось призвание профессора ботаники или зоологии. Реализуя эту цель, он не только блестяще учился в Германии, но и вынужден был с целью подтверждения диплома и получения степени проучиться в Петровско-Разумовской академии. За годы обучения в академии Федор Александрович получил большую золотую медаль за научную работу о короедах, принимал участие в геологической экспедиции на Алтай, в устройстве и организации лесного отдела на Политехнической

выставке 1872 г. Будучи лично известен министру государственных имуществ П.А. Валуеву, он вполне мог рассчитывать как на профессию в академии, так и на иную служебную карьеру. Однако вместо этого Ф.А. Теплоухов принял назначение на должность лесничего в Пермское имение Строгановых: «Но не поступить на службу к графу – положительно нельзя. Представьте себе, если я вдруг остануся здесь. Я уверен, что в таком случае многие из тех, которые удивляются теперь, зачем я еду в Пермь, стали бы кричать, что это черная неблагодарность. Учился, начиная с гимназии, на средства Строганова, а потом и раскланялся»⁹.

Изначально Ф.А. Теплоухова еще надеялся, что, закончив службу в Ильинском, он сможет получить место в одном из столичных университетов. Но судьба распорядилась иначе, и Федор Александрович более тридцати лет прослужил в Ильинском, получив должность главного лесничего после выхода в отставку А.Е. Теплоухова.

Своего рода катализатором размышлений о своем предназначении, месте в жизни, для Ф.А. Теплоухова, видимо, послужил опыт пребывания и обучения в Германии: «Да, время летит стрелой и вот уже месяц последнего семестра за мною; а потом что? – Я так привык к этой спокойной, вольной жизни, так свыкся с здешними людьми, нравами, обстоятельствами, что как будто бы родился здесь, а жизнь в Ильинске и Перми кажется длинным сном»¹⁰.

В Германии, в академии, Ф.А. Теплоуховым были сформированы определенные представления о профессии лесовода и требованиях к подготовке: «Из Германии я привез с собой представление о профессоре технических наук, каким является в наше время лесовод, как о человеке, равно знакомым как с теорией, так и с практикой. Это и есть самая слабая сторон Петровской академии, что профессора специальных наук смотрят на свои предметы как на какие-то чистые науки вроде высшей математики, которые можно изучать и читать, не выходя из кабинета»¹¹.

Не удивительно, что возвращение из Германии в Россию осмыслялось Ф.А. Теплоуховым как некая миссия: «Здесь, в центре цивилизации, где плоды ее: библиотеки, театры, концерты, собрания и пр., пр., так сказать, окружают нас, конечно приятнее жить, чем где-нибудь

в глуши в Перми, кто бы вздумал отрицать это! Но я знаю, что прислан сюда не для того, чтобы наслаждаться дарами ее и я не упускаю ни на минуту из глаз цель, к которой я должен стремиться»¹².

В Петровско-Разумовской академии Ф.А. Теплоухов пытался найти единомышленников, так он описывает небольшой круг слушателей, увлекавшихся ботаникой и энтомологией и собиравшийся у князя Вяземского¹³: «Но в их коллекциях и вообще занятиях господствует полнейшая небрежность и по их словам моя коллекция насекомых и гербарий – "чисто немецкие", как будто не может существовать порядочной русской коллекции!»¹⁴

В письмах к отцу Ф.А. Теплоухов делился и своими страхами относительно возвращения в Пермскую губернию, на службу: «Вчера я опять был у Н.Н. в конторе. В разговорах он не сказал ничего нового, за исключением разве того, что нам, молодым людям, предстоит на Урале еще другое, "цивилизаторское" назначение. Нужно обходиться с людьми гуманно, а не корчить из себя какого-то владыку, как покойный Демидов¹⁵, который казался в Москве порядочным человеком, а в Очере ... сделался "порядочным скотиной"»¹⁶.

Ф.А. Теплоухов особенно переживал за то, что не сможет заниматься наукой как основным своим предназначением: «Одно только предвижу, что я не вытерплю так долго, если буду лишен возможности уделять главную часть времени на научные занятия. После всех трудов и успехов на этом пути, я не способен превратиться в "служителя", хотя бы и "высококачественного", ставящего ... цель своей жизни ... канцелярской службе»¹⁷.

Переживался и тот факт, что после 1861 г. отношение к лесному хозяйству изменилось не в лучшую сторону. Ф.А. Теплоухов, получивший лучшее образование в этой области и наблюдавший подвижную деятельность отца в качестве главного лесничего Пермского имения Строгановых, не мог равнодушно ожидать своей участи: «Что касается до службы в имении, то я не питаю себе никаких иллюзий. Куда ни посмотришь: в казенной службе – пакостно, в академии – не многим лучше: интриги, глупости, которые выделяются, многие, по видимому умные и ученые люди, то что же можно ожидать от службы в "дореформенной губернии"? Впрочем, по моему мнению, лесничий и не обязан предаваться горести, страдать и распинаться за леса, если

их губят владельцы их. Мне кажется, что обязанность его в этом случае состоит только в том, чтобы указать владельцу, всякими зависящими от него мерами на опасность, грозящую впоследствии его карману. Если же люди не понимают своих выгод, то ему не остается другого пути, как отправиться туда, где его деятельность будет полезнее»¹⁸.

Оказавшись на службе в Пермском имении Строгановых, Ф.А. Теплоухов достаточно быстро переключился с научных интересов в сфере ботаники и лесоводства¹⁹ к археологии и этнографии. Свои служебные обязанности он, как и А.Е. Теплоухов, исполнял на самом высоком для того времени уровне, благодаря чему в 1896 г. лесное хозяйство Пермского имения графа Строганова, представленное на Всероссийской художественно-промышленной выставке, было удостоено высшей награды – золотой медали. Однако интерес Строгановых к лесному хозяйству падал, а вместе с тем становились не востребованными и усилия Ф.А. Теплоухова как лесовода. В этой связи занятия наукой, участие в научных обществах, которые в этот период активно развивались, в основном на общественных началах, стали важной частью жизни и самоопределения Ф.А. Теплоухова.

Благодаря наличию археологической коллекции Ф.А. Теплоухов стал членом нескольких археологических обществ, в частности, Московского археологического общества. При этом приняв коллекционирование как семейную традицию, Ф.А. Теплоухов был лишен тех страхов перед публичным раскрепощением собрания, которое было так свойственно его отцу. Изыскав новые источники пополнения коллекции и в разы увеличив ее, Федор Александрович более активно участвовал в научных обществах, съездах и исследованиях. Коллекционирование стало той самой возможностью и ресурсом для занятия наукой, о которой так мечтал Ф.А. Теплоухов, а село Ильинское, по признанию современников, превратилось в настоящий научный центр, куда стремились попасть известные отечественные и зарубежные ученые. Так, в 1887 г. село посетил антрополог, этнограф, географ, археолог и музеевед Д.Н. Анучин, в 1893 г. – профессор Казанского университета И.Н. Смирнов и профессор из Гельсингфорса А.К. Гейкель, в 1896 г. – французский путешественник барон Ж. де Бай, в 1897 г. – английский метеоролог Р. Эберкромби.

Ф.А. Теплоухов, как и А.Е. Теплоухов, вел археологический дневник, в котором фиксировал не только приобретаемые археологические находки, но интересующие его сведения о коллекциях и археологических находках, отражавшиеся в периодической печати. В 1892 г. Ф.А. Теплоухов, понимая всю важность описания имевшихся в его коллекции находок, приступил к подготовке для печати её каталога. Большую помощь в этом Федору Александровичу оказал А.А. Спицын, который несколько раз приезжал в Ильинское, а также поддерживал постоянную переписку с Ф.А. Теплоуховым. В 1902 г. А.А. Спицын с разрешения и одобрения, а также при всяческой помощи Ф.А. Теплоухова опубликовал атлас рисунков «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых», став первым историком коллекции Теплоуховых²⁰.

Очевидно, что коллекция позволила Ф.А. Теплоухову состояться как ученому в археологической науке, несмотря на то, что, уезжая в Ильинское, он так опасался лишиться возможности заниматься наукой, – занятием, в котором он видел свое предназначение. Действительно, Ф.А. Теплоухов, исследуя, прежде всего, находки из своей коллекции, написал, в большинстве случаев выступив первопроходцем в этой области²¹. А.А. Спицын, хорошо знакомый с трудами Ф.А. Теплоухова, отмечал, что «по богатству материала и по стройности выводов и изложения представляют лучшие работы по пермским древностям и ставят имя их автора среди исследователей этих древностей на первое место»²². Вклад Ф.А. Теплоухова в развитие археологии был замечен не только в России, но и за ее пределами: в 1897 г. французское правительство отметило его археологические работы дипломом *Officier d'Academie*, а Финно-угорского общество в Гельсингфорсе включило его в состав своих членов.

Таким образом, коллекционирование стало основным смыслом жизни для Ф.А. Теплоухова, позволило примириться со многими обстоятельствами, казалось бы, мешавшими ему реализовать себя как ученого. Из переписки с научными обществами и учеными явствует, что они обращались к Ф.А. Теплоухову прежде всего как к коллекционеру, владельцу уникального собрания пермских древностей. Так, например, А.А. Спицын в одном из писем Ф.А. Теплоухо-

ву подчеркивал: «Ваша коллекция – двери, ведущие к пониманию древностей огромного района»²³. Осознание своей миссии собирателя было связано еще и с тем, что многие археологические находки пропадали для науки, переплавлялись, продавались заезжим туристам, отдавались детям в качестве игрушек. В этом смысле коллекция и коллекционер позволяли состояться истории.

В целом же анализируя письма и дневники А.Е. и Ф.А. Теплоухова с позиций теории эго-документа, можно сделать выводы относительно роли коллекционирования в становлении и развитии субъектности среди представителей служительской интеллигенции. Коллекционирование как форма социо-культурная практика появляется и развивается в Европе, а затем и России вместе со становлением идеи личности в истории. Собирая научную или художественную коллекцию, коллекционер, как правило, стремился сохранить свое имя в истории, в этом смысле коллекционирование являлось способом самореализации и самопрезентации. При этом поиск своей темы как ключевой принцип коллекционирования давал коллекционеру возможность осознать себя в качестве субъекта взаимоотношений, способствуя процессу самоопределения.

На примере А.Е. и Ф.А. Теплоухова можно наблюдать разный уровень проявления субъектности и потребности в самореализации через практику коллекционирования. Обстоятельства жизни А.Е. Теплоухова и в первую очередь крепостная среда, в которой он был воспитан, до конца не исчезли из его мироощущения, несмотря на европейское образование и успехи в профессиональной деятельности. Ориентируясь в образцах своего поведения на С.Г. Строганова, А.Е. Теплоухов открыл для себя коллекционирование археологических древностей, и это стало для него своего рода личным, а потом и семейным пространством, позволявшим реализовывать себя в свободных от непосредственного контроля занятиях.

Что касается Ф.А. Теплоухова, то еще в период обучения он осознал свое предназначение профессионального ученого. Но долг перед Строгановыми, авторитет А.Е. Теплоухова увели его из центра научной жизни в провинцию, где, казалось бы, реализовать себя как ученого было практически невозможно. Воспользовавшись шансом в виде

семейной коллекции, собранной А.Е. Теплоуховым, Федор Александрович не просто состоялся в социально значимой деятельности, в коллекционировании. Он занял активную позицию в общении с научным сообществом, ощущая нужность своей собирательской и просветительской деятельности, в конце концов, превратившись в признанного ученого и тем самым осуществив свое предназначение.

Примечания

¹ См.: Игнатьева О.В. Частное коллекционирование в процессе европеизации России // Вестник Пермского государственного университета. Сер.: История. 2014. Вып. 2(25). С. 22–27.

² См.: Теплоухов А.Е. Устройство лесов в помещичьих имениях: руководство для управителей, лесничих и землемеров. СПб., 1848; Он же. Исторический взгляд на лесохозяйство в Пермском нераздельном имении гр. Строгановой. Пермь, 1881.

³ ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 22. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 27.

⁵ См.: Мельников П.И. Дорожные Записки из Тамбовской Губернии в Сибирь. Статья восьмая, с рисунками (Обва. – Бармийцы. – Пермские древности. – Кабинет г-на Волегова) // Отечественные записки. 1841. Т. XVIII. С. 63–65.

⁶ ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 192. Л. 7.

⁷ Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. VI. Вып. 1. Екатеринбург, 1880. С. 4.

⁸ Там же. С. 41.

⁹ ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 418. Л. 176.

¹⁰ Там же. Л. 185.

¹¹ ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 419. Л. 120.

¹² Там же. Л. 159.

¹³ Возможно, речь в письме идет о Борисе Леонидовиче Вяземском (1848–1909). Одним из увлечений князя Вяземского были фенологические и орнитологические опыты. Он много лет наблюдал за явлениями природы, составил местный фенологический календарь, проводил в имении Лотарёво ботанические опыты. Вяземские // Большая Российская энциклопедия / отв. ред. С.Л. Кравец. М., 2006. Т. 6. С. 198.

¹⁴ ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 419. Л. 2.

¹⁵ Вероятнее всего, речь идет об управляющем Очерским округом Егоре Константиновиче Демидове. Был дворовым мальчиком у Е.П. Строгановой, за милостивую внешность получил прозвище Керубино; в 1843 г. стал личным секретарем С.В. Строгановой, постаревшим был отправлен управляющим в Очер (см.: Малков Ф.М. В старом Очере: Записки краеведа. Пермь, 1959).

¹⁶ ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 419. Л. 175.

¹⁷ ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 418. Л. 125.

¹⁸ ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 419. Л. 181.

¹⁹ Известно, что Ф.А. Теплоуховым была открыта фиалка *Viola Willkommii*. Его изыскания в области ботаники нашли отражение в ряде таких изданий, как: «Ein Beitrag zur Kenntniss der sibirischen Fichte» и «*Abies obovata*» («Bullet. de la Société impériale des Naturalistes de Moscou», 1868); «Ein Blick auf das Klima und die Vegetation im westlichen Altai» («Ausland», 1869), «Der Altai, sein geologischer Bau und seine Erzlagerstätten von B. von Cotta» (Лейпциг, 1871; здесь Теплоухову принадлежали IV глава «Bemerkungen über Klima und Vegetation im Altai» и V глава «Anhang Allgemeine und nachträgliche Bemerkungen»).

²⁰ См.: Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых: Атлас рисунков с предисловием Члена Императорской Археологической Комиссии А.А. Спицына. СПб., 1902.

²¹ См.: Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Вып. 2. Пермь, 1893; Он же. Древности, найденные в Чаньвенской пещере Соликамского уезда // Пермский край. Вып. 3. Пермь, 1895; Он же. Пермская чудь и ее культурная обстановка // Пермские губернские ведомости. 1894. № 101, 103; Он же. Рисунки древностей Пермской чуди, принадлежащих Пермскому музею // Труды ПУАК. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 152–163; Он же. Чудское жертвенное место на р. Колве // Там же. С. 131–151.

²² Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых... С. 15.

²³ ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 807. Л. 7.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В ВОСПОМИНАНИЯХ РАБОЧИХ/БОЛЬШЕВИКОВ УРАЛА**

Современная историографическая ситуация развивается под мощным воздействием «культурного поворота», поместившего в фокус исследовательского внимания данные о культурно обусловленных свойствах и отношениях исторического субъекта. Оформление целого ряда «новых» историй (социальной, политической, культурной, интеллектуальной и др.) привело к переносу внимания с изучения общественных структур и процессов к истолкованию поведенческих стратегий и интерпретаций исторических акторов (индивидуальных и коллективных), рассматриваемых в контексте институтов конкретно-исторического социума.

В данной исследовательской стратегии особую роль приобретают источники личного происхождения, позволяющие реконструировать «субъективное измерение» исторических процессов, выявить множественные идентичности и вариативные социальные практики их участников. Источники личного происхождения, по верному замечанию А.К. Соколова, «выступают прежде всего как массовые источники, то есть такие, которые служат способом социальной идентификации людей и обозначения реально стоявших перед ними проблем. Язык источника приобретает в этом случае особую важность как способ самовыражения человека. Повторяемость и устойчивость речевых практик в источниках может служить основой для более широких обобщений в социальной истории»¹.

Применительно к периоду Гражданской войны среди источников личного происхождения выделяется огромный массив воспоминаний большевиков, собранных в 1920-е гг. Истпартаком и отложившийся в архивах, а также опубликованных в виде отдельных сборников в 1920–1930-е и 1950–1960-е гг.² За рубежом, а в 1920-е гг. и в нашей стране выходили воспоминания противников большеви-

ков, в том числе из числа рабочих, участвовавших в противоборстве политических сил на Урале в 1918–1919 гг.³

При изучении воспоминаний рабочих-участников революции и гражданской войны следует учитывать наиболее важные достижения современных антропологически-ориентированных направлений историографии, источниковедения, а также смежных социально-гуманитарных дисциплин. Среди них для анализа воспоминаний особую значимость имеют подходы новой политической и новой культурной истории, которые обращают исследователей к изучению политической культуры и политических практик участников исторических процессов. Они позволяют учесть то обстоятельство, что формирование новой советской политической системы в годы революции и гражданской войны происходило на особой почве российской политической культуры, прежде всего традиционной политической культуры массовых слоев населения, и сопровождалось оформлением и укреплением новой, по сравнению с дореволюционной, политической культуры. Как отмечает Б.И. Колоницкий, изучение политических культур особенно важно для историков революций: в нестабильные периоды политические институты порой почти растворяются в политической культуре, и в то же время создаются условия для «застывания», «кристаллизации» политических культур, создания на их основе новых политических институтов⁴. В полной мере данное замечание справедливо для периода гражданской войны, ставшего продолжением и частью российского революционного процесса 1917–1922 гг. При этом необходимо учитывать фактор архаизации общественных и, в частности, властных отношений в периоды глубоких социальных кризисов, гражданских войн, актуализирующих архаические модели социальности и пласты человеческого сознания⁵. В этих условиях происходит поиск новых форм социальных связей, обеспечения социального единства на иной основе, что обуславливает тягу сознания к семиотичности, возрастание роли политических символов⁶. Данные идеи имеют чрезвычайно важное значение для изучения воспоминаний уральских рабочих и большевиков – участников Гражданской войны.

Использование опубликованных в советское время и собранных Истпартом, хранящихся в архивах, мемуаров большевиков и рабочих,

участников гражданской войны, требует особого подхода. Очевидная их тенденциозность определяется тем, что в своем большинстве они были написаны, как метко заметил И.В. Нарский, по определенным «лекалам», «матрицам», заданным конспектами-минимумами для воспоминаний о революции и гражданской войне, – детализированными вопросниками-«подсказками», открывавшими простор «героическому» мифотворчеству, отфильтровывавшему «негероическое», будничное и живое⁷. Помимо этого, они были своеобразным результатом индоктринации сознания рабочих, усвоивших стереотипы и клише большевистской пропаганды, усилившей их склонность делить мир на «своих» и «чужих». Это проявлялось и в истолковании авторами происходивших событий, и в языке мемуаров, было следствием как воздействия официальной пропаганды, так и изменения сознания самих рабочих. Поэтому важным методологическим принципом исследования воспоминаний является их «погружение» в систему всего комплекса источников, порожденных бурным периодом революции и Гражданской войны, соотнесение их информации с данными других документов, учет авторства и обстоятельств создания мемуаров.

Наряду с многочисленными схематичными воспоминаниями, созданными под руководством Истпарта и хранящимися в архивах, в распоряжении исследователя имеются сборники 1920–1930-х гг.⁸, отмеченные важным достоинством – сохранением аутентичного стиля и языка их авторов. В предисловии к сборнику «Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни», изданном в 1935 г. под редакцией М. Горького и Д. Мирского, говорилось, что в нем «сохранены особенности языка авторов. Здесь это обоснованно и оправданно. И именно эта запись живой речи рабочих неизбежно оказывается полемически направленной против дурно-интеллигентского "изобретения" слов и против народнического преклонения и сюсюкания перед местными словечками, перед "провинциализмами". Рабочие-рассказчики стремятся найти слова, наиболее точно, наиболее ощутимо и в то же время наиболее лаконично передающие их воспоминания. Там, где это им удастся, – там рассказы начинают превращаться в типичные изображения, в художественные картины»⁹.

Аутентичность воспоминаний рабочих, опубликованных в другом сборнике, подтверждается обстоятельствами, временем и методом их составления: к четвертой годовщине Октября в короткие сроки были собраны документы и записаны беседы с участниками революции и Гражданской войны на Урале – «никем [ранее – *О.П.*] документально не зафиксированные»¹⁰. Беседы из раздела «По уральским заводам» были взяты составителями из репортажа Урал-Роста, раздел «В колчаковском подполье» представляет собой «перекрестный опрос» двух оставшихся в живых свидетелей описываемых событий: Шепелева и Брагинского¹¹.

Применение метода дискурсивного анализа к исследованию воспоминаний и других источников личного происхождения предполагает интерпретацию текста и его компонентов как репрезентации социальных отношений и социокультурных практик, включающей трактовку того или иного словоупотребления, реконструкцию процессов легитимации смысловых структур.

Мемуары рабочих, большинство из которых стали впоследствии большевиками, свидетельствуют, что в ходе развития ситуации весной-летом 1918 г. им пришлось делать личностный выбор, определяя, на какую сторону баррикад им встать и на что они готовы в этой борьбе. Позднее они вспоминали, какие события дали импульс к принятию судьбоносного решения. Так, в воспоминаниях тагильских рабочих говорится о решающем значении Невьянского восстания, боевых действий против невянской «меньшевистско-эсеровской банды» в Тагиле, разоружившей Красную гвардию и попытавшейся захватить Совет, для вступления рабочих в ряды Красных формирований и перехода к вооруженной борьбе с «белогвардейцами»¹². Рабочий-ломщик И.М. Пылаев вспоминал: «После Невьянского восстания беспартийные рабочие человек по 10, по 15 приходили к нам в третью часть проситься дежурить на случай второго восстания. Потом они в партию вступили. Мы организовали отряд человек в шестьдесят»¹³. О таком же влиянии Невьянского выступления на рабочих свидетельствует рабочий Медного рудника И.Т. Двойников: «До лета 1918 года я все работал на Медном руднике, а потом уже *после невянской банды*¹⁴ записался в Красную гвардию»¹⁵.

В то же время по другую сторону баррикад в Невьянском восстании также были рабочие. Как вспоминал красногвардеец, рабочий-электромонтер из Пашии К.А. Субботин, участник подавления восстания, «около Невьянска, – верстах в трех, что ли, так, – была схватка, где наши броневики и пехотные части выбили из окопов наших противников. Выбили, – и вот тут-то увидели мы раненых и убитых рабочих, воюющих вместе с пиками»¹⁶. Интересно, что «бандами» и «белогвардейцами» называются Невьянские, Тагильские и Шайтанские повстанцы, в большинстве рабочие, а также меньшевики и эсеры в сводке информационного отдела Уральского Управления НКВД о положении в Екатеринбургском уезде в июне 1918 г. Там, в частности, говорится: «Под влиянием агитации белогвардейцев бандами правых социалистов-революционеров и меньшевистской были организованы волостные земства [вместо Советов – *О.П.*], начиная от Невьянска до Петрокаменска... Контрреволюционное движение, подавленное в Невьянске и Тагиле, начинало вспыхивать и в Алапаевском районе, как, например, в Арамашевской, Коптеловской, Мироновской волостях состоялись перевыборы Советов, куда под флагом беспартийных прошли социалисты-революционеры и меньшевики... Из Алапаевска выступил отряд для ловли и разоружения разбегающихся банд»¹⁷.

Аналогичное невянянскому восстанию действие на леворадикально настроенных рабочих Урала оказало выступление атамана Дутова. В воспоминаниях председателя Екатеринбургского Совета первого созыва П.М. Быкова говорится о влиянии этого события на позицию рабочих: «Рабочие злоказовцы, депо, верх-исетцы готовы бросить работу для вооруженной борьбы за Советы... Отправка на Дутовский фронт первых отрядов, составленных из лучших екатеринбургских рабочих, носила торжественный характер. У здания Совета после горячих речей руководителей Совета и комиссаров частей вооруженные рабочие давали клятву умереть на подступах к Екатеринбургу»¹⁸.

Источники свидетельствуют, что весной-летом 1918 г. происходит резкая поляризация настроений и политических позиций рабочих. Леворадикально настроенная их часть, вступавшая в Красную гвардию, Красную армию, боевые дружины начинает принимать активное уча-

ствие в вооруженном подавлении антибольшевистских рабочих восстаний и других выступлений. Вступает в силу механизм кровавого возмездия за убитых родственников и товарищей, раскручивается маховик вооруженного противостояния, что находит отражение и в рабочих воспоминаниях.

Симптоматичными, свидетельствующими о существовании определенных устойчивых представлений рабочих, идеологизации их сознания уже к лету 1918 г. являются выявленные нами в документах сходные языковые клише в текстах разных авторов. Например, в каждом письме принудительно мобилизованных солдат колчаковской армии к красноармейцам, опубликованном в сборнике «Рабочая революция на Урале» офицеры-колчаковцы называются «золотопогонниками»¹⁹, что несет явно выраженный негативный смысл и является одной из репрезентаций образа классового врага. Другой, встречающийся в целом ряде источников, является идеологема «буржуазия». Интересно, что в одном из упоминающихся писем белые называются «крокодилами»²⁰, что вполне укладывается в тенденцию дегуманизации противника, изображаемого в зооморфном виде²¹.

Широко распространенным понятием, используемым рабочими для обозначения классового врага, является термин «банда», подразумевающий олицетворение врагов с преступниками, убийцами и вызывающий сильную негативную ассоциацию. Он используется представителями обоих лагерей²², в том числе красными – для обозначения как участников белого лагеря в целом («белая банда»²³), так и отдельных представителей антибольшевистских сил (казаков, чехо-словаков), а также противников из числа умеренных социалистов («меньшевистско-эсеровская банда»²⁴). Термины «банда», «белогвардейцы» для характеристики всех групп населения, сопротивляющихся большевикам, представленные в воспоминаниях 1930–60-х гг., встречаются уже в официальных документах 1918–1920 гг.²⁵ Это свидетельствует о целенаправленном внедрении властью в сознание рабочих с помощью определенных лексем, клише и ассоциаций негативных образов противников большевиков.

Документы подтверждают, что вмешательство официальной пропаганды в лексическую систему языка с целью создания образа

классового врага включало разнообразные средства. В частности, практиковалось увязывание образов конкретных врагов с политическими и социальными явлениями, к которым эти враги в действительности не имели отношения, но которые могли вызвать резко отрицательные ассоциации (напр., «колчаковские агенты» в отношении бастовавших рабочих или «кулаки» в отношении крестьян и рабочих, поднимающих восстания против большевиков, «бандиты», «банда» в отношении всех участников антибольшевистского движения), использование особой лексики, отражающей те или иные черты, которые представляют врага в наиболее негативном свете («предатели революции», «прислужники Колчака»), но, как правило, не соответствующих действительности, создание с этой целью новых лексем («белобандит», «белопартизанское движение», «белочехи»)²⁶.

С.В. Яров, показавший факторы и направленность трансформации политического сознания рабочих в период революции и Гражданской войны²⁷ подчеркнул роль индоктринации повседневной жизни и быта, включенности в массовые ритуальные формы политической поддержки большевистской власти, тотальной политизации отношений с внешним миром, а также своеобразного *языкового «рабства»* (подчиненности большевизированному политическому языку), взаимозависимости политической дискриминации и понижения социального статуса, которые постепенно меняли мировоззренческую самоидентификацию рабочих. В то же время она трансформировалась не только под влиянием извне, но и изнутри, выражала осознанные чаяния низов, была следствием их традиционных массовых поведенческих установок, использовавшихся властями для стимулирования механизмов «низовой» поддержки создававшегося политического режима²⁸. Несмотря на то, что применительно к Гражданской войне: «мы не имеем прямых откликов тех, кто подвергся идеологической обработке»²⁹, то есть свидетельств восприятия пропагандистских акций теми, кому они были адресованы, мы имеем, как это совершенно очевидно, зримые результаты большевистской пропаганды, воплотившиеся в языке и семантике мемуаров.

Важную роль в процессе приобщения рабочих к формируемой большевиками советской политической культуре играли политиче-

ские ритуалы. Участие в них способствовало усвоению рабочими «правильных» с точки зрения власти мыслительных стереотипов и языковых клише, демонстрировало как конформистские практики поведения рабочих, так и признание ими идеологических формул. Важную роль в приобщении уральских рабочих к большевистским политическим ритуалам в период Гражданской войны играли церемонии празднования 1 мая, похорон большевиков – жертв Гражданской войны³⁰, митинги на предприятиях в связи с разгромом Колчака³¹, празднование годовщины Октябрьской революции³², собрания в поддержку решений Всероссийских съездов Советов³³. На собраниях и митингах звучали звуки Интернационала, рабочие пели «Вы жертвою пали...», принимали постановления против меньшевиков и эсеров как «врагов народа», «соглашателей», «прислужников и опричников Колчака», левых эсеров как «врагов мирового пролетариата», осуждали «мертворожденное Учредительное собрание», призывали к созданию «советов трудящихся всего мира», «такого строя, когда не будет ни бедных, ни богатых». При этом постановления митингов и собраний принимались абсолютным большинством голосов³⁴.

Первые революционные ритуалы и праздники нашли отражение в воспоминаниях рабочих-большевиков. Руководитель Симского окружного Совета рабочих депутатов, а также красногвардейского батальона Миньярского, Симского и Ашинского заводов М.Н. Кокотов так описывает в своих воспоминаниях празднование Миньярскими рабочими Первого мая 1918 г. «В назначенный час к трибуне, увитой пихтовыми ветками³⁵ и украшенной красными флагами, подошли учащиеся и учителя школ. За ними начали прибывать члены партии. Во главе их шли ветераны революции и члены Совета. Колонны рабочих и членов их семей возглавляли цеховые профсоюзные комитеты, члены Союза Социалистической молодежи и рота красногвардейцев в полном вооружении. С приветствием от большевистской партии и докладом о Дне 1 мая выступил председатель Совета. По окончании доклада красноармейцы произвели залп из ружей, а хор певцов вместе с участниками демонстрации исполнил "Первомайскую песню" и "Пролетарии всех стран, соединяйтесь в дружный стан"... Затем демонстранты, а их было более трех тысяч, двинулись

по улицам рабочего поселка»³⁶. В этом описании мы видим смешение элементов традиционного празднования первого мая как совокупности обрядов, связанных с торжеством весеннего обновления природы (украшение пихтовыми ветками, ритуальное шествие по улицам поселка, иерархия построения участников, пение песен) и новых элементов (красных флагов, речей, залпов, пения песен революционных, утверждение новой иерархии участия, взамен традиционной). В то же время пихтовые ветви означали и символическое поклонение, воспевание вечной жизни павших за революцию, что было связано со складыванием уже в первые годы революции мемориальных ритуалов.

Как уже отмечалось в литературе³⁷, в процессе конструирования революционной праздничной культуры большевики использовали понятные рабочим религиозные символы для закрепления в их сознании новых идеалов и ценностей, связанных с революционными событиями. Секуляризованное внешне социалистическое и антибуржуазное массовое сознание было тесно связано с религиозной традицией. Объектом квазирелигиозного поклонения стали символы, институты и лидеры революции³⁸.

Участие рабочих в советских политических ритуалах и одобрение ими коллективных резолюций не означало, разумеется, полного совпадения их позиций с позицией большевиков. Так, характеризуя настроение рабочих Верхне-Салдинского завода, авторы политической сводки штаба 3-й армии РККА от 4 сентября 1918 г. отмечали: «Настроение вообще не особенно важное, так, *несмотря на тысячные митинги и принятые резолюции*, явно прослеживается нежелание идти на фронт»³⁹. Аналогичная ситуация была в Чермозском заводе, о чем писал «Уральский рабочий» в июле 1918 г.⁴⁰

В воспоминаниях рабочих и старых большевиков – участников Гражданской войны на Урале, помимо описания военных действий, различных вооруженных акций, политической и пропагандистской работы, встречаются упоминания тех методов, которые применялись в борьбе с врагами. Они носят характер невольных свидетельств насилия и беззакония, оправдываемых классовыми идеологическими формулами. В частности, описываются, как сами собой разумеющиеся, не вызывающие моральной рефлексии насильственные захваты

оружия у возвращавшихся солдат-фронтовиков, аресты правых социалистов – членов Советов, аресты и расстрелы заложников из числа «эксплуататорских классов», расправы над крестьянами – участниками «кулацких» мятежей, экспроприации ценностей у местного населения и др. акции⁴¹. Так, И.П. Павлов, являвшийся начальником штаба боевых дружин, а затем начальником базы снабжения в г. Котельниче и военным служащим для особых поручений у интенданта 2-й Красной армии так вспоминал о расстреле заложников: «...Местное Чека расстреливало из пулеметов местных заложников – буржуа, в ответ на выстрел в В.И. Ленина. В Котельниче расстреляли несколько десятков человек, выстроив их вдоль берега реки Вятка. Буржуазия дорого заплатила за выстрел в Ленина»⁴². Далее, как техническая операция описывается конвейер смерти: «ЧК... каждую ночь расстреливала по несколько человек. Приговор в исполнение приводили на борту теплохода. Приговоренного к смерти ставили на борту теплохода лицом к воде, стреляли ему в затылок и человек летел за борт в воду»⁴³. Подобные акции «оправдываются» в воспоминаниях с помощью политико-идеологических клише. «Снятие» этих легитимирующих формулировок открывает полную ужасов и трагедий действительность Гражданской войны, вакханалию беззаконий и насилия, которые проявлялись с обеих сторон. В воспоминаниях имеются многочисленные свидетельства зверств белых, но зверства красных, путем сакрализации на основе классовых формул, как бы превращаются в этих документах в оправданную и справедливую «священную борьбу».

Воспоминания свидетельствуют, что уже летом 1918 г. для про-большевистски настроенных уральских рабочих расстрел «классовых врагов» стал обычным делом. Ярче всего об этом говорит язык мемуаров, являющийся своеобразной вербальной репрезентацией социального явления – привычности и легитимности классового насилия. Так, упоминавший выше И.М. Пылаев, рассказывая о стычке красногвардейцев-рудничных рабочих с казаками в районе Шайтанского завода говорит о расстреле захваченных в плен противников как о чем-то обыденном и не вызывающем никаких чувств и размышлений: «К пленнице их – суд известный»⁴⁴.

Практика насильственного роспуска Советов, в которых возобладали антибольшевистские силы, применялась на Урале практически сразу после прихода к власти большевиков и осуществлялась с помощью частей Красной гвардии. Так, в воспоминании старого большевика г. Верхнего Уфалея Г.Д. Алексеева говорится о разгоне объединенным отрядом екатеринбургских и уфалейских красногвардейцев в конце 1917 г. Тюменского Совета, где «засели кулаки, местная буржуазия»⁴⁵. Г.Д. Алексеев пишет: «Отряду поручалось внезапным налетом обезоружить тюменских белогвардейцев⁴⁶, арестовать кулацкий Совет... Красногвардейцы пробыли в Тюмени четверо суток. *За это время они помогли трудящимся провести выборы нового Совета*⁴⁷. Эта «помощь» силами «шести вагонов специального назначения» помимо захвата всех важнейших пунктов города, арестов членов Совета и всех сопротивлявшихся включала также грабеж местного населения. В воспоминаниях говорится: «Красная гвардия дала приказ: всем, кто имеет золото или золотые вещи, сдать в трехдневный срок. Конечно, это золото имела местная буржуазия»⁴⁸, – обосновывает автор с помощью классовой формулы действия красногвардейцев, – «собранные ценности под охраной красногвардейцев вывезли в Екатеринбург»⁴⁹.

Практика насильственного разгона небольшевистских по составу Советов широко применялась и в 1918 г. В воспоминаниях командира Белорецкой боевой дружины большевика И.И. Волкова рассказывается, как в феврале 1918 г. по решению большевистского партийного комитета с помощью боевой дружины была арестована «соглашательская» часть Белорецкого Совета рабочих депутатов и проведены перевыборы Совета⁵⁰. Признавая, что «значительная часть белорецких рабочих в то время находилась под влиянием эсеров», «в Белорецком повсюду орудовали эсеры и меньшевики», «и Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и рабочий контроль над производством, и земская управа, – все они плясали под дудку эсеров-меньшевиков», И.И. Волков считает оправданными действия местных большевиков даже с учетом того, что и после перевыборов «в состав Совета вошли, правда, в меньшем количестве, эсеры и меньшевики»⁵¹. Игнорирование волеизъявления белорецких рабочих дошло до того, что параллельно с не устроившим большевиков вновь в связи со своим составом Советом был создан военно-революционный комитет. Автор так

пишет об этом: «Тогда партийный комитет выносит решение о создании Временного Белорецко-Тирлянского военно-революционного комитета»⁵².

Воспоминания свидетельствуют, что деление большевиками мира на «своих» и «чужих» на основе классовых критериев находило поддержку рабочих, так как имело глубокие традиционалистские корни. Оно зиждилось в психологии горнозаводского населения Урала – продукта традиционалистской горнозаводской культуры⁵³, для которого был характерен дуализм мировосприятия, усиленный факторами архаизации сознания в годы революции и Гражданской войны. Традиционная настороженность и враждебность горнозаводских рабочих по отношению к большинству инженеров⁵⁴ усилилась в годы революции и Гражданской войны, когда к социальному и культурному противостоянию прибавилось военно-политическое и идеологическое.

Расхождение позиций рабочих, их представителей во властных большевистских структурах и, с другой стороны, «буржуазных специалистов» по целому ряду экономических и политических проблем выявилось уже в первой половине 1918 г. на Первом съезде представителей бывших казенных и национализированных предприятий Урала (Екатеринбург, январь 1918 г.), а также во время кампании выборов Деловых Советов по управлению предприятиями национализированных горнозаводских округов Урала. На Первом съезде представителей бывших казенных и национализированных предприятий Урала, который проходил в Екатеринбурге с 4 по 10 января 1918 г., член исполнительного бюро Заводского совещания Уральского района А.А. Кузьмин («профессиональный революционер» с 1906 г.) призвал к удалению инженеров и техников из состава правлений горнозаводских округов и предприятий, и, заодно, к разгону профсоюза инженеров и техников⁵⁵. Накал эмоций, сопровождавших противостояние, можно оценить по тем языковым средствам, которые использовались для описания ситуации. Так, горный техник, член исполкома Облсовета, бывший заместителем областного комиссара снабжения В.М. Быков в «Заметках хозяйственника» вспоминал, что «съезд прошел под дружное *шипение* представителей технического персонала... Инженеры и техники участия в голосовании не принимали.

Управление заводами на местах съезд поручил деловым советам с двумя третями рабочих»⁵⁶.

Аналогичная позиция недоверия к «буржуазным специалистам» самих рабочих проявилась на конференции рабочих, служащих и технических сил предприятий Кыштымского горного округа, созданной в январе 1918 г. для выборов Делового Совета по управлению округом. Ораторы от рабочих на конференции высказались в поддержку не только национализации заводов, но и разгона Учредительного собрания. На возражения делегатов-служащих рабочие заявили, что «если рабочие выносят какие резолюции, то они проводят их даже с оружием в руках; будут защищать и эту резолюцию»⁵⁷.

Локальный мир горнозаводской культуры формировал отношение как к чужакам не только к специалистам, выходцам из буржуазной и интеллигентской среды, но и к «пришлым» рабочим – представителям других регионов страны. Это проявлялось, в частности, в отношении местных рабочих к «пришлым» большевикам. Так, на Ревдинском заводе, по воспоминанию С.С. Киселева, «против Городкова, одного из руководителей местной организации партии, начался настоящий поход. Были пущены все пружины [так в тексте – *О.П.*], в особенности использовалась нелюбовь коренных ревдинцев к пришлым рабочим за то, что они получали еще и квартирные деньги. Городков был пришлый и его удалось свалить с занимаемого им поста – председателя окружного союза металлистов»⁵⁸.

Несмотря на недовольство в рабочей среде политикой большевиков в первой половине 1918 г., реалии курса «белых» правительств обусловили разочарование в них как в возможной альтернативе большевистскому режиму. Произвол военных, несмотря на преобладание в структурах Временного областного правительства Урала умеренных социалистов, стал одной из черт социально-политической действительности вскоре после свержения большевиков летом 1918 г., а в прифронтовой полосе от него не были застрахованы и сами представители правительственных партий⁵⁹. Сотрудник газеты «Вперед» в 1918 г. И.И. Шеломенцев вспоминал позднее о реакции рабочих на террор военных: «Бесчинства белочехов никак не гармонировали со словами эсеров и меньшевиков. Рабочие все чаще спрашивали друг

друга: – Как же так? Где же народовластие? Хватают ни за что, ни про что! Издеваются! И действительно, в городе всюду свирепствовала контрразведка. Людей, будь то рабочие или служащие, хватали на улицах, в домах, на работе... Их сажали в тюрьму, заключали в концентрационный лагерь. В уфимской тюрьме в августе 1918 года содержалось около 500 заключенных – сторонников Советской власти или просто заподозренных в сочувствии ей»⁶⁰. Автор описывает по сути общую практику террора, характерную для действий обеих противоборствующих сторон. Важным в этой ситуации является отмеченное несоответствие ожиданий рабочих, уставших от произвола красных и ожидавших «народовластия» от белых, реалиям нового политического курса антибольшевистских правительств.

Таким образом, воспоминания уральских рабочих-участников Гражданской войны и другие документы свидетельствуют о целенаправленном формировании большевистской властью в сознании рабочих образа справедливой, «священной» борьбы за светлое будущее, легитимирующего классовое насилие. Он включал в качестве основополагающего образ врага – противника большевиков в его различных репрезентациях, что нашло отражение в последующих, раньше или позже созданных текстах воспоминаний. На всем протяжении советской истории не произошло коренной ревизии представлений о целях, характере противостояния, противниках большевиков в годы Гражданской войны⁶¹, поэтому оценки и представления, зафиксированные в воспоминаниях 1920–1930-х гг., сохранились в несколько смягченном виде в последующие годы. Несмотря на трафаретный во многом характер изложения, мемуары рабочих-большевиков содержат значимый для исследователя материал: символы и коды (языковые клише), а также индивидуальные описания, в которых фиксировались восприятие и оценка событий их рядовыми или влиятельными участниками. Интерпретация языка воспоминаний позволяет увидеть за символическими структурами текстов проявления существенных свойств политической культуры рабочих и их социального поведения в условиях Гражданской войны.

Примечания

- ¹ Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодн. 1998/99. М., 1999. С. 74.
- ² ЦДЮОСО. Ф. 41. Оп. 2 (Воспоминания участников революционного движения). Д. 52, 56, 352, 453, 456, 466; ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 1 (Воспоминания участников революции и гражданской войны). Д. 39, 54, 56; Алексеев Г.Д. Страницы прошлого. Челябинск, 1957; Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни / под ред. М. Горького и Д. Мирского. М., 1935; За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Оренбург, 1957; За власть Советов: сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961; Коковихин М.Н. Миньярское подполье. Челябинск, 1957; Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921; Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне. М.–Л., 1931; и др.
- ³ См.: Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. Париж, 1982.
- ⁴ Колоницкий Б.И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году: автореф. дис. ... д.и.н. СПб., 2002. С. 6–7.
- ⁵ Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 9; Коробков Ю.Д. Формирование стереотипов массового сознания (на примере «образа врага») как одна из социально-психологических предпосылок Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России. Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток: Материалы Всерос. науч. конф., г. Пермь, 25–26 нояб. 2008. Пермь, 2008. С. 158; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 42.
- ⁶ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 9.
- ⁷ Нарский И.В. Указ. соч. С. 28.
- ⁸ Были горы Высокой...; Рабочая революция на Урале... С. 126–150.
- ⁹ Были горы Высокой... С. 6.
- ¹⁰ Рабочая революция на Урале.... С. IV.
- ¹¹ Там же. С. 126–150.
- ¹² Были горы Высокой... С. 199–200. «Белогвардейцами» называли рабочие в своих воспоминаниях всех противников большевиков в Гражданской войне.
- ¹³ Были горы Высокой... С. 200.
- ¹⁴ Здесь и далее курсив автора.
- ¹⁵ Были горы Высокой... С. 213.
- ¹⁶ «Пиками» автор называет участников антибольшевистского восстания: «капиталистов», меньшевиков и эсеров. См.: Субботин К.А. Невьянское восстание // Революция. Устные рассказы уральских рабочих... С. 97–98.
- ¹⁷ Сводка информационного отдела Уральского Управления НКВД о положении в Екатеринбургском уезде в июне 1918 г. // Урал и Прикамье... С. 116–117.

- ¹⁸ Рабочая революция на Урале... С. 100.
- ¹⁹ Там же. С. 182–183.
- ²⁰ Там же. С. 182.
- ²¹ Подобные изображения широко представлены в поэтических текстах сторонников Красного лагеря. См.: Голдин В.Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы. Екатеринбург, 2006. Кн. 1. С. 129, 142, 147, 173; Кн. 2. С. 46–47.
- ²² См.: Голдин В.Н. Поэзия гражданской войны... Кн. 1. С. 79.
- ²³ Рабочая революция на Урале... С. 182.
- ²⁴ Были горы Высокой... С. 199, 200, 201, 202, 213.
- ²⁵ Урал и Прикамье... С. 116–117.
- ²⁶ О языковой составляющей создания образа врага см.: Костылев Ю.С. Лексические средства создания образа врага (на примере текстов советской массовой печати 1919–1953 гг., освещающих локальные и региональные конфликты): автореф. дис. ... к.филол.н. Екатеринбург, 2012.
- ²⁷ См.: Яров С.В. Политическое мышление рабочих в 1917–1923 годах: элементы трансформации // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996. С. 120–123; Он же. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.
- ²⁸ Яров С.В. Политическое мышление рабочих в 1917–1923 годах: элементы трансформации. С. 122–123; Он же. Пролетарий как политик... С. 15–22.
- ²⁹ Яров С.В. Конформизм в советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006. С. 10.
- ³⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 376. Л. 9об; Уральский рабочий. 1918. 22(9) мая, 12 июля.
- ³¹ Уральский рабочий. 1919. 9, 13 авг.
- ³² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 282. Л. 180–180 об.
- ³³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 282. Л. 222; ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 453. Л. 166.
- ³⁴ См.: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 282. Л. 222; Уральский рабочий. 1918. 22(9) мая, 12 июля. 1919. 9, 13 авг.
- ³⁵ Использование зелени является элементом традиционного набора символов, характерных для празднования 1 Мая как части обрядов и ритуалов весеннего цикла годового календаря.
- ³⁶ Коковихин М.Н. Указ. соч. С. 194.
- ³⁷ Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. С. 46; Деканова М.К. «Героические празднества героических лет...» (Праздник в политике противоборствующих сил в период Гражданской войны) // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 295.
- ³⁸ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 18.
- ³⁹ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА: сб. документов. Екатеринбург, 2008. С. 65.

⁴⁰ Уральский рабочий. 1918. 16 июля.

⁴¹ Научный архив Музея истории Екатеринбурга. Ф. 1. Оп. 2 (Воспоминания Ивана Петровича Павлова: Избр. С 1906 по 1923 г. / сост. Е. Бурденков). Д. 6. Л. 151, 154, 155, 156, 157, 158, 162; Алексеев Г.Д. Указ. соч. С. 24; Быков П.М. Екатеринбургский Совет // Рабочая революция на Урале... С. 101; Волков И.И. Белорецкие красногвардейцы // За власть Советов: сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии... С. 272–273; Коростелев А. За власть Советов // За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье... С. 64–65; Неверова А. Как мы боролись // Там же. С. 291–292.

⁴² Научный архив Музея истории Екатеринбурга. Ф. 1. Оп. 2 (Воспоминания Ивана Петровича Павлова: Избр. С 1906 по 1923 г. / сост. Е. Бурденков). Д. 6. Л. 157.

⁴³ Там же. Л. 158.

⁴⁴ Были горы Высокой... С. 201.

⁴⁵ Алексеев Г.Д. Указ. соч. С. 24.

⁴⁶ Термин «белогвардейцы» применяется автором к событиям конца 1917 г. в Тюмени неправомерно, под влиянием искажения исторической памяти, восприятия событий Гражданской войны с позиций ее официальной идеологизированной советской версии.

⁴⁷ Алексеев Г.Д. Указ. соч. С. 24.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Волков И.И. Указ. соч. С. 272–273.

⁵¹ Там же. С. 273.

⁵² Там же.

⁵³ См.: Голикова С.В. «Люди при заводах»: Обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2006. С. 9–23.

⁵⁴ Алеврас Н.Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках: сб. статей. Челябинск, 2003. С. 67.

⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 120 об. – 122.

⁵⁶ Рабочая революция на Урале... С. 158.

⁵⁷ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 453. Л. 36.

⁵⁸ Рабочая революция на Урале... С. 138.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 667. Л. 3–4.

⁶⁰ Шеломенцев И.И. В большевистском подполье // За власть Советов. Сб. воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии... С. 287.

⁶¹ Исключение составляет период «перестройки», когда начался пересмотр всей концепции отечественной истории.

ДНЕВНИКИ 1930-Х ГОДОВ: TERRA SOVIETICA INCOGNITA

Самыми интересными источниками, передающими субъективный опыт переживания исторических событий 1930-х гг. и отражающими самоидентификацию человека, являются дневники. Дневники, как и другие персональные тексты, или источники личного происхождения, традиционно использовались учеными для конструирования биографий известных исторических деятелей. Однако в последние десятилетия принципиально изменились пространство применения биографического метода и его конфигурация: наряду с коллективными биографиями появились индивидуальные жизнеописания обычных, «простых», «рядовых» людей, которые в свое время были действующими лицами истории наряду с их выдающимися современниками. Л.П. Репина подчеркивает одно из важнейших достижений новой биографической истории: в когнитивном аспекте биографии ничем не примечательных людей могут открыть исследователю многие неизученные аспекты прошлого¹.

Немецкий исследователь Й. Хелльбек, признавая исключительную ценность и принципиальное отличие дневников от мемуаров, называет их «открытым, незаконченным рассказом о себе». Тем не менее, ученый отмечает значимость контекста: «Я» пребывает в непосредственном диалоге с окружающим миром². Л.П. Репина так же акцентирует внимание на соотношении внутренних импульсов индивида и внешних факторов: «В эго-документах личность предстает не изолированной, а взаимодействующей с другими личностями, со своей социальной средой, с окружающим миром в самых разных его проявлениях, с культурными и интеллектуальными традициями». В частности, дневник Степана Подлубного, сына раскулаченного крестьянина, предпринявшего попытку стать новым советским человеком, Й. Хелльбек называет одним из самых захватывающих и глубоких свидетельств о повседневной жизни в Советском Союзе при И.В. Сталине³.

Дискутируя о значении исторических источников, ученые продолжают выяснять их функции и искать методы интерпретаций. Дэвид Леви, сторонник социологического подхода к исследованию документа, считает возможным характеризовать документ как «суррогат человека», которому передается голос⁴. Таким образом, документу (и в первую очередь, дневнику) делегируются коммуникативные полномочия – он репрезентирует автора: его знание, опыт, память и личность как таковую в социальном мире. Джон Сили Браун и Пол Дьюгид характеризуют документ не только как «информационный канал», но и как пространство *перевода* значений, ценностей, интересов разных индивидов и групп, как пространство борьбы за доминирование той или иной интерпретации, тех или иных образов реальности.

Развивая мысли социологов, Ирина Каспэ акцентирует внимание на чрезвычайно важной проблеме, возникающей при изучении документа, – специфическим образом устроенном режиме адресации. В большинстве документов, как правило, указывается конкретный адресат, но чаще имплицитно присутствует другая инстанция⁵. При анализе дневников можно встретить разные варианты размышлений авторов о возможном адресате: большинство, как Викторин Ефимов, надеялись, что записи останутся никому неизвестными; другие, как Евгений Давыдов, предполагали возможность прочтения его откровений через много лет; некоторые надеялись, что именно дневники сообщат новым поколениям «правду» о прошлом, вернут им честное имя.

Ирина Каспэ отмечает в любом документе соединение противоречивых качеств: в нем есть субъективные смыслы, знаки поручительства, индивидуальной или коллективной ответственности, но параллельно – универсализация, нормативное, каноническое, формульное. Кроме того, все документы получают у адресатов, исследователей и случайных читателей эмоциональную оценку. Диапазон таких оценок чрезвычайно широк – от образа «бездушной бумажки», формализующей и умерщвляющей все живое, до возвышенного образа правдивого и сильного по своему воздействию свидетельства, позволяющего услышать, как говорит «сама жизнь»⁶. Кеннет Пламмер называет «документами жизни» широкий спектр материалов: пись-

ма и дневники, сны и самонаблюдения, эссе и записки, фотографии и фильмы. По его мнению, именно они апеллируют «к индивидуальному опыту, который раскрывает действия индивида как агента и участника социальной жизни». В таких документах самым важным является экспрессивность выражения смысла, доносимого автором⁷. На мой взгляд, по этой причине из всех документов именно дневники вызывают у большинства читателей абсолютное доверие. Однако следует признать значимыми замечания специалистов о принципиальных отличиях содержания записей в зависимости от причин и целей, определенных автором явно или присутствующих имплицитно. Дневники могут играть роль самооправдания или самовозвеличивания. Как и другие документы, они содержат умолчания; иногда стиль изложения свидетельствует о самоцензуре⁸.

Й. Хелльбек, подчеркивая своеобразие советских дневников 1930-х гг., утверждает, что записи являлись средством конструирования себя, лабораторией «Я»⁹. По его мнению, дневники не только отражают приверженность автора к самосовершенствованию, документируют работу над собой, но и позволяют обсуждать табуированные темы. Предельно высокую политизированность дневниковых записей, искреннее стремление их авторов понять настоящее и будущее «советского социализма» отмечает М. Рыклин, анализируя дневники В. Беньямина и других иностранцев, посетивших СССР в 1920–1930-е гг.¹⁰

Данные характеристики свойственны и советским дневникам. Й. Хелльбек считает, что посредством записей человек контролировал свое мировоззрение, усваивая коммунистические идеи: «Упорно рационализируя непостижимую государственную политику, они становились тем самым соавторами идеологии наряду с лидерами партии и правительства»¹¹. Однако следует отметить, что в результате напряженного осмысления идеала и реальности очень часто возникала новая версия социализма, воспринимавшаяся властью как большая опасность и приводившая к репрессивным мерам в отношении «соавторов». Именно этот ракурс необходимо иметь в виду, изучая советские дневники 1930-х гг. Как правило, их авторы, не предполагая возможности знакомства с ними других людей, доверяли бумаге самые сокровенные мысли, были предельно искренни, поэтому личные записи можно считать наиболее «объективными» из всех «субъек-

тивных» исторических документов. Как правило, в дневниках образ страны, ориентированной на светлое будущее, приобретает черты, принципиально отличающиеся от официальной печати и пропагандистских стереотипов.

К сожалению, такие записи иногда оказывались в распоряжении сотрудников ОГПУ/НКВД и становились причиной жестокого наказания их авторов. Например, дневник Андрея Степановича Аржиловского был использован следствием как вещественное доказательство антисоветских настроений. На последней странице написано: «Этот дневник изъят у меня при обыске. В нем сорок листов (40 л.)». Рядом с подписью указана дата «29 августа 1937 г.» Арестованный искренне признался, что сохранил взгляды собственника и не верит в построение социализма во всем мире. Вероятно, он надеялся этим признанием убедить следствие в абсолютной правдивости последнего заявления: «Мои убеждения остались только при мне и в моих дневниках: распространением моих убеждений я не занимался». Несмотря на это, через неделю А.С. Аржиловский был расстрелян. Многие строки текста его дневника подчеркнуты следователем красным карандашом – видимо, именно эти мысли были квалифицированы как анти-советская агитация. В начале 1990-х гг. дневник был передан А.А. Петрушиным, сотрудником Тюменского УКГБ, писателю Константину Лагунову, который опубликовал дневник в журнале «Урал»¹².

А.С. Аржиловский (1885–1937 гг.), крестьянин Тюменского уезда, жил на хуторе, имел крепкое хозяйство и пятерых детей. Видимо, родители А. Аржиловского были состоятельными людьми и позволили своим детям получить образование, научили любить литературу. Его брат Михаил хорошо играл на фортепьяно, прекрасно понимал классическую музыку. Грамотность и хозяйственность помогли А. Аржиловскому стать членом Тюменской земской управы. Во время Гражданской войны, когда его село находилось на территории, контролируемой А.В. Колчаком, он был делегирован в гражданскую следственную комиссию. Несмотря на то, что Андрей Степанович никогда не агитировал против советской власти, не служил в «белой» армии, не участвовал в заговорах, его арестовали в октябре 1919 г. В то время ему было 34 года. Он написал пространную объяснительную, называя себя рядовым обывателем и указывая, что принимал участие в комиссии «против своей воли». Весьма убедительно заявил,

что «не преследовал лично никого из партийных или советских работников». Объясняя причину, почему не бежал вместе с «белыми», он утверждал, что считал «такие действия недостойными». Кроме того, А. Аржиловский искренне выразил симпатии новому политическому устройству: «Республиканский строй страны – моя давнишняя мечта. Против Советской конституции я не мог идти, хотя и высказывался против отдельных советских деятелей, осуждая их незаконные действия, роняющих авторитет Советской власти»¹³.

Несмотря на такие оправдания, в 1920 г. его приговорили к восьми годам принудительных работ. А. Аржиловский обратился в Тюменский комитет РКП(б) с открытым письмом, заявляя о своей невиновности: «Братья!.. Просьба моя заключается в следующем. Я предлагал уже превратить мое хозяйство в советское, прикрепив меня к нему как рабочего. Но это предложение не встретило сочувствия, и мне не поверили... Теперь от хозяйства остались только обломки... Поля лежат незасеянные, трава стоит нескошенная. Жена больна... Я прошу отпустить меня из тюрьмы на 50 дней домой. Чтобы не погибла семья, чтобы не осталось хозяйство без дров и сена. Положение исключительное...»¹⁴. Но отпустили его только в 1923 г. Являясь истинным земледельцем, А. Аржиловский в короткое время поднял хозяйство, организовал кооператив, стал предприимчивым кооператором, был членом ревизионной комиссии при Онохинском сельском совете, народным заседателем в суде, редактором стенной газеты «Пышминский голос». Однако его «мужицкий» социализм не согласовывался с государственной версией. Принципиальный и резкий в суждениях, он несколько раз открыто высказывал это несогласие. В 1929 г. хозяйство А. Аржиловского – типично середняцкое – раскулачили, его за «контрреволюционную агитацию» осудили на 10 лет, семью выслали на лесозаготовки. В 1936 г. по болезни А. Аржиловского отпустили. Он стал работать на «Красном Октябре» – Тюменском деревообрабатывающем комбинате. Жизнь была чрезвычайно трудной, но Андрей Степанович продолжал – реже, чем прежде – критиковать начальство. Мечтавший стать писателем, он не только отправлял свои материалы в газеты, но и начал вести дневник.

Обладая наблюдательностью и литературным даром, А. Аржиловский написал достоверное свидетельство о жизни советских лю-

дей в 1920–1930-е гг. Он образно называл свои записи привычкой «зарисовывания мыслей и переживаний». Кроме дневника, он решил с детьми выпускать «семейный журнальчик». Однако если к чтению Андрей Степанович смог приучить своих детей, то обсуждение прочитанного и описание событий их жизни не нравилось детям. По этой причине иногда появлялось чувство отчаяния: «Может быть, просто все прекратить и жить созерцательной жизнью?» Кроме того, иногда возникали опасения, что его «литература» (так он называл журнал и дневник) может стать причиной нового тюремного заключения. Однако потребность к рефлексии и стремление сохранить впечатления о происходящем вокруг поддерживали желание А. Аржиловского продолжать записи в дневнике и журнале, иначе, по его мнению, «во-первых, будет скучно и пусто, во-вторых, ничего не останется на память и не будет гимнастики для мысли». На вопрос сына, зачем нужны эти записи, Андрей Степанович лаконично ответил: «Чтобы не забыть...»

Действительно, его дневник содержит описание как личных переживаний, так и исторических процессов. Особое волнение у автора вызывала судьба семьи и детей: в тексте неоднократно повторяются слова о том, как «отразилось пережитое: и голод, и холод, и гнет изгнания. Все эти годы оставили в семье тяжелый, неизгладимый след — след обиды, нужды, угнетения». Трагический опыт, по мнению, А. Аржиловского отразился на характере детей: они молчаливы, замкнуты. Искренне любя их, он пытался изменить отношение детей к миру. Тем не менее, он понимал, насколько их жизнь трудна, как много испытаний приходится им преодолевать. В частности, о старшей дочери А. Аржиловский записал такие размышления: «Откуда у нее должны быть довольство и гармония мысли? Измученная нуждой и условиями изгнания, разве может она легко и радостно смотреть на жизнь?»

Андрей Степанович, несмотря на раскулачивание и новый вид деятельности, оставался крестьянином, поэтому с особым волнением слушал новости из деревни и записывал их: «В очереди женщина говорила, что в деревне мрут колхозники»; [жительница деревни Гусева рассказывала в очереди:] «Никишкин амбар ломают, под полом по зернышку собирают». А. Аржиловский вспомнил Никифора Гри-

горьевича Ермакова: «гусевский богатей, прекрасный хозяин-кустарь и грамотный человек. При коллективизации его, понятно, вытряхнули из теплого гнезда, создали на его довольстве счастливую жизнь себе, а теперь от нечего делать ломают амбары и ищут зерно десятилетней давности. Это ли не счастливая жизнь?! А Гусева была когда-то богатой деревней, и пшеницу собирали не по зернышку...» Тема государственного насилия по отношению к крестьянству и возможных новых репрессий отразилась даже в снах А. Аржиловского. Однажды ему приснилось, как он стал свидетелем сцены изнасилования Сталиным «мужика»: «Небольшая комната, простая, мещанская. Сталин пьяный "в дрезину"... Не говоря ни слова Виссарионович повалил чернородого мужика, закрыл простыней и яростно изнасиловал... "И мне тоже будет!" – в отчаянии подумал я».

А. Аржиловский мечтал о том, что крестьяне будут производить и продавать на рынке много хлеба. Он критиковал созданные государством колхозы и совхозы, отмечал рост цен на продукцию при ее дефиците: «...Пока что мы пользуемся завоеванными благами революции и собираемся идти в очередь за горохом, который государство продает 1 р[убль] 30 коп. за кг, то есть минимум дороже "кулацких" цен в 20 раз. Это на двадцатом году замечательной нашей революции!»

В записях А. Аржиловского постоянно присутствовал мотив тоски по работе на земле – она отражалась в разговорах с женой, мечтах и снах: «Мысли от хутора никак не уходят...»; «Снилось: бороню толстые пласты и сам себе удивляюсь, что они все-таки поддаются зубьям бороны»; «...Земля пышная, черная, ожидающая пахаря».

Очень часто светлые воспоминания о прошлом противопоставлялись настоящему. Иногда почти нейтрально: «Ночь под Рождество. Когда-то все было по-иному». В некоторых случаях – с сожалением. В частности, переписывая праздничные проповеди, чтобы не забывать их, А. Аржиловский отметил: «Хороши слова, трудно придумать лучше. Все это мы стараемся вытравить, уничтожить – самое воспоминание о прекрасном, далеком. Разрушили храмы, каленым железом выжгли идею. Но ... стало ли от этого лучше? Сильно сомневаюсь». 7 апреля, по православному календарю – Благовещение, Андрей Степанович записал: «В прежние времена пели торжественно "Архангельский глас", после обедни ели рыбные пи-

роги, ходили в гости... То были времена религиозных предрассудков и "мракобесия". Теперь встал, сходил за дровами... Съел 50 гр[амм] хлеба... Приветствую счастливую жизнь!» Участвуя в переписи А. Аржиловский, отмечал: несмотря на гонения, многие люди остались верующими и не скрывают этого, отвечая на вопросы анкеты.

Однако в некоторых случаях А. Аржиловский находил парадоксальную тождественность прошлого и настоящего. В частности, по поводу торжественного заседания в честь празднования Октябрьской революции он отметил: «...Портреты вождей теперь устроены наподобие прежних икон: круглый портрет вделан в рамку и прикреплен к палке. Очень удобно... И вся эта подготовка весьма напоминает подготовку к прежним церковным торжествам... Там были свои активисты – здесь свои. Дороги разные – суета одна».

Многие записи свидетельствуют о неприятии А. Аржиловским нового: очень критично он отзывался об использовании новой техники, о рекордах советских авиаторов. В его интерпретации снов аэроплан и поезд имели негативные, вызывающие опасения коннотации.

Весьма показательны замечания А. Аржиловского о поведении женщин. В частности, одна из записей свидетельствует о явлении, неприемлемом для традиционного общества, в системе ценностей которого он был воспитан и продолжал жить: «...Проходил мимо свалки заводской срезки (очередь занимал в 4 часа) и слышал, как одна молодая работница "выражалась". Говорила языком, который в ходу среди мужчин. Остальные женщины смеялись ее выходкам... Равенство должно быть во всем». Второй пример, приведенный А. Аржиловским в дневнике, подтверждал данную тенденцию: 67-летняя женщина, которую пытались раскулачить, «пришла в сельсовет, покрыла "президиум" страшным матом и доказала этим, что она подлинно советская женщина!»

Прошлое являлось для А. Аржиловского символом прекрасного утраченного мира. Сказка, рассказанная бабушкой Дарьей, вызвала удивление у детей и восхищение автора дневника: «Живи, старая прекрасная сказка: действительность для нас, выбитых из колеи, так жестока, что поневоле тянет в сказочное прошлое». Такой же восторг вызвали вальсы Шопена, исполнявшиеся братом: «Мне все время хо-

телось говорить в такт музыки словами. Прекрасными словами о прошлом. Так истосковалась душа, так омерзительно грубо и фальшиво настоящее!...»

Негативное отношение к реальности формировалось практически каждой минутой существования. Бытовые условия, здоровье, ослабленное пребыванием в лагере, и напряженность профессиональной деятельности превратили жизнь в борьбу за выживание. Невероятно трудными являлись попытки А. Аржиловского обеспечить семью самым необходимым – даже хлеб можно было купить, только отстояв несколько часов в очереди. Каждый день в записях повторялась эта тема: «Опять волянка с хлебом, огромные очереди, давка»; «Хлебная лихорадка не прекращается, трудноато существовать, но люди привыкли»; «Очереди занимают с 2 часов ночи»; «В очереди у завода была драка с кровопролитием...»; «По обыкновению встал я рано: полчаса третьего. Занял очередь за хлебом»; «Опять заминка с хлебом: многосаженные "хвосты" и, натурально, скандальны»; «С хлебом перебои...»; «В очередях стоят по шесть – восемь часов».

Согласно записям А. Аржиловского очереди были везде: у железнодорожных касс, которые приходилось «брать боем», чтобы купить билет; в парикмахерских («Вчера ходил в город, хотел побриться – куда там. За каждым стулом очередь 10 человек»); в учреждениях («Три дня ходил только по поводу прописки: везде очереди, все не налажено...»; «В Николин день был на "стояньи" за паспортом. От семи до семи... Сколько давки, сколько напряженного ожидания! И все думалось: закроют окно, прекратят выдачу и надо опять сутки тратить»).

Очередь воспринималась А. Аржиловским как негативный символ социализма – в одной из записей он отметил, что придя к хлебному магазину к шести часам утра, увидел очередь: «Там уже стоят счастливые люди нашей страны, привыкают к социализму». Однако ирония не могла изменить реальность – лишь в снах ситуация улучшалась: «Жизнь идет своим обычным шагом: сегодня и во сне снился хлеб без очереди... Когда это будет?»

Другой неразрешимой бытовой проблемой являлись поиски дров для отопления дома: «Буквально замерзаем...»; «Я терзаюсь о том,

что мало дров, а мороз продолжает свирепствовать...». Ежедневно А. Аржиловскому приходилось вставать в четыре часа утра (иногда раньше) для того, чтобы украсть дрова и затопить печь. Так как требовалось много дров, он вынужден был ходить туда и обратно несколько раз, поэтому иногда его путь составлял пять – десять километров. Дважды за зимние месяцы 1937 г. возникали опасные ситуации – объездчик и сторож могли поймать его с краденными дровами. Размышляя о возможном наказании, А. Аржиловский написал в дневнике, что могут дать десять лет, и он снова станет врагом народа: «Беда, да и только: замерзать не хочется, и десять лет – мало радости».

В семье, в которой было пятеро детей, постоянно возникали сложности с одеждой и обувью – порой не хватало денег, а иногда необходимые вещи не продавали ни в магазинах, ни на рынке: «Как тревожно на душе. Когда мы выйдемся на чистый путь? Когда будет действительно весело жить? А пока с прискорбием замечаешь, как у одного брюки порвались, у другой башмаки есть просят. А тут просто голод страшен. Дешевое мясо съедим и зубы на полку. Горе живущим!»; «Поссорились вчера с Арсением – уходил играть без спроса, а валенок развалился, и чинить нельзя». Отсутствие денег не позволяло ни взрослым, ни детям пользоваться городской баней: «Вся семья теперь моется дома. Баня для нас теперь роскошь».

А. Аржиловский в своем дневнике показал жизнь и взгляды разных социальных групп. Оценивая ситуацию в государстве, он подвел итоги своих наблюдений: «Социализма никакого нет, есть аристократы, бюрократы и наш брат чернорабочий...»; «О социализме только говорим: вокруг разговоры исключительно о жратве, интересы болтаются около приобретений, добавок и т.д. Самые узкие, самые шкурные». Советских начальников и активистов он называл «верхушка жизни», «соль земли, с самоуверенностью и жировым запасом»; «люди сытые, усвоившие властные приемы, тон, ведут форменный допрос». Он обратил внимание на заводских чиновников, которых увидел на конторских ужинах: «Замечательно все здоровые, сытые люди. Есть на кого надеяться Советской власти»; «милые друзья, разжиревшие у народного богатства». Своего непосредственного началь-

ника А. Аржиловский характеризовал как «лжекомсомолку, отчаянную карьеристку, жадную, злую». Он обратил внимание на огромный разрыв в уровне доходов чиновников и обычных людей: если они вместе с женой получали 350 рублей в месяц, то одна из дам в конторе (бухгалтер) вдвоем с мужем (инженером) – 1500 рублей. Однако эта дама жаловалась, что все-таки им не хватает, чтобы иметь хорошее белье, покупать духи...

Отмечая высокомерие, карьеризм и циничность советской «элиты», он приводил примеры пренебрежительного отношения чиновников не только к обычным людям и подчиненным, но и к законам. Так, после очередного постановления ЦИК о «лишенцах» А. Аржиловский записал: «Но в жизни не видно обновления: рычаг «шибко» советские люди: "Я тебе покажу"». Эта соль советской земли никогда не сойдет со своей платформы командовать и притеснять, им все будут мерещиться «классовые враги»». После утверждения Конституции в 1936 г. он обратил внимание на положение раскулаченных: «Перемены никакой: считают их полукрепостными, комендант командует, воспитатель покрикивает, председатель считает вправе страшать Севером».

От «классовой подозрительности» советских чиновников пострадали многие люди и А. Аржиловский, в том числе. Первый раз он столкнулся с этим, подав заявление на досрочное освобождение: «Прихожу в суд и вижу, что я еще не научился понимать коммунистов: они освобождали воров, убийц... но как только дело доходило до 58-й статьи, лица судей и прокуроров вытягивались и председатель коротко бросал готовую фразу: отказать как классово чуждому... Этот новый способ лжи, эта согласованность действий, когда нужно погубить человека, так больно ударили по психике, я постарел сразу на несколько лет. Но это же так естественно: чуют правду и не прощают нам наших протестов против насилия». Второй раз такая ситуация повторилась после возвращения из лагеря при поиске работы: «Правдивый ответ заставлял насторожиться и делать задумчивое лицо... Ходил я дней двадцать и понял ясно: на работу по специальности не поступить». В заводской конторе, где А. Аржиловский нашел место, к нему сохранились недоверие, настороженность и даже безразличность: «бывший каторжник, плохо одеваюсь, редко бреюсь...»

Осмысливая отказ редакции «Крестьянской газеты» опубликовать его материалы по причине «идеологической невыдержанности» («идеализирую крепкого хозяина»), А. Аржиловский констатировал: «Что бы от нас, бывших людей, ни исходило, все будет не так, – во всем будут видеть желание опорочить невинных коммунистов. Все будет истолковано в дурную сторону, во всем увидят стремление опорочить партию, окрестят вылазкой классового врага. Нас никогда не уравниают и не поверят, что мы все забыли, все простили. Мы прокляты до смерти».

Будучи умным, рачительным хозяином, А. Аржиловский отмечал недостатки в управлении: «Все делается как-то нехозяйственно, не по-настоящему. Построили дорогую избу для молоканки – двери не закрываются, и получились сырость и холодина. Дрова сваливаются во дворе и заносятся снегом, никто не позаботился сложить под крышу». На заводе, где он работал, также были «грешки, и довольно приличные: тащат социалистическую собственность».

Одним из своих суждений А. Аржиловский выносит приговор советской системе: «О лагере я, пожалуй, брошу повествовать: живут там так же счастливо, как и на свободе; некоторые сыты по горло, а некоторые "доходят". Эксплуатация и обворовывание полное». Будучи честным человеком, он пытался противостоять негативным явлениям и в лагере, и на новом месте работы. Его критические заметки в стенгазеты и малотиражки вызывали негодование начальства: «За смелость едко высмеивать столь распространенные недостатки меня возненавидели, стали копаться в прошлом и чуть было совсем не съели... обо мне два фельетона, назвав меня "человек в футляре". Печатная кампания против меня сильно ударила морально, я понял одно: мы прокляты до конца жизни и как бы ты не перековался – тебе не поверят... Эти рыцари от революции так умеют пачкать человека, настолько нахальны и солидарны между собой, что слопают и не такого, как я, грешный».

А. Аржиловский сдерживал свое стремление «разоблачать», понимая опасность для себя и семьи: «Жулики и разные мародеры советского тыла так объединены, так вооружены всем необходимым, что задевать их безоружному и одинокому безрассудно...» Тем не менее, иногда возму-

шение превышало допустимую грань терпения и осторожности: «Сегодня послал маленькую заметку в местную газету о заводских безобразиях, не вытерпел, больно уж нахальные жулики». А. Аржиловский внимательно читал газеты и знакомился с новинками советской литературы, отмечая имевшиеся проблемы: печать отражает лишь одну сторону жизни; «при таком сильном зажиме и нажиме писателю невозможно быть объективным и беспристрастным»; «советская литература изображает жизнь с лицевой стороны и поэтому не приковывает к себе».

В дневнике встречаются не только краткие, но и весьма пространственные комментарии исторических событий. Например, запись о смерти Г.К. Орджоникидзе: «Подробности пока не опубликованы. На заводе митинговали. Митинг народной скорби при нашей сознательности должен быть драматическим, потрясающим, а он проходил скучно, нудно, и насильно вытягивали выступающих... После докладчика директор обращается к собранию: "Кто будет говорить, товарищи?" Тяжелое молчание. Через час по ложке выступают два заводских партийца, предлагая на смерть стойкого большевика ответить поднятием производительности и т.д. Говорится по заученной шпаргалке без вдохновения, без эмоций... Все говорили о том, что "мы должны". Почему должны? Почему не пришло никому в голову, что в ответ на смерть одного из "великих" горцев надо ... сбавить зарплату заводским верхушкам».

Таким же критическим было отношение к речи прокурора СССР по делу «троцкистского центра»: «Сегодня Вышинский называет бандитами и жуликами всех подсудимых, не жалея краски, а когда они были у власти... Вышинский и не заикался...» Сообщение о «заговоре в Красной Армии» вызвало лишь иронию и исторические ассоциации: «ГПУ открыло целую группу высокопоставленных шпииков, в число которых попал маршал Тухачевский. Очередной расстрел. Повторяется французская революция. Не столько фактов, сколько подозрительности».

Одним из удивительных явлений «свободной» жизни стали для А. Аржиловского советские праздники. Первый из них – День Октябрьской революции 7 ноября 1936 г.: «Манифестации удались на славу.

Создается впечатление, что весь город на улице... Оченьлюдно, нарядно и шумно. Достижения огромны. Жить стало веселее. Поются песни о том, что только у нас человек дышит свободно». Однако основная часть записей имела критический характер: «Интересно было бы подсчитать, сколько выпито водки и пива в торжественную годовщину... Утром – показное, после парада – наливное. Разбери, которое милее. История разберет...» Даже 9 ноября 1936 г. были очевидны последствия: «Праздник кончился, но праздничное настроение осталось: трудящиеся в таком состоянии, что работушка на ум не идет. Слышны еще песни; есть покачивающиеся пешеходы. Без троицы дом не строится. И буквально все свелось к этому: только и разговоров, что о праздничных похождениях. Вся политическая шумиха утонула в самом открытом пьянстве... На толкучке купил несколько готовых рубах: трудящиеся пропились в день Великой годовщины и продают манатки».

7 декабря 1936 г. А. Аржиловский первый раз принял участие в манифестации – «город праздновал утверждение Сталинской Конституции. Таки утвердили всеобщее, прямое, тайное. Все, независимо от прошлого, имеют право голосовать и быть избранным... Конечно, больше дурачества и стадности, чем энтузиазма. С задором бесконечно повторяют новые песни: "Тот, кто с песней по жизни шагает" и "Я другой такой страны не знаю". Является другой вопрос: а разве при ином порядке не поют и не дышат? Я думаю, в Варшаве или Берлине еще веселей».

Самым поразительным в мировоззрении А. Аржиловского является сохранение веры в возможность «хорошей» жизни. В разные дни краткого периода ведения дневника он повторял, как заклинание, такие фразы: «Будем ждать еще лучших дней»; «Многие живут хуже нас; утешение хотя и горькое, но не так уж безотрадное»; «Живем впроголодь, но еще сносно»; «Надо бодриться: жить еще можно и есть надежда на лучшее»; «Живем все так же, едим не досыта. Но еще бьемся. Недаром же я похож на мощи. Слава Богу: голодаем 3-ю пятилетку. А сколько еще впереди? Все хорошо, все в порядке...»; «Кто посмеет сказать, что жить невесело? Жили и хуже. Потянем как-нибудь». Однако последняя фраза, написанная А. Аржиловским накануне ареста, полна отчаяния – сначала он выразил беспокой-

ство о детях, скромность которых дороже хамства, и констатировал трагичность ситуации: «Живем впроголодь».

Таким образом, содержание дневника А. Аржиловского принципиально отличалось от записей С. Подлубного: главной тому причиной, на мой взгляд, являлась их принадлежность к разным поколениям. Несмотря на схожее социальное происхождение, они имели абсолютно несхожий жизненный опыт: А. Аржиловский, состоявшийся как земледелец до прихода к власти большевиков, понимал неэффективность социалистической экономики; С. Подлубный, родившийся в 1914 г., ориентировался на интеграцию в советскую систему. Исходя из этого в дневнике А. Аржиловского – констатация повседневных проблем, рефлексия переживаний и критика политики; в записях С. Подлубного – отражение процесса постоянной работы над собой, овладения нормативным советским языком и новой культурой. А. Аржиловский стремился сохранить в неблагоприятных для него обстоятельствах человеческое достоинство; С. Подлубный вынужден был применять насилие по отношению к себе, постоянно испытывая чувство раздвоения¹⁵. А. Аржиловский мечтал вернуться к крестьянскому труду, С. Подлубный скрывал свое происхождение. В тексте А. Аржиловского – пословицы, поговорки, живой разговорный язык; в записях С. Подлубного – идеологические клише и желание освоить дискурс власти. Несмотря на различие жизненных и нарративных стратегий, авторы дневников оставили удивительные исторические свидетельства: если персональная история Степана Подлубного показывает участь многих крестьянских семей северо-западного региона, то судьба Андрея Аржиловского и текст его дневника повествуют о трагедии уральских крестьян в 1920–1930-е гг.

Другой дневник, оказавшийся у следователя НКВД в 1942 г. благодаря «активности и бдительности» неизвестного «сознательного советского гражданина» и ставший главным доказательством по обвинению его автора в антисоветской агитации, принадлежал Викторину Ефимову. Будучи студентом Уральского индустриального института в 1932–1936 гг., он начал вести записи в обычной тетради, так как «постоянная жизнь на виду» полностью лишала человека автономности.

По мнению Викторина, дневник создавал ему пространство личной свободы и предоставлял возможность быть наедине с собой¹⁶. Следователи, получив записи, в которых содержались неопровержимые свидетельства критического отношения студента (позднее – молодого инженера) к экономическим и политическим мероприятиям советской власти, попытались сфабриковать на этих свидетельствах дело о наличии контрреволюционной группы. Дополнительные подозрения вызвали изъятые при аресте Викторина грампластинки на немецком языке и «Элементарный курс по немецкому языку». Этими обстоятельствами можно объяснить и длительный срок расследования (15 месяцев), и перенесение рассмотрения дела из Свердловска в Москву. Тем не менее, в отличие от А. Аржиловского, В. Ефимов был приговорен к десяти годам исправительных работ в лагере, а не к расстрелу.

Дневник В. Ефимова представляет собой уникальный источник мира культуры самого автора и общества, в котором он жил. Своеобразие стиля, характер лексики, особенности орфографии являются выразительными свидетельствами принадлежности В. Ефимова к новой – советской – инженерной элите. Его жизненный путь типичен для интеллигента того времени: родившийся в семье потомственного рабочего, в раннем возрасте начавший работать на заводе, после окончания рабфака ставший студентом технического вуза и получивший диплом, он был направлен в 1937 г. на Среднеуральскую ГРЭС. Казалось бы, его отношение к миру, взгляды на существующий порядок, нравственные ориентиры должны были соответствовать доминирующим стереотипам. Однако Викторин не только смог сохранить индивидуалистическое мировоззрение, но и преодолеть многие принятые нормы поведения. В частности, несмотря на многократные предложения вступить в ВКП(б), невзирая на давление секретаря парткома и даже отказ в назначении на должность главного инженера, он так и не стал коммунистом.

В. Ефимов являлся представителем поколения молодых людей, только начинающих в 1930-е гг. свой жизненный путь: мечтательные, образованные, желавшие работать, они сталкивались со множеством трудностей в повседневной жизни и профессиональной деятельности. Судьба предыдущих поколений и личный жизненный опыт, как прави-

ло, разрушали оптимизм и веру в светлое будущее. Сложное, неоднозначное восприятие реальности сопровождалось постоянным поиском смысла жизни.

Противоречивым оказался процесс овладения знаниями: несмотря на искреннее желание стать инженером, Викторин, в институте не всегда добросовестно относился к занятиям (как и многие другие студенты). Обучаясь уже на третьем курсе, он записал: «Академическая работа не в почете, все воспринимают ее как тягчайшую обязанность». Викторин знал о важнейших культурных событиях, происходящих в городе и институте, но редко бывал в театрах и кино. Он критиковал себя и однокурсников, не использовавших имевшиеся возможности. Например, он записал, что в институте каждую неделю накануне выходных «лучшие профессора читают лекции по истории музыки, астрономии, русской истории, другим темам», и указал, что ни разу не видел там своих однокурсников: «Дело тут не во времени ... в инертности, лени...»

Однако расставание с институтом окрашено смешанными чувствами радости и грусти: «Когда прозвенел последний звонок, сделалось очень жаль. Вспомнилось, что еще 5 лет назад ты был просто рабочим и мог бы им остаться. Сколько бессонных ночей, все свободное время проведено за книгой. И вот я инженер. С каким благоговением смотрел я раньше на них, стремясь представить, что может думать инженер...». Если в студенческие годы ценность знания еще не осознавалась во всей полноте, то после окончания Викторин много читал, поступил на заочное обучение в Ленинградский институт, получил второй диплом. Все коллеги, работавшие с ним и дававшие показания следователям, отмечали его высокий профессионализм и компетентность, указывали, что когда он стал главным инженером, аварий не было.

Трудовая деятельность на одной из крупных электростанций Урала позволяла молодому инженеру говорить о порочности системы в целом. Самыми отрицательными явлениями он считал бюрократизацию аппарата управления народным хозяйством, преобладание бумажной волокиты над реальными делами: «все от низов до самых

верхов едут на бумажках...» Викторин назвал и другую проблему управления экономикой: «Неорганизованность у нас во всей системе хозяйства и безхозяйственность – иногда подумаешь и оторопь берет». Сравнивая состояние советской энергетики с развитием аналогичной отрасли за границей, В. Ефимов обратил внимание на чрезмерную численность штатов, что являлось, по его мнению, одной из причин неэффективности. Страх специалистов и начальников перед возможными наказаниями, опасения принимать самостоятельные решения, по мнению молодого инженера, оказывали негативное воздействие на производственную деятельность, не позволяя обсуждать возникавшие проблемы и действовать только после получения указаний от вышестоящих инстанций. Такие согласования и нерешительность (особенно в случае аварии) приводили к непоправимым последствиям. В дневнике есть описания аварий – в этих экстремальных ситуациях Викторин действовал решительно и самоотверженно, не опасаясь за возможные взыскания или угрозу для своей жизни. Он смело шел на риск, стараясь предотвратить гибель людей и разрушения. Тем не менее, иногда трагедии избежать не удавалось, и Викторин с болью и негодованием описывал такие случаи.

Достаточно объективно автор дневника оценивал политическую ситуацию в СССР. Весьма интересными являются его наблюдения, подвергающие сомнению тотальное влияние коммунистической идеологии на сознание советских людей. В частности, будучи студентом, В. Ефимов описал ситуацию на занятиях по ленинизму: «Вопрос о поведении студентов на лекциях сделался предметом обсуждения факультетской печати. Я думал, что после этого будут репрессивные меры. Однако этого не случилось. Ребята по-прежнему делают домашние работы, читают газеты и книги, но не слушают лектора».

Уже в студенческие годы В. Ефимов совершенно отчетливо понял декоративную роль профсоюзных организаций и их комитетов: «По-моему, в наших условиях профсоюз потерял всякое значение и существует только для сбора членских взносов». Очень критично В. Ефимов отзывался о некомпетентности партийных функционеров и рядовых членов партии, оправдывавших свою значимость

принадлежностью к ВКП(б): «Коммунист, будь он хоть дурак, все равно чувствует себя хозяином». Молодой инженер отмечал, как трудно быть беспартийным начальником. Директор станции, который несколько раз предпринимал попытку уговорить Викторина вступить в партию, в своих свидетельских показаниях утверждал: В. Ефимов доказывал, что в работе профсоюзов и советов осуществляется диктатура партии – все делается по указанию парторганов.

Однако, отмечая « всю относительность нашей свободы слова и дела, идеи независимости личности и коллектива », Викторин оправдывал «новый порядок» в целом. Тем не менее, он не считал возможным идентифицировать все достижения с советской властью: например, признательность за получение образования адресована им Родине. В записях не встречается имени И. Сталина, что свидетельствует либо о самоцензуре, либо о сдержанном отношении к этой личности, так как о других лидерах советского государства В. Ефимов высказывал свое мнение. Например, известие о смерти Г.К. Орджоникидзе было воспринято автором дневника очень эмоционально: «Печальная весть меня поразила. Из всех наркомов он был безусловно самый талантливый и хорошо знал людей... И вот его нет. Неужели ничего нельзя было предпринять для избежания такого конца? Это результат громадной работы. Жаль, бесконечно жаль Серго! Я сегодня очень расстроился и не могу ничего делать. Прощай, Серго!»

Наблюдая за процессом троцкистско-зиновьевской группы, В. Ефимов сделал такой вывод: «Действительно, что-то ужасное. Однако тут много непонятного и нужно знать внутренние причины кремлевского механизма, чтобы оценить положение». Ему кажется удивительным обвинение, предъявленное Н.И. Бухарину: «...Он не мог идти на такое дело ... Он представляется очень порядочным, честным...» Размышляя о причинах привлечения этого политического лидера к суду, В. Ефимов высказал предположение о возможном влиянии характеристики, данной В.И. Лениным. Такие размышления свидетельствуют о знакомстве автора дневника с «Письмом к съезду», являвшимся запрещенным в 1930-е гг.

Теме репрессий посвящена значительная часть записей дневника – это свидетельствует о желании Викторина разобраться в проис-

ходившем, ибо слежка, доносы, аресты стали явлением повседневной жизни. Характер записей отражает неоднозначность его отношения к фактам арестов. В студенческие годы, когда происходили аресты однокурсников и знакомых, сначала возникло чувство удивления и даже одобрения, затем – непонимания и неприятия. В частности, когда арестовали одного из студентов, поведение которого казалось Викторину подозрительным, он записал в дневнике: «Может быть, я отношусь к нему предвзято, но его нужно было давно изолировать и выяснить, что он за человек». Тем не менее, Викторин выразил надежду: «Там разберутся». Арест товарища по группе В. Ефимов назвал происшествием, так как, во-первых, агенты НКВД явились в первом часу ночи, во-вторых, «трудно даже предположить, что послужило поводом к столь репрессивным мерам». Поскольку они вместе жили в общежитии, Викторин понимал, что нет никакой причины для ареста. В дневнике он записал: «Этот инцидент неприятен. Хорошо, если так и кончится, а то пришьют, как и тем трем огурчикам, 58-ю и поедет наш Иван на Волго-Дон». Однако при аресте третьего студента из его группы Викторин, видимо, и возмущался, и начал паниковать: «Что тут такое – понять невозможно».

Работая инженером на СУГРЭС и наблюдая практику бессмысленных арестов, он уже критически относился к таким событиям: «Медленно, но верно прививаю себе аполитичность ... у нас такой кавардак – посмотришь, кругом подлецы, "враги", и ни одного честного человека». 6 апреля 1938 г. Викторин записал, что один из сослуживцев «пишет на нас с К. донос». Однако в целом причины репрессий и их масштабы оставались для автора дневника, как и многих его современников, неосмысленными. В. Ефимов лишь выразил надежду: «История покажет, конечно, что тут от лукавого».

Удивляет самостоятельность в оценках событий 1939 г.: в одной из записей Викторин отметил неожиданность и трагизм нападения Германии на Польшу; в другой – сообщил о вступлении Красной Армии на восточные польские территории «под предлогом, что нет правительства и порядка», а несколькими днями позже уверенно написал: «захватили все, что, видимо, было предусмотрено» по договору с Гитлером. Викторин обратил внимание на разнообразие мнений

окружавших его людей: «Публика, однако, в полном недоумении и растерянности; для многих пошатнулись основные понятия нашей внешней политики, некоторые склонны классифицировать все происходящее как самое обычное захватничество».

Проблемы, обострившиеся в экстремальной ситуации участия СССР в военных действиях, лишь подтверждают объективность оценок экономической и политической ситуации, которые Викторин давал в предыдущие годы. В частности, 10 января 1940 г. он сделал такую запись: «Начались перебои с хлебом: Большую глупость мы сделали, что ввязались в войну, много она неприятностей принесет. У публики беспокойство ... Мероприятия по приему раненых в Свердловске удручающе действуют на всех». Помимо того, люди волновались из-за отступления в Финляндии и мобилизации в городе. 16 января Викторин лишь констатировал: «Дела с каждым днем все хуже и хуже. Народ начинает паниковать. Слухи с фронта самые неутешительные. Ранеными забиты все курорты, госпитали, учреждения». 24 января он написал, что мобилизацию стали проводить ночью, так как «накануне собралась целая демонстрация провожающих ревущих». Викторин отметил ухудшение экономической ситуации: «С продуктами плохо, ничего нет, народ голодает, и по слухам, такое положение повсеместно».

Неудовлетворенность происходящим не давала покоя – даже активная производственная деятельность и возможность профессиональной самореализации в условиях несвободы и социальной напряженности не приносили радости, не создавали ощущения полноты жизни. Поэтому не случайны признания, часто встречающиеся в дневниках и письмах ровесников Викторина, квинтэссенцией которых можно считать его фразу: «Умирать не хочется и жить не лучше».

Таким образом, независимо от мотива, инициировавшего автора на ведение записей, на страницах дневника отражались не только чувства, мысли, переживания, но и впечатления от происходивших событий. Весьма значимым является описание бытовых мелочей и нюансов в человеческих отношениях. Именно такие акценты усложняют, корректируют, а порой нивелируют сообщения официальных документов эпохи, позволяя ученым реконструировать историческую реальность, мировоззрение и систему ценностей ее участников.

Примечания

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 289–291.

² Хелльбек Й. Личность и система в контексте сталинизма: попытка переоценки исследовательских подходов // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 196.

³ Хелльбек Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. 2010. № 4(72). С. 9.

⁴ Каспэ И. От редактора // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство. М., 2013. С. 7, 8.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Цит. по: Рождественская Е. Биография.doc: нарративизация биографического опыта остарбайтеров // Статус документа... С. 198.

⁸ Журавлев С.В., Кабанов В.В., Соколов А.К. Дневники // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 304–324.

⁹ Хелльбек Й. Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху // Новое литературное обозрение. 2012. № 4(116). С. 375.

¹⁰ Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009.

¹¹ Хелльбек Й. Жизнь, прочтенная заново... С. 376.

¹² Аржиловский А. Дневник 36–37 гг. // Урал. 1992. № 3. С. 140–160. Далее ссылки на этот источник опущены.

¹³ Лагунов К. Вместо предисловия // Урал. 1992. № 3. С. 138.

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 225–234.

¹⁶ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20790 (конверт). Далее ссылки на этот источник опущены.

**ФОРМИРОВАНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ
ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
(ПО ДНЕВНИКАМ СОВРЕМЕННОКОВ)¹**

В военные годы представления о внешнем мире приобретают явственную черно-белую окраску. Мир делится на врагов, которые воспринимаются совершенно по-особому, на союзников и на нейтралов. Нейтралы, впрочем, за редким исключением, привлекают внимание лишь в качестве потенциальных противников или потенциальных союзников.

В массовом сознании образ союзника предстает в самых различных ипостасях. Источниками для возникновения этого образа является официальная пропаганда, усвоенные стереотипы, и только потом – сама изменившаяся реальность. Задача данной статьи – попытаться хотя бы в общих чертах реконструировать образ союзника в представлении советского общества на первом этапе формирования и функционирования антигитлеровской коалиции, в июне–декабре 1941 г., по материалам дневников.

В трудах по источниковедению дневники обычно рассматриваются как специфический вид мемуарной литературы. Как об этом пишут авторы новейшего учебного пособия, «к разновидностям мемуарной литературы следует отнести дневники и различные дневниковые записи»². Того же мнения придерживаются авторы фундаментальной монографии по источниковедению: «К мемуарам близко примыкают дневники. Эти разновидности источников настолько близки, что нередко в литературе они объединяются вместе под термином "мемуаристика"»³.

Однако у мемуаров есть очень существенное отличие: «Мысли мемуариста, умудренного опытом, уже знающего все последствия описываемых событий прошлого, эти мысли, вольные или невольные, часто вкладываются в голову того, может быть, даже совсем не прозорливого, и совсем даже не смелого, и далеко не сообразительного участника давней истории, каковым мемуарист был когда-то»⁴.

По сравнению с воспоминаниями, дневники имеют то преимущество, что в них фиксируется сиюминутная ситуация, причем именно так, как ее в данную минуту воспринимает автор дневника. Помимо своих собственных впечатлений и размышлений, он фиксирует мелочи быта, высказывания друзей и знакомых, свое отношение к тем или иным значимым событиям. Все это достаточно редко отражается в других видах источников, за исключением, пожалуй, частных писем, но там подобные сюжеты гораздо более фрагментарны, да и частных писем, не считая «писем во власть», также сохранилось немного. И потому, когда были опубликованы дневники К.И. Чуковского и М.М. Пришвина, В.В. Вернадского и Л.В. Шапориной, у некоторых исследователей появилось своеобразное искушение – посчитать, что вот здесь, в этих достаточно откровенных и, как правило, критических, высказываниях и содержится подлинная и даже единственная правда о мыслях и настроениях советского общества.

В свое время такую же реакцию вызвала публикация информационных сводок НКВД – их тоже объявили единственно верным отражением ситуации в стране. Впрочем, постепенно возобладало более взвешенное отношение к этим материалам, которые имеют свою специфику, и при всем богатстве содержащейся в них информации могут быть важным, но никак не единственным источником по истории советского общества.

Изучая дневник, даже самый откровенный, автор которого пытается с максимальной объективностью фиксировать все происходящее вокруг, необходимо помнить, что мы имеем дело лишь с одним фрагментом огромной мозаики. Но это вовсе не означает, что каждый конкретный дневник не заслуживает самого пристального и разностороннего изучения.

В российской историографии прочно утвердилось мнение, что в сталинскую эпоху лишь немногие вели дневники – в том числе потому, что ведение дневника зачастую не только не приветствовалось (скажем, в годы войны), но и вполне могло стать отягчающим обстоятельством в случае, если его автор оказывался под следствием. Наиболее известными среди опубликованных были дневники литераторов, которые обычно подвергали свои тексты, даже не предназначавшиеся для немедленной публикации, жесткой самоцензуре.

Как любое общее положение, в целом верное, оно вместе с тем требует ряда оговорок. Прежде всего, неизвестно реальное количество советских граждан, которые вели дневники, пусть даже по разным причинам не дошедшие до нас, и при этом неясно, какое количество дневников «на душу населения» можно считать высоким, а какое – низким. Вместе с тем, мы можем примерно оценить количество дневников, отложившихся в крупнейших архивохранилищах, таких как РГАЛИ, ОР РНБ или, например, «Народный архив» (их действительно немало). Но кто скажет, сколько дневников хранится в местных или ведомственных архивах, в краеведческих и литературных музеях, в следственных делах НКВД или просто в семьях авторов? И, наконец, в последние годы в научный оборот полностью или частично вошли десятки дневников, которые вели колхозники и школьники, мелкие служащие и учителя, представители интеллектуальной и политической элиты. Причем некоторые из них охватывают большой временной период, содержат довольно обширную информацию и практически свободны от самоцензуры – яркие тому примеры многотомные дневники М.М. Пришвина или академика В.И. Вернадского, двухтомник Л.В. Шапориной⁵. И у нас нет оснований считать, что запас неизвестных, и, может быть, не менее интересных, дневников исчерпан.

Отличительной чертой дневников М.М. Пришвина, В.И. Вернадского, Г.А. Князева⁶ и ряда других авторов на протяжении всего этого периода было пристальное внимание к событиям не только внутри страны, но и за ее пределами. Богатый жизненный опыт, прекрасное образование, полученное порой не только в России, но и в Европе, наконец, многолетняя привычка к напряженному философскому анализу позволила авторам сформировать свое видение мира, далекое от тех или иных привычных идеологем. С ними можно не соглашаться, можно спорить, но это видение представляет несомненный интерес и по-новому заставляет взглянуть на процессы, происходившие в советском обществе, в духовной сфере в том числе.

Однако, если говорить о восприятии внешнего мира, нельзя обойти вопрос об источниках информации, доступной, в частности, для авторов дневников⁷.

Начнем с Пришвина. По объему внешнеполитических комментариев и размышлений его дневник безусловно стоит на первом месте

из всех использованных в данной статье, поэтому, соответственно, ему и будет уделено особое внимание.

Как сам писатель образно охарактеризовал ситуацию в июле 1929 г., «наша республика похожа на фотографическую темную комнату, в которую не пропускают ни одного луча со стороны, а внутри все освещено красным фонариком...»⁸ Начиная со второй половины 1920-х гг. международная информация, доступная советскому обществу, все в большей степени контролировалась и дозировалась государством.

Для Пришвина в годы войны ситуация осложнялась тем, что большую часть времени писатель проводил в деревне под Переяславлем-Залесским, лишь иногда выезжая в Москву. Круг его общения существенно сузился. В эти годы главным источником информации о мире для Пришвина служили сообщения советских газет или радио. Причем по дневнику ясно видно, что те или иные положения официальной пропаганды, как правило, воспринимались Пришвиным с большой долей скепсиса, однако постепенно, незаметно для него самого, усваивались и воспроизводились. Например, 16 ноября 1942 г. он записал: «Попалась газета, из которой видно, что Черчилль вполне искренний и, наверно, хочет делать то самое, о чем говорит. Но, по-видимому, и в самой Англии думают не все так, как Черчилль, и еще есть Америка. Следовательно, сделается не как хочет Черчилль (правительство подало в отставку – и все), а как оно выйдет»⁹. Данная запись представляет собой характерный пример сочетания доверия к информации, содержащейся в газете, и одновременно – ее критического переосмысления.

Вторым, временами не менее важным источником информации, тем более что газеты нередко запаздывали, служили слухи. В данном случае их можно разделить на несколько групп. Первая, самая малочисленная, это слухи, циркулировавшие среди московских знакомых Пришвина. Они могли быть основаны на малодоступной и нередко достоверной информации, однако как раз подобные слухи до Пришвина в эти годы доходили редко. Основную массу слухов он получал от окружавших его деревенских жителей, колхозников, представителей сельской интеллигенции. Их в свою очередь тоже можно разделить на две группы – первую составляли слухи, возникавшие на основе все той же официальной информации, нередко искаженной до неузнаваемости или перетолкованной. Можно привести такой пример, отразившийся

в дневнике: в ноябре 1941 г. в деревне, где жил Пришвин, со ссылкой на сообщения радио, заговорили о взятии союзниками Гамбурга. Как вскоре выяснилось, «Гамбург» оказался Ливией, где англичане захватили несколько танков¹⁰.

Значительная же часть слухов, ни на чем конкретном не основанная, представляла собой простое отражение страхов либо надежд их носителей. Так, в январе 1942 г. Пришвин зафиксировал слух (сам он назвал его легендой) о том, что «будто бы Америка предложила Сталину распустить колхозы и вообще бросить всю партийную политику. А Сталин ответил: "Все распушу и со всем покончу, но сейчас этого сделать нельзя: начнется кутерьма"»¹¹.

И тем не менее, несмотря на весьма ограниченный доступ к информации, в дневниках Пришвина сложилась если и не абсолютно адекватная, то достаточно сложная и противоречивая картина, отразившая формирование и функционирование антифашистской коалиции.

Что касается Г.А. Князева, для него, как и для Пришвина, основным источником информации также являлись советская пресса и радио, причем к ним он относился, пожалуй, с большим доверием, регулярно пересказывал в дневнике отдельные статьи и даже вклеивал в него вырезки из газет, в том числе карикатуры и фотографии. Впрочем, и в его дневнике есть место мыслям и оценкам, далеким от официального дискурса. Вместе с тем в отличие от Пришвина, он практически всю войну находился в Ленинграде, общался с высокопоставленными политическими и советскими работниками, крупными учеными, представителями научной и художественной интеллигенции. Информацию, полученную от них, можно тоже, конечно, причислить к разряду слухов, но все же уровень ее достоверности был выше, чем у слухов бытовых. Что касается последних, то тут Князев занимал весьма любопытную позицию: «Вероятно, можно было бы из всех слухов делать и какие-нибудь выводы для изучающего психологию масс... В слухах можно подметить и сокровенные чаяния известных прослоек населения, и влияние врагов. Это своего рода метеорологическая сводка "погоды" общественного настроения»¹². Нельзя не согласиться с подобной оценкой слухов, которая сейчас является если не общепринятой, то, по крайней мере, широко распространенной¹³. Вместе с тем как профессиональный архивист, строго относящийся к историческому документу,

он сознательно отказывался фиксировать слухи в дневнике, мотивируя это так: «Не так я много вращаюсь среди людей и слышу новостей. Например, я совсем не бываю в очередях, на рынках и т.д. А это главные очаги всяких слухов»¹⁴.

Особняком стоят дневники академика В.И. Вернадского. Он не только долго жил за границей, но и в течение 1930-х гг. получал зарубежную прессу, причем не только специальную, хотя и с перебоями и с цензурными сложностями (дело дошло до его личного обращения по этому поводу к председателю Совнаркома В.М. Молотову)¹⁵. Однако в самом начале войны Вернадский с семьей был эвакуирован в Казахстан, поэтому ни о каком получении иностранной прессы не могло быть и речи, равно как и о слушании иностранного радио, и его замечания по поводу международных проблем становятся лапидарными и основанными опять-таки на сообщении советских средств массовой информации. Как записал в июле 1941 г. в своем дневнике Вернадский, имея в виду сообщения Совинформбюро, «мы знаем об окружающем только по таким фальсифицированным данным. Надо вносить поправку – из гущи жизни и жизненного опыта – охвата происходящего сознательно и глубоко переживаемого и в 1873 (если не раньше), и 1941 – больше 60 лет»¹⁶. Конечно, прежний опыт проживания за границей и чтения иностранной прессы помогал ему оценивать ситуацию по-другому, чем авторам дневников, таких возможностей никогда не имевших.

Стоило бы упомянуть и еще об одном авторе дневника, тоже лишенного информации помимо советской прессы и радио, но обладавшего уникальным – для советского человека – жизненным опытом. Речь идет о Г.С. Эфроне¹⁷. Он родился в Праге, долго жил во Франции, которую любил и хорошо знал, в 1939 г. вместе с матерью эмигрировал в СССР. И в его дневниках, частично написанных по-французски, немало рассуждений о международной ситуации в годы войны, иногда наивных, но иногда достаточно проницательных.

Еще одно предварительное замечание. Понятно, что в дневнике отражены взгляды и впечатления лишь его автора, в лучшем случае – узкой группы окружающих его людей. Поэтому для сравнения по мере возможности постараемся помещать материалы дневников в более широкий контекст, насколько это позволяют имеющиеся источники, прежде всего информационные материалы НКВД и НКГБ СССР.

На протяжении XVIII–XIX столетий, после того, как Россия вошла в число ведущих европейских держав, она неоднократно оказывалась участником самых разнообразных коалиций. В разное время ее союзниками выступали Великобритания, Франция, Пруссия, Австрия, Швеция, даже Турция; впрочем, те же державы время от времени оказывались и в числе ее противников. Не случайно появилось знаменитое высказывание Александра III об армии и флоте как единственных союзниках Российской империи. Тем не менее и в течение XX в. Россия дважды в ходе двух мировых войн выступала в составе могущественной коалиции.

Неудивительно поэтому, что образ врага и образ союзника играли в сознании российского (советского) общества важную роль, в том числе, кстати, и при решении внутривнутриполитических проблем. Однако, если в преддверии Первой мировой войны в обществе существовало достаточно ясное представление о потенциальных врагах и союзниках, накануне Второй мировой войны ситуация была намного более неопределенной. Судя и по дневникам, и по информационным сводкам НКВД и НКГБ тех лет, далеко не все, во-первых, ожидали скорой войны, и, во-вторых, войны именно с Германией. Тем более мало кто рассчитывал, что в случае реального столкновения с Германией СССР окажется членом могущественной коалиции¹⁸. И неудивительно, что первой реакцией на начало войны была растерянность. Так, 22 июня 1941 г. Пришвин записал в дневнике: «Вероятно, Гессе [так в документе – А.Г.] договорился с англичанами, и они согласились мириться за счет России, если немцы сумеют свергнуть коммунизм»¹⁹.

Однако вскоре последовало знаменитое заявление У. Черчилля, встреченное, впрочем, с откровенным недоверием. «Читал речь Черчилля о нападении на Россию Гитлера и не поверил искренности, как, наверно, у нас и никто не верит. Думаю, что Гитлер войной с Россией хочет заработать себе мир с Англией», – записал 24 июня Пришвин²⁰. То, что Пришвин в своем отношении к Англии был не одинок, подтверждает недавно опубликованный дневник симферопольца Х.Г. Лашкевича, который 23 июня писал: «Говорят чаще всего на тему: Германия договаривается с Англией, чтобы покончить войну за наш счет. Заявлению

Черчилля о совместных с нами действиях просто не верят: англичане якобы обманывают нас»²¹. Очень похожая оценка содержится и в дневнике Г.А. Князева (запись от 23 июня): «Телеграмма с речью Черчилля о всемерной помощи СССР со стороны Англии встречена весьма радостно. Мы не одни. Помню, с каким волнением мы ждали в 1914 г. после начала войны с Германией, объявления войны Англией Германии. Нечто подобное пережили мы вчера и сегодня...» Но тут же важная оговорка: «Речь замечательная. Но, читая ее, плохо верят в искренность англичан, хотя и признают всю значимость этого выступления»²².

Более того, именно с политикой Англии связывали многие само начало войны. Как писала в своем дневнике 23 июня 1941 г. известная художница А.П. Остроумова-Лебедева, «Англия обещает нам помогать деньгами и техникой... Мне, лично, их помощь кажется не очень существенной. Истощенный, утомленный народ. Да и многие примеры их помощи: Франция, Греция, Югославия... Неужели развязавшаяся война между нами и Гитлером вызвана коварной политикой Англии?.. Неужели это есть результат... политики "коварного Альбиона"? Неужели это они натравили разъяренного дикого быка – Гитлера на нашу страну?»²³ Подобные мысли, кстати, не чужды были и Пришвину – 9 августа 1941 г. он отмечает «в газетах ликование англичан и Америки: им удалось стравить... [так в документе – А.Г.]»²⁴

Возникает вопрос, насколько в действительности было распространено такое отношение к союзникам и на чем оно основывалось? Само по себе наличие таких настроений сомнений не вызывает. Например, в июле 1941 г. в Красноуфимском районе Свердловской области отдел агитации и пропаганды местного райкома при проведении работы с населением выявил «неправильные» взгляды на обстановку, которые (вместе с пораженческими настроениями) включали «непонимание позиции Англии и Америки в отношении к Советскому Союзу» и проистекавшее отсюда недоверие к западным державам²⁵. Подобные суждения неоднократно высказывались и в осажденном Ленинграде²⁶. Как отмечает, например, основываясь на ленинградских материалах, историк Н.А. Ломагин, «сближение СССР с Англией и США в первые недели войны воспринималось населением с большой настороженностью и не являлось существенным фактором в развитии

настроений – война с Германией представлялась своего рода дуэлью, в которой "демократии" в лучшем случае будут играть роль честных секундантов». И далее: «Большой интерес к международным событиям, которые в довоенном Ленинграде скорее напоминали мечты и грезы, нежели имели какое-нибудь реальное значение, через два месяца войны практически полностью исчез, уступив место насущным вопросам борьбы за выживание... По-прежнему по отношению к демократическим государствам доминировало недоверие»²⁷.

Впрочем, информационные материалы 1941 г. показывают, что интерес к международным событиям, а точнее, к формированию и функционированию антигитлеровской коалиции, был достаточно велик. Да и недоверие к ним отнюдь не было всеобщим: уже в первые дни войны в сводках НКГБ были отмечены высказывания о том, что политика М.М. Литвинова, направленная на союз с Англией и Францией, была верной. Характерно, что подобные высказывания проходили по разделу «антисоветских», один из говоривших это был арестован²⁸. Очевидно, «органы» еще не успели осознать новую международную реальность, несмотря на заявления с обещаниями помощи со стороны правительств США и Англии, прозвучавшие 22 июня. Впрочем, в дальнейшем, особенно в 1941–1942 гг., в таких же сводках НКВД сомнения относительно результативности отношений с союзниками, не совпадающие с тоном прессы на данный день, также проходили по разряду «антисоветских».

Что же касается причин подобного отношения к союзникам, проще всего объяснить их воздействием многолетней пропаганды. Действительно, на протяжении всего межвоенного периода в официальном советском дискурсе Англия выступала в качестве либо главного, либо одного из главных противников, и антианглийские стереотипы, опиравшиеся к тому же на длительную историческую традицию англо-русского соперничества, были весьма устойчивы. Однако подобного объяснения явно недостаточно. Если говорить о людях старшего поколения, речь может идти об опыте Первой мировой войны, когда «настроение 1914 года»²⁹ постепенно сменилось разочарованием в союзниках и даже антисоюзническими настроениями³⁰. В записной книжке писателя А.И. Пантелеева за 1942 г. сохранилась любопытная

запись: «С первых дней мировой войны 1914 года в Англии стал популярен, стал крылатым циничный лозунг: "Англия будет драться до последнего русского солдата". Не вспомнилась и не пришлось ли по душе эта милая шутка отцов выросшим и возмужавшим деткам?»³¹

Но в еще большей степени недоверие к союзникам определялось четким пониманием противоречий в классовой природе и интересах членов коалиции. Об этом писал 13 июля Г.А. Князев: «Борются две системы, два мира: коммунизм и нацизм. Ранее это формулировалось как борьба пролетарского и капиталистического миров. Теперь дело осложнилось. Есть третья система – старомодная буржуазно-демократическая, либеральная и консервативная, господствующая в Америке и Англии. И коммунисты, и нацисты – полярные точки этой древней, изживающей себя системы». Впрочем, через несколько дней, 20 июля, он добавляет: «Пусть наши противоречия с Англией очень большие, но на данном этапе и Англии, и нам выгодны совместные действия, всемерная помощь, единение. Пусть большевизм и английский старомодный демократизм несовместимы, но у них есть общий и смертельный враг – нацистская гитлеровская Германия»³².

Это ярко видно и у М.М. Пришвина. Писателя никак нельзя было назвать убежденным сторонником советской идеологии, но она, тем не менее, оказывала влияние и на него. Еще 1 июня 1941 г. он отметил: «Америка знает, что после поражения в Европе будет революция и господином положения станет СССР, как "третий смеющийся". Но почему же, зная это, Америка поощряет Англию продолжать войну? Не потому ли, что мысль не мыслит и действует только сила вещей»³³. И после начала Великой Отечественной войны мысль о том, что победа СССР означает безусловную революции в Европе, а, возможно, и в мире, и что Англия и Америка не могут не понимать этого, постоянно возникает в дневнике писателя. Пожалуй, наиболее развернуто Пришвин высказался об этом в записи от 15 ноября 1941 г.: «Как будто после речи Сталина³⁴ неслышными шагами, как тень, вышел на сцену Некто в сером и стал незаметно в уголку. Но мы усмотрели его и, подумав, стали догадываться и разбираться в текущих событиях по-новому. Некто в сером – это тот, от кого зависит названный Сталиным "второй фронт" в Европе, определяющий поражение или победу Красной армии. Итак, если Некто поможет, мы подождем европейский костер:

тогда в Германии и Франции и всюду в Европе возьмут власть левые и соединятся с Россией. Тогда пожар может перекинуться и к самому Серому. И, значит, вот почему нельзя Серому нам всерьез помогать, он может помогать лишь настолько, насколько сопротивление Красной армии побудит Германию к миру на выгодных для Серого условиях»³⁵.

Можно только предполагать, кого Пришвин подразумевал под «Серым» – политическое руководство Англии и США, монополистический капитал, масонов или некие анонимные «влиятельные круги» (расхожий стереотип советской пропаганды). Во всяком случае, в дневнике 1940–1943 гг. этот персонаж больше не появляется. Основная мысль данного фрагмента, однако, предельно ясна.

И позднее в его дневниках постоянно встречаются опасения, что «остается возможность коварства англичан, которые помирятся с немцами за счет большевиков, но тогда возродится Германия» (запись от 28 августа 1941 г.), что «между Германией и Англией состоялось тайное решение о мире и разделе России» (запись от 11 октября 1941 г.), подчеркивается «расхождение с политикой демократии (Англии – Америки): их политика в том, чтобы подстроить обоюдное уничтожение большевиков и фашистов» (запись от 24 января 1942 г.), и т.д.³⁶

Однако сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции, несмотря на все сложности, постепенно расширялось. 12 июля 1941 г. в Москве было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях против гитлеровской Германии, положившее начало оформлению антигитлеровской коалиции. Академик В.И. Вернадский 16 июля 1941 г. отметил в дневнике: «Общее удовольствие, что отошли от Германии, и очень популярен союз с Англией и демократиями»³⁷. Впрочем, отношение к этому соглашению было достаточно сложным.

М.М. Пришвин, кажется, вообще не заметил этого события (во всяком случае в дневнике оно не было отражено). Единственное косвенное упоминание об этом соглашении относится уже к 5 августа 1941 г., когда он записал высказывание местного повара: «Не надо было заключать военного союза с Англией, – "зачем это надо было себе руки вязать?" Это единственный теперь, кто высказывается: все молчат»³⁸.

В отличие от Пришвина, Г.А. Князев, например, не только передал в дневнике соответствующее сообщение «Правды», но и сопроводил его весьма эмоциональным комментарием: «Гитлер объ-

явил, что вся Европа объединилась в коалицию против большевиков, в "крестовый поход" против них. Он и Геббельс сообщали всему миру, "что сыны Германии снова выступили не только на защиту своей страны, но и всего нравственного мира". И вдруг вместо коалиции всей Европы против СССР, коалиция Англии, ее доминионов и при поддержке США коалиция всего мира против Германии!»³⁹

Достаточно скептически оценил соглашение в своем дневнике Н.С. Файнштейн 14 июля 1941 г.: «Оптимисты возлагают большие надежды на соглашение с Англией. Пессимисты считают его почти за ничто. Да и я не придаю ему большого значения. Зачем им лезть, если есть кому отдуваться?»⁴⁰

На первый взгляд особняком стоит Г.С. Эфрон. 15 июля он записал в дневнике: «В сущности, очень хорошо, что есть этот союз с Англией. Шикарно то, что в школе, с друзьями, повсюду, с самого начала этой войны я говорил, что враг всего мира – нацистская Германия, что англо-американцы – порядочные люди и что де Голль защищает Францию и т.д.» Можно было бы удивиться подобной прозорливости 16-летнего юноши, но, к сожалению, здесь мы имеем дело с типичной скорее для мемуариста аберрацией памяти, неважно, сознательной или нет. Достаточно сравнить запись в том же дневнике, сделанную 11 июня 1941 г.: «Когда же наступит война за СССР? А вдруг немцы помирятся с англичанами, чтобы выступить против нас? Все может случиться и, по существу, это не так невероятно. Во всяком случае, СССР зверски вооружается, явно чтобы воевать и защищаться. Но против кого и от кого? Вот в чем вопрос. На самом деле, не так уж невозможна война Европы против нас»⁴¹.

Одним из первых существенных проявлений англо-советского сотрудничества стал ввод советских и английских войск в Иран в августе 1941 г.

У М.М. Пришвина и это событие вызвало скорее пессимистические комментарии. «Вчера было известие по радио, что англо-русские войска вступили в Иран. Это известие в ночной переработке [очевидно, Пришвин имеет в виду свое осмысление известия в ночные часы – А.Г.] открыло мне глаза на горестное положение Гитлера: если он займет Россию без нефти, чем он будет воевать? Отсюда вывод:

или его из России погонят, или, если наша армия распадется и новое правительство наше заключит с немцами мир, англичане помирятся с немцами и произойдет давно ожидаемая оккупация и раздел России», – записал он 27 августа.. А через несколько дней, 30 августа, последовала следующая запись: «Вчера мы были поражены известием по радио, что Днепропетровск пал. Сразу иранская англо-русская операция потеряла свою остроту, как всякое английское вялое военное предприятие: оттуда не будет спасения»⁴².

Осторожен был и обычно более оптимистичный Г.А. Князев: «Благодаря занятию Ирана, индийские войска могут быть через нашу территорию перекинуты на борьбу с германскими полчищами. Вместе с этим рождается множество новых противоречий, покуда, правда, неощутимых. Вопрос об Индии и подступах к ней делал Англию всегда подозрительной и заставлял не раз портить наши отношения с ней»⁴³.

Характерно, что и в этом случае подобные опасения разделялись значительной частью общества. В информационных сводках НКГБ за сентябрь 1941 г. приводятся следующие высказывания москвичей относительно вступления советских и британских войск в Иран: «Наконец-то нашелся фронт, с которого мы можем получать победные сводки. И как ловко, с какой демагогией проделано все это: сначала мы перечислили все наши благодеяния, оказанные Персии, потом уже сделали вывод о взятии ее за горло. Самое же главное – проделали все это в союзе с Англией, спрятавшись за ее спину. За Англией не страшно. Наше командование может драться только на кулаках... Англичане уже одурачили СССР после вступления английских войск в Иран. Они держат под ударом Баку, который раньше или позже будет у нас отобран. Сейчас англичане нами командуют, они добились полностью того, о чем мечтали два года тому назад. Такой результат следует отнести за счет нашего слабого и неквалифицированного руководства и увлечения идеей мировой революции со стороны наших вождей... завоёвывая Иран, мы капитулируем в угоду Англии. Это глупая авантюра, даже сама нота списана с гитлеровских нот Дании и Норвегии. Что мы заработаем на этом? Войну с Турцией и Афганистаном. Англии это выгодно, но нам вредно... Английские войска в Иране – это опасное соседство для СССР, так как англичане народ хитрый, продажный,

и сами целются на бакинскую нефть»⁴⁴. Разумеется, были и положительные отзывы, например: «Наше командование в первый раз одумалось и решило сделать хоть один шаг, который на фоне общего и позорного бегства наших армий даёт надежду, что, может быть, хотя бы нефтяной бассейн не будут бомбить... Наконец-то мы опередили немцев, и то, что они думали, – сделали мы. Важно, что этот акт совершён вместе с англичанами – гарантия перед мировым общественным мнением»⁴⁵.

Из всех авторов дневников, использованных в данной статье, пожалуй, наиболее бескомпромиссно негативную позицию в отношении советской власти и ее политики занимала Л.В. Шапорина. Подобная односторонность в сочетании со слабой информированностью и отсутствием ярко выраженного интереса к внешнему миру, нередко приводила ее к довольно странным оценкам. Так, ситуацию в Иране 25 августа 1941 г. она прокомментировала следующим образом: «Немцы вошли в Персию, а мы и англичане двинули туда же войска. Масштаб борьбы за мировую гегемонию разрастается и грозит разрастись еще больше. Мы, СССР, на положении Китая – мы нужны немцам, как утильсырьё для борьбы с Англией»⁴⁶. То, что немцы войска в Иран не вводили, это еще полбеды; она, похоже, перепутала позиции Германии и Англии...

Следующим событием в истории антифашистской коалиции, привлечшим внимание большинства авторов использованных дневников, явилось совещание представителей СССР, США и Великобритании в Москве⁴⁷. Впрочем, комментарии М.М. Пришвина оказались на удивление весьма лаконичными. «В связи с англо-американской комиссией в Москве является возможность ожидать амнистии и некоторых перемен в политике», – написал он 3 октября, а 7 октября продолжил: «После целой недели пропуска времени прочитал газетку (Англо-американская комиссия) и почувствовал впервые возможность длительной войны при поддержке Америки»⁴⁸.

Заметным контрастом выглядит оценка того же совещания в дневнике Г.А. Князева: «Московская конференция трех держав, которую нацисты старались опорочить как "теоретическое утешение" Советскому Союзу, истекающему кровью, является окончательным утверждением антигитлеровского фронта и концом всяких иллюзий для Германии»⁴⁹.

Между тем в обществе бытовали оценки совещания гораздо более негативные, чем у Пришвина, тем более Князева. Накануне открытия совещания 20 августа 1941 г. была подготовлена очередная справка НКВД, из которой следовало, что информация о предстоящем совещании вызвала не только положительные отклики среди населения столицы, но и некоторые опасения и тревоги по поводу будущего государственного устройства СССР: «Теперь нами будут командовать англо-американцы. Войну мы проиграли потому, что Гитлера-то мы побьём, а результатами воспользуются Англия и Америка... Когда СССР и Германия дойдут до обморочного состояния, тогда Англия и Америка будут диктовать нам свои условия. Конференция трёх держав кладёт начало такой политике Англии и Америки»⁵⁰.

Иногда, впрочем, с этой конференцией связывались совсем уж фантастические ожидания. Так, Л.В. Шапорина 22 сентября записала: «Теперь ходят слухи о совещании в Москве с Америкой и Англией, они, дескать, требуют, чтобы Ленинград был сдан, а по другим версиям — объявлен вольным городом»⁵¹.

Известие о вступлении в войну Японии и Америки вызвало следующий комментарий М.М. Пришвина: «Теперь все человечество, весь земной шар находится в состоянии войны. Вот теперь настало время прекратить мечту о скором конце войны и возвращении к привычной жизни» (запись от 8 ноября 1941 г.) Через два дня последовало еще более однозначное высказывание: «С выступлением Японии стало ясно, что война эта не может кончиться случайным сговором на коротенький мир. Война эта может быть очень длительной»⁵². Любопытно, что еще в июле 1941 г. Пришвин ожидал вступления Японии в войну против СССР: «Япония нависла и ждет, как морской рак ждет, когда крупная рыба акула зацепится на крючке перемета и тогда можно ей живой выесть глаза»⁵³.

В эти же дни в блокадном Ленинграде Г.А. Князев в своем дневнике отмечает: «Америка теперь почувствует, что спастись среди моря огня в изоляции нельзя. Но для этого ей надо было получить хорошую затрещину. На всех материках нашей планеты небывалая и не сравнимая по масштабам с войной 1914–1918 г. Вторая мировая война». И буквально на следующий день добавляет: «Америка пере-

живает приблизительно то, что мы пережили в июне. Она должна еще собраться с силами, чтобы отразить занесенный над нею удар»⁵⁴.

В другом блокадном дневнике, который вела И.Д. Зеленская, было подчеркнуто одно важное следствие вступления Америки в войну, о чем не сказали ни Пришвин⁵⁵, ни Князев: «Эта дьявольская война разливается как океан. Является страх за дальневосточный фронт, за доставку американского вооружения. А с другой стороны, может быть и лучше, как широко вскрытый нарыв»⁵⁶.

О том же говорили, согласно информации НКВД, москвичи: «Вступление Японии в войну – крайне неблагоприятный факт для СССР, так как этим затрудняется доставка материалов из США. С другой стороны, военные материалы, которые США могли послать нам, нужны будут теперь ей самой... За нападением на Америку последует нападение и на СССР, в результате чего японцы, по-видимому, займут не только Сибирь, но дойдут и до Средней Азии». В некоторых откликах проскальзывает (как и у Князева) определенная доля злорадства: «Отрадно, что Америка, которая привыкла обогащаться за счёт войны других стран, сама сейчас отведаёт вкус войны». И все же преобладали позитивные отклики: «Война Японии с Америкой ускорит гибель Германии, мы опять выкарабкаемся на поверхность... Весь мир втянут в войну. После окончания её мир должен выглядеть по-другому. Германия вряд ли останется, как государство, а от Японии, если Америка и Англия активно включатся в войну, только щепки останутся... Возникновение войны между Японией, Америкой и Англией – событие огромной важности. Эта война устраняет возможности возникновения для нас Дальневосточного фронта и обеспечит укрепление военного сотрудничества между СССР, Англией и Америкой»⁵⁷.

Возможную помощь со стороны союзников рассматривали, во-первых, как их активное участие в боевых действиях против Германии, и, во-вторых, в виде поставок оружия, снаряжения и т.п.

Словосочетание «второй фронт» появляется, в частности, у М.М. Пришвина (как, впрочем, и у большинства его современников) в ноябре 1941 г., после речи И.В. Сталина 6 ноября, хотя надежды на военную помощь со стороны союзников существовали у писателя и раньше – так, в сентябре 1941 г., он пишет: «После Киева»⁵⁸

можем ли мы еще победить? Можем, если случится помощь извне: разложение в Германии или десант Англии»⁵⁹. 20 ноября 1941 г., подсчитывая людские ресурсы «стран оси», Пришвин приходит к выводу: «Ясно, что, если бы возник в Европе второй фронт, немцам пришел бы конец. Значит, все нити войны в руках наших союзников, что захотят, то и сделают»⁶⁰.

Достаточно оптимистично воспринял высказывание Сталина и Г.С. Эфрон: «Нужно надеяться, что англичане действительно создадут, хоть к весне, этот пресловутый Второй фронт. Ведь не станет Сталин говорить об этом, не имеючи [так в документе – *А.Г.*] для этого серьезнейших оснований»⁶¹.

Однако видимое отсутствие помощи со стороны союзников осенью 1941 г. вызывало скорее скептические настроения. Так, в дневнике вчерашнего школьника В.Н. Гельфанда⁶² мы находим такую запись от 15 октября: «Где они англичане, где американцы? Или они тоже бессильны против Гитлера? Но факты отрицают это. Но цифры отрицают это. И все говорит о победе над немцами нашей коалиции, о полном разгроме фашистов СССР, Англией и США... Сколько людей погибнет, сколько территории поглотит фашизм прежде, чем будет оказана сколь либо существенная помощь со стороны Англии и Америки нашей стране?»⁶³

И вместе с тем уже в 1941 г. в дневниках и высказываниях встречаются достаточно часто размышления о «мире после войны». Уже 6 июля Г.А. Князев сделал следующий вывод: «В конечном результате борьбы, изнурительной и мучительной, мир должен получить новый порядок. Это будет новое общество – коммунистическое. Иначе за этой бойней будет другая, еще более жестокая и кровавая»⁶⁴.

Отражению этой темы в дневниках М.М. Пришвина можно посвятить отдельную обширную статью. Вообще в сознании советского общества эта тема выходит на первый план, начиная с 1943 г., но Пришвина она занимала с начала войны. Впрочем, и накануне войны, еще не будучи уверенным, что она вскоре начнется, он, тем не менее, задумывался о ее возможных последствиях⁶⁵. Уже 25 июня 1941 г. писатель рассуждает: «Неужели расчет на крах коммунизма, с которым рано или поздно непременно придется сражаться и самой Америке? Неужели

Англия им [немцам – *А.Г.*] сказала: "Если свергнете и устроите свой порядок в Азии, мы помиримся". А нам сказала: "Если вы разобьете Германию, берите проливы". Но если мы разобьем, разве не вспыхнет в Европе революция? Неужели же борьба с Германией закрывает и Англии глаза на борьбу с революцией? Может быть, так и разумно: основной враг, Германия, будет кончен, а с другим после как-нибудь»⁶⁶.

Неоднократно Пришвин пишет о том, что в послевоенном мире найдут свое место и англо-американская, и германская, и советская модели: «Мы живем на острие, имея с Германией в сущности одну цель: свержение капитализма и основание мирового планового хозяйства. Вот из-за того, что по существу все равно, Германия или Россия, лишь бы не капитал, и получается такое легкое примирение с тем или другим концом этой войны. Кончится же тем, что Америка навяжет миру свой план, в который войдут частично идеи, руководящие Россией и Германией» (запись от 1 августа 1941 г.)⁶⁷

Вместе с тем Пришвин, как и многие его современники, предполагал изменение внутренней политики Советской власти под давлением союзников.

Уже в сентябре 1941 г. представители московской интеллигенции высказывали опасения (которые, возможно, были одновременно и надеждами) на изменение внутренней политики СССР после войны: «В настоящей войне возможно поражение Германии, но в СССР все равно будет изменена форма правления под давлением Америки и Англии в сторону создания демократической республики по их образцу. Для этого будут использованы их войска, которые Америка и Англия ввели в пределы СССР»⁶⁸.

В.И. Вернадский 15–16 ноября 1941 г. записал в дневнике: «Сейчас совершается сдвиг, и, вижу, многим тоже кажется – огромного значения... Союз с англосаксонскими государствами – демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы... Впереди неизбежны коренные изменения – особенно на фоне победы нашей и англосаксонских демократий»⁶⁹.

Еще более радикален был Г.С. Эфрон: «Я – сторонник экономической зависимости Советского Союза от Англии и Америки; по-моему,

такая зависимость, после войны, принесла бы России много пользы. Увидим. Но я уверен, что после окончания войны все не начнется по-старому, как, скажем, в мае 1941 г. – произойдут решающие изменения, которые будут зависеть от международного положения. Только Англия и Америка способны восстановить Европу, Францию и захваченные территории Сов[етского] Союза» (запись от 8 ноября)⁷⁰.

Однако у многих подобные перспективы вызывали не столько надежды, сколько опасения.

Если Г.А. Князев оценил Атлантическую хартию⁷¹ как «новую декларацию прав народов, высоко прогрессивную, истинно демократическую и гуманистическую»⁷², то М.М. Пришвин, например, был гораздо более сдержан: «Очень повторяют из декларации Черчилля – Рузвельта о целях войны: обеспечить народам свободу вероисповедания и слова. Говорят, будто бы они и у нас вели речь об этом и хотели уйти из-за этого, но получили какое-то согласие». Но одновременно он говорит об отвращении к «либерализму, демократизму капиталистического происхождения», о том, что «победивший коммунизм обеспечит это по существу и для всего мира, а не иллюзорно для правящих классов, бросающих крохи благ своих демократии»⁷³. Чуть позже Пришвин конкретизирует свои опасения: «Слова Рузвельта о необходимости обеспечить во всем мире права людей на свободу вероисповедания – слова равносильны полному уничтожению большевиков и звучат как вызов на будущую войну с СССР после поражения немцев» (запись от 14 сентября 1941 г.)⁷⁴ И, наконец, следует вывод: «Может создаться состояние мерзкой необходимости неволи, обусловленной не нашим русским, а мировым состоянием» (запись от 7 октября 1941 г.)⁷⁵

В ноябре 1941 г. писатель отмечает: «Распространилась легенда о близком конце войны с победой Америки. Говорят, будто бы Америка, победив, все нам даст, все починит разрушенное, все построит вновь и что за это большевики распускают колхозы, дадут свободу торговли и религии (так и передали о свободе этой, рядом религию и торговлю). Вместе с этим из легенды предыдущей о немце как строителе русского государства выпала всякая нравственная ответственность, и будущее представляется как легенда о порядочном господине с великолепными подарками и розами»⁷⁶.

В первые шесть месяцев войны совершилось событие огромного значения: сложилась в основных чертах антигитлеровская коалиция, которая совместными усилиями добьется победы в войне. Это событие по-разному оценивалось авторами дневников, хотя в целом, безусловно, позитивные оценки преобладали. К концу 1941 г. в войну вступили все основные участники, определились и театры военных действий – Восточный фронт, Северная Африка, Тихий океан.

И, тем не менее, составляя разительный контраст настроениям 1914 г., в отношении союзников преобладало недоверие, о причинах которого говорилось выше. Постепенно, впрочем, это отношение начинает меняться⁷⁷. В 1942 г. самым острым был вопрос о «втором фронте» и отсутствии видимой помощи со стороны союзников. В 1943 г. «второго фронта» (в понимании советских людей) не было по-прежнему, но и на фронте и в тылу появилось поставленное по ленд-лизу вооружение и продовольствие. В 1944 г., наконец, был открыт «второй фронт» и в мае 1945 г. «встреча на Эльбе» явилась безусловным апогеем союзнических отношений. А дальше мир постепенно соскользнул к «холодной войне»...

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект «Модернизация и эволюция инокультурных представлений российского/советского общества в контексте модернизации (конец XIX – первая половина XX в.)»

² Теория, история, метод: источники российской истории: Учеб. пособие для гуманитарных специальностей. М., 1998. С. 640.

³ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 304.

⁴ Теория, история, метод... С. 636.

⁵ Шапорина Любовь Васильевна (1879–1967 гг.) – жена композитора Ю.А. Шапорина, создательница первого в Советской России театра марионеток, художница, переводчица.

⁶ Князев Георгий Алексеевич (1887–1969 гг.) – в 1929–1963 гг. директор Архива АН СССР, историк и архивист.

⁷ О том, какими путями советское общество в целом получало информацию о ситуации в мире см.: Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы. М., 2008. С. 27–87.

- ⁸ Пришвин М.М. Дневники. 1928–1929. Книга шестая. М., 2004. С. 432.
- ⁹ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941. М., 2012. С. 683.
- ¹⁰ Там же. С. 706.
- ¹¹ Пришвин М.М. Дневники. 1942–1943. М., 2012. С. 30.
- ¹² Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 142.
- ¹³ См.: Голубев А.В. Слухи как форма бытования представлений о внешнем мире в советском обществе 1920-х годов // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. С. 256–275.
- ¹⁴ Князев Г.А. Указ. соч. С. 142.
- ¹⁵ Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 231, 246, 358.
- ¹⁶ Вернадский В.И. Дневники: Июль 1941 – август 1943. М., 2010. С. 27.
- ¹⁷ Эфрон Георгий Сергеевич («Мур», 1925–1944 гг.) – сын М.И. Цветаевой, погиб на фронте.
- ¹⁸ См.: Голубев А.В. «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов // Отечественная история. 2008. № 5. С. 108–127.
- ¹⁹ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 491.
- ²⁰ Там же. С. 493.
- ²¹ Лашкевич Х.Г. Дневники // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. Спец. вып.: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. Вып. 5. М., 2003. С. 237.
- ²² Князев Г.А. Указ. соч. С. 28, 30.
- ²³ Цит. по: Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2-х кн. СПб., М., 2002. Кн. 1. С. 219.
- ²⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 543.
- ²⁵ Цит. по: Колдомасов И.О. Эволюция образа союзников в советском обществе военных лет: от катастрофы к «великому перелому» // Проблемы российской истории. Вып. 7. М., Магнитогорск, 2006. С. 342.
- ²⁶ См.: Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 (Из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996. С. 23, 44, 48–49, и др.
- ²⁷ Ломагин Н.А. Указ. соч. С. 216, 228.
- ²⁸ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 50–52.
- ²⁹ См.: Поршнева О.С. Настроение 1914 г. в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–200.
- ³⁰ См. подробнее: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / под ред. А.В. Голубева. М., 1998. С. 275–290; Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 123–172.
- ³¹ Пантелеев А.И. Из старых записных книжек (1922–1947) // Пантелеев А.И. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. Л., 1985. С. 409.
- ³² Князев Г.А. Указ. соч. С. 74, 82.
- ³³ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 470.

- ³⁴ На торжественном заседании 6 ноября 1941 г., посвященном годовщине Октябрьской революции, И.В. Сталин в частности сказал: «Нет сомнения, что отсутствие второго фронта в Европе против немцев значительно облегчает положение немецкой армии. Но не может быть сомнения и в том, что появление второго фронта на континенте Европы, – а он безусловно должен появиться в ближайшее время, – существенно облегчит положение нашей армии в ущерб немецкой» (см.: Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 24).
- ³⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 680–681.
- ³⁶ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 554, 629; Он же. Дневники. 1941–1942. С. 30.
- ³⁷ Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941: в 2-х кн. Кн. 2. 1939–1941. М., 2006. С. 430.
- ³⁸ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 538.
- ³⁹ Князев Г.А. Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁰ Файнштейн Н.С. Ленинградский дневник (3 июля – 4 декабря 1941 г.) // Звезда. 2010. № 9. С. 153. Файнштейн Наум Самойлович (1907–1942 гг.) – геолог, в годы войны воентехник 1 ранга, командир роты военно-дорожного батальона 2-й ударной армии, пропал без вести в июне 1942 г.
- ⁴¹ Эфрон Г.С. Дневники: в 2-х тт. М., 2007. Т. 1: 1940–1941 годы. С. 449, 366.
- ⁴² Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 552–553, 555.
- ⁴³ Князев Г.А. Указ. соч. С. 145.
- ⁴⁴ Недремлющее око спецслужб // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006. С. 549, 550; Христофоров В.С. Общественные настроения в СССР: июнь–декабрь 1941 г. // Великая Отечественная война. 1941 г. М., 2011. С. 462.
- ⁴⁵ Христофоров В.С. Указ. соч. С. 461–462.
- ⁴⁶ Шапорина Л.В. Дневник. М., 2011. Т.1. С. 248.
- ⁴⁷ Московское совещание по вопросам ведения войны против фашистской Германии и её союзников и устройства мира после её окончания состоялось 29 сентября – 1 октября 1941 г. В результате был подписан протокол, определивший квоты американских и английских поставок вооружения, промышленного оборудования и продовольствия в СССР, а также встречных поставок некоторых товаров и сырья из СССР в США и Англию для нужд их военного производства.
- ⁴⁸ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 617, 622.
- ⁴⁹ Князев Г.А. Указ. соч. С. 213.
- ⁵⁰ Христофоров В.С. Указ. соч. С. 459.
- ⁵¹ Шапорина Л.В. Указ. соч. С. 260.
- ⁵² Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 718, 719.
- ⁵³ Там же. С. 526.
- ⁵⁴ Князев Г.А. Указ. соч. С. 345, 348.
- ⁵⁵ Позднее, в январе 1942 г., Пришвин фиксирует разговор «о слабой помощи от Америки. Со времени выступления Японии вовсе нет ничего» (см.: Пришвин М.М. Дневники 1942–1943... С. 32).
- ⁵⁶ Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

- ⁵⁷ Христофоров В.С. Указ. соч. С. 471–472.
- ⁵⁸ Киев был взят немцами 19 сентября 1941 г.
- ⁵⁹ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 601.
- ⁶⁰ Там же. С. 691.
- ⁶¹ Эфрон Г.С. Дневники... Т. 2. С. 111–112.
- ⁶² Гельфанд Владимир Натанович (1923–1983 гг.) – в 1942–1946 гг. служил в армии, позднее преподавал. Его дневник был опубликован в Германии в 2002 г.
- ⁶³ Гельфанд В.Н. Дневники 1941–1946 // Военная литература: Электронный ресурс. URL: militera.lib.ru/db/gelfand_vn/index.html (дата обращения – 15 июля 2013 г.).
- ⁶⁴ Князев Г.А. Указ. соч. С. 57.
- ⁶⁵ Голубев А.В. Мир начала 1940-х годов глазами русского писателя // Российская история. 2013. № 3. С. 154.
- ⁶⁶ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 495.
- ⁶⁷ Там же. С. 532.
- ⁶⁸ Недремлющее око спецслужб... С. 556. Неясно, что имел в виду автор высказывания, говоря о войсках союзников, введенных в СССР; возможно, так была расценена совместная советско-британская оккупация Ирана: многие воспринимали этот шаг как попытку Англии утвердиться на Кавказе (см.: Там же. С. 549–556).
- ⁶⁹ Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943... С. 69, 71. См. также: Bailes K. Soviet Science in the Stalin Period: The Case of V.I. Vernadskii & his School. 1928–1945 // Slavic Review. Vol. 45. № 1. P. 36.
- ⁷⁰ Эфрон Г.С. Дневники... Т. 2. С. 102.
- ⁷¹ Атлантическая хартия, призванная определить устройство мира после победы союзников, обсуждалась и была принята на Атлантической конференции британским премьером У. Черчиллем и Президентом США Ф. Рузвельтом, о чём было заявлено 14 августа 1941 г. Позже, 24 сентября 1941 г., к хартии присоединился СССР.
- ⁷² Князев Г.А. Указ. соч. С. 127.
- ⁷³ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 579.
- ⁷⁴ Там же. С. 582.
- ⁷⁵ Там же. С. 622.
- ⁷⁶ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941... С. 700. К образу «порядочного господина», которого расчетливые матушки ждут в женихи для своей дочери, Пришвин возвращается не раз; в его понимании надежды на союзников предполагали отсутствие того, что он называл «нравственной ответственностью».
- ⁷⁷ Об эволюции отношения к союзникам в годы войны подробнее см.: Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника... С. 292–348.

2. ИСТОЧНИКИ

М.А. Киселев

К ИСТОРИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДИ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРЕПИСКИ Д.В. ВОЛКОВА 1761–1763 гг.)

История Российского государства Нового времени писалась и пишется как история учреждений. В то же время в последнее время исследователи обращают все больше внимание на неформальные связи как одну из неотъемлемых составляющих государственной власти¹.

Реконструкция неформальных связей в государственном аппарате не относится к числу самых легких задач, в том числе и из-за проблем с источниками. Как отмечал П. Бурдьё, «пытаться осмыслить, что есть государство, значит пытаться со своей стороны думать за государство, применяя к нему мыслительные категории, произведенные и гарантированные государством»². Ему вторил Л. Пэнто: «Интеллектуалы, предрасположенные думать с помощью государства и для государства, изучают объекты, заранее сконструированные государственным здравым смыслом»³. Эти замечания важны как для тех, кто пытается понять современное государство, так и для тех, кто изучает его историю. Государство, точнее, его глашатаи, выступающие от имени этой интеллектуальной фикции, позаботилось о собственной истории с помощью архивов. Его архивы, формируемые его же учреждениями, предрасполагают к изучению официальных институций власти, оставляя за скобками неформальные практики власти.

Впрочем, последние все же находят отображения в архиве государства. Правда, такие отображения имеют специфическую форму, будучи увязаны со сбоями функционирования государственной машины: это материалы различных следствий, содержащие допросы

провинившихся чиновников, показания свидетелей и потерпевших, конфискованные личные бумаги и т.д. Данные документы призваны показать, что неформальные отношения, выходявшие за пределы инструкций, есть лишь аномалии, а не повседневные практики властных отношений, когда список частных корреспондентов персоны, владевшей властью, и не всегда официально, может дать больше для понимания функционирования государственной власти, чем реестр исходящих официальных бумаг того или иного учреждения.

Тем не менее, при правильном направлении поиска и наличии определенной доли исследовательской удачи, сохранившиеся документы позволяют заглянуть за фасад официальной власти и увидеть ее субъективное измерение, когда вместо функции-человека, реализующей инструкцию, можно наблюдать человека власти, реализующего свои интересы и, шире, свое Я.

В настоящей работе, которая распадается на две части, мы планируем обратиться к данной проблематике: проанализировать механизм неформальных отношений правящей элиты Российской империи, тех, кто претендовал на то, чтобы быть государством. Конечно, эта тема не для одной монографии, так что в рамках данной небольшой работы мы обращаемся к деятельности только одного из представителей правящей элиты на довольно небольшом хронологическом отрезке – 1761–1763 гг. Такой выбор во многом связан с состоянием источниковой базы: именно за эти годы неплохо сохранилась личная переписка Д.В. Волкова, занимавшего в указанные годы значимые государственные посты – секретаря Конференции при дворе Е.И.В., тайного секретаря Петра III и члена Императорского совета, оренбургского вице-губернатора, а затем – губернатора. В первой – исследовательской – части работы мы анализируем на основании волковской переписки основные этапы развития неформальных отношений среди правящей элиты: становление, функционирование, разрыв и вновь становление и функционирование. Вторая часть работы – это публикация двух писем Волкова.

Первый этап развития неформальных отношений – это, собственно, их завязывание, когда преодолевалась официальная инструкция,

и возникало личное доверительное общение. В отношении Д.В. Волкова мы это можем проследить на примере следующей предыстории. В Семилетнюю войну в рамках планирования компании 1761 г. Конференция при дворе Е.И.В. «приняла решение развернуть активные действия в Померании и прежде всего против Кольберга... Выполнение этой задачи было возложено на» корпус генерал-поручика гр. П.А. Румянцева⁴. Волков, являвшийся в 1761 г. секретарем Конференции, был одним из сторонников активных действий в отношении Кольберга. Формально он руководил делопроизводством данного органа власти, реально же являлся одним из творцов решений Конференции⁵. Однако главнокомандующий российской армией в Германии фельдмаршал гр. А.Б. Бутурлин, «не желая рисковать, предпочитал пассивный образ действий и поэтому поддержки Румянцеву почти не оказывал»⁶. Бутурлин, будучи назначенным на свою должность императрицей, имел все официальные возможности отстаивать свою позицию. В результате возникал своеобразный конфликт интересов, который мог помешать реализации планов Конференции по взятию Кольберга и который было проблемно решить с помощью официальных бумаг.

Заинтересованность в реализации данных планов подвигла Д.В. Волкова к тому, чтобы не ограничиваться составлением официальных бумаг, а напрямую обратиться к П.А. Румянцеву. В нашем распоряжении имеется письмо, уцелевшее в румянцевском архиве. В этом письме от 11 июля 1761 г. Волков писал Румянцеву: «Осмеливаюсь я представить вашему сиятельству, что, буде милостивая ваша доверенность ко мне неотъемлема, то от вас же зависит подать мне способ заслужить оную. Часто случится вам могут такие обстоятельства, кои в доношениях неудобно объяснены быть могут, или предусмотрится нечто такое, на что запасная для передо резолюция потребно. Ежели вашему сиятельству угодно мне ваши соизволения открыть, я все силы употребил бы облегчить вам исполнение о них». Более того, Волков сообщал, что в столице «не одно здесь то в намерении, что б Кольберг взять, хотя и тем безвремянно мы не спешим, но намерение есть, чтоб ваше сиятельство корпусом вашим и болшую себе и оружие славу приобрели». Подвигая на активные действия Румянцева, Волков продолжал: «Здесьния указы не смеют вас связывать. Пространно со-

ставляются здесь, а инако поелико токмо состояние дел мы себе вообразать можем. А еще меньше надобно ожидать толко здешних указов, или, имея оныя, не делать уже никаких представлений, ничто здесь не получается с болшею приятностию, как представление о лутчих и сильных операциях, естли есть еще к получению указов время»⁷. За фасадом официальных отношений Волков предлагал Румянцеву выстроить личные неформальные контакты, которые бы способствовали достижению их общей цели: взятию Кольберга. Личные доверительные отношения должны были способствовать более эффективным действиям, для которых от генерала требовалось посвящать Волкова в свои планы, а от Волкова – способствовать быстрому принятию соответствующих официальных решений. Таким образом, возникал взаимовыгодный обмен, который создавал хорошую базу для прочных отношений.

Отметим, что Д.В. Волков в этом письме затронул и свои семейные дела: его младший брат Ануфрий, подполковник Киевского полка, находился под командой Румянцева. В связи с этим он просил для брата «о дозволении ему такой милости, которая бы не щастие его теперь поспешествовала, но помогала бы ему быть человеком и добрым афицером»⁸. Следует отметить, что и до этого письма Румянцев неплохо относился к брату Д.В. Волкова. Например, в письме от 12 июля 1761 г. Ануфрий Волков сообщал «братцу Дмитрию Василевичу», что «миластию» Румянцева он был «весма пажалаван»⁹.

Как можно сделать вывод из следующего письма Д.В. Волкова, П.А. Румянцев вполне благожелательно отнесся к предложениям и просьбам Волкова. В этом небольшом письме от 21 сентября 1761 г. Волков уже писал Румянцеву, что «вскоре пришетца к вам резолюция о столовых денгах, и тогда пространнее писать стану»¹⁰. Такое благожелательное отношение сказалось и на отношении к Ануфрию Волкову. Так, 5 сентября 1761 г. Румянцев направил победную реляцию императрице в Петербург. В конце этого документа он сообщал: «Я сию реляцию ... подношу с подполковником Волковым, которой как в деле 24 отлично, так и по сие продолжающееся время, с баталионом гранодер самоважнейшие и опаснейшие посты содержа, заслуживает вашего императорского величества благоволение и о под-

робностях донести в состоянии»¹¹. Таким образом, отношения установились и перешли на новый этап – это, собственно, повседневное функционирование неформальных связей, когда отправка официальных бумаг параллельно сопровождалась частной корреспонденцией.

В результате функционирования таких связей П.А. Румянцев получал дополнительную поддержку для реализации своих военных планов. В свою очередь это не могло не сказаться на положении главнокомандующего фельдмаршала А.Б. Бутурлина, оказавшегося в тени фактически независимого от него Румянцева. В письме от 30 сентября 1761 г. Бутурлин с обидой писал фавориту императрицы Елизаветы Петровны И.И. Шувалову: «По милости конференции давно бы меня на свете не было. Сперва не только величали меня и ублажали паче мер моих, а ныне живаго во гроб вселяют и поют: Святый Боже!» Фельдмаршал также пытался прибегнуть к неформальным связям и получить поддержку фаворита, чтобы улучшить свое пошатнувшееся положение: «Вступитесь за вернаго раба Ея Величества: ныне еще получил еще к обиде моей, чтоб и Акчюринова отдал графу Румянцеву, кой у меня один и есть, и все секретныя дела на него положены, а я остался один писарем и копиистом. Я не чаял бы такой жестокой обиды от его высокородия Волкова»¹².

Однако просьбы А.Б. Бутурлина не возымели особого эффекта, и он не мог помешать растущему влиянию П.А. Румянцева. К тому времени сам И.И. Шувалов был склонен поддерживать Румянцева, находясь в том числе в переписке с последним самое меньшее с 1759 г.¹³ В письме от 15 мая 1761 г. Румянцев именовал Шувалова «маим истинным милостивцем и протектором», выражая надежду, что он будет «во всех случаях, а особливо в тех, кои не от моего решения зависят, а в том и самолутчее мое расположение силы своей иметь не может милостиво меня охранять»¹⁴. Сам Шувалов в собственноручном письме от 11 июля 1761 г., т.е. написанном одновременно с письмом Д.В. Волкова от этого же числа, сообщал генералу, что «вследствие Вашего сиятельства Конференции предложения мне сказано, что все согласно с вашим мнением зделано», и далее присовокуплял: «Все мои возможности употреблять рад, Ваше сиятельство, мне честь и радость всегда зделаете, когда меня за способнаго в вашем приказать

признать изволите»¹⁵. Уже 17 сентября того же года Шувалов сообщал Румянцеву, что получил его письмо, отправленное с «подполковником Волковым», т.е. с братом Д.В. Волкова. Далее Шувалов высказывал сожаления Румянцеву, что «самая невозможность не допускает Вас исполнить то, что обстоятельства к общей ползе желать заставляют». В связи с этим он сообщал, что «я вследствие Вашего письма говорил некоторым министрам, представив им все ощутительные препятствия, в чем оне и сами согласны». Следовательно, проведенные Шуваловым неформальные переговоры с членами Конференции были успешны, в связи с чем в конце письма Шувалов прибавлял: «Я чаю, Ваше сиятельство, с нынешним случаем довольно наставление к облегчению вашему получить изволите»¹⁶. Таким образом, в 1761 г. сложился неформальный альянс Румянцев – Шувалов – Волков, противостоять которому был бессилён А.Б. Бутурлин.

Ставка Д.В. Волкова и И.И. Шувалова на П.А. Румянцева оказалась верной: 5 декабря 1761 г. гарнизон Кольберга капитулировал. Восшествие на престол Петра III также не повредило карьере Румянцева: 9 февраля 1762 г. он был пожалован новым императором в генералы от инфантерии¹⁷. Учитывая, что Волков стал одной из самых влиятельных персон при Петре III, Румянцев поддерживал личные контакты с первым. Например, он следующим образом завершал свое письмо Волкову от 2 мая 1762 г.: «До меня что партикулярно принадлежит, я должен себя утешать, что вы о моей к вам преданности и искреннем почтении уверены»¹⁸. Также 2 июня того же года, т.е. менее чем за месяц до свержения Петра III, другое румянцевское письмо открывалось самыми теплыми заверениями в дружбе: «Правда, что мое смущение немало было и на время большое, что я от Вас, моего вселюбезного друга, не получал никакова ответа. Я уже отчаял вовсе быть для меня делу каковому-либо. Ныне же, получа всеприятнейшее Ваше письмо о обнадеживании Вашей дружеской милости продолжения и подтверждением мне наилюбезнейшей милости и благоволения, я столь болше обрадован. Вы знаете, что всякой ремесленник работе рад. Дай Боже токмо, чтобы все обстоятельства соответствовали моему желанию и усердию, то не сомневаюсь, что я всевысочайшую волю моего великого Государя исполню»¹⁹. Были ли искренними

такие заверения? Едва ли. Однако, они выполняли важную функцию поддержания неформальных связей, гарантировавших дополнительную поддержку при принятии решений.

Следует отметить, что П.А. Румянцев был не единственным генералом, с кем у конференц-секретаря Волкова были налажены неформальные связи. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма к Волкову от генерал-поручика кн. М.Н. Волконского. Последний начинал следующие слова свое письмо к Волкову от 7 декабря 1761 г. «Ваше ... письмо я получил с совершенным удовольствием и из оного радостно усмотрел, что Вы меня в прежней вашей благосклонности содержите»²⁰. Содержание же письма было своеобразным комментарием к официальным бумагам, которые Волконский направил в Конференцию. Генерал завершал письмо следующими словами: «Вот, государь мой, что я думаю. Ежели Вы за благо разсудите милостивцу моему Ивану Ивановичу сие показать, и он опробоват изволит, чтоб я о сем в реляции моей данес, то буду ожидать от вас уведомления, токмо прошу, как наискорее о судьбе моего корпуса резолюции»²¹. Как и в случае с Румянцевым, официальные бумаги сопровождались личными посланиями, что должно было оказывать положительное влияние как на содержание решений по делам Волконского, так и на скорость их принятия. Показательно, что Волконский не только вел переписку с Шуваловым, но и просил Волкова лично похлопотать перед Шуваловым, что указывало на неформальные взаимоотношения между Волковым и Шуваловым. Таким образом, перед нами проступает часть одной из сетей неформальных отношений, пронизывавших правящую элиту. Такие сети, находясь за фасадом официальной документации, оказывали самое непосредственное влияние на правительственную политику. Следует отметить, что обнаружение таких сетей, а также определение их влияния на действия акторов оказывается непростым делом. В мемуарах нередко зоны умолчания и забывания, точность донесений иностранных послов зависела от осведомленности их информаторов, которые могли не знать или не сообщать о многих нюансах. В итоге одним из основных и достоверных источников, позволяющих обнаружить функционирование таких сетей, оказывается именно личная переписка. Впрочем, не следует забывать и о том,

что историки не всегда задаются целью реконструировать такие сети, нередко довольствуясь информацией, которую предоставляют официальные бумаги²².

Дворцовый переворот 1762 г., в результате которого Петр III был смещен, а на престол взошла Екатерина II, обернулся катастрофой для Д.В. Волкова. Любимец бывшего императора потерял как свои официальные должности, так и неформальные связи. Личные отношения во власти имели смысл только при определенном обмене выгодами. Однако после свержения Петра III Волкову практически нечего было предложить. Он оказался под арестом, так что под вопросом оказалась не просто его карьера, но и свобода.

Оказавшись в таком положении, Д.В. Волков решил также прибегнуть к институту неформальных связей. 10 июля 1762 г. он написал довольно пространное письмо к фавориту новой императрицы Г.Г. Орлову, где описал свою государственную деятельность в царствование Петра III. Единственное, что мог предложить Волков – это свою откровенность, а также нейтральность по отношению к новому монарху. В конце письма он заключал: «Вот краткая моя, последних месяцев, история. Она мне тем не нравится, что в ней много невероятного, но правду для того ломать не можно, чтобы она больше сама на себя походила. Я такую писал истинну, которую всегда доказать могу». Он стремился доказать, что действовал исключительно в интересах государства, а не государя. Так, в постскрипуме письма он упоминал, что «догадывались многие не без основания, что доберуся я помаленьку и до прочих народных и государственных расхитителей». Одновременно он подчеркивал свою отстраненность от борьбы за власть: «Не надобно токмо спрашивать у меня о делах придворных и комнатных. Я их никогда не знавал и замешан в них не был, и верно не бывало еще для придворной карты такую несведущаго иностранца, несмотря на то, что я неотлучно при дворе был»²³.

Конечно, такие заверения были рассчитаны не только на Г.Г. Орлова, но и на императрицу, ставшей новым обладателем и распорядителем государственного интереса. С помощью обращения к государственному интересу он лишал свою деятельность при Петре III окраски личной преданности и службы государю. Отметим, что та-

кая нейтральность во имя общего блага и государственного интереса представлялась Д.В. Волковым как важная, неотделимая часть его Я. Не будучи по рождению дворянином, он едва ли мог апеллировать к сословной чести или правам. Его неблагородное происхождение не было секретом. В связи с этим можно привести язвительную характеристику Волкова, данную ему в анонимном рукописном памфлете начала 1760-х гг.: «Сказать, что он смердий сын, да жаль отца его, хотя не из дворян, а был ражей человек. В протчем по естеству сочинитель плутишка и пакосник, по житью бытью мотишка и зернщик, по делам вертопрах; родился и вырос в Москве да в Питере, никогда своего домоводства не имел и охоты у него к тому не бывало, о хлебе ж не ведает он кроме того, что на земле хлеб растет, а прослыл умницей и доброписцом за дикой склад, которой приемлется наулутчим слогом и почитается выше самого дела»²⁴. Автор данной характеристики, не смотря на всю желчность, очень четко подметил социальные особенности жизни Волкова: он не был дворянином, не знал вкуса помещичьей жизни с ее «домоводством», вырос в столице, а его главным достоянием было искусство составления деловых бумаг, т.е. навык профессионального бюрократа. Более того, как показывают письма, на личном уровне Волков, изображая себя человеком государства, демонстрировал приверженность этосу, который можно будет назвать бюрократическим, и намечал возможные пути (об)основания строительства будущего бюрократического государства.

Волковские заверения возымели определенный эффект. 23 июля 1762 г. Д.В. Волкову были отданы некоторые пожитки, которые, скорее всего, были изъяты у него во время ареста: «Три сундука, а имянно один зеленой, в котором камердинерское платье, другой шкатулка с посудой, третий с людским бельем»²⁵. 27 июля 1762 г. Екатерина сделала следующее предписание: «Дмитрию Волкову быть в Оренбургской губернии вице-губернатором»²⁶. В этом назначении было своеобразное проявление иронии со стороны императрицы. Еще 5 апреля 1759 г. товарищем, т.е. заместителем губернатора в Оренбург указом императрицы Елизаветы Петровны в почетную ссылку был отправлен бывший герольдмейстер В.Е. Адодуров²⁷. Последний, преподававший когда-то великой княгине Екатерине Алексеевне русский язык, был арестован

в 1758 г. по делу канцелра гр. А.П. Бестужева-Рюмина, которое грозило обернуться будущей императрице серьезными неприятностями. При этом Волков был одной из персон, работавших над следствием по этому делу. В частности, он составлял некоторые вопросы для допроса Бестужева-Рюмина²⁸. Получалось, что в 1762 г. Волков фактически отправлялся на место Адодурова. Правда, если последний был определен «товарищем губернатора», то для Волкова фактически создавалась должность вице-губернатора, ранее не предусмотренная для Оренбургской губернии. Впрочем, для Волкова было главным то, что он оказывался на свободе. Более того, ему позволялось остаться слугой государства, чем он не преминул воспользоваться для построения своей дальнейшей карьеры. Как и в случае с П.А. Румянцевым, он стремился найти твердую почву для выстраивания неформальных отношений с новым контрагентом. Формально это был фаворит императрицы Г.Г. Орлов, реально – главный обладатель государственного интереса, которому Волков мог предложить свои услуги талантливого администратора, то есть сама императрица.

Именно этому и оказалось посвящено публикуемое здесь собственноручное письмо Д.В. Волкова от 23 сентября 1762 г. (документ 1), отправленное из Казани. В нем Волков подверг жесткой критике местную администрацию, а также предложил пути для ее улучшения. Письмо предсказуемо завершалось заверением о трудах на пользу «Государства и общества».

Этот подход оказался действенным. 22 октября 1762 г. Екатерина II в записке своему секретарю А.В. Олсуфьеву дала следующее указание: «К Дмитрию Волкову писать, дабы он репортовал нужных дел, о которых в Сенат пишет; в том же письме требовать от него обстоятельного описанья тамошних дел в разсуждении Киргизов и Башкирцов и о том на мое имя прямо писал»²⁹. Во исполнение этого предписания 23 октября 1762 г. Олсуфьев написал Волкову: «Ея Императорское величество, с неутомленным трудолюбием вникая во все то, что до пользы государственной и всенародного благосостояния касаться может, повелеть мне изволила отписать к вам, чтоб о нужных и примечания достойных делах, о которых в репортах и доношениях ваших писать будите в Сенат, вы в то же время писали б прямо и к Ея

величеству». В этом послании Олсуфьев верно определил роль императрицы как обладательницы государственного интереса: именно это было той базой, на которой можно было построить отношения между новым монархом и любимцем старого монарха. Не забыл Олсуфьев и о поручении от имени императрицы прислать «обстоятельное тамошних дел описание в разсуждении Башкирцов и Киргискаго народа»³⁰. Также на основании волковского письма от 23 сентября 1762 г. в кабинете Екатерины II был подготовлен «экстракт», включавший основные замечания и предложения Волкова. Этот «экстракт» 18 ноября 1762 г. был прочитан в Сенате³¹. Таким образом, Волкову удалось привлечь внимание императрицы на себя и свои идеи. Дальнейшее развитие его карьеры показало, что он выбрал верный путь³², и ему надо было начинать работать над построением новых неформальных отношений. Одним из таких своеобразных «кирпичиков», использовавшихся для такого строительства, было его собственноручное письмо к статс-секретарю императрицы Г.Н. Теплову, написанное 22 августа 1763 г. в Оренбурге (документ 2).

Приведенный материал демонстрирует, что личные неформальные отношения были нормальной, естественной практикой на уровне правящей элиты Российской империи XVIII в. В реальности государственных властных практик официальное отправление дел могло параллельно сопровождаться личными контактами, которые оказывали немаловажное влияние в функционирование власти. При этом если формуляр официальных бумаг предполагал обезличивание, то завязывание и функционирование личных связей располагали к презентацию своего Я. Конечно, едва ли можно было ожидать, что эта презентация была произвольной и отсылавшей к некому чистому, незамутненному Я. Скорее, участники неформальных отношений презентовали себя с учетом ожиданий своих партнеров по коммуникации. Впрочем, следует не забывать тот факт, что человек – это существо социальное, существующее в общении, и в каждом случае презентации своего Я существует тот или иной коммуникативный контекст, который оказывает непосредственное влияние на формы и содержание такой презентации.

**Документ 1. Письмо оренбургского вице-губернатора
Д.В. Волкова Г.Г. Орлову¹⁾. Казань, 23 сентября 1762 г.²⁾**

Милостивой Государь!

Принимая смелость писать к вашему превосходительству, преступаю я вдруг две заповеди, кои сам себе наложил: первая – не утруждать ничем моих милостивцов и благодетелей, а вторая – стараться, чтоб хотя некоторая часть из великаго числа наделанных мною неприятелей меня забыла, а не вновь умножать их множество.

Но нижеследующия обстоятельства почел я³⁾ и вашего превосходительства сведения^{4), 33} достойными и для моего слабого понятия столь важными, что за велико не поставлю, есть ли чрез то и умножится число моих неприятелей.

Когда покойным императором по примеру бесполезной или и вредной воинской комиссии учреждена была комиссия и для флота и адмиралтейства, из четырех флагманов состоящая³⁴, тогда старался я тщеславное намерение казаться всего обновителем и восстановителем соединить сколько можно с существительною пользою. В следствие того между другими сей комиссии данными предписаниями спрашивал я в инструкции имянно: прилагается ли о размножении для переду карабелных лесов такое попечение, какого Государственная нужда требует, и берегаются ли остальные из старых, также не претерпевают ли напраснаго раззорения приписных х Казанскому адмиралтейству иноверцы³⁵, и в тех ли только местах определены валдмейстеры, где они необходимо надобны, или для помещения проворных людей число их в других местах размножено. Но как времени мне не достало самому в той комиссии присудствовать, хотя от императора и было приказание, так как приказывал он мне и все Государственные правительства присудствием моим посещать, и чего мне так же делать не случилось, то поданные от оной комиссии рапорты и доклады мало соответствовали моим видам, и я на первой случай тем удовольствовался, что из тех рапортов увидел, якобы в Казанской губернии для будущего на карабли запаса не помню сколько миллионов молодых дубков вновь подчищено и посажено.

Ныне подъезжая к пределам Казанской губернии и вспомяв вышеизображенное обстоятельство, не чаял я, что рапорты, Государям

подаваемые, могут быть не на прямой истине основаны, и по тому утешался, что по берегам реки Волги и других, в оную впадающих, увижу прекрасныя молодыя дубовыя рощи, и по разному их возрасту яственно разбирать стану, в которой год прилагаемо было болше труда и старания для будущей Государства ползы и безопасности.

Но пожалейте – Милостивой Государь! – о моей ошибке. Всего того нет не толко в натуре, но ниже в мысли у тех людей, кои к тому приставлены, чинами награждаются и в жалованье получают поты многих тысяч полезных Государству жителей.

Я смею обнадежить ваше превосходительство и под заклад даю мою голову, что вместо вышепомянутых миллионов не найдется и нескольких сот дерев вновь посаженных дубков, а буде где ни есть посажено их несколько десятков, то и в том, жизнью ручаюсь, что сделано сие разве на кого по злобе, чтоб отнять у него хорошую лужайку. Собою расущих дубков можно подлинно подчистить несколько миллионов в один год, потому что их очень много и разстояние мест невелико, а приставлено к тому людей одних жалованных восемь сот, да приписных крестьян тысяч семдесят, но я еще ручаюсь и всегда своею жизнью, что неподчищено более как толко у сидящих на самой болшой дороге дубьев, те сучья обрублены, кои господам зрителям мешали в каляске и верхом ездить. А затем ни в которую с дороги сторону пешей человек двух сажений пройти не может. Молодой, но частой дуб тотчас снизу пускает сучья и так растет в негодныя кривули, а между чею чащью растущей в невероятном множестве орешник, малинник и другой кустарник отнимает и последнюю у дуба пищу и силу. Я невеликой испытатель естества, однако ж по дороге приметил, что почти ни одного болшова и хорошева дерева в великой чаще не было, а котораго величиною или прямизною я любовался, то конечно особнечком сидело. Толко ж к сожалению прибавить надобно, что сей собою растущей лес неблизко к рекам лежит, но где случилось, а на плодоносных и тою же жирною землею покрытых берегах совсем ничего не видно.

Понеже я не все видеть мог, то спрашивал я у воевод и других земских и губернских правителей, нарочно к ним приласкавшись, в которых местах вновь заведенныя рощи и подчищенныя леса, но все

как над дураком смеялись моей простоте, что я вздумал и в самом деле того же видеть, о чем другия и на словах слышать не заботятся.

К чему употребляются назначенныя к сему важному Государственному делу люди, о том я не знаю, ибо великое мое любопытство и неумение скрывать мою ненависть к пасынкам отечества не всем кажется угодили. Однако ж то подлинно, что еще не наезжал я толь бедных крестьян, как Государевых в самой лучшей Казанской губернии. Они бедныя без дозволения господ лесных смотрителей не смеют содержать одного поросенка; резон важной, чтоб они дубовых жолудей не жрали, но еще ни одного жолудя посеяно не бывало.

Во всяком городе свое упражнение. Москва красуется монаршим Ея императорского величества присудствием и обрадованныя жители, торжествуя, освященное свыше увенчание Ея величества усердныя возславляют к Богу молитвы о вседражайшем и долголетнем здравии Его помазанницы. Казань во ожидании получить утешительное у том уведомление и совокупить восклицания свои с восклицаниями всего Государства, упражнена между тем бесполезными разсуждениями и сожалениями о том, что приписанныя к заводам, помнится мне, графа Андрея Петровича Государственныя крестьяня непрестанно бунтуют, что не остается болше команд послать для их усмирения, что много подлинно сих несчастных, ко стыду и безчестию Государства бунтовщиками названных, побито, перестрелено, невольными ворами и разбойниками наделано и в лесах хищным зверям и птицам на пищу лежит, но что однако ж, по словам здешних господ земских правителей, не предвидится еще возможности искоренить таковых всех злодеев, а по моему слабому мнению, что не было еще прямого приложено старания отвратить или предупредить толь великое Государственное зло³⁶.

Не верю я, но мне здесь рассказывали, якобы есть заводы, х коим приписанныя Государственныя крестьяня, люди, до того в неге и довольствии жившия, гоняются как Украинская животиная верст по семисот и до тысячи на заводскую работу, да будто есть и такое обстоятельство, что не всегда целыя деревни к заводу приписывали, но из благоразумной для передо осторожности по несколку дворов из деревни в то число брано, которое к заводу растянутым изтолкованием указов определялося, и будто из того произошло, что Господа заводчики,

немного и заботятся о пропадающих у них людях, потому что они убылое число всегда и поныне наполняют, как из запасного закроме теми, кои остались в тех деревнях за приписанием.

Я уверен, что подобный сему злоупотреблению не останутся ныне надолго без поправления. Было подлинно приложено и мое о том старание, но в толь краткое время не мог еще я более, как только собрать некоторые о том сведения, а из них видеть ко умножению моих прискорбей, что с того времени, как казенные заводы по рукам разобраны, казна потеряла больше двух миллионов, да сверх того в комисариате за полмиллиона недобору сделано от того, что когда заводы были в казенном содержании, тогда за приисанных к оным крестьян Берг-коллегия не жалела платить подушные денги, потому что крестьяня их зарабатывали, а Берг-коллегия их на железе и меди выручала, и ставила заедино, в той или другой казне Государевых больше денег будет. Ныне ж напротиву того, хотя приписанные к заводам крестьяня подушные свои денги и вдвое заводчикам зарабатывают, и заводчики конечно с большим прибытком выручают их, нежели Берг-коллегия, но разница в том состоит, что господа заводчики не всегда за единое поставляют в их ли шкатуле или в Государственной казне те денги лежать будут.

Теперь приближаюсь я к границам той губернии, куда по высочайшему Ея императорского величества соизволению определен вице-губернатором, но тронут и поражен сим в краткой проезды дошедшими до меня о состоянии дел в других Губерниях сведениями, права куражу не имело спрашивать по дороге, нет ли подобных приключений и в сей Губернии, и потому ползуясь данным от Ея императорского величества всемилостивейшим мне на полгода увольнением, заеду теперь препроводить сие время на Сибирских Господина Демидова заводах, дабы или исподволь забыть такие обстоятельства, кои, несмотря на мое усердие, отвращают меня от всякого земского правительства, или уже и больше тамо наслышавшись, сделается наконец не столь чувствительным.

В прочем не прилично и крайне продерзостно для меня присокупить здесь какая-либо слабейшая мнения, но понеже ведаю я, х кому пишу, то не скрою я Вашему превосходительству, что естли б по отдаленным провинциям послан был человек моего усердия, но с большим знанием и талантами, а при том монаршею доверенностью

и некоторым уполномочием снабденного, то надобно бы из того произрасти знатной пользе Отечеству. Узаконение Великаго Петра объезжать сенаторам провинции никогда лучше исполнено быть не может, как ныне³⁷. В наполняемом числе сенаторов статся нельзя, чтоб не нашлось и охотного и способного самим делом показать сию Государству услугу. Недаром говорю я – Милостивой Государь! – самим делом, не попрекая никою, но судя человеческия слабости по себе, коим я болше всех подвержен, дрожу и тут, что с переменою мест и воздуха могли и мысли переменится, что вместо пользы и облегчения провинциям, крестьяня будут стонать от превеликаго числа подвод, кои для сего Государственного инспектора будут надобны, и коих всегда за неделю до свету выгонять станут, что выбираемая или посылаемая особа похочет толко показать свою власть и силу, а что до пользы Государственной принадлежит, то он сочтет за Государственную те услуги, кои своей фамилии и любимцам по дороге зделает, не заботясь о том, согласно или нет с правосудием, что наберет он с собою для тщеславия болше, нежели нужды премножество секретарей и подьячих. А сии люди, соглася безкорыстия свои виды с простомердечными начальника своего намерениями толко неокончаемых дел затеют, что наконец мирныя отдаленных мест жители еще худшее о правосудии такого места получают мнение, нежели те, кои искусилися.

Простите, Милостивой Государь, мою смелость. Я не умею инако признавать Ваши ко мне благодеяния, как самую искренностью и поспешествуя, буде мне можно, известное Ваше к службе Ея императорского величества и к пользе Государства усердие и не знаю, чем лутче доказать мое истинное высокопочитание и преданность, с коими навсегда пребуду.

Вашего превосходительства,
покорнейший и одолженный
слуга Дмитрий Волков

В Казане,

Сентября 23 дня 1762

P.S. Смею ли, – Милостивой Государь! – присовокупить мое усердие вашему превосходительству поздравление с благополучным совершением всерадостной коронации Ея императорского величества и просить, да соизволите при удобном случае подвергнуть меня к освященным Ея стопам. Мои желания те, кои возсылают все верныя Ея

подданныя с тою радостью, что ведаю я многих более, что неоцененное Ея величества здравие есть единой покров и защита целости и славе подверженнаго Ея скипетру полусвета.

Не подумайте еще, – Милостивой Государь! – чтоб советуя посылку сенатора, я в то ж время и отклонял оную, представляя, что может из того произойти вреднаго, а еще меньше, что б я лукавым образом сию комиссию себе вымаливал. Я истинно и недостойнство и неспособность свою знаю и столько лукавить не могу, но я тем хотел только показать, колико нужно не ошибиться в сем выборе. То подлинно, что ежели выбор будет удачлив, я готов итти в последняя кописты, дабы тут же отправлять и свидетелем быть производимой из того Отечеству пользы.

Соизволите ли Ваше превосходительство и какое из сего сделать употребление, то состоит в единственном Вашем благоизобретении, а я единое только присовокуплю, что есть ли б с высочайшей Ея императорскаго величества воли разсуждаемо было и отдать сие письмо кому-либо на рассмотрение, я и на то согласен, хотя б то стоило мне усотерить число моих ненавистников. Мне из сего писма два пассажа во зло истолкованы быть могут, первое – для чего не ко всем сенаторам равное я имею почтение и доверенность, так что от инаго и зла опасаяся, а второе – что я тщеславлюсь минувшим моим состоянием и делами. Но как возможно и требовать, чтоб великое число людей все равнаго были достоинства, а второе упомянул я только для показания, коли мало тщеславился я в то время, когда тщеславится мог, и что без сей помянуть не почитал я однако ж превыше себя трудится о пользе Государства и общества.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 840. Л. 9–13 об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Текст Но ниже следующие обстоятельства почел я *подчеркнул*.

⁴⁾ Текст, начиная со слов *сведения достойными* и заканчивая словами *нет ли подобных приключений и в сей Губернии*, *подчеркнул*.

**Документ 2. Письмо оренбургского губернатора Д.В. Волкова
Г.Н. Теплову¹⁾. Оренбург, 22 августа 1763 г.²⁾**

Милостивой Государь мой Григорей Николаевич!

Благосклоннейшее Вашего превосходительства писанная и поданная мне оным уверением о вашей ко мне дружбе и милости обязывают меня к чувствительной благодарности. Я верно никогда не забывал и всех прежних ко мне Вашего превосходительства благодеяний, и как жребий мне никогда столко не щастливил, чтоб я мог взаимно Вашему превосходительству мои услуги оказать, то натурално возрастало током мое к Вам признание. Сочинением всемилостивейшаго ко мне от Ея императорского величества указу³⁵ поставили вы верх вашим ко мне одолжениям, а подкреплением сегодня с курьером отправленных от меня нижайших представлений, кои без сумнения до рук вашего превосходительства дайдут, зделаете щастие мое совершенным, которое я в том поставляю, чтоб ревностную службу мог продолжать с существенною ползою и не опасаясь ошибки. Более сего не желаю я ничего так, как уверить Ваше превосходительство о истинном высокопочитании и преданности, с какими на всегда пребуду.

Вашего превосходительства,
покорнейший и одолженный слуга Дмитрий Волков.
В Оренбурге августа 22 дня 1763 г.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 992. Ч. 2. Л. 70. Подлинник. Рукопись. Автограф.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

Примечания и комментарии

¹ См., например: Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас. 2005. № 4. С. 29–35; Joukovskaïa-Lecerf A. Hiérarchie et patronage: Les relations de travail dans l'administration russe au XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe. 2006. Vol. 47/3. P. 551–580; Лазарев Я.А. «К вашей ясновельможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 408–432; и др.

² Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 220.

- ³ Пэнто Л. Государство и социальные науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. М., 2005. С. 76.
- ⁴ Фортунатов П.К. Введение // П.А. Румянцев. Т. I. 1756–1763. М., 1953. С. XII.
- ⁵ См.: Киселев М.А. Казус Д.В. Волкова: «Подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3(36). С. 45.
- ⁶ Фортунатов П.К. Указ. соч. С. XIII.
- ⁷ НИОР РГБ. Ф. 255. Оп. 2. Д. 42. Л. 2–2 об. Благодарю С.В. Соколова за указание на это дело.
- ⁸ Там же. Л. 3. Ануфрий Волков, премьер-майор Троицкого полка, в марте 1759 г. за участие в Цорндорфском сражении был произведен в подполковники (см.: Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. II: Поход графа Фермора в Восточные области Пруссии (1757–1759 гг.). М., 1888. С. 223).
- ⁹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 832. Л. 79.
- ¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 255. Оп. 2. Д. 42. Л. 1.
- ¹¹ П.А. Румянцев. Т. I. С. 456.
- ¹² Сборник Русского исторического общества. Т. 9. СПб., 1872. С. 509–510.
- ¹³ Любопытно отметить, что в этом письме П.А. Румянцев при характеристике австрийской армии использовал понятие «реформа» в значении изменения, ведущего к улучшению: «Что до армии цесарской принадлежит, то она сколь велика, столь опрятно и изрядно вооружена и обучена, и люди все весьма хорошева росту. Кавалерия особливо бриллирует в уборе и доброте лошадей... Всякая вещь зделана не токмо крепко, но и с украшением разным гарусным, голунами, имперскими гербами, вооружение же з обмундированием их ковалерии и маневры не самолутчие, всколь мне удалось слышать, то оне стараются в последнем сем зделать реформу» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6050. Л. 6). Это является дополнительным подтверждением того, что понятие «реформа» начинает входить в российский политический лексикон еще в XVIII в. (см. об этом: Киселев М.А. К истории дискурса реформ в России раннего Нового времени // Российская история. 2014. № 4. С. 24, 28).
- ¹⁴ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6050. Л. 36 об.
- ¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 255. К. 4. Д. 11. Л. 5.
- ¹⁶ Там же. Л. 4.
- ¹⁷ Фельдмаршал Румянцев: сб. документов и материалов. М., 1947. С. 19.
- ¹⁸ П.А. Румянцев. Т. I. С. 611.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 263. Л. 1.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 834. Л. 1.
- ²¹ Там же. Л. 6 об.
- ²² Уместно будет указать на монографию М.Ю. Анисимова, посвященную российской дипломатии в годы Семилетней войны. На страницах этой книги, автор которой обращается прежде всего к официальному делопроизводству Коллегии иностранных дел, роль И.И. Шувалова во внешней политике выглядит менее значительной, чем на страницах работ авторов, более активно использовавших донесения дипломатов (см.: Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014; Лиштенан Ф.Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других.

М., 2012; Нивьер А. Иван Шувалов: поборник французской культуры и инициатор заключения русско-французского союза // Россия в XVIII столетии. Вып. 4. М., 2013; Черкасов П.П. Двуглавый орел и Королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995).

²³ Дмитрий Васильевич Волков. Материалы к его биографии. 1718–1785 // Русская старина. 1874. Т. XI. № 11. С. 486.

²⁴ ОР РНБ. ОСПК. Ф. II. 69. Л. 13 об.–14. Показательно, что в 1873 г. С.А. Рудакова сообщала со слов своей тетки, родной внучки Д.А. Волкова, что «Дмитрий Васильевич Волков был не простаго звания человек и не безвестнаго рода; он был сын ... столбового дворянина, древняго рода, помещика Московской губернии» (Дмитрий Васильевич Волков. 1718–1784 // Русская старина 1874. Т. IX. № 1. С. 168–169). Однако именно Д.В. Волков выслужил потомственное дворянство, в результате чего его потомки, начиная с детей, стали дворянами. Таким образом, одворянившиеся потомки Волкова создавали (непреднамеренно?) свою родовую мифологию о благородном происхождении основателя дворянского рода.

²⁵ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 992. Ч. 2. Л. 34.

²⁶ Сенатский архив. Т. XI. СПб., 1904. С. 208. В.Н. Витевский, комментируя факт назначения Д.В. Волкова в Оренбург, писал: «Когда на место А.Р. Давыдова назначен был губернатором в Оренбург Дмитрий Васильевич Волков, бывший тайным секретарем у Петра III, Императрица приказала ему отправиться к Неплюеву, вручив собственноручное письмо» (Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. III. Казань, 1897. С. 929–930). Это очевидная ошибка, так как письмо, на которое ссылался Витевский, было датировано 6 декабря 1764 г., т.е. временем, к которому Волков был уже отзван из Оренбурга и занимал должность президента Мануфактур–коллегии. Таким образом, консультация Неплюева предназначалась не Волкову, а кн. А.А. Путятину, который стал волковским преемником на посту оренбургского губернатора.

²⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 390. Л. 1–1 об.

²⁸ См.: Бильбасов В.А. Первые политические письма Екатерины II. СПб., 1887.

²⁹ Письма Екатерины II-й к А.В. Олсуфьеву. 1762–1763 // Русский архив. 1863. № 2. Стб. 87.

³⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 477. Л. 1–1 об.

³¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 840. Л. 14.

³² См.: Стенник Ю.В. Волков Дмитрий Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л., 1988. С. 169–170.

³³ Подчеркивание отмеченных фрагментов письма было осуществлено, скорее всего, после того, как письмо дошло до своего адресата – Г.Г. Орлова, а затем было передано им Екатерине II. Как можно сделать вывод из имеющихся материалов, подчеркнутые фрагменты письма по указу Екатерины были переписаны. Полученный в итоге такой операции «Экстракт из письма» был затем прочтен в Сенате 7 ноября 1762 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 840. Л. 14–17 об.). Скорее всего, именно в результате волковского письма в Казанскую губернию был отправлен специальный чиновник. Как отмечал В.Д. Димитриев, «Екатерина II предложила Сенату послать в Казанскую губернию "надежную персону" "для освидетельствования всех тех непорядков и запущения

толь важного для государства дела", а о результатах донести ей. В качестве "надежной персоны" был выделен вице-президент штатс-конторы Швебс, который по какой-то причине отказался от поручения. Сенат 28 февраля 1763 г. назначил вместо Швебса подполковника Александра Ивановича Свечина» (Димитриев В.Д. Указ. соч. С. 386). В результате своей деятельности А.И. Свечин вскрыл многочисленные злоупотребления и коррупционные практики местных властей (см.: Пугачевщина. М.–Л., 1929. Т. II. С. 3–40; см. также: Димитриев В.Д. Указ. соч. С. 386–389). Сведения о злоупотреблениях казанской губернской администрации были подтверждены кн. А.А. Вяземским, который в конце 1762 г. был отправлен на Урал усмирить и расследовать волнения приписных крестьян. 3 марта 1763 г. он, будучи на Воткинском заводе, писал Екатерине II: «Умолчать не могу, что мздоимство во всех так усилилось, что, сколько я слышать мог, нет ни одного судебного по Казанской губ[ернии] места, в котором бы оно не имело участия только с той разностью, что одно больше другого, даже до того, что и находящиеся при подушном сборе штаб и обер-офицеры, тако ж и прочие чины, получая в.и.в. жалованье, мздоимство не оставляют» (Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии: Сб. документов и материалов. Ижевск, 1974. С. 47).

³⁴ Д.В. Волков пишет о Морской и Воинской комиссиях, учрежденных Петром III 16 февраля и 6 марта 1762 г. соответственно (см.: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М., 1958. С. 303–304; Морская комиссия Петра III / подг. к публикации и коммент. К.Л. Козюренко // Гангут. Вып. 17. СПб., 1998; Козюренко К.Л. Император Петр III и его флягманы // Забытый император: материалы науч. конф. «Ораниенбаумские чтения». СПб., 2002).

³⁵ В 1718 г. указом Петра I «к рубке, к теске и к вывозке корабельных лесов и для других к тому принадлежащих работ» в Поволжье были приписаны служилые мурзы, татары, чуваш и мордва. В 1728 г. в Казанской, Нижегородской и Воронежской губерниях число приписных к корабельным лесам составляло 56113, а в 1747 г. – 66065 душ мужского пола. Приписные были подчинены Казанской лесной конторе, переименованной вскоре в Адмиралтейскую. По данным третьей ревизии (1762–1764 гг.) под ведомством Казанской адмиралтейской конторы «для вырубки и возки корабельных лесов» числилось приписанных 76597 чел. мужского пола, из них в Казанской губернии – 65951 (см.: Клеянкин А.В. Лашманы // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 210–211; Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары, 1959. С. 186; Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. СПб., 1901. С. 585). Как отмечал В.И. Семевский, «в 1764 г. А.И. Бибииков, посланный для усмирения приписных к горным заводам крестьян, писал императрице Екатерине II из Казани: "на находящееся здесь адмиралтейское правление ... слышу великия от приписных к адмиралтейству служилых татар жалобы: в нарядах на работы и в высылках из деревень не только порядочнаго расположения нет, но и великия взятки берутся, и потому богатые от работ увольняются, а скудные, не имея что дать, безпрестанно работать должны, и потому первые от подарков, а последние от всегдашних работ пришли в изнеможение"» (Семевский В.И. Указ. соч. С. 586).

³⁶ Д.В. Волков пишет о волнениях государственных крестьян, оказавшихся приписанными в 50-е гг. XVIII в. к частным заводам. Как отмечал еще В.И. Семевский, «очень

неблагоприятно отразилось на судьбах приписных крестьян то обстоятельство, что в царствование императрицы Елизаветы в 1750-х годах, множество казенных заводов были проданы за ничтожную цену разным вельможам: гр. П.И. Шувалову, гр. И.Г. Чернышеву, С. Ягужинскому, гр. М.Л. Воронцову, брату его Р.Л. Воронцову, а также секунд-майору Гурьеву и Турчанинову. ...Положение крестьян чрезвычайно ухудшилось; правда, и во время казенного правления было много злоупотреблений, но с тех пор, как заводы перешли в руки частных владельцев, жизнь приписных рабочих стала совершенно невыносимой» (Семевский В.И. Указ. соч. С. 322). Пик этих волнений пришелся на 1760–1764 гг. Заводы графа Андрея Петровича – это Камские заводы (Воткинский и Ижевский), основанные гр. П.И. Шуваловым и доставшиеся после смерти последнего в 1762 г. по наследству его сыну гр. А.П. Шувалову. Волнения приписанных к Камским заводам крестьян в 1761–1762 гг. были подавлены с помощью регулярной армии. Подполковник П. Левашов, руководивший усмирением, сообщал в октябре 1761 г., что во время «с противящимися крестьянами сражение побито из крестьян 16, ранено – 5, поймано – до 40 человек». Как отмечал А.С. Орлов, «команда подполковника Левашева», которая после подавления волнений была расквартирована в усмирённых селах, «стояла там с осени 1761 до лета 1762 г. Крестьянам приходилось не только кормить солдат и лошадей, но и делать всевозможные подарки офицерам и солдатам. Безобразия чинились невероятные. Было чуть ли не поголовно изнасиловано женское население. Расстрелы, насилия, грабежи – так не всегда вела себя армия даже в неприятельской стране» (Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979. С. 83).

³⁷ Указом Петра I от 4 апреля 1722 г. предписывалось «для осмотра всяких дел в губерниях и провинциях, чтоб во всяких делах была правда, посылать на каждой год из сенатских членов по одному да при нем из каждой Коллегии по одному ж человеку» (Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. I: Акты о высших государственных установлениях. М.–Л., 1945. С. 101). При приемниках Петра I эта норма фактически не работала. Как вспоминал в своих мемуарах кн. Я.П. Шаховской, в 1763 г. после его рассказа о таком петровском предписании Екатерина II, «сие учреждение похваляя, соизволила объявить свое благоволение, чтоб и отныне впредь наподобие сего учредить» (Шаховской Я.П. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 169; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. II. СПб., 1911. С. 594–599). Вполне возможно, что предложения Д.В. Волкова также сыграли свою роль в попытке восстановления Екатериной II сенаторских ревизий.

³⁸ Можно предположить, что Д.В. Волков пишет об именном указе от 13 июня 1763 г. о назначении его оренбургским губернатором. Этим указом Екатериной II Д.В. Волкову разрешалось «не токмо к Нам от себя самого всякие представления делать и присылать проекты к учреждению коммерции и к приласканию тамошних народов иноверных, но и ... введенныя злоупотребления к отвращению того и другого, яко губернатору, ... искоренять и против оных брать такие меры, какие он сам за благо рассудит, и о том, прежде исполнения, Нам самим и в сенат Наш доносить немедленно» (Сенатский архив. Т. XII. СПб., 1907. С. 488).

**КАК ХРАНИЛИ ДЕНЬГИ УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЧИКИ:
ПИСЬМО АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА ТУРЧАНИНОВА 1782 г.**

В последнее время появился целый ряд работ, посвященных деятельности крупного уральского заводчика Алексея Федоровича Турчанинова¹, но несмотря на это его биография до сих пор остается до конца не изученной. Объясняется это прежде всего тем, что семейный архив Турчаниновых как целостный комплекс не сохранился, документы личного происхождения представителей этого уральского рода являются большой редкостью и попадают историкам от случая к случаю. В полной мере это относится и к представленному нами в приложении письму, найденному среди делопроизводственных документов фонда Екатеринбургского уездного суда в Государственном архиве Свердловской области. Очевидно, копия письма, посланного Алексеем Федоровичем Турчаниновым из Санкт-Петербурга своей жене Филанцете Степановне в Сысертский завод, оказалась случайно подшитой в числе других бумаг дела и никаким образом не связана с его остальным содержанием.

Причиной, побудившей к появлению этого документа, стало заключение сделки между Алексеем Федоровичем Турчаниновым и другим заводчиком, князем Григорием Александровичем Потемкиным. Известно, что Алексей Федорович последние годы своей жизни провел в Санкт-Петербурге, где умер и был похоронен. Уехал он туда, видимо, в начале 1780-х гг. С того времени его семья распалась «на два дома»: он со старшими детьми жил в столице, жена с младшими – в Сысертском заводе. Именно в столице Алексей Федорович приступил к приращению своего недвижимого имущества за счет имений центральных губерний путем приобретения их у знатных вельмож.

Из письма явствует, что речь идет уже о второй сделке с князем Г.А. Потемкиным. Действительно, в 1782 г. Турчанинов совершил две купчие с Григорием Александровичем. Согласно первой, заключенной в мае 1782 г., Алексей Федорович приобрел имения в Нижегородском и Владимирском наместничествах в селах Толмачеве, Кобыльце, Городецке и Верхнем Ландихе с 6139 человек мужского пола за 460200 рублей².

Согласно второй купчей³, совершенной 18 ноября 1782 г., Алексей Федорович также приобрел у Потемкина несколько имений. Первое было расположено в Тамбовском наместничестве в Шацком уезде и включало села Умкусово, Гремячево, Кистенево, деревни Шеметово, Суховское («Ананьина слобода тож») с 1243 душами мужского пола. Второе имение, вероятнее всего, находилось по соседству в том же Тамбовском наместничестве, но в Залатомском округе в селе Сасосе (раньше село числилось за Шацким уездом), в нем проживало 307 душ мужского пола. Третье имение было в Пензенском наместничестве в Верхнеломовском уезде в селе Архангельском («Буртас тож») с деревнями и 1381 душой мужского пола. Четвертое имение располагалось рядом с третьим в том же Верхнеломовском округе в селе Сергеевское («Шеино тож») с 1226 душами мужского пола. Всего же в четырех имениях проживало 4157 душ мужского пола. Заплатил Алексей Федорович за эти имения 270205 рублей.

Поскольку письмо датировано декабрем 1782 г. (точная дата не указана, возможно, она была опущена копиистом), а копии купчей рядом с письмом в деле не оказалось, с большей долей вероятности мы можем утверждать, что речь в ретроспективном документе идет именно о второй сделке.

Письмо носит деловой характер. Алексей Федорович поручил своей жене важное дело: проконтролировать выдачу денег поверенному князя Григория Александровича Потемкина. Турчанинов в этом деликатном деле доверял, кроме своей жены, только двум приказчикам – Ивану Сушину и Филадельфу Дьячкову, которые служили соответственно в Полевском заводе и в Екатеринбурге и одновременно находились в родстве с заводчиком: Иван Сушин был родным братом Филанцеты Степановны, а дочь Дьяčkова, Александра, впоследствии вышла замуж за младшего сына Алексея Федоровича, Александра Алексеевича. А.Ф. Турчанинов также в письме строго наказывал, чтобы никто «из заводских и других служителей, также из посторонних людей» не видел предназначенные для князя деньги, тем более, что сумма была значительной: Потемкину необходимо было сразу в Екатеринбурге выплатить 191417 рублей 30 коп., а на оставшуюся сумму долга – 78787 рублей 70 коп. – выдать вексель с обязательством погасить задолженность в течение года.

Из подробной инструкции А.Ф. Турчанинова мы узнаем, что большую часть своих денег он хранил в Екатеринбурге в специальном

помещении – «кладовой большей палате», где стояли сундуки. Все сундуки были пронумерованы, их было как минимум девять. Отдельно лежала золотая монета и отдельно серебряная, упоминаются и монеты «второго сорта». Каждый сундук запирался на ключ и опечатывался. Ключи лежали в специальном железном гладком ящике, помещенном в более крупный железный ларец. Все ящики с ключами также опечатывались.

Алексей Федорович велел жене небольшую часть денег взять с собой из Сысерти, а остальную – вынуть из 1, 3, 6, 8 и 9 сундуков. При этом Алексей Федорович точно указывал не только номер сундука, но и количество золотых и серебряных монет, которые необходимо было отсчитать. К тому времени Алексею Федоровичу было около 80 лет, но он по прежнему обладал отличной памятью и продолжал контролировать ведение дел в заводе и даже в письме просил жену его «обстоятельно и немедленно уведомить», как только его предписания будут выполнены.

В 1883 г. в «Историческом вестнике» автор статьи о заводчике Турчанинове писал, что «при покупке имения у князя Потемкина-Таврического, во Владимирской и Нижегородской губерниях, он [Турчанинов – *М.Л.*] спросил: угодно вашей светлости получить серебром, или золотом? Сумма была значительная и деньги готовы и серебром, и золотом. Потемкин взял золотом»⁴. Если это действительно было так, то уже при совершении второй сделки Турчанинов расплачивался во-первых, частями, а во-вторых, не только золотой, но и серебряной монетой второго сорта, хотя письмо и оставляет впечатление того, что денег у Турчанинова действительно было много и их количество не уменьшилось бы и после выплаты всей суммы, полагающейся князю Потемкину.

Таким образом, подготовленное к публикации письмо – одно из немногих сохранившихся и написанных лично крупным уральским заводчиком Алексеем Федоровичем Турчаниновым, достоверно подтверждающее миф о турчаниновском богатстве. Несмотря на то, что письмо в целом носит деловой характер, оно, вместе с тем, содержит в себе явные признаки само-свидетельства. В конце одним предложением Алексей Федорович сообщил жене о своем и старших детей, находящихся с ним в Петербурге, благополучии и дал родительское

благословение младшим детям, оставшимся с матерью в вотчине при Сысертском заводе, а также написал о своей верности жене. Уже этого достаточно, чтобы не просто разглядеть в авторе любящего отца и верного, заботливого мужа, но и составить представление об укладе семейной жизни, характере родственных отношений, степени их доверительности. В этом смысле настоящий документ рассказывает не просто о том, как уральские заводчики хранили деньги, и не о том, как и почему эти деньги тратились. Он повествует в первую очередь о безусловной, неразрывной связи коммерческих и внутрисемейных интересов в повседневных практиках российских предпринимателей XVIII столетия.

Публикуется в соответствии с орфографией и пунктуацией источника.

**Письмо уральского заводчика Алексея Федоровича
Турчанинова Филанцете Степановне Турчаниновой¹⁾.
Санкт-Петербург, декабрь 1782 г.²⁾**

Друг мой, Филанцета Степановна⁵⁾!

Чрез сие Вас уведомляю, что я после первой покупки вотчин⁶⁾ ныне и еще купил вотчины⁷⁾ ж у его светлости князя Григорья Александровича Потемкина⁸⁾, а в которых те вотчины состоят, то ис приложенной при сем с купчей копии⁹⁾ услышите, с чем и Вас поздравляю. По неимению ж здесь у меня наличных денег, его Светлость изволил согласиться приказать получить от нас в Екатеринбурге золотой и серебрянной монетой сто девяносто одну тысячу четыреста семнатцать рублей тритцать копеек, в числе том пошлинных шеснатцать тысяч двести двенатцать рублей тридцать копеек. На сию сумму вручил я его Светлости на имя человека моего Филадельфа Дьячкова¹⁰⁾ от 18-го ноября сего 1782-го года повеление, чтоб он по получении онаго заплатил неудержно¹¹⁾ в Екатеринбурге¹²⁾ золотой и серебрянной монетой тому, хто от его Светлости в Екатеринбурге с повелением моим прислан будет, с которого моего к Дьячкову повеление. При сем к вам и точную копию прилагаю, а в остальной по договору за те вотчины сумме вручил я его ж Светлости вексель в годичной срок. А чтоб он, Дьячков, в точности о том деле знал и исполнить мог, то я велел сие письмо по полу-

чении немедленно в Сысертской завод¹³ свести и вручить Вам самолично, и прочитать ему пред Вами, а по выслушании объясненной во оном силы, приказываю вам отписать на Полевской завод¹⁴, чтоб к вам или прямо в Екатеринбург приехал Иван Сушин¹⁵, и с ним Вам ехать немедленно в Екатеринбург, и взять с собою на Сысерте¹⁶ состоящую сумму серебрянных денег три тысячи двести девяносто четыре рубли, и по приезде вашем в Екатеринбург взяв с собою Сушина и Филадельфа сходить в кладовую большую нашу полату и во оной выняв из малого железного сундука железной же гладкий ящик и распечатав оной отоприте, и из онаго от нижеписанных сундуков возьмите ключи и вынте из оных серебряной и золотой монеты, а именно: из номеру 1-го из оставших полтинников пять тысяч рублей, да из того ж сундука вынеть двадцать восемь тысяч рублей; из номеру 3-го вынеть десять тысяч рублей двести тридцать четыре рубли; из номеру 8-го вынеть шестьдесят восемь тысяч двести семьдесят четыре рубли; из номеру 9-го остальные двенадцать тысяч семьсот рублей тридцать копеек и приобща ко оным привезенную Вами с Сысерти сумму три тысячи двести девяносто четыре рубли, да у Филадельфа из состоящих у него по приходу серебрянных тысячи двести пять рублей, то и составит серебрянной монетой – сумму сто дватцать семь тысяч семьсот семь рублей тридцать копеек, да из номеру 6-го, а внутри того сундука в одном конце для того нароком¹⁷ сделанного ящика из положенной суммы взять золотой монеты. А именно: второго сорту десяти рублевых империалов¹⁸ числом три тысячи девятьсот семь, суммой – тридцать девять тысяч девятьсот семьдесят рублей, да привезенных из Сысерти десяти рублевых империалов же числом тысяча сто пятьдесят, суммой одиннадцать тысяч пятьсот рублей, да их полуимпериалов¹⁹ взять и к сей сумме добавить числом две тысячи четыреста сорок восемь суммой – двенадцать тысяч двести сорок рублей. Того золотой монетой составит сумму шестдесят три тысячи семьсот десять рублей, а всего золотой и серебрянной монеты составит сумму сто девяносто одну тысячу четыреста семнадцать рублей тридцать копеек, которую и отдай Филадельфу Дьячкову для отдачи тому кто придется от его Светлости, и чтоб он вынес оную сумму сто девяносто одну тысячу четыреста семнадцать рублей тридцать ко-

пеек к себе в узинкую палату, а затем с остальною суммою сундуки всем приказываю запереть и запечатать своею печатью, а ключи от тех сундуков положить с протчими сундушными ключами в тот же малой гладкой железной ящик, которой запереть и запечатать оной вам своею же печатью, и поставить оной ящичек в тот же малой железной сундук ис коего выните, который по-прежнему запереть и запечатать своею же печатью, а как посланной от его Светлости потребует и предъявит мое к Дьячкову повеление, то б всю ту сумму ему на повелении в приеме с роспискою отдал и повеление к себе взял, и ко мне о том немедленно отрапортовал, и притом прислал бы с того моего повеления с роспискою точную копию. Когда же вы в Екатеринбурге в полату пойдите и денги вынимать будите, и Филадельф как из болшей в узенкую палату переносить будет, то б из заводских и других служителей, также и ис посторонних людей никто б не видел и не знал, о том всемерно Дьячкову скрыть подтвердите, и что по сему вами исполнено будет, о том меня обстоятельно и немедленно уведомить, впрочем я и дети²⁰ наши, при мне сдесь находящиеся, благодарения Богу по отписке²¹ сего остались благополучно, а при Вас находящимся нашим детям²² посылаю мое родительское благословение и остаюсь вам верный, Алексей Турчанинов. Декабрь, ч[исло]²³ 1782 год. Санкт-Петербург.

ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1040. Л. 48–49. Копия. Рукопись.

¹⁾ *Заголовок публикатора.*

²⁾ *Место и дата приводятся по документу.*

Примечания и комментарии

¹ См., напр.: Коновалов Ю.В. К вопросу о происхождении рода Татищевых // Человек и общество в информационном измерении: материалы регион. науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 179–183; Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б. Род Турчаниновых. Екатеринбург, 2008. С. 30–88; Шимонек Е.В. К родословной рода Турчаниновых (по документам Государственного архива Свердловской области) // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 278–280; и др.

² Купчая хранится в Свердловском областном краеведческом музее (см.: СОКМ. СМ 21080/1И 4695).

³ Купчая князя Г.А. Потемкина выставлена в цифровом формате на сайте аукционного дома «Знак», аукцион № 19, лот № 218 (см.: Купчая князя Потемкина / Знак:

Аукционный дом: Электронный ресурс. URL: <http://www.znak-auction.ru/limg2.htm?c=f04694>, дата обращения – 1 августа 2014 г.).

⁴ Заводчик Турчанинов / публ. Ф.С.Г. // Исторический вестник. 1883. Т. II. № 2. С. 469–470.

⁵ Филанцета Степановна Турчанинова, урожденная Сушина (1740–1822) – вторая жена Алексея Федоровича Турчанинова.

⁶ Речь идет о приобретении вотчин в Нижегородском и Владимирском наместничествах.

⁷ Приобретены были четыре имения в Тамбовском и Пензенском наместничествах.

⁸ Григорий Александрович Потемкин (1739–1791) – российский государственный и военный деятель, светлейший князь Таврический, фаворит Екатерины II.

⁹ Копии купчей в деле не сохранилось. Вероятно, речь идет о сделке, совершенной 18 ноября 1782 г.

¹⁰ Дьячков Филадельф (?–?) – доверенный приказчик А.Ф. Турчанинова. Дочь Ф. Дьяčkова, Александра, вышла замуж за Александра Алексеевича Турчанинова, у них родился сын Александр.

¹¹ То есть немедленно.

¹² Екатеринбург – уездный город Пермской губернии, административный центр горнозаводской промышленности Урала и Сибири.

¹³ Сысертский завод – чугуноплавильный и железоделательный завод, центр одноименного заводского округа, резиденция Турчаниновых и их наследников. Основан в 1732 г., в 1758 г. на посессионном праве передан А.Ф. Турчанинову.

¹⁴ Полевской завод – медеплавильный завод. Основан в 1724 г., в 1758 г. передан на посессионном праве А.Ф. Турчанинову, вошел в состав Сысертского горного округа.

¹⁵ Сушин Иван (?–?) – доверенный приказчик А.Ф. Турчанинова в Полевском заводе, родной брат (?) его жены Филанцеты Степановны.

¹⁶ Речь идет о Сысертском заводе.

¹⁷ То есть специально.

¹⁸ Империял – российская золотая монета номиналом в 10 рублей.

¹⁹ Полуимпериял – российская золотая монета номиналом в 5 рублей.

²⁰ Скорее всего, А.Ф. Турчанинов уехал в Санкт-Петербург со старшими сыновьями Алексеем (1766–1834) и Петром (1869–1815), а также старшей дочерью, 12-летней Екатериной.

²¹ То есть по написании этого письма.

²² С матерью в Сысертском заводе остались 10-летний Александр, 9-летняя Наталья, 8-летняя Елизавета, 7-летняя Надежда и 2-летняя Анна.

²³ Число не указано.

**СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭГО-ДОКУМЕНТА:
ПРОШЕНИЕ ЕВГРАФА ГЛАЗЫРИНА 1871 ГОДА**

По меркам своего времени Михаилу Карповичу Глазырину, жителю деревни Ключи Логиновской волости Екатеринбургского уезда, можно сказать повезло, – он вырастил сыновей, женил их и жил в окружении большого семейства. Взрослым детям продолжал «покровительствовать»: «наделил нужным имуществом», «устроил всем им отдельные домохозяйства». Они отвечали ему тем же: признавали благодетелем, а младший сын оставался с родителем, чтобы поддержать его в старости¹. Патриархальную идиллию нарушал обладатель вздорного характера сын Евграф. Непослушный отпрыск в зимний мясоед 1861 г. женился на Екатерине Ивановне Патрушевой, но жить с молодой женой у отца не остался – предпочел перебраться к тестю в село Арамилское. Отсюда в 1863 г. его и забрали в рекруты.

Обычная история незадавшейся судьбы молодого человека, посягнувшего на устои деревенской морали – повиновение старшим. Из деревенского социума таким была прямая дорога в армию. Но жизнь повернула иначе. Непокорный сын сделал успешную военную карьеру – дослужился до унтер-офицерского чина и в начале 1870-х гг. вернулся в родные места в статусе временноотпускного. Армейская служба деревенского парня обтесала, однако почитать старика-родителя не научила. Скорее, наоборот: Евграф не простил отцу прошлые обиды и решил расквитаться по-крупному. Удачно выслужившийся крестьянский сын пишет прошение на имя царя, обвиняя родного папашу в сексуальном преступлении. На делопроизводственном языке обвинение звучало как «склонение к преступной связи своих снох», по-простому же этот грех именовался «снохачеством».

Снохачество – половые отношения свекра с супругой сына – было весьма своеобразным феноменом русской сексуальной культуры. Его смысл не исчерпывается определением энциклопедического словаря

Брокгауза-Эфрона, предполагающим под снохачеством добровольную плотскую связь между ближайшими родственниками и свойственниками, знающими, что они состоят в родстве². Кроме инцеста это явление подразумевало сексуальное домогательство, нередко прямое насилие над женщиной. Амурные похождения главы дома, кроме того, бросали тень на сына, законного мужа молодой женщины, и собственно эту женщину, сказываясь на атмосфере в семье, репутации двора и его жителей в деревенском социуме. Сын снохача оказывался в состоянии тяжелой фрустрации: страдало его мужское самолюбие, сыновний долг и любовь к отцу подвергались серьезному испытанию, нередко он боялся заступиться за поруганную честь своей законной супруги, а, если узнавал, что близость произошла с ее молчаливого согласия, то даже не решался свести с ней счеты. Другим участникам драмы – снохе, свекрови и самому снохачу, – человеческие чувства, моральные максимы и общественное мнение также не обещали легкой жизни. Снохачество приводило к искажению поколенческих, гендерных и родственных отношений, жестко нормированных в традиционной семье, угрожало основополагающим семейным устоям.

Бороться с ним пытались по-разному. Молодые жены могли пожаловаться на действия свекра мужьям, свекрови, остальным домашним, духовному пастырю во время исповеди, привлечь к своему положению общественное мнение, местное самоуправление, наконец, обратиться в судебные инстанции. Аналогичным путем поступали и другие заинтересованные лица. Иногда жертвы старческой похоти решались на побег или молодая пара удалялась из родительской семьи. Со временем сыновья все чаще стремились к физической расправе над отцом-блудодеем, не останавливаясь перед его убийством³.

Значение слова «снохачество» было богато на негативные коннотации. Однако община считала сексуальные отношения своих членов внутренним делом семьи, по крайней мере «мира», не подлежащим административной регуляции. Отклонения от общепринятого сексуального поведения старались исправить, не предавая случившегося огласке. С точки зрения традиционной культуры подача Евграфом Глазыриным прошения на царское имя, которое означало вынесение такого непристойного явления как прелюбодеяние с кровосмешением на суд самого царя, выглядело весьма неординарным действием.

Из текста прошения следует, что Евграф пытался бороться с похотливостью отца деревенскими средствами: слушал «объявления» о притязаниях Михайло Глазырина от своей жены Катерины, принял «меры», когда стал замечать, что отец склоняет супругу к прелюбодеянию, наконец, ушел с молодой женой к тестю. Также видно, что получил он от родителя за свои попытки бороться сполна: жена и он сам попали в «нерасположение» к старику до такой степени, что тот практически выгнал их из дома и лишил сына земельного надела.

У челобитной Евграфа Глазырина были невысокие шансы быть написанной из-за несоответствия предписаниям крестьянской культуры, а при написании столь же малая вероятность стать предметом разбирательства властей, поскольку, как выяснилось, ее текст был составлен с нарушением правил. Временный судебный следователь 2-го участка Екатеринбургского уезда Николаев заявлял, что полицейское управление «в противность» 4-й статьи «Наказа полиции» прошение унтер-офицера приняло, хотя делать этого было не должно, поскольку «кроме голословных обвинений» её текст не содержал никаких доказательств. По мнению юриста, он представлял собой обыкновенный донос, и это было третьей причиной, по которому документ могли не рассматривать.

Однако именно эти характеристики помогают опознать в прошении признаки не столько источника личного происхождения, сколько эго-документа: речь в нем идет об очень личных обстоятельствах, и это роднит его с эго-свидетельствами несмотря даже на то, что интимная информация передана крайне формальным образом и больше соответствует делопроизводственному, даже законодательному языку. С учетом же того, что изложенное в тексте при производстве полицейского дознания не подтвердилось, и следствие получило все основание рассматривать его как донос, то есть клевету, его можно квалифицировать как фантазии двух «состряпавших» этот пасквиль лиц: Евграфа Глазырина и екатеринбургского мещанина, фамилия которого осталась неизвестна за неразборчивостью подписи. Однако воображение, мечты, вымысел – отражают внутренний мир человека и имеют самое непосредственное отношение к его «эго», хотя проявление безудержной фантазии и могло повредить заявителям.

Вымысел в доносе должен выглядеть достоверно. И это вновь говорит о том, что в оговоре отца Евграф вынужден был использовать знание о действительно имевших место случаях, происшествиях и реакции на них людей.

Содержание прошения показывает, какими средствами его авторы пытались сделать донос правдоподобным, описав героев своего рассказа как жертв. Согласно документу, первая из них, жена Евграфа Катерина, прореагировала на притязания свекра так, как обязана была прореагировать каждая честная «мужняя жена»: она пожаловалась мужу, добавив о своем «несогласии на то». Среди других невесток её действия представлены самым выигрышным образом, не бросая тень ни на нее, ни на ее мужа. Вторая жертва, Надежда Ивановна, жена старшего сына Филиппа, оскандалилась: её «застали на самом преступлении» муж с братом, а в числе свидетелей оказался совсем посторонний мужчина – крестьянин д. Калюткиной А.Д. Ваулин. Еще сильнее опозорила семью третья жертва, Мария Агафоновна, жена сына Федора. Сначала ей, как и супруге Евграфа Катерине, удавалось уклоняться от интимных отношений со свекром, но после того, как он совершил над ней насилие, женщина не стерпела и предала случившееся огласке – довела о нем до сведения представителя местного самоуправления старшины Н.Я. Ананьева. Рассказ о «шашнях» престарелого ловеласа заканчивается описанием его «связи» с женой четвертого сына, Ориной Гавриловной. То, что эта порочная особа оказалась «уже сосланной в Сибирь за дурное поведение и распутную жизнь», придало вес остальным фактам и стало заключительным аккордом челобития Евграфа.

Судебные дела первой половины – середины XIX в. показывают, что застать свекра и сноху во время прелюбодеяния, могли самые разные лица, что женщины жаловались на сексуальное насилие местным властям, что сельчане избавлялись от нежелательных субъектов путем ссылки их в Сибирь. То есть описанные Евграфом случаи не выглядели откровением или чем-то не бывалым для уральской деревни того времени. Настораживает их концентрация в отдельно взятой семье. В четырех пунктах проситель умудрился изложить о снохачестве все или почти все, его текст – энциклопедия данного явления.

Представлено поведение снохача (от «склонения» до прямого насилия), спектр откликов женщин на возможность кровосмешения (от согласия распутной Орины до несогласия остальных невесток), степень секретности кровосмесительной связи (удалось оставить в тайне от всех, «застукали» свидетели), набор возможных свидетелей (от самых «заинтересованных» лиц – мужей, сыновей, деверей, до случайных знакомых), бездействие – действия невесток (от жалоб мужьям до официальных заявлений властям), бездействие – действия их мужей (от превентивных «мер» до ухода жить к тестю и написания прошения на высочайшее имя) и ответное недовольство виновника случившегося (от проявления отрицательных эмоций к дерзнувшему каким-то способом сопротивляться его воле до отказа им от дома и от выделения земельного надела), а также шаги, которые мир имел возможность применить к распутным женам (но не к их соблазнителью!), в крайнем случае – выселение своих порочных членов в Сибирь. С реальными случаями снохачества схожи даже приводимые в прошении его темпоральные характеристики: приставание свекра начиналось вскоре после появления молодой женщины в его доме (в тексте фигурирует 20-недельный срок), и попытки эти могли предприниматься им неоднократно.

Возникает вопрос, почему обращение к царю за справедливостью написано таким образом? Нам кажется, это произошло потому, что автора нельзя квалифицировать уже только как деревенского человека. За время службы Евграф «вкусил» культуры, в которой секс занимал иное место. Тем более что усвоение именно этой ее части у солдата, по определению обреченного в казарме на половое воздержание с его неизменным спутником – проституцией, происходило ускоренными темпами. Пагубную и от того не менее банальную и бытовую черту деревенской жизни он использует как сырье для выстраивания новых городских мыслительных конструкций, в которых его родитель из обыкновенного снохача превращается в секс-машину, реагирующую на любую юбку. Такое отношение к половому влечению явно почерпнуто заявителем из обыденности городской жизни. В ней меняется и понятие преступления на сексуальной почве и отношения к таким преступлениям власти. Евграф знал, что в городе государственный контроль уже дошел до спальни, «влез» в интимную жизнь горожанина. Он оценивает действия отца как противные закону и считает, что заявить на него обязан.

Это праведное стремление не имеет ничего общего с пошлым доносом, скорее, оно равносильно выполнению гражданского долга. «...Я не могу умолчать пред законом, а потому всеподданнейше прошу...», – пишет Евграф. Просит он, зная, что информацию о сексуальных отклонениях власть не упустит и, если следственные действия докажут вину отца, то она – из разряда уголовно наказуемых.

Ожидания унтер-офицера оправдались. Власти в лице полицииотреагировали жестко, на обороте прошения появилась резолюция: «Для немедленного производства дознания». Попыткой деревенского выскочки использовать закон для поправки патриархальных взглядов открыто возмущился лишь судебный следователь Николаев. Он стремился поставить деревенщину на место. В претензиях Евграфа это должностное лицо видело лишь навет сына на отца, самого сына иначе как «доноситель» не называло, а его обвинения расценивало как поклеп, возводимый неблагодарным чадом на главу семьи и почтенного старца.

Дело застопорили на этапе полицейского дознания. Оно было проведено таким образом, что доводы вернувшегося домой унтер-офицера были «отвергнуты всеми его братьями и их женами». Невестки твердили, что «никогда от свекра своего дурных слов не слыхали». При этом дознавателями оказался «даже не спрошен и сам доноситель». Однако они обнаружили у него мотив: «...Делает это, чтоб насильно завладеть имением отца»⁴. Следователь Николаев с удовлетворением констатировал: «...Полицейская власть, основываясь на собранных данных, ни в коем случае не может прийти к заключению, что в исследованных ею фактах она открыла происшествие, соединенное с преступлением или проступком»⁵. Приступить к производству уже непосредственно следствия он не мог.

Таким образом, прошение на высочайшее имя хода не получило. Оно осталось лишь свидетельством изменения взглядов на сексуальность совершенно конкретного носителя народной культуры Евграфа Глазырина. Перемены в его сознании пришли на середину – вторую половину 1860-х гг. В истории страны эти годы связывают с понятием гласности. Видимо, подобные периоды связаны с раскрепощением личности и в первую очередь в сексуальной жизни. Унтер Глазырин

оказался восприимчив к новой жизни вне родной деревни до такой степени, что сделал попытку применить появившиеся у него опыт и знания для решения личных дел, независимо оттого, хотел ли он прибрать к рукам отцовское добро, свести с родителем старые счета или защитить честь свою и жены. Подобное, сугубо индивидуальное использование обращений к власти вновь позволяет воспринимать его прошение как эго-документ, текст которого мы приводим строго по источнику, с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Прощение унтер-офицера Евграфа Михайловича Глазырина, обвинявшего своего отца, Михаила Карповича Глазырина, в кровосмешении¹⁾. Дер. Ключи, Логиновская волость, Екатеринбургский уезд, Пермская губерния. 20 июля 1871 г.^{2), 3), 4)}

Всепресветлейший, державнейший,
Великий государь император
Александр Николаевич,
самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит Временноотпускной⁶ Унтер Офицер⁷
9-го Гренадерского полка Сибирского⁸
Евграф Михайлов Глазырин, а о чем
мое прошение, тому следуют пункты:
1.,

В феврале месяце 1861 г., я вступил в 1-й законный брак с дочерью крестьянина села Арамильскаго⁹ Екатериной Ивановой Патрушевой, и до поступления моего в военную службу в 1863 г., проживая вместе с отцом своим, крестьянином Логиновской волости, д. Ключей¹⁰, Михайлом Карповым, стал замечать, что отец мой начал склонять жену мою Екатерину к прелюбодеянию с ним, для отвращения сего его намерения, я предпринял меры, – отец же, не видя успеха к удовлетворению своей страсти, и не получая согласия на страсть его от жены моей, он без всякого надела выгнал нас из дома своего, ныне возвратившись на родину, жена моя объявила мне, что свекор, а мой отец Михайло Глазырин не однократно наступал на нее, чтобы сделать прелюбодейство, но по несогласию ее на то, он оставлял замысл свой, за что, как я и жена моя находится в нерасположении его.

2.,

Кроме сего, отец мой Михайло Глазырин имел прелюбодейную связь с женою старшего моего брата Филиппа Михайлова – Надеждой Ивановой, с которою я и брат мой Алексей застали на самом преступлении, что видел крестьянин д. Калюткиной¹¹ Андрей Дмитриев Ваулин.

3.,

Отец мой Михайло, женивши сына, а моего брата Федора, который проживши в доме у отца недель 20-ть также начал склонять жену его Марью Агафонову, к прелюбодейанию, которая на то не соглашалась и один раз пожелал удовлетворить страсть свою насильно, но Мария Агафопова, освободившись от него, тот час же заявила о том старшине д. Пикановой¹² Николаю Яковлеву Ананьину.

4.,

С женой третьего моего брата Алексея Михайлова – Ориной Гавриловой, уже сосланной в Сибирь за дурное поведение и распутную жизнь, отец мой, Михайло Глазырин имел прелюбодейную связь, что лично видел брат мой Петр.

О таком важном законопротивном поступке отца моего Михайла Карпова Глазырина, я не могу умолчать пред законом, а потому всеподданнейше прошу⁴⁾

Дабы повелено было: о поступке отца моего Михайла Карпова Глазырина, произвести дознание, при котором я имею представить еще доказательства, и потом дознание для производства формального следствия передать по принадлежности и с виновным поступить по уголовным законам. Июля 20 дня 1871 г.

К поданию надлежит в Екатеринбургское Уездное Полицейское Управление. Сие прошение со слов просителя в черне сочинял и набело переписывал Екатеринбургский мещанин¹³ Григорий Яковлев Кодинский.

Жительство имею

д. Ключах Логиновской

волости Екатеринбургского уезда⁵⁾

ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1924. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись на печатном бланке гербовой бумаги.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ В верхнем правом углу надпись «20 июля 1871 г. в дело».

⁴⁾ В верхнем правом углу штамп об уплате гербового сбора в размере 20 копеек.

⁵⁾ По листам прошения скрепы: 1 – «к сему прошению проситель унтер офицер Евграф Михайлов Глазырин руку приложил»; 2 – «Вр[еменный] Суд[ебный] Следователь 2 участка».

Примечания и комментарии

¹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1924. Л. 3 об.

² Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. 1991. Т. 32. С. 801.

³ Подробнее см.: Голикова С.В. «Стариковское дело» и «бабья повинность»: уральские материалы XIX в. о снохачестве // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2003. № 6. С. 20–31.

⁴ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1924. Л. 3 об., 4.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ После введения в 1834 г. бессрочного отпуска отпущенных в отпуск на определенное время стали называть «временно отпускными» или «билетными» (см.: Положение об увольнении нижних чинов военно-сухопутного ведомства в бессрочный отпуск // ПСЗ-II. Т. IX. Отд. I. № 7374).

⁷ Унтер-офицер – чин, воинское звание младшего командного состава.

⁸ 9-й Гренадерский Сибирский его императорского высочества Великого князя Николая Николаевича старшего полк. Дислоцировался в г. Владимире (см.: Луганин Ф.И. Краткая история 9-го Гренадерского Сибирский его императорского высочества Великого князя Николая Николаевича старшего полка, 1700–1889. Тамбов, 1889).

⁹ Арамильское – центр Арамильской волости 3-го стана Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

¹⁰ Ключи – деревня Логиновской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

¹¹ Колюткино – деревня Белоярской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

¹² Пиканово (в официальных документах Гилево) – деревня Логиновской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

¹³ Мещанин – городское податное сословие (см. подробнее: Шилкина В.В., Федоров В.А. Мещане // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 570–572).

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА ИЛЬЯ СИМАНОВ

Городовое положение 1870 г. предоставило российским предпринимателям широкие возможности для участия в деятельности органов самоуправления. Многие коммерсанты и промышленники воспользовались тем, что служба в этих органах перестала носить обязательный характер, и отказались от участия в деятельности городских Дум. Большая часть предпринимателей действовала иначе: они принимали самое деятельное участие и в избирательном процессе, и в практической работе городских Дум. Из числа представителей торгово-промышленных кругов Пермской губернии вышло много видных общественных деятелей, причем относительно небольшая часть уральского купечества стала настоящим золотым фондом органов самоуправления. Это в полной мере относится к кунгурскому купцу М.И. Грибушину, пермскому купцу И.И. Любимову, верхотурскому купцу И.А. Мухлынину. Каждый из них, занимая пост главы органов самоуправления, сумел сделать для родного города много полезного.

В постсоветский период нашей истории общественной деятельности предпринимателей уделяется немало внимания. На рубеже XX–XXI в. этой проблеме посвящено значительное количество статей, деятельность некоторых предпринимателей на общественном поприще стала объектом монографических исследований¹. Историки, исследуя общественную деятельность уральских предпринимателей, используют в основном официальную документацию, сравнительно редко прибегая к изучению эго-документов. В основе подобного подхода лежит плохая сохранность этого комплекса источников. В силу этого публикация эго-документов, дающих дополнительные возможности для изучения общественной деятельности уральских предпринимателей, становится весьма актуальной.

Нами публикуется небольшой комплекс, состоящий из 3 документов, автором которых являлся многолетний городской голова Екатеринбурга Илья Иванович Симанов (10.09.1850–? гг.), представи-

тель известной екатеринбургской купеческой семьи, совладелец двух крупных мукомольных мельниц. Илья Симанов имел незаконченное среднее образование. Тяжелая болезнь отца заставила его бросить учебу и с головой погрузиться в торгово-промышленные дела. После смерти отца И.И. Симанов возглавил семейную фирму и почти одновременно начал принимать участие в общественной деятельности. 6 июля 1876 г. он был избран гласным Екатеринбургского уездного земства, которое в том же году делегировало его в Пермское губернское земство. Кроме того, уездные гласные включили своего молодого коллегу в состав уездного воинского присутствия, попечительских советов екатеринбургского роддома и Алексеевского реального училища.

Илье Ивановичу приходилось исполнять и другие поручения. В частности, он не раз вел журналы уездных земских собраний. Это поручение было одновременно и почетным и хлопотным. Во-первых, журналов было немало (в 1879 г. на очередной сессии уездного земства из 16 журналов И.И. Симанов заполнил 7), а во-вторых, многие земские деятели настаивали на как можно более точной фиксации их выступлений. Илья Симанов с ведением журналов справлялся достаточно хорошо, поэтому особых нареканий его деятельность на посту секретаря земских заседаний не вызвала.

Несколько иначе обстояло дело с работой И.И. Симанова в составе раскладочной комиссии, которая в земстве была одной из ключевых. Эта комиссия должна была проверять сметы, составленные уездной земской управой, устанавливать их обоснованность, выдвигать в случае необходимости альтернативные предложения и докладывать о результатах своей работы уездному собранию. Илья Симанов время от времени выступал в роли докладчика раскладочной комиссии. Кроме того, он в качестве гласного принимал активное участие в обсуждении вопроса о тех или иных земских расходах. В роли докладчика и участника земских дебатов И.И. Симанов проявил себя как весьма принципиальный человек, который был способен на постановку острых вопросов, порой оказывавшихся весьма неудобными для некоторых гласных и сотрудников уездной управы.

В октябре 1878 г., во время очередной земской сессии, Илья Симанов иррадно допек гласного В.В. Ковалевского и председателя уезд-

ной управы А.Н. Казанцева. Виктор Ковалевский совмещал должности заводского врача Невьянского горного округа и врача уездного земства и одновременно являлся гласным Екатеринбургского уездного и Пермского губернского земств. И.И. Симанов подсчитал, что Ковалевский, исполняя разнообразные общественные поручения, в течение года 4 месяца проводит вне своего врачебного участка. Исходя из этого подсчета, он поинтересовался, кто исполняет обязанности врача в период отсутствия В.В. Ковалевского. Кроме того, он подверг сомнению цифры медицинской отчетности, которые утверждали, что в течение года врач В.В. Ковалевский оказал помощь 8451 больному. Реплики И.И. Симанова вызвали бурную реакцию В.В. Ковалевского, но разгоревшуюся ссору погасили другие участники собрания.

При обсуждении другого вопроса Илья Симанов высказал критические замечания в адрес одного из циркуляров уездной земской управы. Возражать ему взялся гласный В.В. Ковалевский, который заявил, что высказывания Симанова ведут лишь к пустым словопрениям. Его поддержал председатель уездной земской управы А.Н. Казанцев, который, раздраженно заявил: «Присоединяюсь вполне к мнению г[осподина] Ковалевского, что вопросы, подобные возбужденным г[осподином] Симановым, ведут только к разговору. Г[осподин] Симанов ставит какие-то министерские вопросы»².

Годом позже А.Н. Казанцев дал И.И. Симанову совсем другую оценку. Он поддержал его кандидатуру на должность почетного мирового судьи и заявил: «Выбором г[осподина] Симанова мы не ошибемся. В качестве судьи он будет очень полезен: все, что он делает — он делает тщательно и горячо относится к делу»³. Еще одна лестная оценка деятельности И.И. Симанова прозвучала из уст видного общественного деятеля М.А. Нурова, который кратко, но в тоже время очень емко охарактеризовал работу молодого гласного: «Труды Ильи Ивановича осмысленны и разумны»⁴.

Деятельность Илья Симанова в уездном земстве не осталась незамеченной екатеринбуржцами, которые с удовлетворением отметили, что на земских собраниях он последовательно и весьма упорно защищает интересы Екатеринбурга. Многие горожане пожелали видеть Симанова в роли гласного городской Думы. Илья Иванович учел эти

пожелания: в марте 1880 г. он впервые принял участие в выборах в городскую Думу и без особого труда прошел через избирательное сито. Некоторые участники выборов предложили новоиспеченному гласному баллотироваться на пост городского головы, но он не решился на этот шаг. Основной причиной отказа от баллотировки на высокий пост был новый предпринимательский проект И.И. Симанова: он деятельно готовился к началу строительства грандиозной мукомольной мельницы.

В 1884 г. настала пора новых выборов в Думу. Илья Симанов вновь участие в избирательной компании, и опять без особых сложностей пробился в ряды гласных. Едва закончились выборы гласных, как настало время избрания городского головы. Илья Иванович, поддержанный многими единомышленниками, решил баллотироваться на пост главы органов городского самоуправления г. Екатеринбурга и одержал убедительную победу: из 65 гласных лишь 5 проголосовали против, а остальные безоговорочно поддержали кандидатуру Симанова. Произошло это событие 24 января 1884 г.

Избрание Симанова на пост городского головы приветствовали многие горожане. Один из газетчиков, не скрывая удовлетворения, писал: «Слава богу, избран человек, который уже успел заявить свою деятельность как земский и городской гласный. И.И. Симанов исполнил, по поручению земского собрания, трудную работу – составил и вел списки присяжных заседателей. Он заведовал хозяйственной частью родильного дома и городского госпиталя. Кто знал состояние того и другого до заведования этими учреждениями г[осподином] Симановым и знает их теперешнее состояние, тот не скажет, что заведение было фиктивным. В прошлом году мы имели случай ознакомить читателей с современным состоянием городского госпиталя, и если читатель припомнит нашу заметку по случаю освещения новых корпусов, то они сознают, что мы вправе сказать, что госпиталем заведовала опытная и заботливая рука. Конечно, Симанов был не один, был целый комитет; но деятельнейшим членом этого комитета был именно Симанов. Как в земстве, так и в Думе нового городского голову беспрестанно избирали в разные комиссии, где требовались люди труда, и он никогда не относился к делу халатно – это могут засвидетельствовать все гласные Екатеринбургского земского собрания и Думы»⁵.

9 февраля того же года итоги выборов были утверждены губернатором, и Илья Иванович смог приступить к исполнению своих обязанностей. Новый городской голова энергично взялся за решение проблем городского хозяйства. Львиную долю времени ему приходилось уделять решению относительно мелких, но в то же время насущных проблем. В частности, 11 и 13 февраля, Илья Иванович вместе с полицмейстером провел осмотр экипажей городских извозчиков. В начале лета того же года по его распоряжению был начат ремонт некоторых обветшавших заборов и тротуаров. Очевидец свидетельствовал: «На днях мы были приятно удивлены, увидев, что заборы около городского театра, а также фасады (над входом) и тротуары по Театральной улице исправляются. Давно бы пора, а то эти заборы и тротуары (скорее капканы новейшей системы) грозили прохожим весьма возможными несчастьями»⁶.

Латая «тришкин кафтан» городского хозяйства, И.И. Симанов в то же время пытался организовать решение стратегических задач, стоящих перед Екатеринбургом. По мнению Ильи Ивановича и его сподвижников к таковым относились ликвидация некоторых узких мест городского благоустройства (строительство мостовых, улучшение водоснабжения, освещения) и решение ряда социальных проблем. С легкой руки Уральского общества любителей естествознания перед городской управой и Думой встала еще одна стратегическая задача – организация и проведение Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, которая была намечена на 1887 г.

Несмотря на скромные возможности городского бюджета, И.И. Симанов и его сподвижники предприняли серьезные усилия по решению наиболее сложных задач. Часть общественности Екатеринбурга скептически относилась к планам головы и городской управы, полагая, что все эти планы обречены на провал. Для критики действий И.И. Симанова они использовали газеты, издающиеся в соседних регионах. В конце марта 1886 г. один из скептиков дал развернутую характеристику деятельности Ильи Ивановича: «Популярность городского головы Симанова отнюдь не увеличивается, несмотря на бьющие в глаза затеи: телефоны, электрические фонари, устройство загородного гулянья и т.п. Финансы города не улучшаются, и вряд ли до конца четырехлетия Симанову удастся связать свое имя с каким-нибудь осуществившимся в его управление крупным улучшением в городе. Мы имеем уже

Нуровский сквер, Кривцовский мост, к концу управления Симанова вряд ли будем иметь более крупный памятник, чем Симановская дача. Водопроводный вопрос провалился при Симанове, выставка вряд ли осуществится, а если и будет, то не вследствие старания городского самоуправления; даже мощение улиц и постройка театра состоится, вероятно, только в новом четырехлетии»⁷.

В вышеприведенной цитате ложь весьма искусно перемешана с правдой и полуправдой. Городской голова Илья Симанов действительно не смог решить часть задач. В частности, органы самоуправления из-за недостатка средств отказались от строительства городского водопровода и нового здания театра, но в то же время предприняли шаги, направленные на частичное решение этих проблем. В частности, для улучшения ситуации с водоснабжением на Малаховском ключе была устроена паровая водокачка, первая в истории Екатеринбурга. Устройство этой водокачки стало делом рук группы частных инвесторов. Во главе группы стоял И.И. Симанов, являвшийся основным жертвователем.

Еще интереснее обстоит дело с мощением улиц и площадей. Автор пасквиля, опубликованного в «Волжском Вестнике», не мог не знать, что в 1884 г. и 1885 г. мощение в Екатеринбурге уже шло полным ходом. В 1884 г. было замощено 3036 кв. саж., в 1885 г. – 6343 кв. саж. В последующие годы мощение также производилось. В 1886 г. было замощено 5992 кв. саж., а в 1887 г. – 15880 кв. саж. Всего за 4 года было замощено 31151 кв. саж. Эта операция обошлась городскому бюджету в 120192 рублей 63 коп.⁸ На эти деньги были частично вымощены Архиерейская, Большая Вознесенская, Васенцовская, Верхотурская, Крестовоздвиженская, Коробковская, Отрясихинская, Соборная, Уктусская, Успенская, Фетисовская улицы, Александровский и Главный проспекты, Хлебная и Базарные площади, а также Новый толкучий рынок. Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка вопреки прогнозам пасквилянта состоялась в 1887 г., причем органы самоуправления сделали все от них зависящее, чтобы Екатеринбург приобрел вид, достойный этого нетривиального для города мероприятия. Главная заслуга в организации и проведении выставки принадлежит Уральскому обществу любителей естествознания (УОЛЕ), членом которого был и И.И. Симанов.

В конце 1888 г. И.И. Симанов был переизбран на пост городского головы, но судьбе было угодно распорядиться так, что он вместо положенных 4 лет отработал на этом посту почти 6 лет. Пролонгирование его полномочий было связано с принятием в 1892 г. нового «Городового положения», которое вводилось в действие постепенно. По этой причине в ряде регионов полномочия старых городских Дум были продлены. Период 1888–1894 гг. для И.И. Симанова был наполнен самой разнообразной работой, в том числе борьбой с последствиями неурожая начала 1890-х гг. Особый упор органами самоуправления был сделан на работу бесплатных столовых, услугами которых воспользовались многие тысячи человек. Одновременно предпринимались меры по предотвращению вспышек различных болезней. Деятельность городской управы и городских медиков в этом направлении оказалась настолько эффективна, что в городе случились лишь отдельные заболевания холерой и тифом, не переросшие в эпидемию. В этот период по инициативе городского головы был создан ассенизационный обоз. Сначала он был образован лишь в виде эксперимента, но затем стал постоянно действующим муниципальным предприятием.

В 1894 г. припела пора новых выборов в городскую Думу. Илья Иванович, поддерживаемый многими горожанами, был не прочь в третий раз стать городским головой Екатеринбурга. Он даже принял участие в выборах и выиграл их, но его кандидатура не была утверждена губернатором П.Г. Погодиным, который был недоволен излишней самостоятельностью екатеринбургской городской Думы. В 1894 г. губернатор решительно вмешался в и процедуру выборов екатеринбургского городского головы, и процесс избрания председателя городской Думы. Губернатор раз за разом отклонял кандидатуры, избранные екатеринбуржцами, а затем собственной властью назначил и городского голову, и председателя Думы.

Екатеринбуржцы в этой ситуации решили поддержать И.И. Симанова и почтили его торжественным обедом. На это мероприятие явился горный инженер П.К. Штейнфельд, один из давних недоброжелателей Ильи Ивановича. Его речь для присутствующих оказалась неожиданной, поскольку Штейнфельд вопреки ожиданиям дал лестную оценку деятельности Симанова на посту городского головы: «У нас есть прекрасный ночлежный дом. Есть приют для нищих детей. Наша богадельня расширена и имеет летний барак. Роддом по-

мещается не в наемной квартире, а в доме, приобретенном городским обществом. Помещение городской больницы расширено чуть ли не вдвое. Больница снабжена такими приборами и инструментами, что может быть поставлена наряду с лучшими столичными больницами. Заразные болезни не наводят больше на горожан того страха, как прежде; а холера и не коснулась нас, хотя к нам в острог не раз привозили умиравших от холеры арестантов. Нет у нас прежней вони. Навоз не сваливают ни в пруд, ни на его берега»⁹.

О событиях 1894 г., оставивших в его сердце серьезную занозу, Илья Иванович не забывал. Имея собственное мнение по поводу происшедшего, он длительное время публично не комментировал свои разногласия с П.Г. Погодиным. Только спустя 9 лет Илья Иванович более или менее откровенно высказал свое мнение по поводу этих событий: «Все, конечно, мы помним, что испытывало земское и городское самоуправление при Погодине, который как бы не признавал возможности между нами честных и преданных деятелей. Достаточно сказать, что из 13 избранных председателей земских управ, лишь двое были утверждены – г[оспода] Ковалевский и Клепинин, а остальные заменены чуждыми губернии личностями, в том числе назначенным в Кунгур полицмейстером Московского сирото-воспитательного дома»¹⁰.

Бросая запоздалый упрек П.Г. Погодину, Илья Иванович вряд ли подозревал, что конец его собственной общественной карьеры не за горами. Являясь совладельцем двух мощных мукомольных мельниц, он долгие годы был одним из крупнейших мукомолов Урала. В начале XX в. его фирма оказалась в тяжелом финансовом положении. Илья Иванович, ища выход из ситуации, прибег к сомнительной операции. Он раз за разом получал ссуды Государственным и Волжско-Камском банках под залог зерна. Нарушая договоренность с банками, Симанов пускал заложенное зерно в производство, благодаря чему некоторое время избегал финансового краха. В конце концов, обман вскрылся. Делу был дан ход. Симанов был вынужден объявить себя несостоятельным должником. Кроме того, он был отдан под суд, который усмотрел в его действиях признаки мошенничества. Результатом этого стали продажа с молотка всей недвижимости, а также лишение званий, прав, орденов и т.д. Лишь чудом Илья Иванович избежал тюремного заключения.

Лишившись мельниц и домов, бывший купец потерял право участвовать в деятельности органов местного самоуправления. На несколько лет он выпал из общественной жизни. В начале 1913 г. Илья Иванович обратился в управу с ходатайством о назначении ему пенсии за более чем десятилетнюю службу на посту городского головы. Управа переадресовала данное ходатайство в Думу, которая рассмотрела его 10 апреля 1913 г. Мнения гласных разделились: 14 депутатов проголосовали за назначение пенсии, 12 высказались против. Став городским пенсионером, И.И. Симанов решил отработать получаемые им деньги и предложил свои услуги городской управе, которая с разрешения Думы придумала ему своеобразную должность «наблюдающего за городским хозяйством». Илья Иванович должен был выискивать различные недостатки в городском хозяйстве и сообщать о них в управу.

И.И. Симанов взялся за дело очень энергично. В 1913–1917 гг. он завалил городскую управу сообщениями о разных непорядках. В частности, он обнаружил, что велосипедисты катаются без номеров и в запрещенных местах. Кроме того, он выявил фальсификацию некоторых продуктов питания (молока, сметаны, масла), а также установил, что ломовые извозчики назначают за свои услуги произвольные цены. Постепенно круг обязанностей Симанова расширился. Летом 1915 г. он было официально утвержден в должности заведующего городским благоустройством, после чего в его юрисдикцию попали городские мостовые. Осенью 1915 г. пресса сообщила: «Заведующим городским благоустройством И.И. Симановым разработан и внесен план замощения городских улиц в 1916 г.»¹¹

В 1916 г. Илья Иванович получил сообщение о том, что император «соизволил на восстановление его во всех правах, в том числе в праве участия в избирательных собраниях и съездах по выборам законом установленных, земских и городских гласных, а равно и в праве быть избираемым в означенные должности»¹². В феврале 1917 г. И.И. Симанов был избран помощником члена управы И.К. Анфиногенова с жалованием в 3 тыс. рублей. В октябре 1917 г. Илья Иванович был избран членом управы, но проработал в этой должности немного, так как вскоре и управа и Дума были распущены большевиками.

Приход к власти большевиков Илья Иванович воспринял отрицательно. Не участвуя в активной антибольшевистской деятельности, он в то же время находил возможности для открытого порицания де-

тельности большевиков. После появления в Екатеринбурге членов императорской семьи и других представителей династии Романовых многие екатеринбуржцы, опасаясь репрессий со стороны новой власти, отказывались от каких-либо контактов с Романовыми. Илья Иванович в данной ситуации повел себя иначе, посетив великого князя Сергея Михайловича, приезжавшего в 1887 г. в Екатеринбург на открытие Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки. Один из екатеринбуржцев так описал визит И.И. Симанова к великому князю: «Из горожан Сергей Михайлович долго беседовал с Ильей Ивановичем Симановым, бывшим городским головой, тридцать лет назад принимавшим Сергея Михайловича и его отца в Екатеринбурге. Старик был сильно растроган внимательным приемом и плакал, сидя у князя»¹³.

После перехода Екатеринбурга под власть белогвардейцев Илья Симанов вернулся к работе в Думе. В частности, 31 июля 1918 г. он председательствовал на заседании городской Думы. В 1919 г. Илья Иванович баллотировался в гласные Думы, но принять участие в ее деятельности не успел, так как в июле 1919 г. город вновь был занят частями Красной армии. Незадолго до этого события И.И. Симанов покинул Екатеринбург и отправился в Сибирь. Сведения о его дальнейшей судьбе отсутствуют.

Документ 1. Прощение Ильи Ивановича Симанова екатеринбургскому городскому голове А.Е. Обухову¹⁴ с просьбой о возобновлении выплаты пенсии и увеличении ее размера¹. Екатеринбург, 31 августа 1918 г.²⁾

Г[осподину] Екатеринбургскому Городскому Голове³⁾
Ивана Ивановича Симанова

Прощение

5-го Декабря 1917 года я подал Городскому Голове прошение следующего содержания.

«Я давнишний общественный работник. Деятельность свою начал в Земстве, будучи избран в 1876 году в гласные Екатеринбургского Уездного и Пермского Губернского Земства и состоял таковым несколько трехлетий, участвуя и работая в различных комиссиях. Но главная и самая продолжительная моя деятельность была отдана го-

роду Екатеринбург. В 1880 году я был избран гласным Городской Думы и с тех пор в течение 37 лет с небольшим перерывом я работал в Екатеринбургском городском Самоуправлении и состоял во многих исполнительных комиссиях и исполнял различные поручения Думы и Управы. В 1884 году был избран на должность Городского Головы, в которой состоял при повторном избраниях до июля 1895 года, то есть 10 ½ лет¹⁵. За это время – время творческой работы – моими стараниями произведено многое для улучшения городского, крайне запущенного хозяйства – укажу на более крупные:

1) Вымощены почти все главные улицы города – до меня не было ни одной мощеной; город утопал в грязи. 2) Построен прекрасный каменный мост взамен ветхого деревянного, так называемого царского¹⁶. 3) Учреждено Городское Взаимное Страхование от огня Общество¹⁷, которое быстро развиваясь, уже на первых порах приобрело большой капитал. Если бы последующие заправила этого Общества прилагали надлежащую энергию, то оно, прогрессируя по первоначальному пути, теперь обладало бы громадным капиталом и являлось бы заметным конкурентом для других частных, здесь оперирующих Страховых Обществ. 4) Устроена водонапорная башня с паровым двигателем на Малаховском ключе¹⁸, который, прежде заброшенный, теперь прекрасной питьевой водой снабжает громадную часть города. 5) Устроен ночлежный дом, где был собран бездомный люд города, раньше ютившийся в ужасной атмосфере земляных ночлежек – он вмещал до 250 мужчин и до 100 женщин. Впоследствии почему-то этот ночлежный дом закрыли, и его жильцам пришлось вернуться в те же прежние грязные, затхлые ночлежки. 6) Образован Комитет по разбору и призрению нищих¹⁹, на нужды которого горожане охотно отзывались щедрыми пожертвованиями, дававшими возможность призывать действительно нуждающихся и почти совершенно прекратить праздношатающееся нищенство. После меня сборы на это благое дело стали падать и, наконец, нищенский комитет совсем закрыли, заменив его Попечительством о бедных, цели и задачи которого значительно разнятся от первого. О других более мелких улучшениях в городском благоустройстве я уже не говорю. Не раз приходилось мне по поручению Думы ездить в Петербург хлопотать по городским делам – все это я делал за свой счет, не получая от города ничего. Не мне, конечно,

судить о том, каков я был Городской Голова и вообще Городской деятель, но по совести скажу, что я всецело отдался на служение моему родному городу, ему я отдал ранние, самые лучшие годы моей жизни. В заботах о пользе города и горожан я почти забыл о своих собственных делах. Впавши в 1904 году в несостоятельность, я потерял все, искать средства к существованию с семьей мне пришлось путем службы. Городская Дума, памятуя мою службу в должности Городского Головы, назначила мне с 1913 года пенсию в 1200 рублей в год, которую я и получал непрерывно по 10-е ноября 1916 года, когда был избран заместителем Члена Управы с назначением жалования по этой последней должности. В настоящее время, оставив службу Члена Управы и оставшись, таким образом, с семьей без всяких средств к существованию, я позволяю себе убедительнейшее просить Вас, Г[осподин] Городской Голова, о ходатайстве перед Городской Думой восстановить со времени оставления мною настоящей должности, то есть с 1-го декабря 1917 года, назначенную мне пенсию. Размер ее в то время еще давал возможность существовать, но в настоящее время небывалой дороговизны не признаете ли справедливым высказаться за увеличение этого размера, тем более, что здоровье мое после усиленной работы, после перенесения массы житейских невзгод, страшно пошатнулось — у меня сильнейший порок сердца, удушье затрудняет ходьбу, приходится постоянно лечиться.

1917 г. Декабря 5 дня. Было приложено: Копия удостоверения Городской Управы о выдаче мне пенсии от 7 августа 1917 г. и свидетельство о моей болезни врачей Падучева²⁰, Арнольдова²¹ и Лепешинского²².

Не получив до сих пор ни ответа, ни удостоверения моего ходатайства, я позволяю себе утруждать Вас, Г[осподин] Городской Голова, покорнейшею просьбою дать надлежащий ход моему прошению, высказавшись со своей стороны за его удовлетворение. При этом также прилагаю копию вышесказанных приложений.

1918 года Августа 31 дня.

И. Симанов

ГАСО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 4. Л. 63–65. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Здесь и далее строчное написание документа.

**Документ 2. Удостоверение городской управы о назначении пенсии
Илье Ивановиче Симанову и о определении круга его обязанностей
по должности помощника члена городской управы¹⁾.
Екатеринбург, 7 августа 1917 г.²⁾**

Екатеринбургская Городская Управа
7 Августа 1917 года
№ 4888
Г. Екатеринбург
Пермс[кой] губер[нии]

Выдано настоящее удостоверение бывшему Екатеринбургскому Городскому Голове Илье Ивановичу Симанову, вследствие его прошения в том, что по удостоверению Городской думы 10-го Апреля 1913 года, согласно заключения сметной комиссии, ему Симанову за 10 ½ летнюю службу по должности Екатеринбургского Городского Головы назначена пенсия по одной тысяче двести рублей в год (1200 руб[лей]), начиная с 1-го Января 1913 года, в каковой сумме она и выдавалась ему непрерывно, согласно утверждаемых городских смет по 10-е Ноября 1916 года, когда постановлением Думы он был избран сначала заместителем Члена Управы, на время болезни И.К. Анфиногенова²³⁾, а затем, по выздоровлении последнего³⁾, согласно доклада Городской Управы за 3-е Февраля 1917 года, постановлением Думы за 7-е Февраля 1917 года на основании 103 ст[атьи] и 6 пун[кта] 125 ст[атьи] Городового Положения заведующим некоторыми отдельными операциями городского хозяйства в помощь Городской Управе на оставшийся срок четырехлетия 1914–1917 гг. с присвоением ему Думою того размера содержания и той суммы разъездных, которая⁴⁾ установлены для Членов Городской Управы и с передачей в заведование его, Симанова, следующих отделов городского хозяйства: 1) Заведование городской больницей; 2) Заведование городским ассенизационным обозом и вообще очисткой города от мусора и заведование благоустройством; 3 и 4) Заведование извозщичьим⁵⁾ и водовозным промыслами; 5) Заведование городскими пастбищами и пастухами; 6) Надзор

за сборами с приезжающих и торгующих на городских торговых площадях и 7) Участие в заседаниях полицейско-врачебного комитета.

Гербовый сбор в сумме одного рубля взыскан. Городской голова Обухов.

Верно И. Симанов

ГАСО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 4. Л. 65–65 об. Копия. Рукопись.

¹⁾ *Заголовок публикатора.*

²⁾ *Место и дата приводятся по документу.*

³⁾ *Так в документе.*

⁴⁾ *Так в документе.*

⁵⁾ *Так в документе.*

Документ 3. Свидетельство, выданное врачами В.А. Падучевым, Н.А. Арнольдовым, Л.В. Лепешинским Илье Ивановичу Симанову о наличии порока сердца¹⁾. Екатеринбург, 2 декабря 1917 г.

Свидетельство

Дано сие Илье Ивановичу Симанову по его личной просьбе в том, что он болен органическим пороком сердца (vitimo orq. coveliet avtherio sclugis) болезнь эта сопровождается припадками удушья и болями в груди и лишает его возможности скорого передвижения и пребывания на холодном воздухе; приобретена эта болезнь вследствие усиленных занятий и нервных потрясений и переутомления.

Г. Екатеринбург. 2-го Декабря 1917 г.

Врач В. Падучев, Врач Уральского Горного Управления Арнольдов. Врач Лепешинский.

[Сургучные печати врачей Падучева и Арнольдова].

Верно И. Симанов.

ГАСО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 4. Л. 65–65 об. Копия. Рукопись.

¹⁾ *Заголовок публикатора.*

²⁾ *Место и дата приводятся по документу.*

Примечания и комментарии

- ¹ Семенов В.Л. М.И. Грибушин: человек, благотворитель и общественный деятель. Пермь, 2000; Мушкалов С.М. Грибушины. Право на память и уважение. Кунгур, 2000; Он же. Грибушины. Пермской губернии династия. Пермь, 2007.
- ² Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания IX очередной сессии (1878 г.) и доклады уездной земской управы. Екатеринбург, 1879. С. 82.
- ³ Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания X очередной сессии (1879 г.) и доклады уездной земской управы, раскладочной и ревизионной комиссий. Екатеринбург, 1880. С. 145.
- ⁴ Там же. С. 145.
- ⁵ Екатеринбургская неделя. 1884. 1 февр.
- ⁶ Екатеринбургская неделя. 1884. 6 июня.
- ⁷ Волжский вестник. 23 марта.
- ⁸ Екатеринбургская неделя. 1888. 7 февр.
- ⁹ Екатеринбургская неделя. 1894. 3 апр.
- ¹⁰ Урал. 1903. 10 марта.
- ¹¹ Уральская жизнь. 1915. 14 окт.
- ¹² Зауральский край. 1916. 18 авг.
- ¹³ Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922 гг.). М., 1998. С. 96.
- ¹⁴ Обухов Александр Евлампиевич (08.08.1864–? гг.), лесничий, гласный Красноуфимского уездного и Пермского губернского земств, Екатеринбургский городской голова (1908–1917 гг.)
- ¹⁵ И.И. Симанов ошибается: он состоял городским головой по июль 1894 г.
- ¹⁶ Царский (Александровский) мост по ул. Декабристов (бывшему Александровскому проспекту) был построен в 1889–1890 гг. взамен деревянного моста через р. Исеть, существовавшего с 1824 г. по 1889 г.
- ¹⁷ Общество взаимного страхования от огня недвижимых имуществ г. Екатеринбурга было создано 30 апреля 1885 г.
- ¹⁸ Малаховский ключ – один из источников питьевой воды в Екатеринбурге, располагавшийся в юго-западной углу Малаховской площади (находилась между современными ул. Малышева – с севера, Бажова – с востока, Энгельса – с юга, Сони Морозовой – с запада).
- ¹⁹ Комитет по разбору и призрению нищих был учрежден 20 сентября 1884 г. по инициативе И.И. Симанова для оказания помощи городской бедноте. В конце 1916 г. преобразован в городское попечительство о бедных.
- ²⁰ Падучев Владимир Александрович (25.05.1859–1919 гг.), екатеринбургский врач, заведующий городской больницы (1889–1916 гг.), гласный городской Думы (1888–1917 гг.)
- ²¹ Арнольдов Николай Александрович (23.04.1855–17.03.1934 гг.), старший врач Гороблагодатского горного округа (1884–1895 гг.), врач Уральского горного управления и Уральского горного училища (1895–1917 гг.)
- ²² Лепешинский Леонид Васильевич (1870–28.11.1949 гг.), медик, врач Екатеринбургского уездного земства, с 1909 г. главный врач Верх-Исетского заводского госпиталя.
- ²³ Анфиногенов Иван Константинович (23.08.1848–? гг.), екатеринбургский купец 2-й гильдии, потомственный почетный гражданин (с июня 1914 г.), гласный городской Думы (1884–1917 гг.), городской голова (28.05.1902–1908 гг.), член городской управы (1914–1917 гг.)

**ПЕРЕПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПЕРМСКОЙ УЧЁНОЙ АРХИВНОЙ
КОМИССИИ В.С. МАЛЧЕНКО С РУССКИМИ ИСТОРИКАМИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.**

Провинциальная историография привлекает внимание научного сообщества историков. Погружаясь в историю научных локусов различных регионов страны, она позволяет конструировать историко-научное пространство Большой России. Таким образом, оно включает в свой контекст и связи непрофессионалов провинции с известными представителями российской исторической науки. Институциональная локализация университетского образования в столицах и наиболее крупных городах Европейской России превратила интеллектуальную периферию страны в ареал формирования историко-научных форм и традиций, выступивших в виде модели социально ориентированной истории. Как же коррелируют эти две модели истории?

На Урале, как и в других регионах Российской империи, во второй половине XIX в. появились различные общественные организации по обследованию и изучению края. Среди провинциальной интеллигенции на этом поприще исторических изысканий хорошо известны В.Д. Белов, Н.А. Гурвич, А.А. Дмитриев, Р.Г. Игнатьев, Н.Н. Новокрещенных, А.В. Попов, С.М. Смышляев, Ф.М. Стариков, Н.М. Чернавский, Н.К. Чупин, В.Н. Шишонко и другие.

Краеведы, конструируя прошлое, взаимодействовали с профессиональными историками. Нам известны письма пермских краеведов Д.И. Иловайскому, А.А. Кизеветтеру, Н.А. Рожкову, В.Е. Якушкину, А.И. Соболевскому, И.А. Шляпкину, А.С. Лаппо-Данилевскому, В.С. Иконникову. Эти связи сформировали своеобразную контактную зону, где социально ориентированное знание соприкасалось с научным знанием. Стоит заметить, что нередко эти встречи сопровождались непониманием, которое возникало между носителями исторического знания разных ориентаций в виде продолжительных дискуссий.

Таким образом, еще до открытия первого университета на Урале для историков-непрофессионалов возникла возможность интенсивных практик заимствования опыта научной работы. В свою очередь, деятельность краеведов по выявлению источников региональной истории была интересна для профессионалов. В результате переписки осуществлялась коммуникация, обеспечивавшая взаимное обогащение двух типов знаний – социально ориентированного и научно ориентированного, что может являться свидетельством отсутствия непроходимой границы между ними. Объединяющим началом, при всем различии природы историописания того и другого типа исторического знания¹, может служить факт принадлежности произведений историков разных типов (для нас – историографических источников) к общему течению историографического процесса, в рамках которого складывались их интеллектуальные биографии.

Для изучения взаимоотношений историков-профессионалов и историков-краеведов целесообразно использовать эго-документы, в частности – переписку. Являясь источниками уникальной природы, письма людей друг другу выражают не только их сиюминутные реакции на происходившие события, но и позволяют через аргументы и оценки тех или иных событий и идей реконструировать систему их взаимоотношений. Письма людей науки можно отнести к разряду делового жанра, в рамках которого приватные коммуникации порождают информацию, позволяющую взглянуть на облик ученых и не ученых, на историю науки и деятельность любителей-исследователей в ракурсе научной повседневности. Кроме того, материалы переписки обладают весьма ценным свойством: являясь частью контекста жизни исследователей разных типов, они, одновременно, являются аутентичными источниками для формирования научных представлений об этом контексте. Только с учетом особенностей этого контекста можно создать полноценную картину деятельности историков в сложной конфигурации российского историографического пространства.

Публикуемые письма имеют очень хорошую сохранность. Но текст нескольких документов написан неразборчивым почерком, в этих случаях некоторые слова опущены без изменения смысла письма. Все

они экспонируют не просто факт связи историков, представлявших противоположные модели историописания: они демонстрируют позитивные восприятия и оценки со стороны известных российских историков-ученых трудов уральских любителей-историков, то есть факт признания полезности их деятельности.

**Документ 1. Письма приват-доцента Московского университета
А.А. Кизеветтера² председателю ПУАК³ В.С. Малченко⁴
о предоставлении в постоянное пользование ПУАК своих лекций¹).
Москва, 21 февраля 1902 г.²**

Москва, 21 февраля 1902 г.

Многоуважаемый Василий Степанович!

Простите, что не сразу ответил Вам на Ваше последнее письмо. Мне нужно было предварительно переговорить по Вашему делу в лекционном бюро. Вся история произошла из-за того, что письмо Ваше с извещением о том, что Вы намерены оставить мою рукопись⁵ при Пермской ученой архивной комиссии до меня не дошло. Я только теперь узнал об этом.

Возвращение отправленных в Пермь рукописей вызвано необходимостью. Без них осложняется чтение лекций. Но всё-таки я охотно соглашаюсь предложить мою рукопись библиотеке Пермской архивной комиссии, потому как я вычёркиваю этот курс из списка читаемых. Итак, предоставляю эту рукопись в Ваше распоряжение. По поручению Рыбкина⁶ я передаю в лекционное бюро присланные Вами деньги и членский взнос в учебный отдел⁷. Посылаю Вам квитанцию. Рыбкин просит меня передать присланные Вами же деньги в Общество вспомоществования студентам⁸. Я буду на заседании этого общества в начале поста⁹ и тогда исполню это поручение.

Прежде чем закончу своё письмо, упомяну ещё об одном обстоятельстве. Может быть, скоро судьба забросит в Ваши края одного юношу, захваченного потоком недавних прискорбных событий у нас в Москве, о которых вероятно и до вас дошли слухи. Это студент, ныне исключённый за участие в беспорядках¹⁰ – Николай Иванович Соболевский¹¹, который должен быть выслан – куда, пока ещё не опре-

делено. Если он попадёт в Пермь, очень прошу Вас не оставить его без внимания и помочь пристроиться к какой-нибудь работишке. Это прекрасный и очень симпатичный молодой человек с самыми чистыми побуждениями, дельный и способный. Я знаю его очень хорошо. У него нет никаких связей и заступников. Вашей готовностью его поддержать, в чём возможно, Вы, глубоко обязав меня, сделаете истинное доброе дело. Повторяю, сейчас ещё его судьба не решена окончательно, и я пишу Вам об этом на всякий случай. Под предшествующими строками можете усмотреть, что мы здесь переживаем томительное и скверное время, что помимо всего прочего отражается крайне неблагоприятно даже на мирной кабинетно-ученой работе. Работать приходится урывками со скверным расположением духа.

Как Вы поживаете? Давно не имел от Вас вестей. Очень благодарен Вам за обещание прислать мне «Труды ПУАК»¹². Крепко жму Вашу руку и прошу передать мое почтение Вашей супруге. Жена моя шлёт привет Вам и Вашей супруге.

Ваш А.А. Кизеветтер.

ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 85. Л. 1. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

**Документ 2. Письмо приват-доцента Московского университета
А.А. Кизеветтера председателю ПУАК В.С. Малченко
о невыполненной им просьбе по запросу ПУАК¹⁾.**

Москва, 20 декабря 1902 г.²⁾

Москва, 20 декабря 1902 г.

Милостивый Василий Степанович!

Вы, вероятно, порядочно сердитесь на меня за моё продолжительное молчание после Вашего последнего письма. Объясняется это молчание тем, что хотелось Вам ответить, уже заручившись каким-либо приятным для Вас материалом, но вот этот-то материал, как угорь, и не давался в руки. Я узнал после получения Вашего письма, что чтения о начале печати в России имеется у Якушкина¹³, который

как нарочно уехал в Курск на Земское собрание¹⁴. Поджидал его возвращения в уверенности, что добуду от него прежний текст и тогда прямо препровожу этот текст Вам.

Наконец, недавно Якушкин вернулся, но тут меня ожидало разочарование. Текст у него имеется, но он обязался в течение декабря уже напечатать его в «Русских ведомостях»¹⁵, а потому к Вашему январскому заседанию он уже будет не годен¹⁶. Ни о каких других текстах разузнать мне не удалось. Только кафедра Общества любителей российской словесности¹⁷ (председательствует там А.Н. Веселовский¹⁸) постановила организовать в январе публичное заседание о печати, но кто и что будет там читать, пока неизвестно.

Итак, я и теперь после долговременного ожидания должен оставить Вас неудовлетворённым моим письмом. Не знаю, в чём тут главная причина – в том ли, что действительно предстоящий юбилей печати не вызывает пока деятельных приготовлений или в том, что я сам в последнее время очень зарылся в кабинете и потерял нить московских общественных явлений. А в кабинете я зарылся основательно. Лихорадочно работаю над окончанием Книги³⁾.¹⁹ Итак всё, что могу посоветовать Вам в настоящий момент, это – последить за «Русскими ведомостями». Думаю, что статья Якушкина, которая именно там появится, предоставит Вам достаточный фактический материал для подготовки юбилейной речи.

Выполнение того, о чём мы договорились с Вами в Москве, то есть доставление документов для «Трудов Пермской архивной комиссии», позвольте отложить уже до следующего года. Сейчас всё моё время поглощено окончанием диссертации и ни о чём другом, как-то не думается.

Позвольте пожелать Вам и супруге Вашей от меня и от моей жены всяких жизненных благ в приближающемся новом году.

С истинным уважением А.А. Кизеветтер.

ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 85. Л. 1. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата проводятся по документу.

³⁾ Так в документе.

Документ 3. Письмо профессора В.С. Иконникова²⁰ о получении им III и IV выпусков «Трудов ПУАК», а также присылке некоторых работ в Киев¹⁾. Киев, 3 декабря 1902 г.²⁾

Киев, 3 декабря 1902 г.

Многоуважаемый Василий Степанович!

Во время нашего пребывания в Харькове²¹ Вы были так любезны и внимательны, что предложили мне облегчить возможность получения некоторых из местных пермских изданий. Чтобы ориентировать Вас в этом отношении, я сообщу перечень тех трудов, пополнение которых было бы для меня особенно важным и интересным, потому как получение необходимых справок стало почти невозможным, а упоминания в наших периодических изданиях бывают очень отрывочными и неполными.

В моем распоряжении находятся:

Труды ПУАК. Т. I–III.

Пермский край. Сборник³⁾ Смышляева²². Т. I–III.

Дмитриев А.А.²³ Пермская старина. I–VII выпуск.

Пермская летопись²⁴ Шишонко²⁵. I–III периоды.

Географический и аналитический обзор Пермской губернии²⁶. Составил Н. Чупин²⁷. 5 выпусков.

Я бы очень хотел знать, какие из этих изданий имеются у меня в полном виде, и какие я могу ещё пополнить. Вот уже около года прошло, как я распорядился⁴⁾ о выписке и никакого ответа не получил. На археологическом съезде в Киеве в 1899 г. я выражал пожелание, чтобы ПУАК и Статистический комитет²⁸ сообщали сведения о выходе их трудов в каком-либо историческом журнале. Опубликование принесло бы пользу специалистам, интересующимся данным вопросом.

ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 83. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата проводятся по документу.

³⁾ Так в документе, должно быть Пермский сборник.

⁴⁾ Я распорядился подчеркнуто от руки.

**Документ 4. Письмо председателя ПУАК В.С. Малченко профессору В.С. Иконникову о высланных ему книгах, а также встречная просьба об отправлении книг из Киева в Пермь¹⁾.
Пермь, 7 декабря 1902 г.²⁾**

Пермь, 7 декабря 1902 г.

Уважаемый Владимир Степанович!

По случаю моих служебных разъездов пришлось несколько замедлить ответ на Ваше письмо, полученное 10 ноября. Высылаю Вам всё по Вашему списку.

Усердно прошу Вас, уважаемый профессор, без церемоний обращаться ко мне со всякого рода справками и поручениями. Не откажите в свою очередь посоддействовать притоку из Киева в нашу библиотеку исторических сочинений и сведений в обмене на наши «Труды». Желательно бы установить обмен с «Киевской стариной»²⁹ и Киевским историко-филологическим обществом³⁰.

Поверьте искренности моего уважения³⁾.

ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 83. Л. 3. Копия. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата проводятся по документу.

³⁾ Без подписи.

Документ 5. Письмо профессора В.С. Иконникова председателю ПУАК В.С. Малченко со словами благодарности о присланных «Трудах ПУАК»¹⁾. Киев, 1903 г.²⁾

Киев, 1903 г.

Уважаемый Василий Степанович!

Приношу Вам глубокою благодарность за присланные мне IV и V выпуски «Трудов ПУАК» и за все сообщения, сделанные мне по части пермских изданий. Из интереса к истории и древностям Перми у меня часто возникают вопросы. Архивная комиссия облегчила бы ознакомление со своими изданиями, если сделала возможным своевременное получение сведений и выпусков «Трудов» [...]»³⁾. Со своей стороны

постараюсь сообщить Вам какие-либо из киевских изданий, которые мне удастся достать для Вас [...]

Глубоко признателен за присланный IV том «Летописи» Шишонко, которого у меня не доставало. Так трудно бывает у нас иметь дело с провинциальными изданиями, а в особенности, если они печатаются малыми тиражами.

В нашем университете бесконечно благодарны за присланный труд Шишонко. В свою очередь мы Вам вышлем наши издания. Ещё раз приношу Вам своё почтение. Очень признателен за VI том «Трудов ПУАК». Я попросил библиотекаря собрать какие-нибудь свежие книги университета.

В. Иконников

ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 83. Л. 4–7. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата проводятся по документу.

³⁾ Здесь и далее часть текста нрб. Известно, что письмо Иконников писал без очков, которые ему ещё не изготовили по рецепту в аптеке.

**Документ 6. Письмо председателя ПУАК В.С. Малченко
профессору Санкт-Петербургского университета,
члену Императорской Академии наук А.И. Соболевскому³¹
о возможности перемен в архивной сфере¹⁾. Пермь, 1904 г.²⁾**

Многоуважаемый Алексей Иванович!

Позвольте, прежде всего, высказать Вам усердную и самую искреннюю признательность за присылку в высшей степени интересной и поучительной книги «О древней русской литературе»³². Было приятно ознакомиться с глубокими и остроумными замечаниями Вашими по этому вопросу, я имею ввиду Вашу работу в «Академических Известиях»³³. Не менее приятно и лестно было убедиться в Вашем любезном внимании ко мне.

Это последнее обстоятельство мне довелось бы использовать в интересах ГУАК³⁴. Со многих сторон идут неблагоприятные слухи будто дни нынешних (калачовской формации³⁵) ГУАК сочтены и что их место займёт отделение реформируемого Губернского правления. Неужели это правда?

Признаюсь, хотя мне совсем и не по душе этот проект положения о ГУАК, который прошёл на Тверском съезде³⁶, и хотя я совсем о другом мечтал и на другое уповал, всё же он менее бюрократичен, чем предполагаемый. Неужели реформа оставит беззащитно существующие ГУАК без созыва их представителей (в Твери их не было от многих комиссий) для выработки кроме основ реформы, ещё и многих деталей, т.е. сверх текста закона ещё и указы или инструкции?

Извините за эти вопросы, но я слишком много думаю о будущем ГУАК, чтобы безразлично относиться к долетающим слухам о реформах или ведомые их искажения.

Ещё раз позвольте горячо поблагодарить Вас за добрую память и дорогой подарок.

В.С. Малченко

ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 114. Л. 1–3. Копия. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата установлены по документу.

Документ 7. Ответное письмо профессора А.И. Соболевского председателю ПУАК В.С. Малченко¹⁾. Санкт-Петербург, 1904 г.²⁾

Многоуважаемый Василий Степанович!

Прежде всего, спасибо за присылку «Трудов ПУАК», которые я получил в полной исправности. Затем, в ответ на Ваш вопрос могу сказать, что никаких проектов о ГУАК из Министерства Внутренних³⁾ дел в Академию Наук⁴⁾ не поступало. Сколько мне известно, Б.В. Штюмер³⁷ пока ограничивается хлопотами о том, чтобы одной Тверской комиссии была дана постоянная субсидия.

Но с месяц назад Академия Наук рассматривала по просьбе Министерства Внутренних дел вопрос о возможности связи между архивными комиссиями и историческими архивами губернии. Дело – за деньгами, которых нет и в ближайшем будущем не будет.

Преданный Вам Соболевский.

ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 114. Л. 3. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата установлены по документу.

³⁾ *Здесь и далее написание документа.*

⁴⁾ *Здесь и далее написание документа.*

**Документ 8. Письмо профессора А.И. Соболевского председателю
ПУАК В.С. Малченко¹⁾. Санкт-Петербург, 14 марта 1904 г.²⁾**

14 марта 1904 г.

Многоуважаемый Василий Степанович!

Большое спасибо за память и приветствие. Война³⁸ заставляет откладывать всё – и все намеченные реформишки³⁾, реформы – в дальний ящик, потому как для них нужны такие же денежки. Поэтому не ждите для ГУАК ничего нового в скором времени. А жаль!

Ваш покорный слуга Соболевский.

ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 114. Л. 3. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ *Заголовок публикатора.*

²⁾ *Место и дата установлены по документу.*

³⁾ *Так в документе.*

Примечания и комментарии

¹ См., например: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Социально ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве. Приглашение к дискуссии // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012. С. 274–290; Они же. Историографический источник как факт интеллектуальной биографии историка // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Междунар. форума, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань, 2013. С. 238–241.

² Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933 гг.) – историк, общественно-политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1888 г.). Ученик В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова. С 1905 г. – член партии кадетов. Депутат Второй Государственной Думы от Москвы. В 1909 г. защитил докторскую диссертацию «Городовое положение Екатерины II. Исторический комментарий». В 1911 г. в составе группы ученых покинул Московский университет в знак протеста против нарушения университетской автономии. Продолжал преподавать в Московском городском народном университете А.Л. Шанявского. Впоследствии выслан из России так называемым философским пароходом 1922 г. В эмиграции жил в Праге (см.: Цепилова В.И. Александр Александрович Кизеветтер: историк и общественно-политический деятель. К 140-летию со дня рождения // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. статей. Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 270–283).

³ Пермская учёная архивная комиссия (ПУАК, 1888–1919 гг.) – одна из региональных организаций, созданных в Российской империи в конце XIX в. по плану профессора Н.В. Калачова (см. ниже). Архивная комиссия занималась розыском, описанием, хранением и публикацией наиболее интересных материалов. Документы, собранные комиссией стали основой для создания дореволюционных фондов Государственного архива Пермского края (см.: Пирогова Е.П. Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 197–232).

⁴ Малченко Василий Степанович (1861 – после 1923 гг.) – юрист, архивист. В 1884 г. окончил юридический факультет Московского университета. С 1897 г. – действительный член Рязанской ученой архивной комиссии, в 1901–1905 гг. – председатель Пермской ученой архивной комиссии, с 1905 г. – почетный член Пермской ученой архивной комиссии. Участвовал в работе 12 Всероссийского археологического съезда в Харькове (1902 г.) и областного историко-археологического съезда в Твери (1903 г.). Печатался под псевдонимом В.М. (см.: Шумилов Е.Н. Малченко Василий Степанович // Краеведы и краеведческие организации Перми: биобиблиогр. справочник. Пермь, 2000. С. 171–172).

⁵ Возможно, речь идёт о лекциях А.А. Кизеветтера «Русское общество XVIII века». Начиная с сентября 1901 г. по 1902 г., в Перми был прочитан курс платных публичных лекций.

⁶ Возможно, речь идёт об известном математике Н.А. Рыбкине (1861–1919 гг.). Свыше 20 лет он проработал в Лазаревском институте восточных языков. В 1902 г. там же работал и А.А. Кизеветтер. Подтверждается этот факт и упоминанием этих имён в анкете микробиолога М.И. Штуцера (1879–1935 гг.): «Учился в гимназии при Лазаревском институте восточных языков в Москве. В старших классах считаю себя особенно обязанным влиянию таких учителей, как проф[ессор] В.Ф. Миллер (русский язык), А.А. Кизеветтер (история), Н.А. Рыбкин (математика). Под их влиянием, а так же под влиянием группы очень хороших товарищей, последние годы много работал в порядке самообразования» (Памяти моего деда // Nebratawi Hideyoshi: «Живой журнал». Запись от 8 июня 2009 г.: Электронный ресурс. URL: <http://nebratawi.livejournal.com/5117.html>, дата обращения – 29 марта 2014 г.).

⁷ В 1845 г. был учреждён «Московский комитет грамотности». Это частное учреждение содействовало начальному народному образованию во всей Российской империи. К началу XX в. при нём действовал целый ряд комиссий – Библиотечная, Редакционная (Издательская) и др. Библиотечная комиссия посредничала между провинцией и столичными книготорговцами. Средства на это собирались исключительно из пожертвований, членских взносов (3 рубля в год), сборов с лекций и концертов (о чём и идёт речь в тексте письма). А.А. Кизеветтер руководил Исторической комиссией. Кроме того, он работал в Комиссии по организации домашнего чтения при учебном отделе Общества распространения технических знаний (1868–1919 гг.). Много сил вкладывал Александр Александрович и в дело создания лекционного бюро при учебном отделе (он был его председателем). Это бюро занималось организацией лекций профессоров в провинции. Лекции самого А.А. Кизеветтера пользовались большим успехом в различных городах, в том числе, в Перми.

⁸ Имеется в виду Общество вспомоществования недостаточным студентам.

⁹ Первая седмица Великого поста началась 25 февраля 1902 г. (см.: Православный календарь. 1902).

¹⁰ В первом полугодии 1902 г. почти во всех высших учебных заведениях страны произошли «беспорядки», учащимися была объявлена общестуденческая забастовка; студенты требовали автономии университетов и коренного преобразования государственного строя. Университеты были закрыты до осени, сотни учащихся – уволены (см.: Кострикин А.В. Студенческая революция 1899 года: к 110-летию событий // Credo. СПб., 2009. № 4. С. 118–132).

¹¹ Соболевский Николай Иванович (1880–? гг.) – переводчик, литературовед. В 1902 г. обучался в Лазаревском институте восточных языков, где преподавал А.А. Кизеветтер.

¹² «Труды Пермской учёной архивной комиссии» – печатный орган ПУАК. С 1892 г. по 1915 г. было издано 12 выпусков таких «Трудов...», где публиковались источники, исследования, отчеты, архивное законодательство и т.п.

¹³ Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856–1912 гг.) – русский историк, публицист, общественный деятель. Сын юриста Е.И. Якушкина, внук декабриста И.Д. Якушкина. Из дворян. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1879 г.). Входил в круг учеников В.О. Ключевского. В 1890 г. защитил магистерскую диссертацию «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX вв.». До 1899 г. – приват-доцент Московского университета. В 1899 г. послан в Ярославль за реферат об общественных взглядах А.С. Пушкина, прочитанный на заседании Общества любителей русской словесности. Видный деятель земского движения, член «Союза освобождения», один из создателей кадетской партии, депутат Первой Государственной Думы. С начала 1880-х гг. – один из ведущих сотрудников газеты «Русские ведомости», журнала «Вестник Европы», «Русская старина» и др., составитель обзора и описания рукописного наследия А.С. Пушкина (см.: Русская старина. 1884. № 2–12), редактор академического собрания его сочинений. Автор многих работ по истории аграрного вопроса в России, внутренней политики XVIII–XIX вв., русской общественной мысли и литературы.

¹⁴ С 1889 г. В.Е. Якушкин принимал деятельное участие в работе Курского губернского земства в качестве гласного.

¹⁵ С 1887 г. по 1899 г. В.Е. Якушкин входил в состав редакции «Русских ведомостей», российской общественно-политической газеты, выходившей в Москве с 1863 г. по март 1918 г. В 1902 г. в этой газете была опубликована статья Якушкина «К двухсотлетию русской периодической печати», о которой, предположительно, и идет речь в письме (см.: Русские ведомости. 1903. № 2). Об этой статье в «Русских ведомостях» упоминает А.А. Шелаева (см.: Шелаева А.А. Петербург в русской культуре XX века (1900–1917). СПб., 2010).

¹⁶ В 9 выпуске «Трудов ПУАК» 1905 г. сообщается о прочитанном на заседании комиссии в 1902 г. докладе В.Е. Якушкина «О комедиях Гоголя в связи с историей их текста» (см.: ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 201. Л. 49 а).

¹⁷ Общество любителей российской словесности при Московском университете – литературно-научное общество (1811–1930 гг.). Учредителями и первыми членами

Общества были главным образом профессора Московского университета. Общество занималось проблемами русского языка, устройством литературных юбилеев, изданием научных трудов, в числе которых «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (4 тт., М., 1863–1866) и «Песни, собранные П.В. Киреевским» (10 вып., М., 1860–1874).

¹⁸ Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918 гг.) – русский литературовед, профессор Московского университета и бывших Высших женских курсов. В 1901–1904 гг. – председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете; с 1906 г. – почетный академик по Разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Специалист по западноевропейской литературе.

¹⁹ Возможно, речь идёт о книге А.А. Кизеветтера «Посадская община в России XVIII столетия», подготовленной на основе его магистерской диссертации и вышедшей в 1903 г.

²⁰ Иконников Владимир Степанович (1841–1923 гг.) – российский историк, академик Императорской Академии наук (1914 г.), академик Украинской Академии наук (1920 г.). Окончил Киевский кадетский корпус (1861 г.), историко-филологический факультет университета св. Владимира в Киеве (1865 г.), с 1868 г. преподавал в нём (с 1870 г. – профессор), в 1877–1880 гг., 1883–1887 гг. и 1906 г. – декан историко-филологического факультета. В 1878 г. участвовал в создании Киевских высших женских курсов, в 1881–1889 гг. заведовал ими. Основные научные интересы Иконникова лежали в сфере русской историографии. Его самым значительным исследованием считается «Опыт русской историографии» (Иконников В.С. Опыт русской историографии: в 2-х тт. Киев, 1892–1908).

²¹ Речь идет о XII Всероссийском археологическом съезде в Харькове в 1902 г.

²² Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828–1893 гг.) – российский земский деятель, краевед и историк Пермского края, почётный член Императорского Православного Палестинского Общества. В 1889 г. Д.Д. Смышляев работал секретарём Пермского губернского статистического комитета (см. ниже). В 1858–1860 гг. под редакцией Смышляева был издан «Пермский сборник», посвящённый истории, этнографии и статистике Пермского края, о котором и идет речь в письме.

²³ Дмитриев Александр Алексеевич (1854–1902 гг.) – историк, автор 8-томного научного труда «Пермская старина». В 1872 г. окончил Пермскую мужскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. По окончании университета в 1876 г. вернулся в Пермь. В 1877–1890 гг. он преподавал историю и географию в пермских гимназиях. Время летних каникул использовал для поездок по территории Пермской губернии, собирая в местных архивах и у частных лиц оригиналы и копии старинных документов – летописи, грамоты, переписные и писцовые книги. Часть этих документов хранится в Государственном архиве Пермского края (ф. 597). Дмитриев опубликовал более 140 научных работ по истории Пермского края, которые он издавал за свой счет. Главный его труд – «Пермская старина». Из первоначально планировавшихся двенадцати томов (по четыре на каждую часть Пермской губернии) автор успел издать лишь восемь, посвящённых истории

Перми Великой и зауральской части губернии. Другой известный труд Дмитриева – «Очерки по истории г. Перми» – посвящён истории города от его основания до 1845 г. Также он продолжил «Пермскую летопись», начатую Г. Сапожниковым и Ф.А. Прядильщиковым, дополнив её периодом с 1845 г. по 1890 г. В 1890–1902 гг. Дмитриев работал инспектором народных училищ Соликамского и Пермского уездов. В 1890 г. избран председателем Пермской учёной архивной комиссии. За свои достижения был удостоен почётного отзыва Императорской Академии наук (1895 г.), избран действительным членом Финляндского общества археологии, Петербургского археологического института и других научных организаций.

²⁴ Имеется в виду «Пермская летопись» – 7-томный труд, самый крупный свод разного рода материалов по истории Пермского края, подготовленный В.Н. Шишонко (см. ниже) и издававшийся с 1881 г. (Т. 1: 1263–1613 гг.; Т. 2: 1613–1645 гг.; Т. 3: 1645–1676 гг.; Т. 4: 1676–1682 гг.; Т. 5: 1682–1694 гг.; Т. 6: 1695–1701 гг.; Т. 7: 1702–1715 гг.).

²⁵ Шишонко Василий Никифорович (1831–1889 гг.) – врач, педагог, историк, краевед, действительный статский советник. Окончил Петербургскую медико-хирургическую академию. С 1863 г. жил в Перми. Работал по специальности до 1868 г., затем служил секретарём местного губернского статистического комитета (см. выше). В 1879–1889 гг. занимал пост инспектора/директора народных училищ Пермской губернии, успешно проявив себя в качестве организатора народного образования. В 1888 г. возглавил Пермскую ученую архивную комиссию. Получил широкую известность как составитель «Пермской летописи» (см. выше). Кроме того, Шишонко собирал фольклор: песни, былины и легенды, бытовавшие в Прикамье. Его рукопись «Народное творчество Пермской губернии» осталась неизданной, но часть собранного материала вошла в книгу «Отрывки из народного творчества Пермской губернии» (Пермь, 1882). За свою деятельность на научно-промышленной выставке 1887 г. в Екатеринбурге Шишонко был удостоен Большой серебряной медали.

²⁶ Имеется в виду «Географический и статистический словарь Пермской губернии», подготовленный Н.К. Чупиным (см. ниже). В дореволюционной России насчитывалось всего семь географических словарей, опубликованных по отдельным областям, губерниям и уездам. Среди них словарь Чупина выделялся широтой привлеченных конкретных материалов, тщательностью их отбора и живостью изложения. Чупин начал работать над составлением географического словаря Урала с 1860-х гг. и вел эту работу около двадцати лет, вплоть до самой смерти. Мысль о составлении географического и статистического словаря Урала, по-видимому, появилась у него в связи с работой, проводившейся в Географическом обществе П.П. Семеновым-Тянь-Шанским по составлению известного «Географическо-статистического словаря Российской империи», первый том которого был опубликован в 1863 г. «Географический и статистический словарь Пермской губернии», составленный Чупиным, печатался отдельными выпусками в качестве приложения к «Сборнику Пермского земства». Первый выпуск словаря вышел в свет в 1873 г. Первый том словаря, состоящий из трех выпусков, с буквами А–І был закончен опубликованием в 1876 г. Второй том, состоящий из двух выпусков, с буквами К–М издавался в 1878 г. и 1880 г. Затем Пермское земство

перестало выдавать деньги на издание словаря. В 1886 г., уже после смерти Чупина, были опубликованы: шестой выпуск словаря на букву Н и седьмой выпуск на буквы Ш, Ю, Я, Ф, первоначально напечатанный в «Сборнике Пермского земства» (1886, № 24, с. 606–612). Промежуточная часть словаря (окончание буквы Н и буквы О–Ч) так и не была напечатана.

²⁷ Чупин Наркиз Константинович (1824–1882 гг.) – историк-краевед. Первоначальное образование получил в Екатеринбургском уездном училище. В 1838 г. в 3-й класс Пермской губернской гимназии. Из 3-го класса перешел прямо в 5-й, а затем в 6-й и 7-й. Дальнейшее образование получил на философском и камеральном факультетах Казанского университета, который окончил со степенью кандидата за диссертацию «Обзор горного законодательства». Окончив курс университета, Чупин получил место делопроизводителя в канцелярии главного начальника горных заводов хребта Уральского. С 1853 г. – инспектор и преподаватель Уральского горного училища, с 1862 г. и до конца жизни – управляющий этого училища. Уже в университете Чупин активно изучал историю, географию, статистику и этнографию Урала, что нашло отражение в целой серии его статей, а также в главном труде Чупина, «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии» (см. выше). Чупин – почетный член Пермского и Нижегородского статистических комитетов, действительный член Уральского общества любителей естествознания, член-сотрудник Императорского географического общества и Казанского общества естествоиспытателей, член-корреспондент Общества любителей русской древней письменности и уполномоченный IV археологического съезда в Казани.

²⁸ Имеется в виду Пермский губернский статистический комитет Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Образован указом от 20 декабря 1834 г. Состоял в ведении Статистического комитета МВД, действовал под председательством губернатора. Занимался сбором и обработкой сведений о социально-экономическом состоянии губернии, подготовкой к изданию памятных книжек и адрес-календарей Пермской губернии. Упразднен на основании декрета СНК от 15 сентября 1918 г. «О местных статистических учреждениях».

²⁹ «Киевская старина» – ежемесячный историко-этнографический и литературный журнал. Издавался в Киеве на русском языке в 1882–1906 гг., в 1907 г. – на украинском языке под названием «Україна». Основатель и первый редактор – историк Ф.Г. Лебединцев. Журнал публиковал статьи по истории, археологии, этнографии, географии и литературе Украины, документы о деятелях украинской культуры (Г.С. Сковороде, И.П. Котляревском, Т.Г. Шевченко). С конца 1890-х гг. в журнале печатались произведения украинских писателей (И. Франко, М. Коцюбинского, Леси Украинки, Панаса Мирного). В 1992 г. по инициативе академика НАН Украины П.П. Толочко выпуск журнала был возобновлен под названием «Київська старовина».

³⁰ В Киеве историко-филологическое общества не было, они действовали при Харьковском и Новороссийском университетах, а также при историко-филологическом институте князя Безбородька в Нежине (неподалеку от Киева). Возможно, в письме речь идет о Киевском обществе летописца Нестора (1872–1917 гг.). Целями общества было определено содействие развитию русской исторической науки, изучению

и охране памятников старины. Общество издавало «Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца» (Киев, 1879–1913 гг.).

³¹ Соболевский Алексей Иванович (1856–1929 гг.) – филолог-славист, палеограф, этнограф и историк культуры, тайный советник, член Государственного Совета, активный участник право-монархического движения, товарищ председателя Союза Русского Народа. С 1878 г. – преподаватель Высших женских курсов. В 1884 г. в Киеве защитил докторскую диссертацию «Очерки из истории русского языка» и был назначен ординарным профессором Киевского университета, где преподавал до 1888 г. В 1900 г. стал действительным членом Белградской и Софийской Академий наук, Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности, состоял во многих научных обществах, комитетах и комиссиях. Автор работ по истории русского и старославянского языков, русской диалектологии, палеографии, этнографии, топонимике, ономастике, лексике, словообразованию и этимологии.

³² Видимо, речь идёт о работе: Соболевский А.И. Несколько мыслей о древней русской литературе // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1906. Т. XI. С. 138–158.

³³ Речь идёт, скорее всего, об «Известиях Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» (СПб./Пг., 1896–1916. Т. I–XXI).

³⁴ Имеются в виду губернские ученые архивные комиссии в целом, которых в России до 1917 г. было учреждено 39 (см. подробнее: Снежневский В.И. Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них. Нижний Новгород, 1903; Лаппо-Данилевский А.С. Доклад о деятельности некоторых ученых архивных комиссий по их отчетам за 1904–1911 гг. // Известия Императорской Академии Наук. СПб., 1913. С. 76–79; Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991).

³⁵ Калачов Николай Васильевич (1819–1885 гг.) – юрист, историк, археограф, архивист, писатель, профессор истории русского права, член-корреспондент Императорской Академии наук (1858 г.), сенатор. С 1865 г. и до конца жизни – управляющий Московским архивом Министерства юстиции. В 1873–1880 гг. возглавлял временную комиссию по обустройству архивов при Министерстве образования. Организатор и первый директор Петербургского археологического института. Лично инициировал принятие в 1884 г. решения о формировании в Российской империи сети губернских исторических архивов и губернских ученых архивных комиссий, опубликовал ряд работ по теории и практике архивного дела. Стремился к созданию сети центральных и местных архивов, заботился о сохранности документов и пытался сделать их достоянием широких кругов исследователей. Принимал непосредственное участие в создании первых 4 губернских ученых архивных комиссий (в Твери, Рязани, Орле и Тамбове), позже – в Костроме. До 1904 г. в стране было создано 24 ГУАК, деятельность которых осуществлялась по разработанному Н.В. Калачовым «Положению о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях» от 13 апреля 1884 г., в связи с чем применительно к ним использовали характеристику «калачовская формация» (см.: ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 1. Л. 3–4).

³⁶ II областной археологический съезд прошел в Твери в 1903 г. с 10 по 20 августа. Главной задачей таких съездов являлось подробное исследование истории отдельных русских областей на основе изучения памятников старины. На Тверском съезде работало семь секций. Одна из них, «Архивные комиссии и их современное положение», рассматривала вопросы, связанные с деятельностью архивных комиссий по охране местных древностей, устройству музеев, изданию исторических документов и организации археологических исследований края. Здесь была разработана обширная программа работы ГУАК, при этом принятый на XI Всероссийском археологическом съезде 1899 г. проект архивной реформы профессора Д.Я. Самоквасова был подвергнут критике.

³⁷ Штюмер Борис Владимирович (1848–1917 гг.) – государственный деятель, действительный статский советник (1891 г.), с 1892 г. – член Государственного Совета; в 1902–1916 гг. – директор Департамента общих дел МВД; в январе–ноябре 1916 г. – председатель Совета министров; в марте–июле 1916 г. – министр внутренних дел; в июле–ноябре 1916 г. – министр иностранных дел.

³⁸ Имеется в виду русско-японская война 1904–1905 гг.

**СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ БУРЖУА НАЧАЛА
XX В. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ
«ДЕТСКИХ ПИСЕМ» СЕМЬИ НАССОНОВЫХ)**

История отечественного предпринимательства XIX – начала XX вв. уже давно не относится к числу второстепенных тем, превратившись в одно из магистральных направлений, прочно утвердившихся на историографическом поле. Закономерен и устойчивый интерес исследователей к «эго-документам», вышедшим из-под пера коммерсантов и, прежде всего, представителей купеческого сословия, составлявшего костяк российской буржуазии пореформенного времени¹. Наиболее востребованы среди специалистов мемуарные произведения (воспоминания и дневники). Гораздо меньше внимания обращается на другие источники личного происхождения и, в частности, на личную переписку². Между тем письма, будучи написанными по конкретному, частному поводу, «отличаются большой непосредственностью, – это как бы задержанные на миг моменты жизни»³. В отличие от мемуаров, им присуща быстрота реакции и спонтанность формулировки важнейших для автора жизненных проблем. Другими отличительными признаками корреспонденции являются учет восприятий адресата и непосредственная ориентация на его личность⁴.

Значимость эпистолярных комплексов при изучении общественного сознания и культуры, а также психологии социальных групп имперской России показали исследования Е.Ю. Наумова и Е.Н. Марасиновой⁵. Актуальность подобных источников при реконструкции биографий подчеркнули также участники научного семинара «Писать биографии», состоявшегося 26–27 апреля 2012 г. в Германском историческом институте в Москве⁶. Между тем, в большинстве работ по истории предпринимательства письма играют вспомогательную роль, иллюстрируя тот или иной тезис, «украшая» и оживляя научное повествование подробностями быта и нравов российской буржуазии⁷. Исключением можно считать статьи Е.В. Комлевой, посвященные

анализу эпистолярного наследия красноярской купеческой фамилии Ларионовых⁸. В источниковедческом ключе написана работа Н.Ю. Кошеновой, в которой информационный потенциал переписки рассматривается применительно к истории купечества Сибири пореформенного периода наряду с другими видами источников личного происхождения⁹. Комплекс писем купеческих семей Владимирской губернии стал предметом лингвистического анализа В.А. Фалиной¹⁰.

Настоящая публикация посвящена эпистолярному наследию одного из купеческих семейств дореволюционной Перми – Нассоновых. Основатель династии – Василий Михайлович Нассонов (1828–1898 гг.) – предприниматель, потомственный почетный гражданин (с 1888 г.), директор городского общественного Марьинского банка¹¹. На средства, завещанные Василием Михайловичем городу (25 тыс. рублей), было создано женское начальное училище, получившее в 1911 г. имя учредителя¹². После смерти В.М. Нассонова его торговое дело перешло в собственность вдовы, Анны Силовны¹³, а затем – старшего сына, Петра Васильевича¹⁴. Последний в 1906 г. зарегистрировал фирму по оптовой торговле сельскохозяйственной продукцией «П.В. Нассонов»¹⁵.

Документальные материалы из личного фонда Нассоновых впервые введены в научный оборот Н.П. Баяндиной в 1990-е гг., однако освещение получила преимущественно предпринимательская деятельность отдельных членов вышеупомянутой фамилии¹⁶. Анализу частной корреспонденции, насколько нам известно, внимания не уделялось. Между тем, среди семейной переписки бытового характера сохранились уникальные письма, авторами которых выступает младшее поколение Нассоновых (внуки В.М. Нассонова)¹⁷. Эти эпистолярии можно отнести к разряду редко встречающихся «детских писем». Данный феномен сочетает в себе «стремление» к взрослому письменному канону и тяготение к детскому речевому стандарту, желание сохранить и закрепить его «на письме». Точкой отсчета служат первые шаги ребенка по обретению письменных навыков и способов самовыражения, финальной – момент полного (но не окончательного) приобщения к взрослому письменному канону¹⁸. Документы, представленные в настоящей публикации, позволяют проследить эволюцию данной разновидности частной корреспонденции, «увидеть» соотношение детского и взрослого в их неравномерности, постепенном выравнивании, а затем и замещении одного другим¹⁹.

Авторами писем являлись старшие дети П.В. Нассонова – Анна (1888?–? гг.), Александра (Шура) (1890?–? гг.), Василий (1892?–? гг.) и Александр (Шурка) (1893–? гг.). Адресована корреспонденция матери семейства, Августе Дмитриевне Нассоновой. Она родилась в 1869 г. в уездном городе Калязине Тверской губернии в семье купца Д.И. Охлобыстина²⁰. В 17 лет Августа Дмитриевна была выдана замуж за пермяка Петра Васильевича Нассонова. В браке родилось семеро детей: три сына – Василий (1892?–? гг.), Александр (1893–? гг.), Дмитрий (1895–1919? гг.), и четверо дочерей – Анна (1888?–? гг.), Александра (1890?–? гг.), Анастасия (1898–? гг.) и Елена (?–? гг.)²¹.

Самое раннее из писем датировано 6 сентября 1904 г., самое позднее – 21–22 января 1908 г. Переписка велась нерегулярно, она была вызвана отъездом матери к родственникам в Калязин (с младшей дочерью Настей) или в Санкт-Петербург. Вся корреспонденция «сочинялась» в Перми, в городском доме Нассоновых или на даче в городском пригороде. К трем письмам сделаны приписки. В одном случае приписка адресовалась младшей сестре (Настеньке, сентябрь 1904 г.). В двух остальных адресат оставался неизменным – Августа Дмитриевна, менялись лишь авторы писем. В сентябре 1906 г. к обстоятельному посланию Александры (Шуры) прилагалось письмо-приписка от старшей дочери Анны, а в письме от 21–22 января 1908 г. – наоборот.

Анализ писем позволяет сделать вывод о том, что Нассоновы-младшие были знакомы с основными этикетными формулами написания писем. Во всех документах присутствуют типичное обращение («мама») и типичное окончание («твой сын/дочь»). Изучение содержания писем позволяет выделить несколько ключевых тем, в той или иной мере затрагивавшихся всеми корреспондентами: образование (учеба), воспитание, отношения в семье, досуг. Важное место в повседневной жизни авторов писем занимает учеба. Родителями (старшим поколением Нассоновых) осознается необходимости дать детям образование по европейскому образцу²². Трое из корреспондентов учатся в гимназиях²³, старшая Анна берет частные уроки музыки у известной в Перми преподавательницы С.В. Гедговд.

Письма позволяют получить представление о воспитательных принципах, бытовавших в семье, реконструировать социальные и культурные нормы²⁴. У каждого из детей есть «свои деньги», строго определенная сумма, которую можно было потратить, например, на покупку подарков (часов или парохода). Отец, П.В. Нассонов, пытался привить наследникам принцип экономии, предлагая одной из дочерей (Шуре) попросить маму купить новые часы в Санкт-Петербурге на том основании, что «там дешевле».

Письма показывают, что между матерью и детьми существовали достаточно близкие и во многом доверительные отношения. Они делятся с ней успехами и неудачами, стараются добросовестно выполнять данные им мамой поручения. Девочки разделяют мамино увлечение театром (особенно старшая Анна), мальчики фотографируют. В письмах не обсуждаются вопросы, связанные с религией. Почти не содержится информации о круге чтения (исключение – в письме Шурки). Контекстом (жизненным фоном) служат новости и слухи о пермских знакомых семьи (замужестве Т.В. Мешковой, болезни П.К. Крутч и пр.), проводы солдат на войну, митинг за Камой («о котором мы не знали»), убийство драгунского офицера, смена дворника и пр.

В конечном итоге представленные в публикации документы отражают не только историю городского детства начала XX в., но и дают возможность реконструировать жизненный мир детей из семьи провинциальных буржуа; содержат информацию биографического характера, позволяющую осветить отдельные аспекты частной жизни (будничные события) уральских предпринимателей.

Текст писем воспроизводится в соответствии с современными правилами правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей источников. Пунктуация оригинала сохранена. Вставки отдельных слов воспроизводятся в соответствующем месте в тексте документа и оговариваются в примечаниях. Сокращения раскрыты в квадратных скобках, подчеркивания выделены курсивом. Сведения о ряде лиц установить не удалось.

Документ 1. Письмо Александра Нассонова матери Августе Дмитриевне Нассоновой с припиской сестре Анастасии¹⁾. Пермь, Пермская губерния, 6 сентября 1904 г.²⁾

6 сентября 1904 года

Милая Мама!

Целую тебя и Настю²⁵⁾, желаю здоровья и всего лучшего³⁾. У нас была письменная, по которой я получил 3—. Шишка после вашего отъезда⁴⁾ на другой день околел, и его схоронили, где и Шарика⁵⁾. Богатка²⁶⁾ нашлась 6 сентября. Дядя Сила²⁷⁾ приезжал и через три дня уехал с Левой и тетей Надей. Мы теперь ужинаем в 10 часу, а спать ложимся в 11 часу. Инспектор сказал, чтобы все являлись без 20 минут в 9 часов, а то он двери будет запирать. Я читал из Гоголя⁶⁾ Вий, а теперь читаю Тарас Бульба. Четверть кажется кончится 15 октября. Теперь по арифметике проходим иксы. Паулина Карловна²⁸⁾ очень больна. Пирог теперь едим часто. 6 сентября я в гимназию²⁹⁾ не ходил, потому, что у меня болел глаз. У Бабушки³⁰⁾ были пельмени и мы ходили к ней. Алексей Афанасьевич Безгодов умер 3 сентября. Вынос его в церковь 5 сентября. Похоронили его на новом кладбище. В церковь ходим в женскую гимназию. Няня кланяется тебе и просит поцеловать Настю. Бабушки⁷⁾ кланяются. Больше писать нечего.

Крепко целую тебя и Настю.

Любящий тебя твой сын

А[лександр] Нассонов.

6 сентября 1904 года

Насте!

Милая Настенька!

Шишка околел. После вас на другой день. Богатка нашлась. Рыжик поймал маленька⁷⁾ мышонка а Манька отняла у него. Белька каждый вечер приходит к Лене³¹⁾ на кровать ложится и поет песенки. Шарик околел так когда мы разрывали видели его совсем худого глаза ввалились⁸⁾ в него⁹⁾.

Розик³²⁾ теперь стал умнее когда ему скажешь Розик тогда он подожмет уши.

Бабушки¹⁰⁾ кланяются тебе и Маме. Бабушки¹¹⁾ очень рады что нашлась Богатка.

Больше писать нечего.
Любящий тебя твой брат
Шурка³³

ГАПК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 24. Л. 5–6. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Испр., в документе лучшего.

⁴⁾ Испр., в документе отъезду.

⁵⁾ Испр., в документе шарика.

⁶⁾ Испр., в документе гоголя.

⁷⁾ Так в документе, должно быть Бабушка.

⁸⁾ Так в документе, должно быть маленького.

⁹⁾ Испр., в документе ввалились.

¹⁰⁾ Здесь выделен текст, написанный на другой половине листа после предложения о Розике.

¹¹⁾ Так в документе, должно быть Бабушка.

¹²⁾ Так в документе, должно быть Бабушка.

**Документ 2. Письмо Александры Насоновой матери Августе Дмитриевне Насоновой с припиской сестре Анастасии¹⁾.
Пермь, Пермская губерния. 6 сентября 1904 г.²⁾**

6 сентября 1904 г.

Милая и Дорогая Мама!

Бабушке³⁾ сказал *какой-то*⁴⁾ начальник, что Таисья Васильевна Мешкова³⁴ вышла замуж за Розанова, за отца Натальи. Мы будем у Гедговд³⁵ брать уроки частным образом, а не в школе³⁶. Уроков теперь задают порядочно. По истории у нас теперь не Диамидов, а Кинги. На днях Кинги женился. Алгебру и геометрию еще не начали. Новеньких у нас только две Корнилова и Петрова, одна второгодница Муниелло. У Шурки³⁷ болит глаз и поэтому он сегодня не был в гимназии. Лена сначала спала у нас, но потом она стала мешать нам учить уроки и ее перевели вниз⁵⁾. Третьего дня уехали дядя Сила, тетя Надя и Лева. Ниночка начала с первого сентября заниматься с Лизочкой Роговой французским языком. Сегодня Аня³⁸ *впервые*⁶⁾ в первый раз пойдет к Гедговд на урок. Больше писать нечего. Крепко целую тебя и Настю. Поклонись от меня всем. Любящая тебя твоя дочь Шура.

Милая Настенька!

Мы часто бегаем на гигантских⁷⁾. Третьего дня уехал Лева³⁹⁾, ему купили маленький ранец и гимназическую фуражку, а к Пасхе будут шить гимназическое пальто. Богатку Шурка нашел. Больше писать нечего. Любящая тебя твоя сестра Шура.

Извините обе что плохо пишу, очень тороплюсь.

ГАПК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 24. Л. 7 об. – 8. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Испр., в документе Бабушка.

⁴⁾ Выделен текст документа, написанный над основной строкой.

⁵⁾ Испр., в документе в низ.

⁶⁾ Впервые зачеркнуто.

⁷⁾ Испр., в документе гигантских.

**Документ 3. Письмо Василия Нассонова матери
Августе Дмитриевне Нассоновой¹⁾.**

Пермь, Пермская губерния, 8 сентября 1904 г.²⁾

Милая и дорогая Мама!

Я пишу тебе письмо и отправляю его с Раей. К нам приезжал дядя Сила и через три дня снова уехал обратно с тетей Надей и Левой. Дня через 4 после смерти Шарика умер Шишка, а большие кошки: Рыжик, Белька и Манька хворают немного. У нас сверху³⁾ перекладывали лежанку. 4 августа отправили солдат на войну⁴⁰⁾.

К нам приходил Китаец⁴⁾ (продавец материй), мы все убежали смотреть на него, Машутка⁴¹⁾ же в это время ставила самовар, услышав что идет китаец она бросилась смотреть на него в верхнюю кухню (он был в ней) и позабыла в самовар налить воды а угли положила в него; когда мы пришли чай пить то увидели в кухне, что самовар посинел, няня бросилась к нему хотела его открыть да с крышкой-то вытащила и трубу, в которую кладут угли, когда их залили и самовар остыл то он весь скоробился и сделался разноцветным; мы теперь пьем чай из верхнего самовара, т[о] е[сть] из бабушкиного⁵⁾. Шапошников болен и не ходит. К нам вместо Кинги поставили Шпану (Члынского) он

только что кончил университет⁶⁾ и очень зол и неопытен⁷⁾, его мы не слушаем и за то каждый урок его стоим в углу штук по 10. У Шурки над глазом появился нарыв. У нас в Перми умер Безгодов (отец). Мы ездили с Силычем на лодке на ту сторону и там засели на мели и от берега долго не могли отъехать. Мне папа⁴²⁾ купил штиблеты⁸⁾ за 8 руб[лей] 75 к[опеек]. Василий Николаевич едет в Красноуфимск ничего не узнав об покупаемой даче. Мы исправили насос и Николай дворник предложил его испробовать, с этой целью он притащил его к забору, который ведет на улицу, запер ворота, принес ведро с водой а мне велел лить [...] ⁹⁾ через забор; в это время шел¹⁰⁾ барин с мальчиком их и окатило; барин давай ругаться¹¹⁾, а потом как закричит: городской!!!! Мы давай хохотать, на наше счастье городского¹²⁾ на углу не было и барин ушел¹³⁾ с носом. Потом мы стали поливать двор, вдруг кишка порвалась и нас всех окатило, папа это увидел и спрятал бы насос, если бы его не утащили; потом мы его [...] вставили [...] и давай опять качать, да поливать голубей да куриц, курицы ходили все мокрые, бабушка их увидала в таком положении с террасы¹⁴⁾ и нажаловалась папе, папа же с Петром Андреевичем выбежали и отняли насос. У нас здесь холодно утром бывает градусов около 5 холода. Нам кланяются все, и вообще всем кланяются следующие лица: Я, Папа, Бабушка, Шурка, Митюшка⁴³⁾, Шура⁴⁴⁾, Аня, Лена, Косая Роза⁴⁵⁾, Бея, Рыжик, няня и проч. проч.

Купи мне мама на мои деньги пароход¹⁵⁾ и своих прибавь если хочешь.

Извини что плохо написал лучше не умею писать да и не хочу.

Твой В[асилий] Нассонов

Мешкова⁴⁶⁾ вышла замуж за Розанова и хочет отсюда¹⁶⁾ уезжать, они обвенчались в селе.

1904 год Воскресенье 8 сентября

ГАПК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Испр., в документе вверху.

⁴⁾ Так в документе.

⁵⁾ Испр., в документе бабушкинова.

⁶⁾ Испр., в документе уневерситет.

⁷⁾ Испр., в документе не опытен.

⁸⁾ Испр., в документе щиблеты.

⁹⁾ Здесь и далее слово нрб.

¹⁰⁾ Испр., в документе шол.

¹¹⁾ Испр., в документе ругатся.

¹²⁾ Испр., в документе городовова.

¹³⁾ Испр., в документе ушол.

¹⁴⁾ Испр., в документе терасы.

¹⁵⁾ Испр., в документе пароход.

¹⁶⁾ Испр., в документе от сюда.

Документ 4. Письмо Александры Нассоновой с припиской сестры Анны матери Августе Дмитриевне Нассоновой¹⁾. Пермь, Пермская губерния, 10 сентября 1906 г.²⁾

Милая Мама!

Амалия спрашивает для чего куплен белый коленкор³⁾, для фартуков или нет? Потом еще как сделать красные платья⁴⁾ маленьким девочкам, на подкладе или нет? Мои часы Валентин Петрович смотрел и говорит, что их починять⁵⁾ не стоит, а лучше купить новые. Папа говорит, что лучше купить в Петербурге, потому что будет дешевле, так вот, если тебе будет время, то, пожалуйста, купи, в противном же случае мы купим здесь, потому что без часов очень неудобно, в особенности в учебное время. Потом еще привези мне велосипед, его купи на мои деньги. Напиши купишь или нет часы и велосипед. 7-го числа мы начали заниматься математикой, занимались у нас в моей комнате, потому что у Мешковых⁴⁷⁾ происходит перестановка, т[ак] к[ак] в гостиную переводится контора, а гостиная в комнату Н.В.⁴⁸⁾ Таисья Васильевна на днях уезжает. Леля⁴⁹⁾, может быть, будет жить одна. Вчера я и Аня ездили с ними в Гарюшки^{6), 50)}, а потом посмотреть, где строят вокзал для полустанка новой железной дороги. Наш класс на 3 отделения делить не будут, потому что для этого надо затратить 1600 руб[лей]; которых у гимназии⁵¹⁾ нет. Здесь убили драгунского⁷⁾ офицера и сбросили на линию железной дороги. Женька Нассонов все прятался и говорил что в том подозревают его самого и его товарищей и что товарищей уже арестовали, а его только выспрашивали. Наверно, все врет. Он очень дружен с Васей⁵²⁾. Катя и Егор Петрович уехали в Таборы⁵³⁾ с ребятами. Василий – дворник ушел, вместо него теперь служит Андрей Иванович Попов. Василий, на-

верное, скоро вернется. Вчера за Камой был митинг, но мы этого не знали. Крепко тебя целую. Поклон всем родным. Дедушке⁵⁴ желаю здоровья. Бабушка и Амалия тебе кланяются.

Твоя дочь Шура.

P.S. Когана опять посадили.

Дорогая Мама!

Вчера мы ездили с Мешковыми⁵⁵ в Гарюшки и видели, что все к новой железной дороге там подготавливается. Таисья Васильевна уезжает кажется во вторник. Я хочу сходить к Гедговд на этой неделе. С Валентином Петровичем заниматься начали. Петерсены⁵⁶ вчера переехали от Мешковых.

Кланяйся от меня всем.

Крепко целую тебя. Любящая тебя твоя дочь Аня

ГАПК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 24. Л. 9–10 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Испр., в документе каленкор.

⁴⁾ Испр., в документе платъи.

⁵⁾ Так в документе, должно быть чинить.

⁶⁾ Испр., в документе Горюшки.

⁷⁾ В тексте документа слово драгунского зачеркнуто.

Документ 5. Письмо Анны Нассоновой с припиской сестры Александры матери Августе Дмитриевне Нассоновой¹⁾. Пермь, Пермская губерния, 21–22 января 1908 г.²⁾

21 янв[аря]

Дорогая Мама!

Сегодня пробовала прыскать цветы водой и конечно с медвежьей ловкостью, т[ак] к[ак] залила стекла у окон и накапала на пол. Напиши, которые цветы надо прыскать, и котор[ые] – нет. Я прыскала пальмы и все те, котор[ые] походят на елочки. Самую хорошенькую стала прыскать и спохватилась, что может быть не надо. Надо ли еще тот, котор[ый] стоит в зале, самый большой, колючий? Сегодня может быть пойдем в театр на Марту, если будут контрамарки³⁾ в партер.

Напиши⁴⁾ сколько раз нам можно сходить без тебя в театр. Сегодня опять купили облатки⁵⁷. Коробочки все дают очень хорошенькие. Виноградов сказал, что придется брать их раза 3, 4, но не сказал до каких результатов их принимать. Вчера и сегодня опять болит голова, но не сильно, а что-то вроде мигрени. Гулять стараюсь больше. Василий пока еще со рвением занимается музыкой, не знаю, что будет дальше. Сегодня Митька меня снимал несколько раз, Папу, Петровича и никто не вышел.

Кажется еще при тебе была у нас опера, при участии Анастасии и Вали, но последняя до того доигралась, что ее рвало. Вчера была на ученическом [...]⁵⁾, за городом, мне там не понравилось; Шиловский – лучше. Вчера у нас были Аликины, а в субботу Маня именинница и мы идем к ним. Зови Охлобыстиных⁵⁸ непременно на лето к нам, а тетю Катю⁵⁹ тащи с собой. Папа думает завтра ехать на дачу. С завтрашнего дня начинается мое хозяйство. 22 янв[аря] Вчера не кончила, сегодня продолжаю мое послание. Вчера были на Марте. Музыка мне очень понравилась, но хористки! – отвратительные. Неужели Левицкий⁶⁰ не нашел ничего лучшего? Мне понравился голос у Хлюстина – такой чистый и приятный, но зато игра деревянная. Остальные очень посредственные, особенно какой то Обухов прямо нецензурен⁶⁾, Левицкий такая гадость, прямо не сравнишь со Строевым⁶¹. Очень скверно обращается с гимназистками, так, по крайней мере, рассказывают⁷⁾. Сегодня Шурка меня снимал с Рыжиком, но не вышло.

Кланяйся от меня всем.

Крепко целую тебя.

Любящая тебя твоя

дочь Аня

P.S. Папа и ребята кланяются.

22 янв[аря] 1908 г[ода]

Дорогая Мама!

Вчера мы были в театре на «Марте». Несмотря на то, что летом я ее слышала чуть не каждый день, музыку узнала только местами в 3-х или 4-х; а остальная показалась неизвестной. Завтра ко мне при-

дут 6 девиц, будем вместе читать. Во время перерыва напою их чаем с сухарями. Начальница⁶² на днях вернулась из Петербурга.

Левицкий страшная жила и свинья. В бенефисы и, когда идут новые пьесы, он за контрамарки⁸⁾ берет по 60 коп[еек].

Крепко Тебя целую. Поклон всем.

Твоя дочь Шура

P.S. Вези с собой тетю Катю и зови Охлобыстиных на лето обязательно.

ГАПК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 24. Л. 16–17 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Испр., в документе контр-марки.

⁴⁾ Напиши вписано над строкой.

⁵⁾ Слово нрб.

⁶⁾ Испр., в документе не цензурен.

⁷⁾ Испр., в документе рассказывают.

⁸⁾ Испр., в документе контрмарки.

Примечания и комментарии

¹ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Купечество Сибири второй половины XIX в. // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях: Электронный ресурс. URL: <http://zaimka.ru/skubnevsky-merchants> (дата обращения – 2 декабря 2013 г.).

² См. серию «Россия в мемуарах» издательства «Новое литературное обозрение», а также: Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века / сост. А.В. Семенова, А.И. Аксенов, Н.В. Серeda. М., 2007; Варвара Алексеевна Морозова: на благо просвещения Москвы. Т. 1: Биография. Дневники Вари. М., 2008; Смирнова М.А. Мемуары и дневники петербургских купцов конца XVIII – начала XX вв. как исторический источник: автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 2011. Обзор работ общего характера см.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х тт. СПб., 1999.

³ Цит. по: Наумов Е.Ю. Переписка Чичериных как источник по истории общественно-го сознания и культуры России второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... к.и.н. М., 1985. С. 17.

⁴ Е.Н. Марасинова относит к видовым признакам эпистолярных источников открыто выраженное личностное начало; синхронный характер передачи умонастроений автора; единство основной функции – быть средством общения и информации (см.: Марасинова Е.Н. Социальная психология интеллектуально-аристократических кругов

русского дворянства последней трети XVIII века (Опыт формально-количественного анализа источников эпистолярного характера): дис. ... к.и.н. М., 1991. С. 10).

⁵ Речь идет об обширном эпистолярном наследии русского дворянства (см. об этом: Наумов Е.Ю. Указ. соч.; Марасинова Е.Н. Указ. соч.; Она же. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты русского дворянства второй половины XVIII века: по материалам законодательства и переписки: дис. ... д.и.н. М., 2008).

⁶ Гадалова Н. Семинар «Писать биографии» (ГИИМ, 26–27 апреля 2012 г.) // Новое литературное обозрение. 2013. № 120(2). С. 429–435.

⁷ См., напр.: Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода): дис. ... д.и.н. Оренбург, 2011; Дубровина А.В. В.А. Морозова: личная история, общественная деятельность и благотворительность: дис. ... к.и.н. М., 2012; Лернер Л.А. Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии): дис. ... к.и.н. Курск, 2003; Маслова И.В. Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии): дис. ... д.и.н. Казань, 2010; Судовиков М.С. Купечество Северо-востока Европейской России в последней четверти XVIII – начале XX века: опыт социальной эволюции: автореф. дис. ... д.и.н. Екатеринбург, 2013; и др.

⁸ Комлева Е.В. Документы из коллекции красноярских купцов Ларионовых: состав и перспективы изучения // Материалы I межрегион. научно-практ. конф. «Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири». Абакан, 2012. С. 88–93. См. также: Комлева Е.В. Петр Федорович Ларионов: история «обыкновенного» купца // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: сб. биограф. очерков. Новосибирск, 2007. С. 20–34.

⁹ Кошенова Н.Ю. Источники личного происхождения о сибирском купечестве второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... к.и.н. Барнаул, 2005.

¹⁰ См.: Фалина В.А. Фразеология эпистолярного жанра (на материалах частной переписки купеческого сословия Владимирской губернии середины XIX – начала XX века): дис. ... к.филол.н. Иваново, 2000. В данном случае «письмо» выступает как разновидность нарративного источника, эпистолярный жанр, то есть как «произведение письменной речи, созданное с целью осуществления дистантного межличностного общения и потому неизбежно ориентированное на второе лицо – конкретного адресата, обладающее стереотипной композицией и реализующее систему принятых в данное время коммуникативных формул» (Зуева О.В. Русские памятники эпистолярного жанра XI–XVII вв. как предмет лингвистического исследования // Вестн. Белорусского государственного ун-та. Сер. 4. 2007. № 3. С. 37).

¹¹ В.М. Нассонов являлся также почетным блюстителем Пермской духовной семинарии, состоял членом губернского тюремного комитета, губернского статистического комитета, местного управления Российского Общества Красного Креста, Пермского общества взаимного кредита, агентом страхового общества «Россия». Награжден двумя золотыми медалями на Александровской и Станиславской ленте, серебряной медалью на Станиславской ленте и знаком Красного Креста. См.: ГАПК. Ф. 128.

Оп. 1: Нассоновы: Василий Михайлович (1829–1898 гг.) и Петр Васильевич (родился в 1857 г.) – пермские купцы (1869–1917 гг.).

¹² Училище располагалось на углу Малой Ямской и Обвинской улиц (см.: Верхованцев В.С. Летопись г. Перми с 1890 г. по 1911 г. с приложением вместо введения хронологического перечня событий г. Перми с основания города по 1889 г. // Труды Пермской Губернской Ученой Архивной Комиссии, X, 1913 г.).

¹³ Нассонова Анна Силовна (в девичестве – Демидова, 1830 – не ранее 1907? гг.) – жена пермского купца 1-й гильдии В.М. Нассонова, мать П.В. Нассонова, с 1888 г. – потомственная почетная гражданка.

¹⁴ Нассонов Петр Васильевич (1857 – не ранее 1917? гг.) – пермский купец 2-й гильдии, владелец фирмы по торговле хлебом «П.В. Нассонов», с 1888 г. – потомственный почетный гражданин. П.В. Нассонов являлся членом учетно-ссудного комитета Пермского городского общественного Мариинского банка, попечителем Пермского Кирилло-Мефодиевского училища, присяжным заседателем Пермского окружного суда по Пермскому уезду (см.: Баяндина Н.П. Пермь купеческая. Пермь, 2002. С. 113).

¹⁵ Свидетельство купца 2-й гильдии П.В. Нассонов получил в 1905 г.

¹⁶ Баяндина Н.П. Указ. соч.; Она же. Пермь торговая. Пермь, 2002. Она же. Купечество и торговые дома Урала в пореформенный период, 1860-е годы – начало XX века (на материалах Пермской и Вятской губерний): дис. ... к.и.н. Пермь, 1999.

¹⁷ ГАПК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 24.

¹⁸ См. об этом: Сальникова А.А. «Детское письмо» и его специфика // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: Опыт прочтения и интерпретации: сб. статей и материалов / сост. и отв. редактор А.А. Сальникова. Казань, 2011. С. 116–123.

¹⁹ См.: Там же. С. 118.

²⁰ Охлобыстин Дмитрий Иванович (не ранее 1823?–1907 гг.) – купец уездного города Калязина Тверской губернии. Его деловые интересы были сосредоточены в сфере грузоперевозок (преимущественно сельскохозяйственной продукции) по Мариинской водной системе (от Рыбинска вверх по р. Волге до Санкт-Петербурга). Женат на купчихе из калязинской династии Канбиных. За счет установления родственных связей с провинциальными предпринимательскими династиями (путем заключения браков своего многочисленного потомства – 5 дочерей и 4 сыновей) значительно укрепил свои позиции в бизнесе. Подробнее о Д.И. Охлобыстине и роде Охлобыстиных в целом см.: Кубарева А.Г., Кудрявцева В.Н. Шишкины. Охлобыстины: Поколенные росписи. СПб., 2006. С. 28.

²¹ Подробнее см.: Кубарева А.Г., Кудрявцева В.Н. Указ. соч. С. 39–40.

²² О данной тенденции в среде уральского купечества см.: Маслова И.В. Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии): автореф. дис. ... д.и.н. Казань, 2010.

²³ Василий Нассонов в 1904 г. учился в 3-м классе Пермской мужской классической гимназии; Александра (Шура) Нассонова – в частной женской гимназии Л.В. Барбatenko. Александр Нассонов окончил мужскую гимназию О. Циммерман, позднее,

в 1914–1916 гг., обучался на физико-математическом и юридическом факультетах Пермского университета.

²⁴ Неслучайно А.А. Сальникова акцентирует внимание на том, что «детское письмо» присутствует в детском мире не просто как результат, но и как контролируемый и используемый взрослыми для социализации и воспитания ребенка процесс (см.: Сальникова А.А. Указ. соч. С. 119).

²⁵ Нассонова Анастасия Петровна (1898–? гг.) – дочь П.В. и А.Д. Нассоновых, младшая сестра автора письма.

²⁶ Шишка, Шарик и Богатка – клички домашних животных, скорее всего, собак.

²⁷ Нассонов Сила Васильевич (?–? гг.) – младший брат П.В. Нассонова, дядя автора письма. Далее речь идет о его сыне Льве и жене Надежде. Подробнее см.: Баяндина Н.П. Пермь купеческая. Пермь, 2002. С. 112.

²⁸ Крутч Паулина Карловна (?–? гг.) – сестра жены А.Е. Теплоухова Розамунды Карловны (в девичестве – Крутч). Дочь профессора Тарандской лесной академии К.Л. Крутча.

²⁹ Возможно, имеется в виду Пермская мужская классическая гимназия им. императора Александра I.

³⁰ Имеется в виду Нассонова Анна Силовна (см. выше).

³¹ Нассонова Елена Петровна (?–? гг.) – дочь П.В. и А.Д. Нассоновых, младшая сестра автора письма.

³² Рыжик, Манька, Белька и Розик – клички домашних животных.

³³ Нассонов Александр Петрович (1893–? гг.) – сын П.В. и А.Д. Нассоновых, автор письма.

³⁴ Мешкова Таисья Васильевна (в замужестве Розанова, после 1851?–? гг.) – младшая сестра крупного камского предпринимателя Н.В. Мешкова. В начале XX в. жила в Перми. Осенью 1904 г. вышла замуж за акцизного ревизора И.В. Розанова и уехала с ним в Ставрополь (см.: Рабинович Р.И. Опальный миллионер: О Н.В. Мешкове. Пермь, 1990. С. 148).

³⁵ Гедговд С.В. (?–? гг.) – пианистка, основательница частной музыкальной школы в Перми, со-руководительница пермского отделения Императорского русского музыкального общества на Урале (см.: Императорское русское музыкальное общество на Урале // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 394).

³⁶ Музыкальная школа С.В. Гедговд была открыта в Перми 1 сентября 1904 г. (см. об этом: Верхованцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1994).

³⁷ Имеется в виду Нассонов Александр Петрович (см. выше).

³⁸ Нассонова Анна Петровна (до 1891?–? гг.) – дочь П.В. и А.Д. Нассоновых, старшая сестра автора письма.

³⁹ Нассонов Лев Силович (около 1895?–? гг.) – сын С.В. Нассонова, двоюродный брат автора письма.

⁴⁰ Имеется в виду русско-японская война 1904–1905 гг.

⁴¹ Машутка – скорее всего, горничная в доме Нассоновых.

⁴² Имеется в виду Нассонов Петр Васильевич (см. выше).

⁴³ Нассонов Дмитрий Петрович (1895 – не ранее 1918? гг.) – сын П.В. и А.Д. Нассоновых, младший брат автора письма.

⁴⁴ Нассонова Александра Петровна (не позднее 1891?–? гг.) – дочь П.В. и А.Д. Нассоновых, сестра автора письма.

⁴⁵ Косая Роза – кличка кошки.

⁴⁶ Имеется в виду Мешкова Таисья Васильевна (см. выше).

⁴⁷ Возможно, имеется в виду так называемый «Дом Мешкова» в Перми, получивший свое название по имени владельца – Н.В. Мешкова (1851–1933 гг.), предпринимателя, мецената, общественного деятеля. Стал известен как один из крупнейших пароходо-ладельцев на реках Волге и Каме, а также владелец ежедневной почтово-пассажирской линии Пермь–Казань–Нижний Новгород (см.: Мешков Николай Васильевич // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 570; Мешков Николай Васильевич // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 340; Экскурсия «Дом Мешкова и его владелец» // Пермский краеведческий музей: Электронный ресурс. URL: <http://www.museum.perm.ru/scientific/7/19>, дата обращения – 3 декабря 2013 г.)

⁴⁸ Очевидно, имеется в виду Мешков Николай Васильевич (см. выше).

⁴⁹ Предположительно Мешкова Елена Николаевна (1894–1975 гг.) – дочь Н.В. Мешкова.

⁵⁰ Гарюшки – деревня в 4 километрах от Перми, относилась к Верхнемуллинской волости, в 1924 г. вошла в состав Перми.

⁵¹ Предположительно частная гимназия Л.В. Барбатенко.

⁵² Нассонов Василий Петрович (не позднее декабря 1892?–? гг.) – старший сын П.В. и А.Д. Нассоновых, брат автора письма.

⁵³ Таборы – село в Оханском уезде Пермской губернии.

⁵⁴ Имеется в виду Охлобыстин Дмитрий Иванович (см. выше).

⁵⁵ Имеются в виду Т.В. и Е.Н. Мешковы (см. выше).

⁵⁶ Возможно, имеется в виду семья пианистки Э.Э. Петерсен, основавшей в 1911 г. в Перми частную музыкальную школу (см.: Козловская И.П. Музыкальная жизнь Уральской провинции конца XIX – начала XX вв. (на примере Пермского края): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2008).

⁵⁷ Облатки – кружки или капсулы из крахмальной муки для приема порошковых лекарств неприятного вкуса.

⁵⁸ Имеется в виду семья старшего брата адресата письма А.Д. Нассоновой – Николая Дмитриевича Охлобыстина (1864–1920 гг.), мещанина города Калязина Тверской губернии (см.: Кубарева А.Г., Кудрявцева В.Н. Указ. соч. С. 34).

⁵⁹ Коровкина Екатерина Дмитриевна (урожденная Охлобыстина) (1862–1937 гг.) – старшая сестра А.Д. Нассоновой. С 1879 г. замужем за купцом Иваном Алексеевичем Коровкиным (1860–1918 гг.), занимавшим пост городского головы уездного города Калязина (Тверской губернии) на протяжении 20 лет, с 1897 по 1917 гг. (см. подробнее: Кубарева А.Г., Кудрявцева В.Н. Указ. соч. С. 34–35).

⁶⁰ Левицкий А.А. (?–? гг.) – опереточный артист и антрепренер. Арендоровал Пермский театр в зимнем сезоне 1907–1908 гг. «В декабре [1907 г. – *Е.Л.*] состоялось открытие оперного сезона. В состав оперной труппы вошли: Лаврова (контральто), Тиманина (сопрано), Познякова (сопрано), Хлюстин (тенор), Мадаев (бас), Альтшулер (баритон), Степанов (баритон)» (Верхоланцев В.С. Летопись г. Перми... Пермь, 1913).

⁶¹ Имеется в виду антрепренер М.Ф. Строев (Фондаминский, ?–1930 гг.) – актер, режиссер, антрепренер. С 1902 по 1908 гг. жил в Екатеринбурге. В сезонах 1904/1905 и 1907/1908 гг. держал самостоятельную антрепризу. Репертуар состоял из пьес А. Островского, А. Чехова, М. Горького. Большое внимание уделял созданию актерского ансамбля (см.: Строев (Фондаминский) Матвей Тимофеевич // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 513).

⁶² Предположительно Барбатенко Любовь Васильевна – начальница и содержательница частной гимназии в Перми в начале XX в. (см.: Гайсин О.Д. Дом А.В. Синакевича с женской гимназией Л.В. Барбатенко (21-я средняя школа) // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы четвертой научно-практ. конф. Пермь, 2011. С. 150–151).

**«МЫ НЕ АРТИЛЛЕРИЯ, НЕ КАВАЛЕРИЯ, НЕ ПЕХОТА, А МЫ
"ГВАРДЕЙСКАЯ КОННАЯ АРТИЛЛЕРИЯ"»: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ВОЛЬНООПРЕДЕЛЯЮЩЕГОСЯ Г.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА**

Георгий Алексеевич Римский-Корсаков человек удивительной судьбы. Родился он 28 марта 1891 г. в известной дворянской семье. Его отец Алексей Александрович Римский-Корсаков был отставным военным, местным предводителем дворянства, мать, Софья Карловна фон Мекк (1865–1935) – известным общественным деятелем. После развода с мужем в 1900 г. она вышла замуж за князя Дмитрия Михайловича Голицына, а в 1908 г. основала Высшие женские (Голицынские) сельскохозяйственные курсы.

Неудивительно, что детство и юность Георгия Алексеевича прошли в атмосфере музыки и театра. Элитарность и эстетичность – вот как можно охарактеризовать атмосферу, в которой он рос. В 1908 г. Георгий Алексеевич поступил в Императорское училище правоведения. Однако после окончания младшего курса решил связать себя с военной службой. Вольноопределяющимся поступил в лейб-гвардии Конную артиллерию, выдержал экзамен при Николаевском кавалерийском училище, затем был произведен в прапорщики (13 сентября 1914 г.).

В годы Первой мировой войны участвовал в боевых действиях в Восточной Пруссии, в январе 1915 г. переведен в 7-й уланский полк на должность младшего офицера эскадрона с присвоением чина корнета. В октябре 1916 г. по болезни переведен в 6-й запасной кавалерийский полк. В 1917 г. назначен командиром эскадрона. После Октябрьской революции уехал в Москву, вступил в РККА. В 1919 г. участвовал в обороне Гатчины от войск Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича (при штабе этой армии находился его двоюродный брат граф Э.П. Беннигсен). В 1922 г. демобилизовался.

Затем начался период долгих скитаний и поисков работы, необходимой, чтобы прокормить семью. По воспоминаниям Андрея

Георгиевича Римского-Корсакова, сына Г.А. Римского-Корсакова, «при каждой очередной кадровой чистке его увольняли "по социальному признаку"». Вместе с тем Георгий Алексеевич постепенно начинал входить в круги художественной интеллигенции: посещал музыкально-вокальные курсы, работал в Большом театре. В 1928 г. Г.А. Римский-Корсаков на несколько месяцев был арестован. После того он сократил свою фамилию до «Корсаков» и уехал из Москвы в Подмоскowie. В 1932 г. он стал научным сотрудником в театральном музее им. А.А. Бахрушина. В начале Великой Отечественной войны вместе с семьей эвакуировался в Северный Казахстан, в г. Петропавловск, где создал при Доме пионеров музыкальный кружок. В 1944 г. назначен директором Северо-Казахстанского Областного Музея, где проработал 2 года. Затем преподавал музыку в различных учебных заведениях. И только в 1969 г. вернулся обратно в Москву. Скончался 6 октября 1971 г.

В последние годы жизни Г.А. Римский-Корсаков написал ряд мемуарных и искусствоведческих работ: о русском балете, театре, своей семье и однокашниках. Так, еще при жизни в одном из журналов вышла статья о его товарище по Императорскому училищу правоведения известном шахматисте А.А. Алехине¹. Среди различных записок и статей выделяются его воспоминания «Записки солдата-гвардейца», посвященные годам службы в лейб-гвардии Конной артиллерии. Эти материалы были сохранены Андреем Георгиевичем Римским-Корсаковым, сыном Г.А. Римского-Корсакова, и в августе 2014 г. переданы для изучения в Российское военно-историческое общество.

Писались воспоминания в середине 1960-х – начале 1970-х гг., отчасти – в Петропавловске, отчасти – в Москве. В отличие от многих других мемуаристов Георгий Алексеевич не имел возможности обратиться к архивам или к рассказам боевых товарищей. А потому перед нами *именно пространство памяти*, рефлексия человека, прошедшего долгий жизненный путь и решившего доверить собственный опыт (в данном случае опыт военной службы) бумаге. Воспоминания писались для членов семьи, возможно, с надеждой, что их когда-нибудь удастся опубликовать. Но важно другое: над автором не висел дамоклов меч ни советской идеологической цензуры (через гор-

нило которой проходили мемуары, шедшие в печать), ни корпоративной офицерской этики (большинство его товарищей по военной службе уже умерли либо доживали свой век в эмиграции). Георгий Алексеевич вырос в мире искусства и после относительно непродолжительной военной службы опять вернулся в него. Он был похож на *Гостя* из аристократических кругов, увлеченного художественной жизнью, который вдруг захотел стать частью «закрытого аристократического военного клуба», сообщества под названием «лейб-гвардии Конная артиллерия». Ввиду объективных причин он не стал (не успел стать) офицером с точки зрения психологии и мироощущения. Неудивительно, что мемуары озаглавлены именно как «Записки солдата-гвардейца», что указывает на дистанцирование от офицерства как сословия на момент написания мемуаров, хотя из самого текста видно, что и к «сословию солдат» автор себя тем более не причисляет и не причислял никогда. Он так и остался представителем аристократических кругов, большая часть жизни которого принадлежала «миру искусства» (а не «миру военной службы»). Важно понимать, что Георгий Алексеевич несомненно был частью той самой элиты, которая после революционных событий 1917 г. лишилась своего статуса и была вынуждена либо эмигрировать, либо погибнуть, либо приспособливаться к жизни в новом, советском, государстве. Отсюда и общий пафос мемуаров: определенная ностальгия, перемешенная со стремлением подвести жизненный итог, осмыслить (порою даже очень критически) тот мир, ныне утерянный.

А потому Георгий Алексеевич непрестанно находится в диалогических отношениях с потенциальным читателем, стремится зафиксировать ту дистанцию, которая лежит между реальностью военно-аристократического мира последних лет императорской России и реальностью советской. Отсюда – пристальное внимание к жизни высшего сословия Российской империи, к традициям гвардии, к особенностям службы и жизни офицеров гвардии (военной элиты того времени!). При этом Г.А. Римский-Корсаков не избегает прорисовывания отдельных параллелей между жизнью тогда, до революции, и жизнью сейчас, в советское время. Тот мир, качественно иной, навсегда утерян, а потому мемуаристу остается лишь возродить его к жизни на страницах воспоминаний.

В этом контексте неудивительно, что Георгий Алексеевич вступает в открытый диалог с графом А.А. Игнатьевым (также служил в гвардии) и Б.М. Шапошниковым, чьи воспоминания, опубликованные в советское время, были, пожалуй, единственно доступными для него источниками². Диалогизм усматривается и в стремлении автора опровергнуть расхожие слухи о повальном пьянстве Николая II, а также вовсе не «каноническом» для советского времени описании событий Октябрьской революции. В молодости сам Георгий Алексеевич увлекался левыми идеями (как и многие молодые люди того времени), большая часть его жизни прошла в Советском Союзе, что не могло не отразиться на том, как он пытается описывать свой опыт. Будучи далеким от восприятия коммунистических идей и идеалов, он не смог избежать влияния общего социокультурного (и конкретно – дискурсивного) контекста своего времени. Отсюда, например, использование отдельных оборотов, лишь на первый взгляд отсылающих к классовой теории (напр.: солдаты чувствовали себя «более классово близкими» себя к вольноопределяющимся, чем к офицерам). Но даже если отойти от лексического уровня, то при попытке автора сделать те или иные обобщения, он все равно не уходит за пределы «языка» (подхода, дискурса) социально-классовых противоречий с выделением проблемы социального и экономического неравенства. Отметим, что обращение к теме простых солдат (и их взаимоотношений с офицерами) также несвойственно для эмигрантских офицерских (тем более гвардейских) воспоминаний, что позволяет сделать предположение о влиянии на автора социокультурного контекста советского времени³. При этом описывая самую жизнь гвардейской конной артиллерии, **Г.А. Римский-Корсаков** постоянно держит в поле зрения личности своих начальников, товарищей и друзей, уделяя внимание их происхождению, связям, социальному положению и пр. Тем самым он вводит сетевое измерение социальной реальности, которое и доминирует в создаваемом им нарративе (но вовсе не при анализе!). Даже поступление на службу предстает с одной стороны, как влияние увлечения военной карьерой в кругу молодых правоведов, а с другой стороны, как результат тех или иных семейных связей.

Для публикации мы выбрали лишь небольшой отрывок из воспоминаний, их самое начало, посвященное тому моменту (осень 1912 – весна 1913 гг.), когда молодой Г.А. Римский-Корсаков (21-летний юноша) решает резко изменить свою судьбу. Правовед, представитель аристократического семейства, увлеченный искусством, он поступает на военную службу в элитную часть – лейб-гвардии Конную артиллерию. По сути, из одного социального мира, в котором он вырос и формировался, Георгий Алексеевич попадает в качественно иной мир, со своими правилами, традициями, особенностями. Этот отрывок интересен именно тем, как спустя полвека автор *вспоминает* о тех первых шагах, сделанных на пути интеграции в мир гвардейского офицерства.

Ввиду ограниченного объема сборника даже эту часть воспоминаний пришлось опубликовать с изъятиями. Были опущены фрагменты, в которых развиваются уже обозначенные идеи, приводятся общие сведения о гвардии, даются пространные описания друзей автора. Мы постарались сконцентрироваться, во-первых, на личном восприятии Г.А. Римским-Корсаковым особенностей военной службы (там, где появляется сама фигура автора), а во-вторых, на тех обобщениях (анализе, выводах), которые он делает.

Все это оказывает влияние и на то, как именно автор позиционирует себя самого, свое «собственное я» в тексте воспоминаний. Во-первых, он – рассказчик, который открывает перед читателем мир царской гвардии. Военная служба в гвардии в мирное время связана не только с постижением «военного дела», но и с соблюдением множества традиций, условностей, непривычных и порою даже странных для бывшего студента. Многочисленные линии раздела между «штатскими – военными», «жандармами – военными», «офицерами – солдатами», «аристократами – выходцами из менее привилегированных сословий», «гвардией – армейской пехотной / кавалерией / артиллерией», а также различными гвардейскими частями – все они не только актуализируют социальные конфликты (понимаемые в данном случае в нейтральном ключе). Эти линии раздела порождают многочисленные практики (например, отбор солдат в те или иные полки на основе роста, цвета волос, бороды и пр.; существование офицерского собрания как замкнутой социальной сети, которая сама решает, кто досто-

ин присоединиться к ней, и в этом плане может даже саботировать решение начальства; правило отдания нижними чинами чести всем старшим по званию, исключением из которого становятся жандармы и пр.), которые формируют многочисленные коллективные идентичности, служат основой для социальной интеграции, а также наполняют собой повседневную жизнь любого, кто хочет стать частью сообщества гвардейских офицеров. А потому – и это во-вторых – Георгий Алексеевич не изымает себя из общего контекста тех событий, тех социальных структур, тенденций, настроений, которые он вспоминает. Он сознательно вписывает себя в него, предстывая перед нами частью сложных межсетевых и иерархических связей, ища вместе со своими друзьями-вольноопределяющимися в этом новом мире собственное место (будь то отношения с солдатами и офицерами, усвоение многочисленных традиций, практик и «условностей» или овладение азами военного искусства).

Воспоминания публикуются по созданному в начале 1970-х гг. машинописному тексту, предоставленному сыном мемуариста Г.А. Римским-Корсаковым. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Записки солдата гвардейца¹⁾. Москва, 1965–1971 гг.²⁾

Под влиянием моих первых наставниц: В.В. Степановой⁴ (эсерки), Марии Викентьевны⁵ (РСДРП), А.М. Левитской⁶ (ВКПб), я любил говорить, что ничто не заставит меня пойти служить офицером, разве только крайняя необходимость. Я вполне разделял взгляды Толстого на военную службу и видел в ней что-то весьма унижительное для человеческого достоинства.

Однако пребывание моё в стенах Училища правоведения сильно поколебало эту мою концепцию.

В войну с Японией многие правоведы пошли добровольцами в армию. Тогда же стала намечаться тенденция по окончании училища пойти не на гражданскую, а на военную службу. К этому времени, очевидно, у правоведов идеалы шестидесятих годов окончательно выветрились. Правоведение перестало быть колыбелью «белых юристов». На правоведов, которые, кончая училище, шли служить в Ми-

нистерство Юстиции, товарищи смотрели, как на неудачников. Их жалели и вскоре забывали. В училище стали поступать для карьеры, для связей, для хорошего общества. После 1905 года из каждого выпуска кто-нибудь их правоведов шел служить в гвардию. В мое время служили: Косиковский⁷, Г. Гротгус⁸ и Струков⁹ – в кавалергардах, С.Игнатьев¹⁰ и Шеншины¹¹ – в гусарах, барон Торнау¹² – в Конном полку, Свечин¹³ – в Преображенском (флигель-адъютант)... Когда кто-нибудь из них появлялся в училище, гремя саблей и звеня шпорами, то мальчишки теряли голову, и даже самые благоразумные начинали мечтать о гусарском ментике или кирасирском колете.

В моем классе о военном мундире говорили Бобриков, Фермор, Томкеев, Таптыков, Рогович, Каменский, Яковлев (флот), Балбашевский, Армфельт. Нет ничего удивительного, что и я стал подумывать о мундире преображенца. Однако, когда я поделился этими мыслями с моим братом Дмитрием¹⁴, уже носившим гусарский гродненский мундир, то он очень резко воспротивился моему проекту: «Если ты пойдешь служить в пехоту, то ты мне больше не брат. Ты не представляешь, какой это ужас – пехотный полк. Если хочешь служить – иди в конную артиллерию. Часть очень приличная, достаточно скромная. Служба там рай, и тебя туда примут. У меня там много друзей».

Я не мог не прислушаться к совету брата-офицера. На нашей правоведской бирже хорошего тона конная артиллерия никак не котировалась, ее никто не знал. Я тоже. Но у меня там был знакомый, Е.Н. Угрюмов¹⁵, друг семьи моего дяди Сергея Александровича Римского-Корсакова¹⁶. Я обратился к нему за советом. Он подтвердил мне все, что сказал мой брат, и добавил, что со своей стороны он посодействует моему поступлению вольноопределяющимся. Сам Угрюмов тоже начал свою службу в конной артиллерии с вольноопределяющегося и потом сдал офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище.

Надо заметить, Угрюмов очень серьезно предупредил меня, что выдержать офицерский экзамен чрезвычайно трудно – он требует и особых математических способностей, и исключительной усидчивости, внимания и временного отречения от всех радостей жизни. «Хватит ли у тебя для этого воли и сил?» – спросил Угрюмов. Я отвечал, что

попытаюсь. Ответ мой был очень легкомысленным. Действительно, надо было со всей серьезностью отнестись к предупреждению Угрюмова. Я этого не сделал и, может быть потому, что помнил совет брата. Вряд ли он, зная мои средние способности, посоветовал бы мне что-нибудь такое, чего я не мог бы преодолеть.

Мой дядя, артиллерист, а также и мой отец, артиллерийский офицер в отставке, очень приветствовали мое решение. Но никто, кроме Угрюмова, не предвидел всех трудностей, ожидавших меня в дальнейшем.

Итак, я подал просьбу о принятии меня вольноопределяющимся в конную артиллерию. Адъютант, капитан Огарев¹⁷, предложил мне оставить свой адрес и ждать извещения. Это было великим постом 1912 года. Прошло два месяца, и никакого ответа я не получал. Я обратился за содействием к Угрюмову. Оказалось, что Огарев уже больше не адъютант. Новый адъютант, А.П. Саблин¹⁸, ничего обо мне не знал. Пришлось подавать прошение вторично. Саблин спросил, не брат ли я гродненского гусара? И узнав, что брат, сказал: «В таком случае вы уже приняты. Поезжайте домой, а в августе приходите, чтобы получить назначение в учебную команду». Я так и сделал.

Настала осень.

Нас было четверо вольноопределяющихся: В.П. Штукенберг (Додя)¹⁹ и два брата Мезенцевых, Александр и Михаил²⁰. По совету Саблина я поселился вместе с Штукенбергом. Мы сняли нижний этаж флигеля у вдовы Постельниковой (sic!) в городе Павловске, где находилась учебная команда, на Солдатской улице. [...] ³⁾

Обед мы сначала брали из офицерского собрания. Но это было дорого, а порции не соответствовали нашим зверским аппетитам. Стали что-то готовить дома. Штукенберг очень любил щи по-французски – «по-то-фё»²¹ и омлет из сбитых яиц, как я его приготавливал, без молока (oeufs brouilles)²². Нов основном пищей нашей служили всякие консервы (кукуруза и др.), масло, сыр, колбаса. По-холостяцки денег уходило много, а питались кое-как.

Квартира наша состояла из четырех комнат и кухни. Кроме того, две большие веранды, совершенно нам не нужные. Платили мы за квартиру 50 руб[лей] в месяц. Это было очень дорого для зимнего сезона

по Павловским ценам. Зато казармы учебной команды были в пяти минутах ходьбы. Надо заметить, что дома у себя мы бывали только для того, чтобы спать и есть. В начале службы мы так уставали, что и есть не хотелось, а только бы спать и спать. Это вполне понятно. По расписанию наших служебных занятий мы вставали в 4 часа утра и отправлялись на чистку лошадей и уборку конюшен. Уборка продолжалась до 6 часов. Потом до 8 часов был перерыв для умывания и завтрака. С 8 до 11 часов проходили занятия пешего строя и гимнастика. Занимались мы в малом манеже, пристроенном к большому. Конечно, манеж не отапливался, хотя печи и были. В громадных окнах не хватало многих стекол. Температура воздуха была такая же, как и на улице. Но самым неприятным был не холод, хотя наши ноги очень страдали от него, а сильный сквозняк. Для многих его действие было губительно, когда мы разгоряченные, потные, в одних гимнастерках, стояли неподвижно в строю. Очень многие простывали, а бедняга Чирец, со слабыми легкими, схватил жестокий плеврит, был отправлен на родину и вскоре там умер. Удивительно, что никакими гриппами никто у нас не болел. Правда, многие болели, но совсем не гриппом. Кое-кто из солдат, и мы в том числе, носили под гимнастеркой теплую шерстяную фуфайку. Это не запрещалось, при условии, что фуфайку не будет видно. В какой-то мере это предохраняло от холода. Обмундирование у нас было собственное. Надо было иметь два комплекта, один – рабочий, служебный, а другой – выходной. Очень «в город», т.е. в Петербург, в вонючей шинели было абсолютно невозможно. Пахнет лошадь не противно, но всё же сильный ее запах «шибает в нос».

Сапоги тоже были строевые и городские, также как и шпory. Конечно, собственная шинель была длиннее казенной и доходила до пяток – согласно кавалерийскому шiku. Каждый солдат учебной команды имел закрепленного за ним коня. Он на нем ездил, убирал его, кормил. Мне был дан конь «Донец», – умнейшее животное. Он знал строевую службу, все команды, не хуже самого господина вахмистра. Согласно установившейся традиции вольноопределяющиеся сами своих коней не убирали. Господин вахмистр назначал им «рехмета» из числа солдат учебной команды, т.е. вестового, который за десять рублей в месяц, а то и меньше, убирал лошадь вольноопределяющего-

ся (Александр Мезенцев сам чистил своего коня, с которым он и подружился). Хотя мы сами своих лошадей не чистили, но на утреннюю уборку и вечером ходить были обязаны. Очень мучительны были эти хождения в морозные ночи, когда, как вспоминал Штукенберг Пушкина, «все доброе ложится, и все недоброе встает».

Месяца через четыре мы были освобождены от чистки коней, но в дневальства и дежурства назначались до конца курса учебной команды, то есть до конца апреля. Правда, эти наряды бывали не часто.

Не знаю, где было хуже дежурить: на конюшне или в казарме. На конюшне было холодно и жутко. Температура всё же была не выше нуля. Но просидеть двенадцать часов там было тяжело. Особенно мерзли ноги, и согреть их не было никакой возможности. После 12 часов ночи начинало усиленно клонить ко сну. Борьба со сном, можно сказать, являлась главной нашей обязанностью. Борьба давалась эта нелегко. Мерное похрапывание и дыхание лошадей, однообразное бряцание цепей и удары их о кормушки, шуршание соломы и абсолютная тишина снаружи как-то незаметно убаюкивали. Стоило только присесть на мешок с овсом или на ларь, как уже погружался в сон. Но сознание боролось и сопротивлялось сну, и поэтому этот сон походил больше на клевание носом. Сделаешь клевок и очнешься. Откроешь глаза и с ужасом видишь перед собой какую-то чудовищную морду из голевской фантастики? Эта чертовщина оказывается головой лошади, которая неслышно подошла к мешку с овсом. Надо заметить, что ночью все лошади ежеминутно сбрасывали с себя недоуздки, выходили из денников и бродили по конюшне, очевидно в поисках съедобного, так как казённый их рацион был явно недостаточен. На одну лошадь полагалось: 8 фунтов овса, 10 фунтов сена и 12 – соломы-подстилки в сутки, которую они тоже сжирали с удовольствием. Бедные животные все время чувствовали голод и злобно поглядывали на дневальных.

Загонять лошадей в стойла было довольно хлопотливо, к тому же некоторые из них кусались и лягались, так как лошадь вообще животное злое и хитрое.

Дежурить по казарме ночью было, может быть, не так тяжело, но очень омерзительно. Питались солдаты команды хорошо. Обед состоял из очень жирных, и поэтому почти несъедобных щей с большим

куском мяса (200 грамм) и жирной каши. Хлеба ржаного полагалось, если не ошибаюсь – 3 фунта (т.е. больше кило) и 56 золот[ников] сахара, т.е. больше 200 гр[амм]. Очень много хлеба оставалось. На ужин давали кашу. Порции были большие. От такой пищи ночью в спальном помещении поднимался такой тяжелый дух, что становилось невозможно и приходилось выходить на улицу, чтобы подышать чистым воздухом. Впрочем, после улицы воздух в казарме казался ещё чудовищнее. Присоедините сюда еще запах портянок, которые сушились, развешанные у печек, и тогда вам будет ясно, что дежурство на конюшне было значительно приятнее.

Устав требовал, чтобы на ночь, для вентиляции, печные трубы не закрывались, а также открывались бы форточки для проветривания. Однако открывание форточек вызывало гневный протест солдат, которые под утро очень страдали от холода, так как асфальтовый пол быстро остужал помещение, в котором и без этого никогда не было жарко. После дежурства казарменная вонь еще долго держалась в носу, и было ощущение, что и шинель, и мундир, и сам весь пропитался этим тошнотворным запахом.

Когда я первый раз пришел на ученье верховой езды, сменой командовал поручик Н.А. Барановский²³, бывший лицеист, ставший офицером из вольноопределяющихся. Урок заключался в том, что надо было научиться влезать на лошадь, неоседланную, стоящую на месте и идущую рысью. Как оказалось, влезть на лошадь без седла и стремян – дело довольно сложное, почти невозможное. Сколько я ни делал попыток вскочить на спину кобылы «Венеры», это мне не удавалось. Барановский долго смотрел на мои потуги и сопел как морж. Наконец, он подошел ко мне. «Согни левую ногу», – сказал он и легко подсадил меня на круп лошади. «Надо научиться самому влезать. Никто другой раз помогать не будет».

Никакого другого технического приема для влезания на лошадь он ни мне, ни моим товарищам не преподавал и скоро ушел домой, поручив занятия вахмистру. Степан Петрович Зайченко был наш первый, непосредственный начальник, вахмистр учебной команды, подпрапорщик, любимец офицеров, да, пожалуй, что и солдаты к нему относились хорошо и уважали его, несмотря на то, что он был еще

очень молод годами и только второй год находился на сверхсрочной службе в учебной команде. [...]»⁴⁾

Службу он действительно знал хорошо и умел очень толково передать солдатам необходимые сведения. Так и на этот раз, когда Барановский поручил Степану Петровичу проводить занятия без него, он подошел ко мне и стал показывать, как удобнее всего влезть на лошадь, для чего нужно сделать прыжок на месте и оттолкнуться от земли одновременно двумя ногами. Когда я достиг в этом некоторого совершенства, он показал прыжки на лошадь и на рыси, что оказалось много легче, и, наконец, на манежном галопе. Сначала я дрожал от страха и не мог себе представить, как это можно, вне арены цирка, показывать такие приемы джигитовки. Но потом, поборов свою робость, я осилил с грехом пополам и эту премудрость кавалерийской науки. Штукенберг оказался много храбрее меня и быстро научился обращаться с конем, достигнув в этом даже некоторого изящества и шегольства. Александр Мезенцев давно уже хорошо умел владеть конем, но при этом все его движения были крайне робки и неуверенны, что создавало неправильное о нем представление. Миша Мезенцев страдал больше всех нас, будучи довольно нескладным малым, не обладая ни нужной ловкостью, ни физической силой. Его внешний вид и наружность, носившая болезненный отпечаток, мало располагали к нему начальство, и спасало его от неприятных придириков лишь то, что он был Мезенцев, то есть принадлежал к семье, в которой все мужчины служили в конной артиллерии. Тем не менее, офицеры учебной команды не могли скрыть своей неприязни к этому бедному юноше, который своим кислым видом должен был бы внушать только жалость.

В манежной езде самым большим для меня мученьем были барьеры. На прыжке через барьер строго запрещалось хвататься рукой за луку седла. Это движение делалось совсем произвольно, но неизменно вызывало шелканье бича, а также неодобрительное замечание начальства, высказанное довольно брутально. Правовед Кутейников служил вольноопределяющемся в Лейб-гвардии Казачьем полку и рассказывал, что у них в учебной команде за сбитый барьер офицеры штрафуют донцов по 50 копеек. «Ну, мне-то наплевать на штраф. Я ведь богатый», – хихикал Кутейников.

Мой конь Донец брал хорошо барьеры, если я ему не мешал. Но я нервничал, и это передавалось ему. Я не мог попасть в ритм движения лошади и вылетал ей на шею. Лучше всего у меня получалось, когда я вовсе не думал о барьере и о том, чтобы удержаться в седле. Первые прыгуны у нас были Мезенцев Александр и Штукенберг. Надо иметь в виду, что новичками военной службы в учебной команде были только мы, вольноопределяющиеся. Наши товарищи, солдаты, уже служили до команды год в батареях, где и обучались всему тому, что потом проходило в учебной команде более глубоко и педантично. Поэтому и барьеры для них были знакомы.

Кроме того, не следует забывать, что в учебную команду отбирались из молодых солдат наиболее развитые и ловкие, способные стать позднее младшими командирами. Так что у них было заметное преимущество в службе перед нами. Они уже имели годовой опыт, а мы только начинали осваивать азы кавалерийского и пешего строя.

Пеший строй не представлял бы для нас никакой сложности, если бы не холод и сквозняки. Особого внимания на выправку солдата и хождение в строю у нас не обращалось. Отданию чести и фронту тоже не очень-то много посвящали времени, чем, конечно, мы резко отличались от пехоты.

Как я ни был подготовлен разговорами в Правоведении к своеобразию военной службы, ее обычаям, строгости, все же контраст между штатской идеологией и военной, к тому же гвардейской, был слишком резкий, и моя психика перестраивалась очень медленно. Только надев военный мундир, я понял, что, в сущности, мы в Правоведении абсолютно не знали, что такое военная служба. Наши мальчишеские разговоры касались только внешней стороны этой службы. Мы не представляли себе, что на военной службе ежеминутно могут возникнуть задачи, которые надо тут же самому решать. Понимать и учиться решать эти задачи надо было на ходу. Никаких учителей – как говорить, как ходить, что делать и как делать – у меня не было. Да и обращаться за советом к учителю не было времени. Нужна была сильно развитая интуиция, смекалка, для быстрого решения бесконечно разнообразных вопросов, встающих в ходе общения с солдатами и офицерами и, как правило, являющихся результатом крайне не-

определенного нашего служебного положения. К тому же моя природная «людобоязнь», застенчивость и робость очень вредили мне. Я смущался, от смущения терялся и делал ошибки, которые заставляли еще больше смущаться. Таким образом, приходилось учиться на собственных ошибках. Никаких учебников тоже не было. Устав внутренней службы давал ответы только формальные, не вдаваясь в объяснение моментов психологических, социальных и светских.

Запомнился первый мой неудачный дебют, когда я явился впервые на занятия пешего строя. Степан Петрович приветствовал меня ободряюще и предложил встать в строй на левом фланге шеренги солдат. Я встал не вплотную к локтю левофлангового, а на некотором расстоянии. Зайченко подвинул меня, но я опять отодвинулся. Я стоял так, как стояли в строю правоведы. Вошел в манеж поручик Перфильев²⁴ и поздоровался с командой. Вахмистр доложил ему о появлении в команде вольноопределяющегося. Перфильев спросил меня, как моя фамилия и я, отдав ему часть, назвал себя, он спросил, не брат ли я гродненского гусара? Я отвечал утвердительно, держа руку у козырька, не подозревая, что это противоречит уставу (в строю честь не отдаётся). Между тем, в Правоведении мы отдавали честь, находясь в строю, но я не знал, что там мы были на положении офицеров, а солдатам в строю честь отдавать не следовало. Перфильев отошел от меня, не сделав мне замечания, но только приказал вахмистру заняться со мной. Тут я постиг и эту премудрость, и тогда меня поставили в строй «по ранжиру». Я оказался шестым от левого фланга. Рост мой был 2 аршина 6 вершков. Ниже меня стоял потом Мезенцев Михаил, а немного выше Штукенберг. На правом фланге встал Мезенцев Александр.

Мой рост считался нормой гвардейского солдата. Ниже 2 аршинов и 6 вершков в гвардию попадало очень мало солдат. В лагерях, после учебной команды, в строю 1 батареи, где я служил, я стоял вторым на правом фланге, но по росту должен был бы быть первым. Правифланговый должен хорошо знать все команды и вести за собой всех, стоящих в строю, а на меня начальство, не без основания, не очень надеялось, боясь, что я что-нибудь напутаю.

Зато мне была оказана высокая честь находиться на правом фланге батареи при прохождении ее на «высочайшем» смотре в Царском селе мимо августейшего шефа – Николая II, в мае 1913 года [...]²⁵

Несколько труднее давалось нам гимнастика на снарядах. Вольные движения с палками проходили легко. А вот злосчастная «кобыла» и прыжки с шестом нас донимали крепко. «Кобылу» мужественно перепрыгивал Штукенберг. Мезенцев и я мучились на ней. Но самыми тяжелыми были турник и кольца. Больше двух раз я притянуться на кольцах не мог. Но вот однажды, когда начальник команды Линеви²⁵ вдруг вызвал на занятия пешего строя трубачей, произошло чудо. Под четкий ритм вальса все делалось несравнимо легче, и на кольцах я совсем свободно подтянулся четыре раза! Тут-то я впервые постиг громадное значение музыки. Другой раз я это испытал при переходе из Павловска в Царское село (три версты), когда мы шли на «высочайший смотр». Этот марш, благодаря трубачам, мы сделали шутя, совсем незаметно. В конных занятиях очень большое значение имело, на какой лошади приходилось ездить. Меня выручали необыкновенный ум моего коня Донца и его знание строевой службы. Мне не надо было им управлять, он сам, по своей инициативе, выполнял все команды. Мои товарищи смеялись надо мной и спрашивали, что я буду делать, если Донец захромает или его отдадут кому-нибудь другому. Смеялись и над тем, что я не знал Донца «в лицо».

Действительно, если около Донца не было моего рехмета Соловьева, то я никогда не мог его найти в общей массе лошадей. То, что мне бывало от этого очень стыдно, ничего не меняло. У меня ужасная память на лица, как людей, так и животных. Я бывал поражен, когда Александр Мезенцев мог назвать по именам и показать всех лошадей нашей команды.

Позднее я узнал, что офицер первой батареи Латур де Бернгард²⁶ страдал тем же неудобным для кавалериста недостатком. Когда над ним посмеивались товарищи, он говорил, что ему совсем нет необходимости искать и запоминать приметы своей строевой лошади, на что ушло бы очень много времени, поскольку есть Шкуренко, его вестовой, которого он сразу узнает, а не узнает, так тот ему крикнет: «Здесь, Ваше благородие».

Солдат, которому доставалась плохая лошадь, бывало, очень страдал от ее тупости, упрямства, злобы и всяких лошадиных пороков, так называемого «норова», да и от тряски. Конечно, все недостат-

ки коня вымещались на спине всадника. Хотя и предполагалось, что в учебной команде должны быть лучшие лошади, однако, попадались такие, от которых хотел избавиться тот или иной строевой начальник, прежде всего – господа вахмистры, которые при слабом командире батареи пользовались всей полнотой земной власти (например, в 4-й батарее у гр[афа] Кутайсова²⁷).

Все начальники в конной артиллерии здоровались с солдатами так: «Здравствуйте, братцы». Один Линевиц постоянно варьировал свое приветствие, не придерживаясь штампа: «Здорово, орлы!», «Здравствуйте, герои!», «Здравствуйте, молодцы!» Солдатам это нравилось.

Конечно, уже никто из офицеров не приветствовал солдат: «Здорово, ребята!» Это считалось очень дурным армейским тоном. Увы, мне пришлось еще услышать такое обращение к солдатам в 6-м запасном кавалерийском полку. Так здоровались старые ротмистры из армейских бурбонов или неудачников. После того как царь на параде поздоровался с нами «Здравствуйте, конно-артиллеристы!», командир нашей бригады, Орановский²⁸ тоже стал так здороваться.

Солдаты Донской батареи составляли в учебной команде отдельный взвод. Все строевые занятия, кроме конных, мы проводили вместе с ними. Манежную езду донцы проходили в отдельной смене. Линевиц здоровался с ними так: «Здорово, станичники!»

Донцы очень резко отличались от остальной массы солдат учебной команды, среди которых большинство было украинцев или жителей южных русских губерний: Курской, Воронежской, Саратовской. Держались донцы всегда особняком, довольно презрительно относясь к хохлам и москалям. Все они очень гордились тем, что служат на своем коне и в своей «исправной одежде». Материальное благополучие выпирало из всех их пор.

Освещалась казарма керосиновыми лампами. Однажды в отделении донцов лопнуло стекло у «молнии». Взводный, тупой и недалекий москаль, принес новое стекло и стал показывать дневальному донцу, как надо его вставлять в лампу и следить, чтобы лампа не коптела. Надо было видеть, с каким презрением смотрел дневальный и его товарищи-донцы на взводного, и наконец один из них прервал

его объяснения, сказав: «Ты не тужишься объяснять. Небось, дома лучшей управлялся, а у меня дед еще с Турецкого похода²⁹ лампу привез». Взводный поспешил уйти, что-то сконфуженно пробормотав, а станичники еще долго галдели и громыхали по поводу невежества москалей.

Вид у станичников был свирепый. Бородатые, косматые, чубатые, они могли при встрече напугать не только ребенка. Между прочим, они очень неохотно носили бороды. Но это была традиция батареи. Борода их совсем не украшала и очень старила. Ввели ее в обиход вернее всего из тактических соображений – для устрашения врагов.

Действительно, когда один из самых страшных донцов, отслужив свой срок, собрался ехать домой, то первое, что он сделал – это сбрил бороду, и превратился в очень благообразного мужичка, из тех, что «по старой вере».

В этом же взводе донцов служил и Кухтин, «герой» гражданской войны на Дону³⁰. Он ничем тогда не выделялся из общей массы других станичников. Конечно, если бы я знал, что он когда-нибудь войдет в историю, я пригляделся бы к нему более пристально.

Мы, вольноопределяющиеся, имели вне строя мало точек соприкосновения с донцами. У них же с «иногородними» солдатами шла глухая подпольная война. В перерыве между занятиями мы проводили время со своими батарейцами, и к донцам без дела не заходили. Однако Александр Мезенцев с ними подружился на «лошадиной» почве, часами обсуждал достоинства какого-нибудь коня. Он находил с ними общий язык, умело играл на их кулацком мировоззрении. Конечно, он знал все их прозвища по станицам, как кого «величают», у кого какое хозяйство, и какая семья. И Мезенцев из нас всех пользовался у казаков наибольшим авторитетом, к тому же он носил усы, а мы все были бритые.

Один донской хлопец очень переживал, не получая писем из дома от своей молодой жены. Это служило предлогом для постоянных шуток над ним его товарищей-донцов. Александр Мезенцев тоже принимал участие в этом развлечении молодых кобелей. Казак довольно добродушно отругивался. Но вот как-то один из солдат-хохлов, позволил себе тоже включиться в эту игру и не очень вежливо отозвался о супруге «сына Дона». Тот рассвирепел и бросился на хохла с кула-

ками, защищая честь своего семейного очага. «Quod licet Jovi, non licet bovi» («Что дозволено Юпитеру – не дозволено быку»).

С нами, вольноопределяющимися, казаки держали себя с достоинством, скорее дружелюбно, чем безразлично. Они чувствовали себя более ровней нам, более классово близкими, чем солдатам. В разговорах с нами они как бы подчеркивали, что они не хохлы, и не им чета – знают хорошую жизнь. Однако культурный уровень их был крайне низкий, и по развитию они ничем не отличались от ненавистных им москалей и хохлов.

Я не сомневаюсь, что Кухтин, встретившись с нами на поле гражданской войны, прикончил бы нас с удовольствием, независимо от того, к какому лагерю мы принадлежали: к белым или красным, по очень уважительной причине: «Дон – казачья земля, а вы зачем туда пришли?» На этом основании прикончил бы и Александра Мезенцева, хотя не раз мирно беседовал с ним, покуривая его папиросы.

Донцы получали много пищевых посылок из дома. Свиное сало поедалось ими в большом количестве. Постоянно можно было видеть их в часы отдыха, попивающими жидкий солдатский чай с сахаром внакладку, приправленный добрым куском сала и закусывающими это месиво лепешками (коржиками).

Надо заметить, что из солдат-батарейцев нашими симпатиями пользовались как раз хохлы, а не москаль. Украинцы были в обращении проще, искреннее, непосредственнее, чем русские, которые всегда, несмотря на улыбочки, таили что-то про себя.

Впрочем, и среди москалей были очень приятные и славные люди, как, например, Чирец. Он был мой сосед по правому локтю в строю. У себя на родине, где-то на Смоленщине, он был волостным писарем. Очень тихий, скромный, но какой-то хилый, он не пользовался любовью господ офицеров. За малейшую неисправность или ошибку его ругали больше других. Поручик Перфильев не раз хлестал Чирца стеком за отсутствие у него солдатской выправки.

Вид он, правда, имел не очень боевой. Бледный, немного сутулый, он вполне походил на сельского интеллигента, и, по-видимому, за эту самую «интеллигентность» ему и попадало. Он с удовольствием читал газеты, которые мы ему приносили. Но читал украдкой, чтобы не

видело начальство. Он был во всей команде единственным солдатом, который интересовался политикой, и то в очень скромных размерах. Я уже писал о жутких сквозняках в манеже, где мы занимались строем и гимнастикой. Не знаю, как это случилось, что я не заболел тогда какой-нибудь жестокой простудой. А вот бедняга Чирец частенько болел. Его считали симулянтом. Наконец, он схватил воспаление легких, долго болел и был отправлен домой, где вскоре помер.

Конечно, у офицеров были свои любимчики среди солдат. Любили исполнительных, дисциплинированных, хорошо овладевающих строем и всякой военной наукой. Но любили и безответных тупиц, но с веселыми и всегда довольными лицами. И совершенно не терпели «выражения на лице».

«Гришин, ты опять о чем-то думаешь!?»

«Никак нет, ваше благородие...»

«То-то, смотри у меня... Бабич, чего улыбаешься?»

«Никак нет, ваше благородие», – и Бабич еще больше растягивает рот в блаженной улыбке.

«Бабич,....., опять вспомнил, что у девок под подолом?! Или, небось, ты даже не знаешь, что у них там есть?»

«Так точно, знаю, ваше благородие».

«Что ж у них там?»

«Одна пустота, ваше благородие».

«Молодец, Бабич».

«Рад стараться, ваше благородие». И теперь уже вся команда едва удерживалась, чтобы не заржать жеребцами, и офицеры очень довольны. [...]»⁶⁾

Как это ни странно, но мы очень мало занимались изучением пушки, из которой мы должны были уметь стрелять. Правда, однажды как-то мы ее разобрали, посмотрели ее составные части, постарались запомнить их название. Потом провели немного занятий у орудий на плацу. Поучились строить «параллельный веер», то есть выравнивать все четыре орудия строю параллельно. В этом деле, которое является азбукой артиллериста, мы заметили некоторую неуверенность в объяснениях наших офицеров. Впоследствии я узнал, что офицеры-артиллеристы, окончившие Пажеский корпус, далеко не все вла-

дели безукоризненно этой премудростью. Должен сознаться, что никогда, ни в учебной команде, ни потом в батарее, я не умел строить этот «веер», да и не очень-то к этому и стремился, считая это делом, не имеющим никакой практической ценности. Ближе к весне мы стали заниматься при орудиях примерной стрельбой. Все солдаты должны были уметь исполнять обязанности каждого номера орудийного расчета. Каждый должен был уметь обращаться с прицелом, поставить трубку на заданную дистанцию, зарядить пушку и пр. Все это делалось для того, чтобы во время боя иметь возможность заменить выбывшего товарища. Надо признать, что учебная команда очень мало давала знаний для прохождения службы младшего командного состава (младших и старших фейерверкеров). Все, что изучалось, мы знали очень поверхностно. Для вольноопределяющихся все эти науки были новые, тогда как наши товарищи-солдаты до поступления в учебную команду уже служили год, и, будучи молодыми солдатами, еще в батареях познакомились и со строем, и с верховой ездой, и с пушкой, учили и уставы. Так, эта учебная команда должна была только суммировать их знания, и выявить наиболее достойных для производства в старшие фейерверкеры и назначения на младшие командные должности: взводных, орудийных начальников и пр. Чистке лошадей придавалось большое значение, так как будущие фейерверкеры должны были обучать молодых солдат уходу за конями.

Линевич был сам очень хороший наездник. Но научить ездить он не умел, так как был крайне не выдержан, неуравновешен, нетерпелив и сумбурен. Если бы солдаты учились ездить только в учебной команде, то вряд ли бы они смогли бы научиться хорошо владеть конем.

В нашу учебную программу входило обучение рубки лозы и глины, в пешем и конном строю. Но никто не умел рубить, за исключением нескольких солдат. У многих лошадей уже были отрублены уши. Это являлось результатом неудачной рубки с коня. Кое-кто из офицеров неплохо рубил лозу в пешем строю, но не умели рубить с коня, кроме Линевича, который рубил артистически на всех аллюрах. Очень хорошо рубили донцы. Хуже всех москали. [...]»⁷⁾

Здесь у нас, в Павловске, столкнулись две «идеологии», два понятия о военной службе, аристократы с плебеями, очень глубокое раз-

личие между отношением офицеров к службе, к пониманию сущности этой службы. Наши офицеры считали, что «Гвардейская конная артиллерия» – это, прежде всего не воинская часть, а нечто вроде клуба, куда допускаются немногие, и только те, кто разделяет основное положение, что конная артиллерия – это общество офицеров, общественная, аристократическая по своей природе организация, как есть другие подобные организации: кавалергарды, гусары, уланы и пр. Очень ясно изложил нам эту концепцию поручик Перфильев: «Мы не артиллерия, не кавалерия, не пехота, а мы "гвардейская конная артиллерия". Мы общество офицеров с определенными вкусами, традициями, взглядами на жизнь. Кому не нравится наше общество, могут найти себе другое, по вкусу». [...]»⁸⁾

Но не следует думать, что сама гвардейская конная артиллерия была однородна по своему классовому, социальному составу. Поручики Перфильев и Угрюмов не могли бывать там, где бывал Линевиц и Огарев, женатый на герцогине Сасо-Руфо. Треповы и Хитрово были своими там, где не бывали полковник Завадский³¹ и поручик Данилов³², женившийся на «платочке», как говорили офицеры, и поэтому принужденный уйти из нашей бригады в Академию. Любопытно, что и генерал Орановский, наш командир бригады, вряд ли был бы принят в «Новый клуб», где играл в бридж его зять Линевиц. И получилось так, что если Орановскому надо было довести о чем-нибудь по службе командиру гвардейского корпуса генералу Безобразову³³, то он поручал это штабс-капитану Линевицу, который за картами в клубе мог это лучше сделать, чем Орановский на официальном докладе в канцелярии корпуса. Тут уместно упомянуть о существующей с давних времен в нашей армии писаной и не писаной субординации, на что ещё указывал Толстой в «Войне и мире». По служебному положению капитан Линевиц всего лишь обер-офицер, намного ниже генерала Орановского (штаб-офицера), а по положению в обществе Линевиц выше Орановского. Линевиц в клубе по-приятельски обедает с генералом Безобразовым, играет с ним в карты и рассказывает анекдоты, а Орановский мог разговаривать с Безобразовым только по службе, стоя на вытяжку. Впрочем, я думаю, что такие факты должны были наблюдаться во всех частях русской гвардии, и только ли рус-

ской? Что касается до социального неравенства, то и его я наблюдал не только в конной артиллерии, но и в других воинских частях, где всегда можно было найти среди офицеров «белую» и «черную» кость.

Мне очень бы хотелось написать побольше о наших солдатах, но чувствую свою полную беспомощность. Почему? Не потому ли, что они, когда я вспоминаю их, представляются мне какой-то серой, однородной массой, из которой, как редкое исключение, выделяются единичные фигуры, но и они совсем не обладают какими-нибудь особыми индивидуальными качествами, чтобы о них можно было бы много написать. Думается мне, что тут немаловажные обстоятельством являлось то, что в учебную команду направлялись солдаты, отобранные по особому психотехническому признаку. Все батареи стремились к одной цели: получить младший командный состав, который был бы дисциплинированным и преданным, может быть не так службе, как своим господам офицерам. Здесь никаких талантов и качеств от солдат не требовалось, лишь бы слушались, безмолвно повиновались и, конечно, делали бы «веселое лицо». Все, кто обладал своими, личными, человеческими качествами, все, кто мог бы заявить о своем человеческом достоинстве, кто имел «выражение» на лице, все такие не допускались к командным должностям и были на особом счету в батареях, как беспокойный и неприятный элемент. Действительно, какой командир не пожелает, чтобы в его части все бы исполнялось быстро, беспрекословно и с удовольствием. Вот таких приятных автоматов и должна была изготавливать учебная команда. Милые, приятные парни, с добродушными покладистыми характерами, с образованием не выше 4-х классов сельской школы, с желанием угодить «господам». [...]»⁹⁾

Солдаты, проходившие курс военных наук в учебной команде, ворчали, что им приходится нести большую служебную нагрузку, и они мечтали скорее вернуться в батарею, где они пользовались значительно большей свободой. Действительно, помимо очень частых нарядов, их редко отпускали на воскресенье в Петербург. Поездки эти совершались по увольнительным запискам за подписью Линевича. Каждую субботу нам приходилось после занятий ходить к нему проситься в «город». Он нас отпускал без возражений.

Надо признаться, что первое время, пока мы не освоились ещё со своим «постыдным» положением, как говорил А. Мезенцев, поездки эти были довольно мучительны. Уж очень донимала нас «воинская честь». Боязнь не отдать какому-нибудь начальнику честь было буквально нашим кошмаром! Поскольку на улицах столицы можно было встретить тысячи офицеров, приходилось проявлять ежеминутно особую зоркость и сообразительность. Генералов тоже было много и поэтому ходить пешком мы старались в исключительных случаях, особенно первое время. Поясню, что по уставу честь следовало отдавать всем генералам, адмиралам, офицерам, военным чиновникам (узкий погон), в том числе и врачам, подпрапорщикам и унтер-офицерам. Генералам и адмиралам честь отдавалась, становясь во фронт за четыре шага до «объекта». Во фронт также становились всем членам императорской фамилии мужского и женского пола, и даже новорожденным. Всем офицерам своей воинской части также полагалось становиться во фронт. У нас, в конной артиллерии, мы должны были это делать: командиру бригады – генералу Орановскому, и всем штаб-офицерам, т.е. полковникам, а также всем офицерам своей батареи и, конечно, учебной команды. Отставным генералам тоже становились во фронт, чему они всегда были очень довольны. Таков был военный закон. Однако жизнь вносила в этот закон некоторые поправки. Так обычно чиновникам (узкий погон) честь не отдавали. Унтер-офицерам тоже. Подпрапорщикам – в зависимости от того, какого полка и от их солидности. Считалось крайне предосудительным отдавать честь полицейским офицерам, а от жандармских офицеров можно было отвернуться.

Сначала, конечно, я отдавал честь всем без разбора серебряным и золотым погонам, по пословице «кашу маслом не испортишь». Но позднее мы наострились в этом деле, и даже иногда слишком часто «забывали» о чести, рискуя неприятными последствиями.

Как-то я ехал с Штукенбергом на извозчике по Литейному и отдал честь «нечаянно» молодому полицейскому офицеру. Штукенберг стал меня стыдить. Я оправдывался тем, что у офицера было очень грустное лицо и что может быть он сын честных родителей, и только по какой-либо роковой причине пошел служить в полицию, может быть из-за страстной любви.

«Страстная любовь в жизни полицейского... – заметил Штукенберг, – Эта тема достойна кисти Айвазовского. Почему это никто не догадается написать такой роман?..» В это время мы выехали на Невский. Извозчику пришлось приостановиться, чтобы пропустить проезжающие экипажи, и мы оказались рядом с полицейским капитаном, стоящим на перекрестке. Конечно, мы смотрели на него и чести не отдавали.

«А где же честь, господа вольноопределяющиеся?» – обратился он к нам.

«Честь? Какая честь? Кому честь?» – спросил Штукенберг.

«Как какая?! Извольте отдавать мне честь!» – закричал полицейский чин.

В ответ на его крик Штукенберг пренебрежительно махнул рукой, извозчик хлопнул лошадь, и мы покатали дальше, а капитан что-то кричал нам вслед. Конечно, в данном случае мы ничем не рисковали. Предположим, что он бы нас задержал и отправил в наши батареи. И если бы мы доложили по начальству, что не отдали честь полицейскому, то никто бы нас за это не наказал. [...] ¹⁰⁾

Мы знали, что наши предшественники, Гагарин и Мейендорф³⁴, не раз удостоивались чести присутствовать на офицерских оргиях в качестве песенников хора. Они угощали Линевица и его помощников и у себя дома. Мы с Штукенбергом решили устроить вечер и пригласить своих начальников. Линевич отклонил наше приглашение, а Перфильев пришел. Я думаю, что он пришел специально для того, чтобы поговорить с нами, поучить нас уму-разуму. Когда вина было выпито более, чем достаточно, Перфильев взялся нам разъяснять теорию и практику «мувманта»: «Это мое словечко. Оно имело успех. Вот, поймите меня...» И тут мы услышали очень для нас любопытное мнение о нас офицеров. Оказывается, нами господа офицеры были недовольны. Мы белоручки. Мы отделяемся от солдат. Мы не хотим слиться с их массой, как это делали Гагарин и Мейендорф. Мы задираем нос. Мы не делаем веселое лицо. У нас всегда недовольный вид. Мы не понимаем «мувманта». Мы со Штукенбергом протестовали и представляли ему свои контрпретензии. Мы заверили Перфильева, что отношения у нас с солдатами самые товарищеские. В доказатель-

ство мы привели ему факт, что солдаты, не стесняясь, кроют при нас матерно офицеров. Перфильев был ошеломлен и спросил, как же мы реагируем на это? «И мы тоже кроем», – откровенно признался Додя.

«Вот это мне нравится! Вот это и есть "мувмант"! Молодцы. Не в том, что кроете, а что смело признаётесь! – шумел Перфильев – А за что же нас кроют?»

«За гордость. За классовое неравенство, – сказал я, – за унижение человеческой личности».

«За то, что вы начальники, а они подчиненные. За то, что они должны подчиняться», – сказал Додя.

«Ничего не понимаю. Это философия! Мне казалось, что у наших солдат нет основания быть недовольными офицерами. Им у нас живется не плохо. Неравенство? Во Франции, в демократической стране, капрал матерно ругает солдата, какого-нибудь маркиза или герцога, и тот не обижается».

«Мы, вольноопределяющиеся, тоже не обижаемся, когда вы нас ругаете, потому что мы добровольно, сознательно подчиняемся вам, а они служат по принуждению, они "серая скотинка", которую вы дрессируете, и им это не нравится».

«Нет, вы ничего в русском солдате не понимаете. Мы воспитываем в них лихость, удалство, смелость, молодечество, и они охотно учатся этому. Они презирают только слабых, трусливых, неженков, белоручек, и пойдут в огонь за храбрым офицером. Германская армия считается лучшей по дисциплине. А какое там уважение к солдатской личности и сострадание? Один мордобой, а у нас мувмант. Прошлый год на маневрах Гагарин (опять Гагарин) упал с лошади и не мог встать, нога запуталась. Я подскочил и кричу: "Есть мувмант, Гагарин?!" – "Есть, ваше благородие", – отвечает он, лежа под брюхом лошади. А Мейендорфа (опять Мейендорф!) спрашиваю на днях: "Как дела, Мейендорф?" – "Отлично, ваше благородие". – "Экзамены сдаете?". – "Проваливаюсь, ваше благородие!". – "На что надеетесь?". – "На мувмант, ваше благородие!"».

От всего этого полупьяного разговора у нас с Штукенбергом осталось впечатление, что все же нас с ним господа офицеры не счи-

тают вполне безнадежными в плане «мувманта». Иначе Перфильев к нам не пришел бы. Говоря же о Мезенцевых, Перфильев делал такое грустное лицо, что было ясно, что их даже не пытаются воспитывать.

«Мувмант» мы поняли так, что в той игре в солдатики, в которую мы включились, поступив служить в гвардейскую конную артиллерию, мы, несмотря ни на что, неизменно должны делать веселое лицо и изображать лихость во всех случаях жизни. Я принял этот тезис с некоторыми оговорками: шута разыгрывать на потеху офицерам не буду и в приятели им напрашиваться не хочу. Мысль об игре в солдатики мне понравилась. Действительно, для того, чтобы сохранить свое человеческое достоинство, служить можно было только играючи, отнюдь не относясь к этому серьезно, как к делу.

Я думаю все же, что корень неприязни солдат к офицерам надо было искать не столько в социальном неравенстве (барин и мужик), сколько в экономическом. Мне не раз приходилось слышать от наших солдат страшную правду и упреки в адрес офицеров, прогуливающих большие суммы денег: «Он (Линевич) вчера в собрании пропил и проиграл пятьдесят рублей, а мой отец в деревне за год таких денег не зарабатывает». А донцы рассуждали так: «Вот офицеры пьют шампанское по пять рублей бутылка, а она, как квас. Сколько его выпить надо, чтобы захмелеть? А пили бы царевое вино. Его на один рубль выпьешь (три бутылки) и очумеешь, а ему, вишь, воспитание, не позволяет. Кто его тогда уважать будет за рубль-целковый. Известно – дворянство». [...]»¹¹⁾

Мне не раз приходилось слышать горькие сетования со стороны солдат на вопиющую расточительность их командиров. Они называли это «развратом». Они прикидывали в уме, сколько один офицер мог «прогулять» в вечер денег, и ужасались. При этом они сильно приуменьшали подлинный расход денег, не представляя себе реальные ресторанные цены. Так у них сложилось мнение, что самое дорогое вино – это шампанское. Мне не хотели верить, что есть красное вино по 12 рублей за бутылку. «Зачем же его пьют?» – спрашивал наш взводный.

Я замечал, что солдаты значительно острее переживали свое экономическое неравенство с офицерами, чем социальное. Солдат не возмущало то, что офицеры пьянствуют. Но они негодовали на то, что

офицер мог пропить в один присест столько, сколько крестьянину не заработать и за год. Тяжело и страшно было наблюдать ту пропасть, которая отделяла офицера от солдата. Для тех, кто был воспитан в известном предубеждении к военной службе и к «военному духу», для тех, кто внимательно читал Толстого, а потом и Куприна, казовый дух армии, узаконенная пьяная праздность, нарочитая расточительность офицерского общества – все это было очень противно.

Семейный архив А.Г. Римского-Корсакова (г. Москва). Подлинник. Машинопись.

1) Заголовок автора.

2) Место и дата приводятся по документу.

3) Опущено описание соседей и отношений с ними.

4) Опущены подробности семейной жизни С.П. Зайченко.

5) Опущено описание Высочайшего смотря (в частности, беспокойство офицеров, которому противопоставляется спокойствие солдат, и так знавших, что получают царское «спасибо»), а также сюжет о зачислении адъютанта А.П. Саблина.

6) Опущен фрагмент о «соревновании» между 1-й и 2-й батареями.

7) Опущен сюжет о солдате Мейере, а также общей нелюбви к солдатам и офицерам гвардейского тяжелого мортирного дивизиона, с которыми была постоянная вражда.

8) Опущен отрывок, в котором повествуется об особенностях устройства гвардейских частей в целом, а также их об их «закрытости, классовой обособленности».

9) Опущен текст с рассказом об отдельных сослуживцах автора, а также соображения об отношении Николая II к гвардии и армии в целом.

10) Опущен фрагмент, развивающий тему отдания чести офицерам, отношений офицеров и жандармов, а также повествующий о друзьях автора Мезенцевых и Штукенберге.

11) Опущен текст, в котором приводятся характеристики офицеров лейб-гвардии Конной артиллерии, описываются особенности их службы и отношений друг с другом.

Примечания и комментарии

¹ См.: Корсаков Г. Мой сосед по парте // Шахматы в СССР. 1967. № 3.

² См.: Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. В 2-х кн. М., 1941; Шапошников Б.М. Пройденный путь // Военно-исторический журнал. 1966. № 6–9, 12; 1967. № 1, 3, 6.

³ См. подробнее об опубликованных мемуарах: Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода // Великая война: сто лет М.; СПб, 2014. С. 206–236.

⁴ Степанова Вера Васильевна (?–1910) – друг семьи, фельдшер в имении родителей автора в с. Журавлево Зубцовского уезда Тверской губернии Российской империи.

⁵ Мария Викентьевна (?–?) – домашняя учительница и воспитательница автора.

⁶ Левитская Александра Михайловна (?–?) – экономка в доме автора в Санкт-Петербурге. Родом из Челябинска. Дочь инспектора народных училищ. Студентка Петербургского медицинского института (1900-е гг.).

⁷ Косиковский Дмитрий Владимирович (1822–1944) – военный деятель. Окончил Императорское училище правоведения. В 1903 г. поступил вольноопределяющимся в Кавалергардский полк. Участник русско-японской войны. В годы Первой мировой награжден Георгиевским оружием. Участник Белого движения. С 1920 г. – в эмиграции.

⁸ Гротгус Гастон Генрихович (1886–1980) – правовед, военный деятель. Окончил Императорское училище правоведения в 1909 г. Затем служил в Министерстве внутренних дел и Кавалергардском полку. После Гражданской войны – в эмиграции во Франции.

⁹ Струков Александр Ананьевич (?–1924) – сын члена Госсовета А.П. Струкова. Окончил Императорское училище правоведения в 1911 г.

¹⁰ Игнатьев Сергей Алексеевич (1888–1955) – военный деятель, правовед. Окончил Императорское училище правоведения. Затем служил в лейб-гвардии Гусарском полку. После Гражданской войны – в эмиграции во Франции.

¹¹ Шеншины – дворянский род, восходит к XV столетию.

¹² Торнау Михаил Александрович (1886–1966) – военный деятель, правовед. Окончил Императорское училище правоведения в 1908 г. Офицерский чин получил в 1909 г. Штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка. Во время Гражданской войны – в Вооруженных силах Юга России (ВСЮР). Затем – в эмиграции в США.

¹³ Свечин Владимир Владимирович (1871–1944) – правовед, военный деятель, один из основателей автомобильного дела в России. Окончил Императорское училище правоведения и 2-е военное Константиновское училище. В 893 г. зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк. С 1905 г. флигель-адъютант. С 1913 г. – полковник. С началом войны 1914–1918 назначен в особую Комиссию по предварительной проверке документов и счетов Учебной автомобильной роты, которая принимала все приходившие из-за границы автомобили и готовила их к отправке в армию. 9 июня 1917 г. уволен со службы полковником по собственному прошению. После революции – в эмиграции во Франции.

¹⁴ Римский-Корсаков Дмитрий Алексеевич (1888–1956) – старший брат мемуариста, на 1909 г. корнет лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (дислоцировался в Варшаве).

¹⁵ Угрюмов Евгений Николаевич (1885 – после 1938) – муж двоюродной сестры автора, военный деятель, из вольноопределяющихся, произведен в офицеры в 1907 г. Дослужился до чина полковника. После революции – в эмиграции в Польше. После Варшавского восстания этапирован немцами в Баварию, где и умер в 1944 г. в г. Гаутинг.

¹⁶ Римский-Корсаков Сергей Александрович (1853–1921, по другим данным в эмиграции в Польше в 1932) – дядя мемуариста, военный деятель. Служил в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде. Генерал-майор.

¹⁷ Вероятно, Огарев Борис Петрович (1882–1956) – военный деятель. Окончил Пажеский корпус, полковник лейб-гвардии Конной артиллерии (старшинство с 6 декабря 1915 г.), в годы Первой мировой командовал запасной, а затем 2-й батареей. Участвовал в Гражданской войне, затем – в эмиграции во Франции.

¹⁸ Саблин Александр Павлович (1888–1961) – военный деятель. Окончил Пажеский корпус, поступил на службу в лейб-гвардии Конную артиллерию. На начало 1909 г. – подпоручик гвардии, на ноябрь 1914 г. – поручик гвардии. Участник Белого движения. Затем – в эмиграции во Франции.

¹⁹ Штукенберг Владимир Павлович (1889–1957) – друг автора, прапорщик с 1913 г. Дослужился до чина капитана. После революции – в эмиграции во Франции.

²⁰ Сыновья Александра Петровича Мезенцова (1857 – после 1917), выпускника Пажеского корпуса, бывшего офицера лейб-гвардии Конной артиллерии (вышел в отставку в чине штабс-капитана), депутата Государственно Думы 3-го созыва от октябристов. Александр Александрович Мезенцов (ок. 1886 – после 1936) – после сдачи офицерского экзамена отправился служить в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк, в годы Первой мировой войны находился в штабе 6-й армии, охранявшей подступы к Петрограду. Остался в СССР. В 1927 г. был арестован, отбывал наказание на Соловках. С 1930 г. в ссылке в Вятке. В 1936 г. переехал в Уфу, а затем в Саратов. Михаил Александрович Мезенцов (?–1915) – в годы Первой мировой по мобилизации был отправлен в Смоленск, где и умер от менингита.

²¹ Дословно с франц. «горшок на огне». Суп с говядиной и овощами.

²² *Oeuf brouillé* (фр.) – яичница-болтунья.

²³ Барановский Николай Александрович (1886–1957) – военный деятель. Окончил Александровский лицей. Офицер с 1909 г. Полковник лейб-гвардии Конной артиллерии. С 1920 г. в эмиграции во Франции.

²⁴ Перфильев Дмитрий Сергеевич (1888 – после 1938) – военный деятель, сын генерал-лейтенанта Сергея Аполлоновича Перфильева. В 1908 г. окончил Пажеский корпус, выпущен подпоручиком. Офицер Гвардии конноартиллерийской бригады. Участник Первой мировой войны в составе лейб-гвардии Конной артиллерии. Награжден Георгиевским оружием (1915 г.). С 1917 г. – полковник. Во время Гражданской войны – Добровольческой армии, ВСЮР и Русской армии барона Врангеля, затем – в эмиграции в Константинополе и Шанхае.

²⁵ Линевиц Александр Николаевич (1882–1961) – военный деятель, сын генерала Н.П. Линевица. В 1901 г. окончил Пажеский корпус, причислен к лейб-гвардии Конной артиллерии. Участник китайского похода 1900–1901 гг. и русско-японской войны. Флигель-адъютант с 1908 г., с 1913 г. – штабс-капитан. Участник Первой мировой

войны, командующий 1-й батареей лейб-гвардии Конной артиллерии. С 1915 г. – полковник. Во время Гражданской войны эмигрировал. Умер в Берлине.

²⁶ Де Латур де Бернгард Борис Владимирович (1888–1933) – военный деятель, сын генерала В.А. де Латур де Бернгарда. Служил в лейб-гвардии Конной артиллерии. Участник Первой мировой войны. С 1917 г. – полковник. Во время Гражданской войны эмигрировал во Францию.

²⁷ Кутайсов Константин Павлович (1876–1918) – военный деятель. Окончил Пажеский корпус. Полковник (с 1912 г.). Участник Первой мировой войны. В 1915 г. получил Свитское звание флигель-адъютанта. С 1916 г. командир дивизиона лейб-гвардии Конной артиллерии. Награжден Георгиевским оружием.

²⁸ Орановский Николай Алоизиевич (1869–1935) – военный деятель. Окончил Пажеский корпус. Участник русско-японской войны. Награжден Георгиевским оружием. Генерал-майор с 1907 г. С 1909 г. командир лейб-гвардии Конной артиллерии. В 1913 г. зачислен в Свиту Его Величества. В марте 1914 г. назначен начальником 1-й отдельной кавалерийской бригады. Во время Первой мировой участвовал в походе в Восточную Пруссию. После Гумбинненского сражения (20/7 августа 1914 г.) отстранен от командования за то, что не смог справиться с управлением войсками и не оказал поддержку правому флангу армией. Был допущен к временному командованию бригадой во 2-й кавалерийской дивизии. В 1915–1916 гг. инспектор артиллерии в 37-м и 13-м армейских корпусах, в 1917 г. – в 5-й армии. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

²⁹ Видимо, имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг.

³⁰ Вероятно, имеется в виду Василий Кухтин, один из донских казаков ст. Вешенской, перешедших на сторону Красной армии.

³¹ Имеется в виду полковник Завадовский Николай Иосифович (1874–?) – военный деятель. Окончил Михайловское артиллерийское училище. В 1908 г. получил чин полковника. Командовал 3-й батареей лейб-гвардии Конной артиллерии. С начала 1914 г. – командир 1-го дивизиона лейб-гвардии Конной артиллерии.

³² Данилов Николай Андреевич (?–1919) – военный деятель. Окончил Константиновское артиллерийское училище в 1909 г. Служил в лейб-гвардии Конной артиллерии. В 1913 г. поступил в Николаевскую академию Генштаба. С началом Первой мировой откомандирован в свою часть. В 1917 г. окончил ускоренные курсы академии Генштаба, произведен в капитаны. Участник Белого движения. Убит.

³³ Безобразов Владимир Михайлович (1857–1932) – военный деятель. Окончил Пажеский корпус. С 1909 г. – генерал-лейтенант. С – 1912 г. – командир гвардейского корпуса, с которым вступил в Первую мировую войну. Командовал гвардейским отрядом и войсками гвардии. Летом 1916 г. отчислен от командования. После Октябрьской революции эмигрировал.

³⁴ Речь идет о недавно закончивших учебную команду вольноопределяющихся. Вероятно, имеется в виду Андрей Андреевич Гагарин (1886 – после 1933) – военный деятель, участник Первой мировой войны, поручик (1915 г.). После революции остался в СССР и неоднократно арестовывался. Мейендорф Николай Феофилович (1887–1969) – военный деятель, сын генерала Ф.Е. Мейендорфа. Произведен в подпоручики в 1913 г. Участник Первой мировой войны. Во время Гражданской войны служил во ВСЮР. Затем эмигрировал.

Д.А. Лобанов, Л.Г. Ощепков, Н.В. Суржикова

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ВАСИЛИЯ ЖУРАВЛЕВА

Воспоминания рядовых участников Первой мировой войны – источники не редкие, но при этом малоизвестные. Их невостребованность была связана с невостребованностью опыта Первой мировой войны, история которой долгие годы находилась в тени истории Великого Октября. При этом вместе с собственно войной незаслуженно забыты оказались и те люди, для которых Первая мировая стала не просто одним из фактов личной биографии. Она стала для них чертой, разделившей их жизнь на то, что было до и после войны. Настоящая публикация, как представляется, позволит услышать хотя бы одного из многих участников Первой мировой войны, воспоминания которого вбирают в себя не только описание батальных сцен, но и свидетельства военной повседневности. Этот документ как нельзя лучше показывают, кто на самом деле был главным героем войны, реализуя или не реализуя замыслы политиков и полководцев. Границы мира и войны, жизни и смерти, божественного провидения и человеческой воли, своего и чужого – вот те вечные проблемы человечества, которые, сам того не ведая, поднял автор представленных воспоминаний. Все это деликатно и не очень вплетено в ткань источника, что, однако, не мешает увидеть в них, помимо прочего, еще и хронику того системного кризиса, к которому неумолимо скатывалась Россия в годы войны. Большевизация армии, братание с противником, антиофицерские настроения – эти его проявления также присутствуют в авторском повествовании, требуя, однако, четкого разграничения между исторической явью и более поздними идеологическими наслоениями.

Последние безусловно характерны для публикуемого нами источника, поскольку событие и воспоминание события в данном случае оказались разделены весьма протяженной дистанцией. Составляя пятьдесят лет, она позволяет говорить не только о дефиците «свежего», сиюминутного восприятия событий автором, – она позволяет рас-

смагивать ретроспективный нарратив как результат определенной мемориальной политики, серьезно повлиявшей, наряду со временем, на работу индивидуальной памяти. Нивелируя проявления личностного восприятия войны, эта политика формировала тот её образ, который стал доминирующим, типическим для массовой, национальной памяти россиян о событиях 1914–1918 гг.

Впрочем, типический характер воспоминаний В. Журавлева в известной степени детерминировался изначально типической, можно сказать заурядной судьбой их автора, – заурядной, как минимум, в той ее части, которая была связана с Первой мировой. Известно, что родился Василий Журавлев в январе 1893 г. в деревне Лёк Черноярской волости Кунгурского уезда Пермской губернии. Окончил начальную школу в селе Черный Яр, затем Кунгурское городское четырехклассное училище и Пермские педагогические двухгодичные курсы, после чего в 1910 г. был назначен учителем в деревню Шиловка Александровской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии. С началом Первой мировой войны В. Журавлев был призван в армию и направлен во 2-ю Киевскую школу прапорщиков. После ее прохождения воевал на Юго-Западном фронте. В декабре 1917 г. был демобилизован и вернулся на родину...

Проделав обычный для того времени путь от мирного учителя в офицеры военного времени, В. Журавлев был лишь одним из тех многочисленных гражданских, которые заменили выбитых из строя кадровых офицеров русской армии. Их убыль, несмотря на относительно удачное начало военной кампании, оказалась очевидной проблемой уже к 1915 г. К примеру, в 194-м пехотном Троицко-Сергиевском полку, квартировавшем перед войной в Перми, на 12 октября 1914 г. в строю оставалось только 4 офицера из положенных по штату 78¹.

Генерал А.А. Брусилов позже напишет, что очень скоро его дивизии представляли «собой лишь слабые остатки бывших частей войск... Это сражение под Перемышлем, беспрерывно длившееся в течение месяца, было последнее, о котором я мог сказать, что я давал сражение с регулярной обученной армией, подготовленной в мирное время»². Великое отступление 1915 г. в конце подорвало основы кадровой армии, и не будет преувеличением сказать, что в дальнейшем войну вела уже не русская

императорская армия, а одетый в шинели народ, лучшие представители которого пришли на смену павшим в боях кадровым офицерам.

Эти люди – офицеры военного времени, имевшие весьма смутные представления о военном образовании, – подразделялись на три группы: во-первых, это были прапорщики запаса, во-вторых, выпускники военно-учебных заведений военного времени, прошедшие сокращенный курс наук, в-третьих, нижние чины, произведенные в офицеры непосредственно на фронте за проявленную в боях храбрость. Их продвижение по службе ограничивалось обер-офицерскими чинами (не выше капитана), а после окончания войны они подлежали увольнению в запас.

Подготовка прапорщиков запаса осуществлялась в мирное время на основе Положения 1886 г., которое позволяло иметь резерв младших офицеров на случай войны. В соответствии с этим документом, нижние чины, имевшие высшее или среднее образование и отбывшие воинскую повинность, имели право сдать льготный экзамен на офицерский чин. Так, сын пермского чиновника Владимир Яковлевич Преде был призван для прохождения воинской повинности в сентябре 1911 г. Прибыв в 194-й пехотный Троицко-Сергиевский полк, рядовой В.Я. Преде, был зачислен в полковую учебную команду, после окончания которой был произведен в младшие унтер-офицеры. Как лицо с незаконченным высшим образованием он имел права вольноопределяющегося 1-го разряда и, успешно пройдя положенные испытания на звание прапорщика запаса и будучи уволен 18 июля 1912 г. с действительной службы, в декабре того же года произведен в офицеры. В мае–июне 1913 г. прапорщик запаса Преде отбыл учебный сбор в 193-м Свияжском полку, а после объявления мобилизации 18 июля 1914 г. явился в управление Пермского уездного воинского начальника...³

Хотя в Военном министерстве до начала Первой мировой войны и раздавались голоса о необходимости увеличения численности прапорщиков запаса и улучшения качества их подготовки, законодательство предоставляло столь обширные льготы образованным слоям населения по уклонению от военной службы в мирное время, что сделать это было крайне непросто. Практически все офицеры запаса – около 40 тыс. человек – были призваны еще в начале войны. Часть их была направлена на доукомплектование кадро-

вых полков, часть – во вновь формируемые дивизии второй очереди. Офицеры запаса старших возрастов заняли командные должности в дружинах государственного ополчения.

Но этого, как показала война, было мало. Поэтому военному ведомству в спешном порядке пришлось внести серьезные изменения в систему военного образования. Штаты уже существовавших военных училищ были значительно увеличены, а сроки обучения сокращены: в пехотных и казачьих училищах – до четырех месяцев, в кавалерийских, артиллерийских, инженерных и военно-топографическом – до восьми месяцев⁴. Подготовить грамотного командира за такое короткое время было непросто. Отчасти недостаток времени компенсировался более плотным графиком учебы и тем, что общеобразовательный уровень юнкеров было достаточно высок, так как в училища принимали молодых людей с правами вольноопределяющихся 1-го разряда (окончивших не менее 6 классов гимназии или приравненных к ней учебных заведений), в том числе и бывших студентов. Первый выпуск военного времени училища дали уже в декабре 1914 г.

Однако как уже имевшиеся, так и вновь открытые военные училища покрыть потребность в командных кадрах так и не смогли. В этой связи сеть военно-учебных заведений была расширена путем создания школ прапорщиков, одну из которых закончит уралец В. Журавлев. Первые такие школы осенью–зимой 1914 г. были открыты в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Тифлисе и Иркутске. К началу 1917 г. подготовкой прапорщиков занималась уже 41 школа⁵. Преподавание здесь велось по тем же программам, что и в военных училищах, но для поступающих в школы прапорщиков требования к образовательному уровню были несколько ниже. Хотя некоторые школы комплектовались студентами высших учебных заведений, в большинство школ принимали нижних чинов, отличившихся на фронте или направленных из запасных полков и имеющих права вольноопределяющихся 2-го разряда (окончивших 4 класса гимназии, кадетского корпуса, духовного или реального училища).

Военнообязанные, а также уже состоявшие на службе солдаты, могли сдать экзамены на права вольноопределяющегося при каком-нибудь среднем учебном заведении и тем самым получить воз-

возможность поступить в школу прапорщиков. Так, при 2-й мужской гимназии г. Перми в 1915–1916 гг. держали экзамены на звание вольноопределяющегося 2-го разряда, по неполным данным, 87 человек⁶. Для допуска к экзамену требовалось подать прошение на имя начальника гимназии, а для нижних чинов в обязательном порядке предъявить разрешение командира роты. Сдавали следующие предметы: закон Божий, русский язык (письменно и устно), арифметика (письменно), геометрия, история, география. Большую часть экзаменуемых составляли нижние чины расквартированных в Перми запасных полков. Как правило, все успешно сдавали закон Божий, а вот за сочинение выше тройки никто не получил. На многих работах остались замечания экзаменаторов: «бессодержательно и безграмотно» или даже «детский лепет». Выдержали испытания на права вольноопределяющегося только 29 человек⁷, что свидетельствовало не только о слабом образовательном уровне претендентов на офицерское звание, но и общем уровне развития образования в стране. Еще более красноречиво об этом говорили итоги экзаменов в школах прапорщиков ополчения, школах прапорщиков при запасных бригадах, при фронтах и отдельных армиях. Не удивительно, что иногда среди молодых офицеров возникали недоразумения, вызванные тем, что некоторые выпускники военных училищ считали себя выше тех, кто окончил школы прапорщиков.

Явный недостаток образования пытались компенсировать сразу несколькими способами. По окончании военного училища или школы прапорщиков их выпускники направлялись в запасные части, где они вели занятия с молодыми солдатами и одновременно доучивались сами. Только через два-три месяца их посылали с маршевыми ротами на фронт. При этом если позволяла боевая обстановка, то и на фронте молодых прапорщиков старались не ставить сразу в строй, а обучали современным способам боя на специально организованных курсах.

Конкуренцию хоть как-то обученным офицерским кадрам на фронте составляли простые солдаты, личная храбрость которых открывала им дорогу к заветным золотым погонам, минуя образовательный ценз. Многие солдаты вышли в офицеры благодаря Георгиевскому статуту, по которому за каждый Георгиевский крест полагалось по-

вышение в чине. Таким образом до чина прапорщика дослужился уроженец Верхне-Сергинского завода Пермской губернии Василий Константинович Миронов. После объявления мобилизации, младший унтер-офицер Миронов был зачислен в 14-ю роту лейб-гвардии Семёновского полка. За отличие в боях он был награжден тремя Георгиевскими крестами и приказом главнокомандующего Северо-Западного фронта от 17 апреля 1915 г. произведен в прапорщики...

Всего в 1914–1917 гг. русский офицерский корпус пополнился примерно 220 тыс. прапорщиков, из которых около 187,5 тыс. окончили разного рода военно-учебные заведения, прочие были произведены в офицеры за боевые отличия или по «удостоению строевого начальства» для пополнения некомплекта. Как результат в 1917 г. офицеры военного времени составляли 9/10 всех командных кадров. Во многих пехотных полках к тому времени оставалось по два-три кадровых офицера, которые мало влияли на жизнь полка, растворившись в массе вновь испеченных прапорщиков. Значительно изменился социальный состав офицерского корпуса. Если до войны более половины кадровых офицеров имели дворянское происхождение, то среди офицеров военного времени дворян было чуть более 4 %, в то время как выходцев из крестьян не менее 80 %⁸.

Естественно, что происходившие в офицерском корпусе перемены не могли не беспокоить военное ведомство России. В отчете инспектора запасных войск генерала А.А. Адлерберга, составленном по итогам проведенной в конце 1915 г. проверки запасных батальонов, недвусмысленно сказано, что «большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов»⁹. К таковым причислялись бывшие рабочие и лица, работавшие ранее прислугой в частных домах или торговых заведениях. Некоторые из них пошли учиться в школы прапорщиков, чтобы отсрочить момент отправки на фронт или, если избежать этого не удастся, хотя бы получить более высокий статус. При этом многие прапорщики, ставшие во время войны офицерами только в силу необходимости, к 1917 г. приобрели солидный боевой опыт, выросли в чинах и успешно командовали ротами и батальонами. Бывшие студенты и народные учителя, агрономы и статистики, такие как В. Журавлев, сражались не

хуже своих товарищей по оружию, прошедших полный курс военного образования. Кроме того, офицеры военного времени в силу своего народного происхождения легко находили общий язык с нижними чинами, пользовались у них доверием и авторитетом. По мнению военного теоретика и историка А. Свечина «той вспышке своей боеспособности, которую проявила царская армия в 1916 г., она обязана почти исключительно этому новому слою русской интеллигенции, влившейся в ее ряды»...¹⁰

Судьба большинства русских офицеров, как кадровых, так и военного времени, была трагической. Брестский мир и Гражданская война раскололи русское офицерство. Людей сознательно выбравших тот или иной лагерь было не так много, причем выбор этот определялся отнюдь не происхождением. Восставшими против большевиков ижевскими и воткинскими рабочими командовали офицеры военного времени, сами вышедшие из рабочих, а красными частями, при подавлении крестьянского мятежа на Тамбовщине, руководил бывший дворянин и гвардейский офицер М. Тухачевский. Большинство офицеров не желали принимать участие в братоубийственной войне, но избежать этого удалось далеко не всем. Из тех, кто не погиб в Гражданскую войну, многие были вынуждены эмигрировать, а большинство оставшихся на родине были репрессированы. В. Журавлева эта участь счастливо миновала, чего нельзя сказать об упомянутом нами выше В.К. Миронове¹¹.

Находившиеся в эмиграции бывшие офицеры оставили немало мемуаров о Великой войне, тогда как в бывшем Советском Союзе подобная деятельность не поощрялась. Вспоминать о своей службе в «царской» армии, тем более офицером, длительное время было просто небезопасно. Собственно в этом, возможно, и следует искать причину того, многие офицеры военного времени, включая В. Журавлева, оставили написание своих воспоминаний о войне на потом, отложили в долгий ящик. Но как бы это «потом» ни предопределяло дух и суть мемуаров В. Журавлева, они, как представляется, заслуживают того, чтобы ящик, наконец-то, открылся.

Текст публикуется в авторской редакции, с сохранением орфографии и пунктуации документа. Сокращения раскрываются в квадратных скобках.

Воспоминания Журавлева В.Н.¹⁾
Пермь, 1968 г.²⁾

[...] ³⁾ Когда началась 1-я мировая империалистическая война, летом 1914 года, [я] находился на каникулах на родине, откуда в августе месяце был призван на военную службу и назначен в 5 роту 153 пехотного запасного батальона¹² в г. Кунгуре¹³. Здесь был взят на учет для отправки в школу прапорщиков и находился в роте до половины апреля 1915 года. За это время окончил учебную команду и последние два месяца обучал новобранцев. Во второй половине апреля 1915 года был отправлен в 2-ю Киевскую школу прапорщиков¹⁴, которую окончил в первых числах сентября с производством в прапорщики. При окончании на каждого выпускника выдавалось 300 рублей, за счет которых приобреталось обмундирование: шинель, китель и брюки из диагонали, гимнастерка и брюки из сукна, хромовые сапоги, поясной и наплечные ремни, фуражка, белье. Вооружение состояло из шашки и револьвера системы Нагана. Через несколько дней в числе других, окончивших школу, получил назначение в г. Житомир¹⁵, откуда с маршевой ротой в действующую армию на Юго-Западный фронт. Здесь в конце сентября получил назначение в 15-ю роту 294-го Березинского полка на должность командира полуроты⁴⁾.

74-я пехотная дивизия¹⁶, в состав которой входил 294-й полк, находилась на отдыхе после летних боев в непосредственной близости от линии фронта, пополнялась, производила учения, а также вела работы по созданию второй линии обороны. Здесь мною было получено «первое боевое крещение». 15-ая рота получила задание вырыть участок окопов и ход сообщения. Командир роты поручик Олейников на выполнение задания направил с ротой меня. Было раннее туманное утро, когда рота приступила к работе. Место возвышенное недалеко от реки Днестра. Туман постепенно рассеялся, и вдруг из-за Днестра раздались артиллерийские выстрелы, несколько шрапнельных снарядов разорвалось, пролетев над нашими головами. Я распорядился прекратить работы и перебежать в соседний овраг. Противник выпустил по месту работы еще несколько снарядов, но там уже никого не было, и обстрел не причинил вреда. Заканчивать работу пришлось в следующие дни под прикрытием тумана и ночи.

В ноябре 1915 года 74-й дивизии приказано было в излучине р. Днестра, около деревни Самушина, переправиться через него и окопаться в непосредственной близости от позиций противника (100–150 шагов) и прочно закрепиться здесь. Как стало известно впоследствии, это началась подготовка к весеннему наступлению в 1916 году. Погода стояла холодная, сырая, шел то дождь, то снег. Саперной частью через Днестр был наведен понтонный мост, по которому полк ночью переправился на западный берег к деревне Самушин. До окопов противника от берега было от 1,5 до 2-х километров. Сначала колоннами повзводно, потом по отделениям и, наконец, цепью, соблюдая тишину, двигались к позиции противника. Когда были от нее на расстоянии метров двухсот, противник обнаружил наше движение, стал бросать осветительные ракеты, открыл стрельбу. Перебежками продвинулись еще и в расстоянии 100–150 м[етров] от позиции врага начали окапываться. Во время сближения в 15 роте четыре человека были ранены. К утру окопы были в рост человека, в тыл тянулись, хотя еще не глубокие, ходы сообщения. Днем пришлось сидеть в окопах, не высывая головы, под дождем и мокрым снегом. В следующие ночи, а затем и днями, окопы доводились до полной профили, устраивались козырьки, углублялись ходы сообщения, оборудовались блиндажи, устанавливались проволочные заграждения. Так в непосредственной близости от противника мы готовились проводить зиму. В некоторых местах окопы от окопов были ближе ста шагов. Такое же сближение проведено и другими полками дивизии. За зиму подвозились боеприпасы, налаживалась связь, оборудовались наблюдательные пункты. Продовольствием и обмундированием армия снабжалась удовлетворительно. В местах, куда отводились войска на отдых, были оборудованы бани. В нашей 74-й дивизии на всех более или менее продолжительных стоянках всегда работала баня, что объяснялось заботой о санитарном состоянии дивизии ее командира генерал-майора Шипова¹⁷, который к тому же сам любил париться в бане и говорил: «Русский человек обязательно должен мыться и париться в бане». Посещая полки дивизии на отдыхе, он обязательно спрашивал у солдат, хорошо ли они помылись и попарились в бане. У этого генерала всегда находилось доброе слово для солдат. Подъезжая к полку, бывало, еще

издали он кричал, снимая шапку: «Здравствуйте молодцы-березинцы! Вы у меня святые, я не могу перед вами стоять в шапке, – вы кровь проливаете за родину». Генерал нередко лично сам награждал за боевые отличия. Помню такой случай. Во время посещения 15-й роты в окопах он спросил одного из старых солдат: «В бою под Иезуполем⁵⁾ был?» – «Так точно, был, ваше превосходительство». – «Ведь здорово мы там поколотили немцев?! А чем ты награжден за этот бой?» – «Никак нет, ваше превосходительство». Вынув из кармана Георгиевскую медаль¹⁸, нач[альник] дивизии прикрепил ее на грудь солдата и, обращаясь к сопровождающим адъютанту и командиру полка, приказал оформить награждение приказом по полку и дивизии. Во время этого же посещения полка и за этот же бой он произвел одного рядового 14-й роты в ефрейторы. Солдаты в свою очередь любили начдива и старались попасть ему на глаза. Совсем другое отношение с их стороны было к командиру корпуса генерал-лейтенанту Бельковичу¹⁹, который и в условиях фронта требовал правильной отдачи чести, делал замечания за непорядок в обмундировании, а не интересовался их питанием, их нуждами. И солдаты не искали с ним встречи, наоборот старались избежать ее.

Несколько слов о том, какое участие в боях принимала 74-я дивизия в период от начала войны до осени 1915 года, то есть до моего в нее назначения. Упомянутый выше бой в большой деревне Иезуполе был в конце 1914 года во время наступления в Галиции. Противник прочно укрепился в этом населенном пункте. Когда 294-й полк ворвался в деревню, немцы отошли с окраины и засели в хатах, заранее подготовленных к обороне, и наносили большой урон полку. Выход из создавшегося положения нашел командир полка полковник Рубену²⁰. Он подбежал к одной из хат, вложил дуло винтовки в соломенную ее крышу и выстрелил. Крыша загорелась. Примеру командира последовали стрелки, и вскоре деревня запылала. Немцы стали выскакивать из горящих хат. Еще сопротивляющиеся были убиты, другие сдались в плен²¹.

Из-за недостатка вооружения, снарядов и патронов весной и летом 1915 года нашей армии пришлось вести кровопролитные оборонительные бои с хорошо вооруженным противником. На десять выстрелов врага наша артиллерия могла ответить только одним, приходилось экономить и ружейные патроны. В результате армия отсту-

пала, неся большие потери в живой силе и технике, вплоть до осени 1915 года, когда смогла ценой огромных усилий закрепиться на новых позициях, а потом и начать подготовку к наступлению в 1916 году. 74-я дивизия в 1914 и 1915 году вместе со всей армией пережила радости первых побед и невзгоды поражений.

На участке нашей 74-й дивизии, кроме указанной выше подготовки к весеннему наступлению (сближения с противником, оборудования⁶⁾ окопов, блиндажей, проволочных заграждений), в нескольких пунктах велись саперами работы по сооружению подземных ходов под окопы противника, где потом, в первый день наступления, был заложен в большом количестве порох, и произведены взрывы проволочных заграждений и окопов противника.

В период с ноября м[еся]ца 1915 года до начала майского прорыва 74-я дивизия занимала позиции около деревни Самушина, отдыхающие роты располагались в самой деревне. Позиции противника здесь находились в более выгодных условиях, чем наши – на возвышенности, откуда он имел возможность хорошо просматривать и обстреливать наши позиции, так что нам приходилось быть всегда осторожными и не высовываться из окопов. На протяжении зимы и весны 1916 года в нашем полку были потери убитыми и ранеными. Были такие случаи и во вверенной мне пятнадцатой роте. В числе пострадавших был и я. В конце февраля, когда таял снег и шел дождь, в окопах было грязно, местами стояла вода. Однажды, обходя участок роты, я, чтобы не ступить в лужу, поднялся на стрелковую ступень и сразу же спрыгнул с нее, ухватившись за голову, где почувствовал боль и ожог. Рука была в крови. Получилось, что голова моя оказалась выше бруствера, стрелок противника заметил это и с расстояния 100–120 метров выстрелил. По счастью он взял немного высоко, и пуля, сорвав 5 сантиметров кожи, не задела черепа. Санитары роты сделали перевязку, а вечером, с наступлением темноты, в санитарной линейке я съездил на перевязку в полковой медпункт. Полковой врач предложил полежать и полечить рану в госпитале, но я вернулся в окопы в роту. После еще несколько раз ездил на медпункт на перевязку.

Как раз в то время, когда у меня еще была повязка на голове, полк в окопах посетил начальник дивизии генерал Шипов. При встрече его

на фланге роты он обнял меня и сказал: «Какой великий подвиг – пролить кровь за Родину и остаться в строю». За то, что остался в строю после ранения, я получил благодарность в приказе по корпусу и [был] награжден орденом Станислава²².

Начальником команды разведчиков нашего 294-го полка был поручик Сыроваткин – боевой офицер, обстрелянный еще в начале войны и награжденный орденами Станислава, Анны²³ и Георгия²⁴. И команда его, под стать своему начальнику, была укомплектована смелыми, боевыми разведчиками, многие из которых также были награждены за боевые отличия Георгиевскими крестами и медалями²⁵. В зимние месяцы на позициях под Самушиным Сыроваткин со своими разведчиками неоднократно делал вылазки в расположение противника. Опишу коротко одну из них. Против левого фланга полка на берегу Днестра противник выставлял заставу для охраны подступов к своим позициям с реки. Позиции его здесь были на высоте, уступом падающей к реке. Под прикрытием ночей в белых халатах разведчики изучили подступы и расположение заставы и выставляемых постов. В одну из зимних ночей они бесшумно сняли два поста и атаковали заставу, вызвав в расположении противника переполох и беспорядочную стрельбу. Возвратилась команда во главе со своим командиром, захватив пятерых пленных, один пулемет и несколько винтовок. Сама команда не понесла потерь.

Самой боевой ротой в Березинском⁷⁾ полку была последняя по счету – шестнадцатая. Командовал ей штабс-капитан Неелов, который вместе с ротой прибыл на фронт в самом начале войны в звании подпрапорщика. За полтора года до моего назначения в полк подпрапорщик Неелов за боевые отличия был награжден четырьмя Георгиевскими крестами, произведен в прапорщики, подпоручики, поручики и штабс-капитаны. Будучи в чине офицера – награжден орденами Анны, Георгия и золотым оружием, имел шесть ранений. Добрая половина бойцов роты были георгиевскими кавалерами и медалистами. На счету роты было захваченных у противника восемь артиллерийских орудий, до десятка пулеметов, бомбометы, пленные... Рота представляла из себя коллектив, спаянный умелым подходом к солдатам со стороны своего командира. Будучи требовательным к подчинен-

ным⁸⁾, сам Неелов был образцом дисциплинированности, храбрости и выносливости, несмотря на свои шесть ранений. В трудную минуту «Неелыч» (так называли его в полку) умел развлечь, развеселить бойцов. В роте имелся хороший гармонист – Григорий (не помню фамилии). Бывало после тяжелого перехода да еще в плохую погоду рота в плохом настроении, слышно ворчание... Вдруг появляется среди солдат «Неелыч» в сопровождении гармониста и громко командует: «Играй, Гришуха!» Тот не заставляет себя долго ждать, и «Неелыч» пошел в вихре камаринской²⁶ или барыни²⁷. Появлялись другие плясуны, потом песенники, – смотришь, и забылась усталость, поднялось настроение. Доброму примеру последовали в соседних ротах, и весь четвертый батальон ожил, запел, заплясал...⁹⁾

Майский прорыв начался 22 мая 1916 года по старому стилю (2/VI по новому). Артиллерийская подготовка началась в 4 часа. Еще до начала ее особыми командами на Самушинском участке 41-го корпуса были проделаны¹⁰⁾ проходы в проволочных заграждениях и произведены взрывы пороха в подземных ходах под окопами и проволочными заграждениями противника. Примерно к полудню артиллерия закончила разрушение линии проволочных заграждений, и пехота пошла в атаку. 74-ая дивизия находилась в это время в корпусном резерве после длительного пребывания в окопах, а атаковала первую линию 22 мая 3-я Заамурская дивизия²⁸. Находясь в непосредственной близости от атакующей 3-й Заамурской дивизии, мы наблюдали за ходом боя. На Самушинском направлении первым же рывком в течение одного часа атакующие цепи овладели тремя линиями окопов, а еще через несколько часов была занята Молочная ферма – сильно укрепленный опорный пункт противника. Здесь было захвачено много пленных, а также орудия и пулеметы. К вечеру наши войска закрепились на отбитых вражеских позициях.

Соседний 11-й корпус также занял неприятельскую линию обороны, но не смог взять сильно укрепленную высоту 458, преграждающую путь к дальнейшему наступлению. Сильные бои здесь развернулись только 28 мая. XI-й корпус овладел высотой 458. В этот день нашей 74-й дивизии было задание занять позиции противника юго-западнее местечка Окна, высоту 279 и местечко

Заставну. Окопы юго-западнее м[естечка] Окна после артиллерийской подготовки атаковал наш 294-й полк. В первой цепи двигался 4-й батальон, в рядах которого и вверенная мне 15-я рота. Подойти к окопам противника, укрываясь за складками местности, удалось лишь до расстояния 700–800 метров до них, а дальше перебежками передвигались по открытому полю, используя для укрытия ямки на земле да кустики уцелевшей кукурузы под сильным шрапнельным, пулеметным и ружейным огнем. Ряды цепей редели, но беспрерывно двигались вперед. С расстояния, примерно, 80 метров пошли в атаку. Из окопов противника велась беспорядочная стрельба¹¹⁾, и в то же время, выскакивали отдельные солдаты и убегали в тыл. Пробежав в атаке¹²⁾ 40–50 метров, я упал, ощутив боль в животе, и у меня не действовала левая нога. На моих глазах стрелки роты ворвались в окопы противника, расправлялись с оказывающими еще сопротивление австрийскими солдатами. Но большинство из последних уже побросали оружие и сдавались в плен. Некоторые кричали: «Пан, пан, даруй мне жизнь, бо диток маю!» Это были солдаты австрийской армии – русины из жителей Буковины²⁹ и Галиции³⁰. Тем временем ко мне подошли ротные санитары. Они обнаружили у меня рану в животе, сделали наспех перевязку, из винтовок и палатки оборудовали носилки, подозвали четырех пленных австрийских солдат, и те отнесли меня на перевязочный пункт. Я не потерял сознание, держал в руке наган и указывал пленным куда идти. На встречу нам двигались еще цепи наших войск в поддержку и для развития наступления. На перевязочном пункте после тщательной перевязки полковой врач выдал мне свидетельство о ранении, в котором было написано: «Огнестрельная сквозная рана в области левой поясницы». Войдя спереди, пуля вышла сзади в двух сантиметрах от позвоночника. Я был эвакуирован в Одессу³¹ и помещен здесь в английскую Евангелическую больницу, где профессор Август определил, что пуля прошла через толстые кишки, которые были пустые, а потому тупая австрийская пуля не разорвала, а раздвинула их. Через две недели после ранения я уже начал ходить, но был еще очень слаб после большой потери крови. Через месяц чувствовал себя довольно хорошо и попросил перевести меня для лечения в город Пермь³². В Перми в госпитале на улице Покровской

(ныне ул. Ленина) пробыл еще около месяца, несколько дней побыв в родной деревне Лёк, а затем был направлен в запасной полк 74-й дивизии, который находился в г. Петергофе³³. Здесь занимался полмесяца с маршевой ротой и с ней был снова направлен на фронт.

За время моего отсутствия 41-й корпус, в состав которого входила 74-я дивизия, участвовал в ряде боевых действий и еще продвинулся вперед. Девятой армией была очищена от неприятеля вся Буковина. Зимой 1916–17 года 74-я дивизия занимала позиции на окраине города Станислава³⁴. По прибытии в полк после ранения в сентябре 1916 года я снова был назначен командиром 15-й роты. К тому времени [я был] произведен в подпоручики и награжден орденом Владимира 4-й степени с мечами и бантом³⁵. Состав роты сильно обновился, старых солдат с которыми я начинал службу в действующей армии, было совсем мало. Уже 28/V–16 года в бою около местечка Окна рота потеряла более 50 % своего состава. Условия зимовки около города Станислава были удовлетворительные, отдыхали в центре города в хорошо отапливаемых зданиях. Но тогда уже ощущался недостаток в продуктах питания, в обмундировании и особенно в обуви.

В начале 1917 года в IX-й армии происходило формирование 2-х новых Заамурских дивизий – 4-й и 5-й. На формирование 17-го Заамурского полка из 294-го в числе других офицеров и бойцов был направлен и я³⁶. Здесь был назначен командиром роты. Вплоть до Февральской революции в новом 17-м Заамурском полку время прошло в организации и учениях. Февральская революция на фронте была встречена восторженно. Проходили митинги побатальонно, полковые и всей дивизии. Приезжали агитаторы из штабов армии и фронта. Собирались митинги и стихийно, на которых в основном были выступления против войны, за немедленный мир. Были избраны полковые и дивизионные комитеты.

Наша вновь сформированная 5-ая Заамурская дивизия была переброшена под г. Бжежаны¹³⁾, где и заняла позиции. Здесь я был произведен в поручики и, вместо сбежавшего из полка штабс-капитана Бадендикта, назначен командиром 3-го батальона. За грубое обращение солдаты не любили штабс-капитана, и оставаться в полку ему было небезопасно.

Готовилось наступление по приказу Керенского³⁷. Настроение в армии было далеко не воинственное, все чаще и настойчивее слышались голоса против продолжения войны, за мир. Но наступление вопреки здравому смыслу все же началось³⁸. Нашей дивизии было задание – занять г. Бжежаны. После интенсивной артиллерийской подготовки, которая полностью разрушила проволочные заграждения противника и сильно разрушила окопы, 17-й Заамурский полк, в том числе и 3-й батальон, почти без потерь занял первую линию обороны противника. Далее по пути к Бжежанам находился лес. По лесу начали было продвигаться отдельные группы, но при первых же выстрелах со стороны противника они возвращались в занятые окопы. Все попытки командного состава организовать дальнейшее наступление не имели успеха, и оно заглохло в самом начале.

Противник увидел нашу слабость и в свою очередь перешел в наступление³⁹. Перед началом наступления в районе¹⁴⁾ 5-й Заамурской дивизии противник произвел обстрел наших позиций и предполагаемых мест расположения резервов газовыми снарядами. Во время этого обстрела 17-й Заамурский полк находился в резерве, примерно в одном километре от передовой линии в низине у подножия возвышенности, прикрывающей со стороны противника. Полк располагался частью в имевшихся блиндажах, частью в палатках. Обстрел начался вечером, когда уже стемнело, но многие люди еще не спали. Снаряды при падении издавали слабый звук и производили впечатление не взрывающихся. Но вскоре кругом стал распространяться сильный¹⁵⁾ приторный запах. Все поняли, что ведется обстрел газовыми снарядами. Было дано распоряжение надеть противогазы и подняться на возвышенность, так как по всем признакам газ был – иприт, который тяжелее воздуха и скапливается на низких местах. Вскоре начавшаяся вначале растерянность и паника улеглись, да и обстрел прекратился. На другой день мне пришлось быть в передовых окопах. Здесь также на большом протяжении пахло ипритом, особенно в низких местах, ямах. В нашем полку сильно пострадавших от отравления, которых пришлось эвакуировать в тыл для лечения, было человек 20. Были отравления и в полках, находившихся на передовой линии, но о количестве их я сведений не имею. Через несколько дней

дивизии было приказано отступать, так как противник прорвал фронт соседних частей, и нам угрожал заход его в тыл.

За короткий срок нами была оставлена вся территория, занятая в результате майского Брусиловского прорыва⁴⁰ ценой немалой крови. Во время отступления мне с батальоном приходилось дважды быть в арьергарде – прикрывать отход дивизии. Боев во время отступления не было, если не считать перестрелок с разведкой и разъездами противника, да во время задержки на заранее подготовленной позиции на какой-то небольшой речке, батальон по приказу из штаба дивизии сделал вылазку в расположение врага с целью «добыть языка», то есть пленных, чтобы получить от них сведения о противнике. Были захвачены два солдата. Один из них был тяжело ранен и вскоре умер, второй, по национальности поляк, дал нужные сведения. Во время отступления снабжение армии резко ухудшилось, дисциплина все более падала. Начиналась осень, а с ней неизбежно увеличивались и трудности для армии. В стране нарастало революционное движение под руководством партии большевиков во главе с гениальным вождем Владимиром Ильичом Лениным. На фронте происходило братание. В октябре осуществилась Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества.

В декабре 1917 года по декрету Советской власти я, как бывший учитель, был демобилизован из армии. Не малых трудов тогда стоило преодолеть расстояние в тысячи километров. Разбитый за годы войны железнодорожный транспорт работал плохо, не хватало подвижного состава и топлива, поезда были переполнены солдатами, едущими с фронта в одиночку и целыми частями. Имея документ о демобилизации, я еще сравнительно быстро добрался до родины. Удавалось солидные расстояния проехать с организованно едущими частями, предъявив документ о демобилизации. Всего в пути находился я полмесяца. Полученного в полку на дорогу сухого пайка хватило дней на пять, остальное время кое-что удавалось получать на пунктах питания на станциях, а также покупать¹⁶⁾ у жителей около станций. По прибытии домой явился в Кунгурский отдел народного образования и сначала был назначен командировочным учителем. Один месяц работал в Ергаче⁴¹ вместо заболевшей учительницы, месяц в Камаях⁴², а потом

назначен на постоянное место работы в Черноярское 2-классное училище. После трех с половиной лет военной службы я вновь вернулся к работе по мирной специальности.

В мою задачу входило поделиться воспоминаниями о событиях 1-й мировой империалистической войны, и на этом я заканчиваю их.

Пермский краеведческий музей. Ф. ДПИ. Ед. хр. НВ 1202/4. Л. 1–15. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок автора.

²⁾ Дата и место приводятся по документу.

³⁾ Опуцен фрагмент текста, где автор приводит данные о месте и дате своего рождения, получении образования и назначении на должность учителя.

⁴⁾ Далее новый абзац текста выделен по смыслу публикаторами. Ниже сохранена авторская разбивка на абзацы.

⁵⁾ Так в документе, здесь и далее должно быть Езуполь или Езупуль.

⁶⁾ Перед оборудованием зачеркнуто (сближения).

⁷⁾ Березинском вставлено поверх строки.

⁸⁾ К подчиненным вставлено поверх строки.

⁹⁾ Здесь и далее разрядкой выделены дополнения к основной рукописи, написанные В.Н. Журавлевым 20 мая 1968 г. Местоположение дополнений определено самим автором. Так, первое из них начинается словами «К странице после слов "орденом Станислава с мечами и бантом"»; второе – словами «К странице после слов "и в свою очередь перешел в наступление"»; третье – словами «К странице после слов "был демобилизован из армии"». В конце приписка другой рукою: «Справка. Дополнения к рукописи написал Журавлев Василий Николаевич. 20.05.86. Пермь. Верно: А. Ошев»⁴³.

¹⁰⁾ Были проделаны написано дважды, вторично написанное взято в скобки и зачеркнуто.

¹¹⁾ Стрельба вставлено поверх строки.

¹²⁾ В атаке вставлено поверх строки.

¹³⁾ Так в документе, здесь и далее должно быть Бржезаны⁴⁴.

¹⁴⁾ Далее было написано нашей, затем зачеркнутое.

¹⁵⁾ Сильный вставлено поверх строки.

¹⁶⁾ Покупать вписано сверху над зачеркнутым доставать.

Примечания и комментарии

¹ РГВИА. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 14. Л. 351–354.

² Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 132.

³ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 46. Л. 31.

⁴ Воробьева А.Ю. Российские юнкера, 1864–1917: История военных училищ. М., 2002. С. 28, 30, 36, 48, 50, 60.

⁵ 1, 2, 3, 4-я Петергофские, 1-я и 2-я Ораниенбаумские, 1, 2, 3, 4, 5, 6-я Московские, 1, 2, 3, 4, 5-я Киевские, 1-я и 2-я Казанские, 1, 2, 3-я Саратовские, 1, 2, 3-я Иркутские, 1-я и 2-я Одесские, 1-я и 2-я Омские, Оренбургская, Чистопольская, 1, 2, 3, 4-я Тифлиские, Горийская, Телавская, Душетская, Ташкентская, Екатеринодарская казачья и Петроградская инженерная (см.: Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 180).

⁶ Лобанов Д.А. К вопросу об образовательном уровне офицеров военного времени русской армии в период Первой мировой войны // Вторые Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 44–45.

⁷ В том числе фельдфебель 1-й роты 107-го пехотного запасного батальона Александр Алексеевич Дрямин, подпрапорщик 12-й роты 162-го пехотного запасного батальона Иван Георгиевич Землянский, рядовой 9-й роты 107-го пехотного запасного батальона Андрей Павлович Легошин (см.: ГАПК. Ф. 171. Оп. 1. Д. 31).

⁸ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 307–308.

⁹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988, С. 27.

¹⁰ Свечин А. Офицеры полка в боевой обстановке // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания: Российский военный сборник. Вып. 17. М., 2000. С. 260.

¹¹ В.К. Миронов приказом от 5 мая 1915 г. переведен в 88-й пехотный Петровский полк младшим офицером в 4-ю роту. 23 октября 1915 г. награжден орденом Святой Анны IV степени. 15 ноября 1916 г. в чине подпоручика уволен по ранениям и контузии. В конце 1918 г. мобилизован в Сибирскую армию и назначен комендантом станции Бисер. В конце 1919 г. сдался в плен. Служил в Красной армии по 1920 г. Работал в лесной промышленности. 15 мая 1938 г. арестован УНКВД по Свердловской области по обвинению в участии в контрреволюционной повстанческой организации и проведении контрреволюционной агитации. Расстрелян по приговору Тройки при УНКВД 19 июля 1938 г. Реабилитирован 13 декабря 1956 г. (см.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 23140. Л. 8, 9, 15).

¹² 153-й пехотный запасной батальон был сформирован в июле–августе 1914 г., в апреле 1916 г. развернут в полк. Входил в состав 17-й запасной пехотной бригады. В феврале 1917 г. полк поддержал революцию, а после и захват власти большевиками. Солдаты полка приняли активное участие в пьяном погроме, охватившем Кунгур 2 ноября 1917 г. Расформирован в начале 1918 г.

¹³ Кунгур – город в юго-восточной части Среднего Предуралья, административный центр Кунгурского уезда Пермской губернии.

¹⁴ В 1914 г. в Киеве были открыты две школы прапорщиков. Первая – в октябре, вторая – в декабре, в них обучалось 200 и 400 юнкеров соответственно (см.: Марков О.Д. Русская армия 1914–1917. СПб., 2001. С. 81; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 31).

¹⁵ Житомир – город на северо-западе современной Украины, в начале XX в. административный центр Волынской губернии.

¹⁶ 74-я пехотная дивизия (второй очереди) в составе 293-го Ижорского, 294-го Березинского, 295-го Свирского и 296-го Грязовецкого пехотных полков была сформирована в июле–августе 1914 г. на базе 37-й (кадровой) пехотной дивизии. Командовали дивизией генерал-лейтенант Иван Карлович Багговут (19 июля – 19 декабря 1914 г.) и генерал-лейтенант Павел Дмитриевич Шипов (19 декабря 1914 – 29 мая 1917 гг.). См.: Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. С. 268; Залесский К.А. Кто был кто в Первой Мировой войне. М., 2003. С. 853.

¹⁷ Шипов Павел Дмитриевич (1860–1919) – русский военачальник. Из дворян Костромской губернии. Образование получил в Пажеском корпусе (1882). В службу вступил 30 августа 1880 г. Выпущен прапорщиком (1883 г.) в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1904 г., после начала русско-японской войны, переведен в 26-й, а затем в 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Командовал 22-м и 21-м Восточно-Сибирскими стрелковыми полками. С 10 февраля 1909 г. числился по армейской пехоте. Участник Первой мировой войны. Сначала – командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии, затем – командующий (с 19 декабря 1914 г.) и начальник (с 10 октября 1915 г.) 74-й пехотной дивизии. С 29 мая 1917 г. – в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. Расстрелян большевиками в Петрограде в 1919 г. (по другим данным – в 1923 г.) (см.: Брусилов Волков С.В. Офицеры российской гвардии. М., 2002; Список генералам по старшинству. Составлен по 15.04.1914. Петроград, 1914; Список генералам по старшинству. Составлен по 10.07.1916. Петроград, 1916).

¹⁸ Георгиевская медаль – медаль Российской империи, учреждённая 10 августа 1913 г. вместо медали «За храбрость», введенной в 1878 г., и причисленная к ордену Святого Георгия (см. ниже). Медаль имела 4 степени, предназначалась для награждения нижних чинов (рядовых и унтер-офицеров) за боевые заслуги в мирное и военное время, по статусу не подходящие для награждения Георгиевским крестом (см. ниже). См.: Петерс Д.И. Наградные медали Российской империи XIX–XX веков: Каталог. М., 1996. С. 233–237.

¹⁹ Белькович Леонид Николаевич (1859–?) – генерал от инфантерии (8 сентября 1917 г.). Окончил Павловское военное училище и Николаевскую академию Генштаба. Участник русско-турецкой 1877–1878 гг. и русско-японской 1904–1905 гг. войн. В Первую мировую войну командовал 57-й и 15-й пехотными дивизиями. 5 июля 1915 г. назначен командиром XLI армейского корпуса в составе 3-й Заамурской пограничной и 74-й пехотной дивизий. С 13 апреля 1917 г. командующий 7-й армией Юго-Западного фронта, отстранен после провала Июньского наступления. С 1918 г. служил в Красной армии. Участвовал в работе Военно-исторической комиссии по изучению мировой войны. Включен в списки Генштаба РККА от 15 июля 1919 г. и 7 августа 1920 г. В аналогичном списке от 1 марта 1923 г. не значится (см.: Залесский А.А. Указ. соч. С. 53–54).

²⁰ Фон Рубенау Федор Николаевич (1863–?) – генерал-майор русской армии (21 января 1917 г.). Общее образование получил во 2-м Санкт-Петербургском кадетском корпусе. Окончил Павловское военное училище. В службу вступил 30 августа 1882 г. Участник русско-японской войны. На 1 марта 1914 г. – полковник 146-го пехотного

Царицынского полка. Участник Первой мировой войны. С 17 февраля 1915 г. командир 294-го Березинского пехотного полка (см.: Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.03.1914. СПб., 1914; Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916. Пг., 1916).

²¹ Доблесть полковника Рубенау и вверенных ему частей, судя по всему, была хорошо известна. Одна из газет 1916 г. писала об этом, цитируя генерала П.Д. Шипова: «Ровно год тому назад 7-го февраля 1915 года вверенная мне 74-я дивизия, во исполнение поставленной ей задачи была двинута двумя колоннами, впереди левой колонны на Красно шёл Грязовецкий полк, вправо на Небылов наступал Березинский полк ... Березинский полк со 2-й батареей атаковал сильно укрепленную дер[евню] Небылов, имея против себя бригаду противника с несколькими батареями. Под личным начальством Командира Полковника Фон-Рубенау, Березовский полк ворвался в неё и, шаг за шагом овладевали отдельными, заранее приспособленными для обороны домами после горячего 8-часового штыкового боя, к 5-и часам утра 8-го февраля овладел горящем Небыловым. При этом было взято в плен 9 офицеров, из них один Майор-командующий полком и 327 н[ижних] чинов и 2 пулемета» (Грязовецкий 296-й пехотный полк. Первая мировая война: Электронный ресурс. URL: <http://h.ua/story/219029#ixzz2yftuKc3>, дата обращения – 12 апреля 2013 г.).

²² Орден Святого Станислава (Императорский и Царский орден Святого Станислава) – орден Российской империи (1831–1917 гг.), самый младший по старшинству в иерархии государственных наград. Учреждён 7 мая 1765 г. королём польским и великим князем литовским Станиславом Августом Понятовским в честь святого покровителя Польши Станислава. В 1831 г. наряду с другим польскими орденами включён в Капитул российских орденов. Орденом Святого Станислава мог быть награжден любой подданный Российской Империи или Царства Польского, «кто преуспеванием в христианских добродетелях или отличною ревностью к службе на поприще военном, как на суше, так и на морях, или гражданском, или же в частной жизни, совершением какого-либо подвига на пользу человечества или общества, или края, в которых живет, или целого Российского государства, обратит на себя особенное ... внимание». Степени: I степень – серебряная звезда и большой золотой крест на ленте у левого бедра; II степень – золотой крест меньшего размера на шейной ленте; III степень – маленький золотой крест на груди, в петлице; IV степень (до 1839 г.). Самый распространенный орден Российской империи. Только в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. было выдано 37475 орденов Святого Станислава, в том числе 84 награды I-й ст. с мечами (1 для нехристиан), 823 без мечей (15 для нехристиан), 5391 знак II-й ст. с мечами (272 для нехристиан), 6122 знака II-й ст. без мечей (143 для нехристиан), 11312 знаков III-й ст. с мечами (344 для нехристиан) и 12620 знаков III-й ст. без мечей (261 для нехристиан). См.: Шишков С.С. Награды России. 1698–1917: Справочник в 3-х тт. Днепропетровск, 2003. Т. 2. С. 391–445.

²³ Орден Святой Анны – орден Российской империи, учреждённый в 1735 г. как династическая награда и в 1797 г. введённый императором Павлом I в государственную наградную систему для отличия широкого круга государственных чиновников и военных. Имел 4 степени: I степень – крест на ленте через левое плечо, звезда на правой стороне

грудь; II степень – крест на шее на ленте («Анна на шее»); III степень – крест на груди на ленте; IV степень – крест на эфесе холодного оружия («Клюква») с темляком из орденской ленты; знак отличия – на груди. При пожаловании ордена высшей степени знаки низших степеней не носились, за исключением знаков ордена IV степени на холодном оружии. По старшинству стоял на ступень ниже ордена Святого Владимира и до 1831 г. (до введения ордена Святого Станислава) был самым младшим в иерархии орденов Российской империи (см.: Шишков С.С. Указ. соч. С. 295–390).

²⁴ Орден Святого Георгия (Императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия) – высшая военная награда Российской империи, официально учрежденная 26 ноября 1769 г. Степени: I степень – звезда на левой стороне груди и большой крест на ленте через правое плечо; II степень – звезда на левой стороне груди и большой крест на шейной ленте; III степень – малый крест на шейной ленте; IV степень – малый крест в петлице или на колодке. По имеющимся данным, в годы Первой мировой войны были удостоены 3643 человека, включая 8 иностранцев (см.: Шишков С.С. Указ. соч. С. 13–227).

²⁵ Георгиевский крест – причисленная к ордену Святого Георгия награда для рядовых и унтер-офицеров, нижних чинов полиции, а также представителей вновь присоединённых народов Кавказа и Средней Азии, не входивших в регулярные воинские подразделения. Знак отличия ордена Святого Георгия. Вручался с 1807 г. по 1917 г. В 1856 г. разделен на 4 степени: I (высшая) степень – зотый крест, носимый на груди, на Георгиевской ленте, с бантом; II степень – такой же золотой крест, на Георгиевской ленте, без банта; III степень – серебряный крест на Георгиевской ленте, с бантом; IV степень – такой же серебряный крест, на Георгиевской ленте, без банта. С 1914 г. до 1917 г. было вручено: Георгиевских крестов I-й степени – около 33 тыс., II-й степени – около 65 тыс., 3-й степени – около 289 тыс., IV-й степени – около 1,2 млн. (см.: Дуров В.А. Русские награды XVIII – начала XX вв. М., 1997).

²⁶ Комаринская (Камаринская, Камарицкая, Комарицкая) – русская народная песня, а также пляска в ритме этой песни. Предположительно прилагательное «комаринский» возникло от топонима Камаричи – названия одной из волостей в Орловской губернии. Происхождение же песни про «Комарицкого мужика» чаще всего связывают с событиями Смутного времени рубежа XVI–XVII вв. В соответствии с этой версией русская народная песня «Ах ты, сукин сын, комаринский мужик, не хотел ты своему барину служить...» осталась «памятником измены жителей Комаринской волости Борису не только как государю, но и как своему помещику-барину». По другой версии Камаринская появилась как выражение радости «людей, сумевших убежать из татарского плена». Как танец Камаринская представляет собой переписку, главным образом мужской (см.: Мартеньянов Т.А. Правда о «Комарицкой» и «Барыне» // Исторический вестник. 1900. Окт.).

²⁷ Барыня – парный или сольный русский народный танец. Название происходит от одного из вариантов песни, сопровождавшей пляску («Сударыня-барыня»). Ранний вариант музыки «Барыни» – плясовая песня «Из-под дуба, из-под вяза» – была опубликована в «Собрании народных русских песен Ивана Прача» еще в 1790 г. По одной из версий, «Барыня» была продолжением так называемой «Комариады» (см.: Мартеньянов Т.А. Указ. соч.).

²⁸ 3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия (второй очереди) была сформирована в июле–августе 1914 г. Дивизией командовали генерал-лейтенант Евгений Матвеевич Осипов (с 20 марта 1916 г.) и генерал-майор кн. Николай Павлович Стокасимов (с 23 июля 1917 г.) (см.: Залесский А.А. Указ. соч. С. 863).

²⁹ Буковина (буквально страна бука) – историческая область в Восточной Европе между средним Днестром и главным хребтом Карпат в бассейне реки Прута и верхнего Серета, пограничье украинской и румынской национальных территорий.

³⁰ Галиция (также Галичина) – историческая область в Восточной Европе, «ядро» Западной Украины, примерно соответствует территории современных Львовской, Ивано-Франковской и западной части Тернопольской областей Украины, Подкарпатского и большей части Малопольского воеводств Польши.

³¹ Одесса – город на юге современной Украины, в начале XX в. четвёртый по величине в Российской империи после Петербурга, Москвы и Варшавы.

³² Пермь – город на востоке Европейской части России, в начале XX в. губернский центр одноименной губернии.

³³ Петергоф – город к западу от Санкт-Петербурга/Петрограда, на южном берегу Финского залива.

³⁴ Stanisław (ныне Ивано-Франковск) – город на западе современной Украины, в начале XX в. находился под властью Австро-Венгрии.

³⁵ Орден Владимирский (Императорский орден Святого Равноапостольного Князя Владимира) – орден Российской империи, вручавшийся за военные отличия и гражданские заслуги. Учреждён в честь князя Владимира (Крестителя) в 1782 г. и являлся до 1917 г. наградой для широкого круга военных в чине от подполковника и чиновников среднего ранга. Степени: I-я степень – звезда на левой стороне груди и большой крест на ленте через правое плечо; II-я степень – звезда на левой стороне груди и большой крест на шейной ленте; III-я степень – крест на шейной ленте; IV-я степень – крест в петлице (пуговичной прорези мундира) или на колодке (см.: Шишков С.С. Указ. соч. С. 231–294).

³⁶ 4-я и 5-я Заамурские дивизии (четвертой очереди) были сформированы зимой 1916–1917 гг. из четвертых батальонов пехотных полков, соответственно XXXIII и XLI армейских корпусов и были включены в них третьими дивизиями (см.: Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 213).

³⁷ Керенский Александр Федорович (1881–1970 гг.) – российский политический и государственный деятель. Из дворян. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1904 г.), приобрел известность выступлениями на политических процессах. Депутат 4-й Государственной Думы (1912–1917 гг.) от г. Вольска Саратовской губернии. С 1915 г. – лидер фракции трудовиков. Во время Февральской революции 1917 г. примкнул к эсерам, вошёл в состав Временного правительства: министр юстиции (март–май), военный и морской министр (май–сентябрь), министр-председатель (с 8 июля). С 30 августа 1917 г. – верховный главнокомандующий. После захвата власти большевиками 26–31 октября 1917 г. вместе с П.Н. Красновым предпринял поход на Петроград, закончившийся провалом. С 1918 г. – во Франции, с 1940 г. – в США. Один из организаторов «Лиги борьбы за народную свободу». Автор мемуаров, исторических исследований, составитель и редактор документальных публикаций по истории

русской революции: «Дело Корнилова» (1918 г.), «Гатчина» (1922 г.), «Издалека» (1922 г.) и др.

³⁸ Речь идет о так называемом Июньском наступлении или наступлении Керенского – последнем наступлении русских войск во время Первой мировой войны. Запланированное в рамках этой общевойсковой операции наступление Юго-Западного фронта началось 18 июня 1917 г. с выдвижения вперед XI и VII армий, наносивших главный удар в общем направлении на Львов. Через несколько дней его поддержала VIII армия

на участке Галич–Станислав. Однако начавшее с успеха наступление быстро прекратилось из-за катастрофического падения дисциплины в войсках, распропагандированных большевиками. Известно, в частности, что в связи с отказом резервов идти в бой из 20 дивизий VII армии в наступлении участвовало 8, удерживали пассивный участок 2 дивизии, в то время как остальные 10 митинговали в тылу.

³⁹ Немецкое контрнаступление (Тарнопольский прорыв) началось 6 июля 1917 г. Контрудар был нанесен из района Злочев в направлении Тарнополя, в результате чего семь корпусов XI армии оказались опрокинуты, а ее фронт прорван. Отступление XI армии повлекло за собой отход VII и VIII армий. Австро-германские войска, встречая незначительное сопротивление, продвинулись через Галицию и Украину, в результате чего уже к 15 июля деморализованные русские войска отошли на линию государственной границы по реке Збруч.

⁴⁰ Брусиловский прорыв – наступательная операция войск Юго-Западного фронта, проведенная 22 мая (4 июня) – 31 июля (13 августа) 1916 г. под руководством генерала А.А. Брусилова и закончившаяся прорывом обороны австро-венгерских войск с последующим занятием русскими войсками территорий Буковины и Восточной Галиции.

⁴¹ Ергач – железнодорожная станция в Кунгурском уезде Пермской губернии на линии Пермь–Екатеринбург.

⁴² Камаи – железнодорожная станция в Кунгурском уезде Пермской губернии на линии Пермь–Екатеринбург.

⁴³ Ошев Александр Васильевич – участник Первой мировой войны. Родился в 1894 г. в г. Перми в семье рабочих. В 1914 г. поступил в Екатеринбургскую учительскую семинарию. После окончания 2-й Омской школы прапорщиков служил в 37-м Сибирском запасном полку, затем находился на Румынском фронте. В декабре 1917 г. вернулся в Пермь. В марте 1918 г. поступил в Красную армию. Исполнял обязанности помощника военрука Пермского уездного военкомата. В декабре 1918 г. после взятия Перми войсками адмирала А.В. Колчака остался в городе и был мобилизован как бывший офицер в Сибирскую армию. Участвовал в боях под Глазовым. Был ранен. В январе 1920 г. под Красноярском сдался в плен красным. После проверки органами ВЧК был освобожден и вернулся в Пермь. Работал агрономом Пермского губернского земельного управления. Занимался краеведческой работой. Написал воспоминания о своем участии в событиях 1914–1917 гг., которые хранятся в фондах Пермского краеведческого музея (см.: Пермский краеведческий музей. Ф. ДПИ. Ед. хр. НВ 1136).

⁴⁴ Бржезаны – город в Галиции, к юго-востоку от Львова.

**«СТАРАЕМСЯ ДЕЛАТЬ, ЧТО МОЖЕМ...»:
ПЕРМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ПИСЬМАХ ПРОФЕССОРОВ
1917–1922 гг.**

Начальный период деятельности Пермского университета, первого в крае высшего учебного заведения, отражен в историографии пока очень слабо. Работы, вышедшие в 1950–1980-е гг. и написанные в рамках советской интерпретации истории, посвятили ему лишь несколько страниц, описав конкретные события проектирования и создания вуза¹. Исследование высшей школы Урала в культурно-антропологическом ключе историкам еще предстоит. В этом плане нам кажется интересной публикация писем 1917–1922 гг., которые позволяют понять восприятие событий «лихолетья» большевистской революции и гражданской войны на Урале преподавателями Пермского университета.

Сама история создания университета на Урале была длительной и непростой, так как в борьбе за размещение вуза столкнулись общественные силы двух уральских столиц – Перми и Екатеринбурга. Пермская городская Дума впервые обсудила вопрос о высшем учебном заведении в 1907 г. Городской голова П.А. Рябинин, с разрешения губернатора А.В. Болотова, горячо поддерживавшего инициативу Думы, созвал особое совещание, которое решило вопрос о наиболее желательном типе будущего высшего учебного заведения и мерах к осуществлению плана создания в Перми высшего учебного заведения. Совещание собиралось три раза – 25 октября, 7 и 19 ноября 1909 г. К участию в нем были приглашены члены городской школьной комиссии, представители разных ведомств, а также казенных и частновладельческих заводов и имений. После окончания заседаний совещание избрало редакционную комиссию, которая составила мотивированный текст заключения о необходимости создания в городе высшего учебного заведения. Это заключение легло в основу ходатайства Пермской городской управы к министру торговли и промышлен-

ности, которое было одобрено на чрезвычайном собрании Думы 8 декабря 1909 г. К министру ходатайство отправилось 5 февраля 1910 г.²

На заседании Пермской городской Думы встал вопрос о том, стоит ли направлять в Санкт-Петербург особую делегацию для поддержки «в подлежащих учреждениях» ходатайства об учреждении в городе высшего учебного заведения. Посовещавшись, гласные решили обойтись силами Ивана Григорьевича Каменского, представлявшего пермское земство в Государственном совете. Эту оплошность Думы очень выгодно для себя использовало городское управление Екатеринбурга, ближайшего соперника Перми в деле организации высшего учебного заведения. В решении важной для города проблемы администрация горной столицы оказалась более решительной и амбициозной.

23 апреля 1910 г. екатеринбургский городской голова А.Е. Обухов собрал экстренное заседание городской Думы, где поставил вопрос об открытии уральского политехникума не в Перми, а в Екатеринбурге³. Для разработки мотивированного ходатайства города об открытии политехникума А.Е. Обухов предложил обратиться к ученым силам Уральского общества любителей естествознания, настаивая, что с этим делом городу нужно поторопиться и отправить в столицу для поддержки ходатайства собственную «депутацию».

Докладная записка Екатеринбургской городской Думы об открытии высшего технического учебного заведения, подписанная А.Е. Обуховым, была отправлена в министерство 6 ноября 1910 г.⁴ В конце декабря 1910 г. в столицу выехала большая екатеринбургская делегация. Ей удалось посетить почти все ведомства, от которых зависело решение вопроса об учреждении в городе высшей школы. Одобрил проект создания горного института в Екатеринбурге председатель Совета министров П.А. Столыпин. 6 сентября 1910 г. он ненадолго остановился в городе, возвращаясь из своей поездки по Сибири и принял ходатайство екатеринбургской Думы об устройстве политехникума. Желая закрепить свой успех, гласные Думы на заседании 1 ноября 1910 г. единогласно постановили избрать Петра Аркадьевича Столыпина почетным гражданином Екатеринбурга. 15 февраля 1911 г., по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, это постановление было высочайше утверждено⁵. Впрочем,

это не решило судьбу уральского политехникума окончательно. Остановившись в Перми, П.А. Столыпин получил сходное ходатайство от пермских городских властей и пообещал им разобраться в вопросе.

В январе 1911 г. Пермь противопоставила екатеринбургскому ходатайству свою фундаментальную докладную записку, в которой отвергла все притязания соперника на будущее высшее учебное заведение. В записке утверждалось, что город Екатеринбург уже потерял свое значение как центр горнозаводской промышленности. Окружающие его заводы и промыслы или закрыты, или еле существуют. Они не могут быть показательными для учащихся будущей высшей школы. Авторы записки писали, что Екатеринбург не славится уже и как «золотая столица» Золото больше не течет в екатеринбургскую золотосплавочную лабораторию. По издании закона о свободном обращении, золото рассеялось по конторам, которые имеют ныне свои горны для сплава металла. Горное управление в Екатеринбурге, возможно, тоже скоро будет закрыто. «Как же при таких условиях можно назвать Екатеринбург центром горнозаводской промышленности Урала?» – вопрошалось в записке и утверждалось, что совершенно иную картину представляет Пермь, окруженная лучшими на Урале заводами. Одни только Пермские пушечные заводы дают то, что не могут дать все заводы, лежащие вблизи Екатеринбурга. Кроме того, в окрестностях Перми действуют частные заводы, которые принадлежат первоклассным фирмам (Лысьвенский завод графа П.П. Шувалова, Чусовской завод Камского акционерного общества, Луньевские каменноугольные копи и пр.). Все они работают и производят «колоссальное количество продуктов».

Политическим козырем Пермской городской Думы было решение о присвоении политехническому институту имени Александра II «в ознаменование истекающего пятидесятилетия освобождения крестьян от крепостной зависимости»⁶. 14 января 1911 г. докладная записка Пермской городской Думы вместе с отношением Пермского биржевого комитета была отправлена в Петербург. Вслед за ней туда выехала городская «депутация» во главе с главой Перми П.А. Рябининым. В интервью городской газете городской голова уверял, что после посещения высших чиновников, в том числе и П.А. Столыпина,

пермской делегации удалось добиться определенных успехов, шансы двух городов в деле организации высшего учебного заведения уравнились. Но в некоторые кабинеты они уже опоздали, мнение чиновников определилось. В частности, министр финансов В.Н. Коковцев сообщил П.А. Рябинину, что «дело с Екатеринбургом, по-видимому стоит прочно в отношении политехникума». Пермским городским властям он посоветовал возбудить ходатайство об учреждении в Перми университета, на что получил ответ, «что добиться открытия университета в Перми рядом с политехникумом в Екатеринбурге для города еще более трудная, почти непосильная задача»⁷.

Окончательно вопрос о размещении уральского политехникума был решен на заседании межуведомственного совещания, которое состоялось в мае 1911 г. под руководством министра народного просвещения Л.А. Кассо. Вопросу о размещении уральского политехникума было посвящено специальное заседание комиссии 31 мая 1911 г. Екатеринбург представили на заседании городской голова А.Е. Обухов и горный инженер Н.С. Михеев, Пермь – известный земский деятель, брат пермского заводовладельца Г.Е. Львов⁸. Пермский делегат убеждал собравшихся чиновников в необходимости учредить политехникум в Перми, отдавая при этом приоритет сельскохозяйственному образованию. Екатеринбургцы защищали тезис о размещении вуза в их городе, считая первоочередным создание в нем горного и лесного отделений. После прений совещание признало, что «Урал нуждается не столько в улучшении сельского хозяйства, сколько в правильной и планомерной эксплуатации его горных богатств»⁹. С этой целью решено было учредить политехникум не в Перми, а в Екатеринбурге. Сельскохозяйственное же образование, по мнению чиновников, было более необходимым в центральных районах страны, чему могло способствовать открытие в Самаре Поволжского сельскохозяйственно-коммерческого института. Закон «Об учреждении горного института в городе Екатеринбурге» был одобрен Государственным Советом и Государственной Думой. Николай II подписал его 3 июля 1914 г.¹⁰

Схватку за создание вуза общественность Перми, таким образом, проиграла, но от самой идеи организации высшего образования в городе не отказалась. Новый шанс на реализацию проекта Пермь

получила с началом войны, когда встал вопрос об эвакуации вглубь России Юрьевского (Дерптского) университета. В 1916 г. министр просвещения П.Н. Игнатьев командировал на Урал профессора Юрьевского университета К.Д. Покровского для выяснения возможностей размещения вуза. По докладу ученого было принято решение об эвакуации Юрьевского университета в Пермь. Часть имущества вуза в ноябре–декабре 1915 г. сюда была перевезена, но переезд не состоялся. Юрьевский университет в то же время получил предложение об эвакуации в Екатеринослав или Воронеж, и профессура предпочла именно эти города, более удобные как по климату, так и по близости к центру страны¹¹.

В 1916 г., учитывая давние прошения и инициативу меценатов и городского самоуправления, министр народного просвещения П.Н. Игнатьев подал в Совет министров представление об открытии в Перми отделения Петроградского университета в качестве подготовительной меры к созданию самостоятельного Пермского университета. Подготовительные работы по открытию отделения были возложены на специальную комиссию, которая прибыла в Пермь в июне 1916 г. В комиссию вошли: ректор Петроградского университета Э.Д. Гримм, исполняющий обязанности ректора Пермского отделения Петроградского университета, профессор Юрьевского университета К.Д. Покровский, попечитель Рижского округа А.П. Щербаков, архитектор Министерства народного просвещения А.А. Бернардацци и архитектор-строитель Саратовского университета К.Л. Мюфке. 1(14) октября 1916 г. Пермское отделение начало свою работу в составе первых курсов всех факультетов Петроградского университета, кроме факультета восточных языков. Большую часть курсов читали профессора Петроградского университета. Приехали в Пермь и представители других вузов (Московского, Казанского, Юрьевского, Новороссийского, Харьковского, Киевского университетов, Военно-медицинской академии, Воронежского сельскохозяйственного института, Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства)¹².

Вопрос о преобразовании Пермского отделения в самостоятельный университет был решен уже после Февральской революции. Определенную роль в этом деле, наверняка, сыграл руководитель

Временного правительства, князь Г.Е. Львов, представлявший ранее интересы Перми на совещании Л.А. Кассо. 11 апреля 1917 г. состоялось специальное заседание комиссии по реформе высших учебных заведений при Министерстве народного просвещения Временного правительства¹³. Комиссия предложила учредить Пермский университет в составе четырех факультетов (историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского) и назначить штатными преподавателями вуза лиц, исполнявших должности профессоров Пермского отделения Петроградского университета. При этом преподаватели, имевшие степень доктора, утверждались в должности ординарного профессора, имеющие степень магистра и пробывшие не менее пяти лет в звании приват-доцента одного из российских университетов – исполняющими должность ординарного профессора, остальные – исполняющими должность экстраординарного профессора. Решение об учреждении самостоятельного Пермского университета окончательно было утверждено Временным правительством 5 мая 1917 г.

Первоначальный преподавательский состав Пермского университета, таким образом, был тесно связан с профессорской средой и академическими традициями столицы. Этим, возможно, в определенной степени объясняется поведенческая реакция ученых на страшные события в революционной России и стратегии их выживания в резко изменившихся условиях, о чем позволяют судить письма пермских профессоров, публикуемые ниже. Письма сохранились в личных фондах академиков Н.А. Морозова и В.Л. Комарова, которые хранятся в архиве Российской Академии наук.

**Документ 1. Письмо К.Д. Покровского¹⁴ к Н.А. Морозову¹⁾.¹⁵.
Пермь, 2 декабря 1917 г.²⁾**

Дорогой Николай Александрович! Я был очень рад получить от Вас весточку. С удовольствием распределяю посылаемые Вами 100 экземпляров «Эволюционной социологии». Только когда эти книги дойдут до Перми? Здесь тоже, как Вы, вероятно, знаете из газет, бушевала пьяная банда, сокрушая все, что попадалось под руку и наводя ужас на обывателей. Возможны и братоубийственные столкновения

между большевиками, стремящимися захватить власть, и охранителями порядка.

Университет пока работает. Стараемся делать, что можем. Читаем лекции и понемногу устраиваем кабинеты с надеждой, что если уцелеет университет при настоящей всеобщей разрухе, он будет иметь громадное значение в созидательной культурной работе нового строительства жизни.

Будьте здоровы! Желаю Вам всего лучшего и буду очень рад, если Вы как-нибудь заглянете в Пермь.

Преданный Вам К. Покровский.

Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1462. Л. 1. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

Документ 2. Письмо К.Д. Покровского к Н.А. Морозову¹⁾.

Пермь, 25 января 1918 г.²⁾

Дорогой Николай Александрович!

Благодарю Вас за «Эволюционную социологию» и другие³⁾ брошюры. Книги Ваши в библиотеке университета получены в свое время. Мы желаем Вам [...] ⁴⁾ с благодарностью.

Занятия в нашем университете идут, но положение с каждым днем ухудшается. 2 января жалованья не выдали из-за недостатка денежных знаков. А кроме жалованья деньги нужны и на отопление и многое другое, без чего университетская машина не может идти. Стареемся не падать духом, но определенной уверенности не имеем.

Будьте здоровы. Преданный Вам К. Покровский.

Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1462. Л. 2. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Испр., в документе другая.

⁴⁾ Слово нрб.

**Документ 3. Письмо Б.Ф. Вериго¹⁶ к Н.А. Морозову¹⁾.
Пермь, 23 декабря 1917 г.²⁾**

Дорогой Николай Александрович!

Очень рад был получить от Вас весточку и очень рад, что и Вы тоже стремитесь отрешиться от того сумасшедшего мира, который волею судеб выдвинулся теперь на первый план русской исторической арены. Для нас, по существу дела, мало способов к активной боевой деятельности, в сущности, ничего другого не остается в настоящее время. Приходится выждать того времени, пока не разрядится вполне исторически накопившийся громадный запас чисто импульсивных животных действий, лишь с истощением которого может начаться просветление.

Вы пишете, что Вам бы очень хотелось пристроиться где-либо в провинциальном университете. Я бы очень хотел, чтобы Вы исполнили это желание и чтобы в качестве такого университета избрали Пермский университет. Действительно, жизнь здесь, во всяком случае, более спокойна, чем в каком-либо другом месте Европейской России. Здесь, очевидно, никогда не было таких социальных противоречий, как в других местах и поэтому характеризующий настоящее время социальный психоз является тут не самостоятельно возникшим, а занесенным сюда извне. Поэтому он здесь не столь интенсивен и не имеет столь широкого распространения. Мы живем здесь лишь отражением того, что совершается в столицах. По поводу Вас я говорил с многими из своих коллег и с различных сторон встретил единодушное желание заполучить Вас сюда в Пермь. Если бы наш университет был уже вполне организован, это можно было бы устроить сравнительно легко, так как тогда мы имели бы право присуждать степень доктора *honoris causa*¹⁷. Теперь мы этого права не имеем, но во всяком случае, мы могли бы, я думаю, избрать Вас приват-доцентом, и дать Вам возможность заниматься в лаборатории. Я имел уже обещание одного химика, который, несмотря на то, что наши помещения имеют лишь временный характер, т.е. являются в общей недостаточности, с удовольствием предоставляет в полное Ваше распоряжение одну комнату в лаборатории. Комнату могу предоставить и я, если только Вас удовлетворит та неспециально химическая обстановка, какая поневоле будет в моей физиологической лаборатории¹⁸. Я говорю «будет», так как теперь пока еще нет никакой обстановки, и было бы хорошо, если бы мне удалось ее завести хотя к будущему учебному году.

Во всяком случае, напишите, каковы Ваши планы насчет Перми, что-бы можно было своевременно тут действовать.

Как поживает Ксения Алексеевна¹⁹⁾? Посылаю ей и Вам свои поздравления и лучшие пожелания к Новому году. Остаюсь преданный Вам Б. Вериго.

Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 298. Л. 1–1 об. Подлинник. Рукопись..

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

**Документ 4. Письмо Б.Ф. Вериго к Н.А. Морозову¹⁾.
Пермь, 23 июля 1917 г.²⁾**

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Александрович!

Очень был рад, когда узнал, что Вы стали во главе Биологического института, рад как за Вас, так и за учреждение. Вы писали как-то, что собираетесь прислать в Пермь Ваш *curriculum vitae*²⁰⁾. Ввиду того, что таковое до сих пор не получено, можно думать, что Вы теперь, к нашему глубокому сожалению, оставили намерение перебраться к нам в Пермь. Да Вам это теперь и не нужно, раз Вы имеете в своем распоряжении такое ученое учреждение, каким является Биологический институт²¹⁾.

В сравнительно скором времени, во всяком случае в течение летних каникул, собираюсь по делам своей лаборатории в Петербург. Если в это время ваша квартира в Петербурге будет свободна, Вы сделали бы мне большое одолжение, разрешив в ней остановиться и сделав распоряжение старшему дворнику, чтобы он, после моего приезда, передал мне от нее ключи. Не зная, наверное, где Вы в настоящее время обретаетесь, пишу настоящее письмо в двух экземплярах, которые и отправляю: одно в Петербург, а другое в Борки.

У нас, по-видимому, подобно тому, что происходит во всей России, условия жизни с каждым днем ухудшаются, хотя до голода дело еще далеко не доходит. Что же будет дальше, остается, конечно, покрыто мраком неизвестности.

Женя и Магда, а также и сыновья, посылают искренний привет Вам и Ксении Алексеевне, к чему, конечно, вполне присоединяется и Ваш покорный слуга Б. Вериго.

Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 298. Л. 2–3. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

**Документ 5. Письмо П.В. Сюзева²² к В.Л. Комарову^{1), 23}.
Пермь, 5 апреля 1922 г.²⁾**

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

Пользуясь случаем, посылаю Вам это письмо с попутчиком. Искренно приветствую вас в переживаемое лихолетье, когда как будто чувствуется заря чего-то отрадного, конца кошмарного мракобесья.

Приношу самую глубокую душевную признательность за Ваш слишком любезный отзыв о моих ботанических работах. Учреждаемому у нас при Пермском университете Исследовательскому³⁾ институту²⁴, о котором я так мечтал, по-видимому, скоро не осуществиться. Наш университет попал в «советскую» переделку и трещит по всем швам: 3 факультета снято с государственного снабжения и остались только два: медицинский и агрономический. Со временем, вероятно, закроют и последние, т[ак] к[ак] у центральной власти нет ресурсов содержать высшую школу, а местных средств не находится.

Как-то я писал Вам, что по возвращении со съезда в октябре я был избран Советом на должность помощника ректора и до сих пор, почти полгода, не могу вырваться из этой кабалы. Ректором служит А.А. Рихтер²⁵, теперь ставший «Красным ректором», т[ак] к[ак] в феврале с[его] г[ода] старый академический уклад канул в лету и сейчас во главе университета «пролетарская тройка», т[о] е[сть] правление по назначению из трех лиц.

На предстоящее лето у меня был план попасть в высокогорную полосу уральской тайги к северу от 62° [...] ⁴⁾, но в связи с голодом развиваются грабежи и ехать очень рискованно.

Позвольте пожелать Вам всего лучшего.

С глубоким уважением и преданностью Ваш П. Сюзев.

Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1407. Л. 29–29 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ *Испр.*, в документе Исследовательскому.

⁴⁾ Слово *нрб*.

Примечания и комментарии

- ¹ Деменев А.И., Добровольский Н.С. Высшее образование на Урале. Свердловск, 1958. С. 7–19; Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г. Первый на Урале. Пермь, 1987. С. 3–40.
- ² РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5826. Л. 1.
- ³ Уральская жизнь. 1910. 16 апр.
- ⁴ РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 352. Л. 1.
- ⁵ Уральская жизнь. 1911. 6 марта.
- ⁶ РГИА. Ф. 573. Оп. 16. Д. 22614. Л. 1.
- ⁷ Уральская жизнь. 1911. 15 февр.
- ⁸ Записка уполномоченного Пермского городского управления князя Георгия Евгеньевича Львова по вопросу об открытии высшего технического учебного заведения в северо-восточной части России. М., 1911.
- ⁹ Уральская жизнь. 1911. 14 июня.
- ¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 180. Ст. 2019.
- ¹¹ Речь профессора Ф.В. Тарновского по вопросу об эвакуации Юрьевского университета // Чижов В. Пермь ... и Пермь (К вопросу об открытии в Перми университета). Владимир-на-Клязьме, 1916. С. 1–7.
- ¹² Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского университета и деятельности его в 1916–1917 учебном году (по 1-е июля 1917 г.). Пермь, 1918. С. 1–3.
- ¹³ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 167. Л. 124.
- ¹⁴ Покровский Константин Доримедонтович (1868–1944 гг.) – русский ученый-астроном, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР. Родился в Нижнем Новгороде, в семье священника. Окончив Нижегородскую классическую гимназию, поступил на математическое отделение Московского университета. В 1891 г. стал сверхштатным ассистентом Астрономической обсерватории Московского университета, затем заведующим частной обсерваторией О. Швабе. В 1895 г. избран на должность астронома-наблюдателя Юрьевского университета, где начал читать курс лекций по астрономии и математике. Организовал и провел экспедиции для наблюдений солнечных затмений в 1912 г. и 1914 г. В ноябре 1915 г., после защиты диссертации «Строение хвоста кометы», получил степень доктора астрономии и звание ординарного профессора Юрьевского университета. В 1916 г. был командирован на Урал для ознакомления с местными условиями и выяснения возможности эвакуировать в один из уральских городов Юрьевский университет. По его докладу было принято решение об эвакуации вуза в Пермь, но переезд не состоялся. В июне 1916 г. назначен исполняющим обязанности ректора Пермского отделения Петроградского университета, в мае 1917 г. – ректором Пермского университета. В августе 1919 г., по решению правительства А.В. Колчака, вместе с частью профессоров и служащих университета эвакуировался в Томск. В Пермь К.Д. Покровский больше не вернулся. В 1920 г. он получил приглашение перейти на должность старшего астронома Пулковской обсерватории, где проработал долгое время. Помимо этого К.Д. Покровский руководил в Москве военно-геодезическим отделением Московского межевого

института и выполнял обязанности председателя Ассоциации астрономов РСФСР. В 1927 г. за научные достижения был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1933 г. К.Д. Покровский переехал в Одессу, где стал работать директором Астрономической обсерватории Одесского государственного университета. В 1937 г. получил пост декана физико-математического факультета университета. В 1940 г. избран председателем комиссии по строительству планетариев на Украине. Во время оккупации Одессы фашистскими войсками К.Д. Покровский продолжал работать в университете. 15 сентября 1943 г., по предложению оккупационных властей, он прочел лекцию «Скорбные страницы в истории Пулковской обсерватории» в Институте антикоммунистической пропаганды, который был открыт при Одесском университете в 1943 г., что стало основной причиной ареста ученого после освобождения Одессы советскими войсками. В ночь с 10 на 11 мая 1944 г. К. Д. Покровский был арестован отделом УНГБ по Одесской области и обвинен в измене Родине (ст. 54 п. 1а УК УССР (измена Родине)). Умер в тюремной больнице 5 ноября 1944 г. Реабилитирован посмертно 27 июля 1993 г. См.: Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г. Указ. соч. С. 6, 19–20; Смирнов В.А., Чуприна Р.И. Константин Доримедонтович Покровский: Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.astro-observ.odessa.ua.dat/History/pokrovskiy1.pdf> (дата обращения – 15 июля 2013 г.)

¹⁵ Морозов Николай Александрович (1854–1946 гг.) – русский химик, астроном, историк культуры, революционный и общественный деятель, с 1932 г. почетный член АН СССР по химическому и физико-математическому отделению. В 1874 г. примкнул к движению народников, был членом исполнительного комитета «Земли и воли». В 1882 г. приговорен к пожизненной каторге. Провел в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости около 22 лет (до 1905 г.). В заключении изучал химию, физику, астрономию, математику, метеорологию и историю материальной культуры. После освобождения посвятил себя научно-педагогической деятельности, главным образом, в области химии и астрономии. В годы Первой мировой войны ездил на фронт в качестве представителя Земского союза. Выступал с популяризаторскими лекциями в Сибири и на Дальнем Востоке. С 1918 г. до конца жизни возглавлял Естественно-научный институт им. П.Ф. Лесгафта. См.: Морозов Николай Александрович // Большая советская энциклопедия: Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.slovari.yandex.ru> (дата обращения – 15 июля 2013 г.)

¹⁶ Вериги Бронислав Фортунатович (1860–1925 гг.) – русский физиолог, автор фундаментальных трудов по физиологии человека и животных и общей биологии. В 1877–1882 гг. учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета, в 1883–1886 гг. – в Военно-медицинской академии, по окончании которой был оставлен на кафедре физиологии. Работал в лабораториях И.М. Сеченова и И.Р. Тарханова. В 1888 г. защитил докторскую диссертацию. С 1889 г. по 1892 г. находился в заграничной командировке. В 1894–1914 гг. – профессор физиологии Новороссийского университета. С 1917 г. до конца жизни заведовал кафедрой физиологии в Пермском университете. Кроме того, руководил кафедрами физиологической химии, фармакологии, общей и экспериментальной патологии. Первый декан медицинского факультета (1920 г.). См.: Кертман Л.Е., Васильева Н.Е.,

Шустов С.Г. Указ. соч. С. 11, 15; Вериго Бронислав Фортунатович // Большая советская энциклопедия: Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения – 15 июля 2013 г.).

¹⁷ *honoris causa* (лат.) – за заслуги.

¹⁸ В 1917 г. Б.Ф. Вериго организовал первую на Урале физиологическую лабораторию. Для закупки научного оборудования для лаборатории Б.Ф. Вериго отправился летом 1917 г. в Швецию и Норвегию, на что ему было выделено 10 тысяч рублей золотом. Это оборудование поступило в Пермский университет после гражданской войны. Помимо того, летом 1917 г. университет получил для физиологической лаборатории научные материалы и инструменты из Одессы (Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г. Указ. соч. С. 11).

¹⁹ Ксения Алексеевна Морозова (урождённая Бориславская; 1880–1948 гг.) – российская журналистка, переводчица и мемуаристка. Супруга Николая Александровича Морозова.

²⁰ *Curriculum vitae* (лат. – «ход жизни») – краткое описание жизни и профессиональных навыков, резюме.

²¹ Имеется в виду Естественно-научный институт имени П.Ф. Лесгафта. Институт ведет свое начало от Санкт-Петербургской биологической лаборатории, основанной в 1893 г. В 1918–1946 гг. Институтом руководил Н.А. Морозов.

²² Сюзев Павел Васильевич (1867–1928 гг.) – пермский краевед, ботаник, фенолог, географ. В 1887 г. окончил реальное училище в Перми. В 1891–1893 гг. работал в Ботанической лаборатории Петербургского университета. В 1894 г., по поручению Академии наук, предпринял поездку по Среднему Уралу. В 1895 г. поступил практикантом по лесоводству в Пермское нераздельное имение графов Строгановых, затем служил помощником окружного лесничего в с. Ильинском, был членом правления Очерского и Добрянского заводов. Занимался активной общественной и просветительской работой. В 1904–1905 гг. участвовал в русско-японской войне. После окончания военных действий совершил путешествие с научной целью по Восточной Азии и Африке. Вернувшись в Пермь, занялся краеведческой работой. В 1918–1919 гг. работал ассистентом, затем преподавателем на кафедре ботаники Пермского университета. В 1919 г. эвакуировался с университетом в Томск, где работал старшим ассистентом Института исследования Сибири и читал лекции в Томском университете. В 1921 г. вернулся в Пермь, был избран помощником ректора, а с 1924 г. – профессором Пермского университета, читал лекции, проводил курсы по географии растений Урала. П.В. Сюзев стал одним из организаторов Русского ботанического общества (см.: Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиогр. справочник / под ред. Т.И. Быстрых и А.В. Шилова. Пермь, 2000. С. 260–261).

²³ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945 гг.) – русский ботаник и географ, член-корреспондент Российской Академии наук (1914 г.), действительный член (1920 г.) вице-президент (1930–1936 гг.) и президент Академии наук СССР. Работал в Петербургском ботаническом саду и Ботаническом саду Академии наук СССР (1899–1945 гг.). Преподавал в Ленинградском университете (1898–1937 гг.).

²⁴ Имеется в виду Биологический институт. Научные исследования по биологии ве-

лись учеными Пермского университета (в том числе и П.В. Сюзевым) летом и осенью 1918 г. на Камской биологической станции в Нижней Курье. Решение о создании Биологического научно-исследовательского института при Пермском университете было принято 28 ноября 1921 г. В 1922 г. Камская биостанция и ботанический сад пермского университета были включены в состав единого БиоНИИ. Институт сыграл большую роль в развитии медико-биологических исследований в Перми. В первой половине 1920-х гг. здесь возникли и оформились основные научные направления, разрабатывавшиеся затем пермскими учеными длительное время (Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г. Указ. соч. С. 15, 31).

²⁵ Рихтер Андрей Александрович (1871–1947 гг.) – русский ученый-физиолог, член-корреспондент (1929 г.), академик (1932 г.) Академии наук СССР, академик ВАСХНИЛ. В 1893 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета по естественному разряду. В 1895 г. стал хранителем ботанического кабинета Петербургского университета. С 1903 г. был допущен к чтению в Санкт-Петербургском университете лекций специального курса физиологии низших растений с зачислением в состав приват-доцентов университета по кафедре физиологии растений (1903–1917 гг.). С 1917 г. – профессор Пермского университета на кафедре анатомии и физиологии растений. В 1918–1921 гг. – декан физико-математического факультета, в 1921–1923 гг. – ректор Пермского университета. В 1924 г. переехал в Саратов, где создал и возглавил кафедру анатомии и физиологии растений Саратовского государственного университета. В 1929 г. за выдающуюся научную деятельность был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1931 г. приглашен заведовать кафедрой анатомии и физиологии растений в Московском университете, затем заведовал Лабораторией биохимии и физиологии растений Академии наук в Ленинграде. В 1932 г. был избран действительным членом Академии наук СССР и директором Лаборатории биохимии и физиологии растений Академии наук. В 1933 г. организовал и возглавил Институт физиологии растений им. К.А. Тимирязева Академии наук. В 1935 г. избран действительным членом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук.

**«...ЗА ЧТО ЕГО ПОГУБИЛИ И НАС ТОЖЕ?»:
ДВА ПРОШЕНИЯ О ЗАСТУПНИЧЕСТВЕ, 1935 ГОД**

Весной и летом 1935 г. местный отдел НКВД в г. Молотово Свердловской области (ныне городской район в составе г. Перми Пермского края) усердно исполнял межведомственный циркуляр № 62 от 14 апреля того же года об очистке военных заводов «от опасных для производства лиц»¹. На заводе № 172, производившем артиллерийские системы, увольняли работников, сомнительных по социальному происхождению. Одновременно производились аресты бывших эсеров и мясниковцев². Изымали антисоветских людей – так на партийном новоязе называли всех недовольных властной политикой: ворчунов, ругателей, любителей крепкого словца по адресу больших и малых начальников.

В ночь на 21 мая 1935 г. на своей квартире был арестован Дмитрий Васильевич Копьев, по профессии нормировщик, руководитель сектора нормирования механического цеха № 3; «социальное происхождение – из рабочих, неимущий, социальное положение – служащий, неимущий; образование – низшее», беспартийный, «был членом ВКП(б) с 1919 по 1921 год»³. Его обвинили в том, что он вместе со своими сообщниками несколько лет подряд вел «...К[онтр]-Р[еволюционную] агитацию, направленную против ВКП(б) и Соввласти и проводимых ими мероприятий, дискредитирующую вождей ВКП(б) и правительства СССР»⁴.

Д.В. Копьев обратился за помощью к руководству завода. Из местной тюрьмы он передал письмо председателю завкома цеха (см. документ 1).

Н.К. Костарев передал письмо в дирекцию завода, в НКВД обращаться не стал. И тогда, предположительно по желанию отца, в дело вступил сын – Герман. 25 июля 1935 г. на вырванном из школьной тетрадки двойном листе карандашом за себя и за маму он написал письмо директору Машиностроительного союзного завода имени В.М. Молотова (завод № 172) Петру Константиновичу Премудрову,

члену ВЦИК СССР и Свердловского обкома ВКП(б)⁵. Адресат письмо сохранил, держал два года в личном сейфе, откуда его в августе 1937 г. извлекли сотрудники УНКВД Свердловской области и приобщили к следственному делу уже бывшего директора. В нем письмо и содержится. По жанру это старорежимная просьба о помиловании, но сочиненная советским школьником. Смесь традиционных подданных оборотов и новейших идеологических формул образует неповторимый ментальный образ времени. Детали быта, подмеченные подростком, позволяют уточнить наши представления о повседневной жизни рабочих уральского завода в период социалистической реконструкции.

Письмо сына и матери объединены публикатором в один текст, собственно так, как они и были написаны. Письмо публикуется в редакции, совпадающей с оригиналом. Стилистические, пунктуационные и орфографические ошибки не исправляются. Путаница в именах специально оговаривается в комментариях.

Документ 1. Письмо Дмитрия Васильевича Копьева, бывшего руководителя сектора нормирования механического цеха № 3 Машиностроительного союзного завода имени В.М. Молотова, Николаю Кузьмичу Костареву председателю завкома механического цеха¹⁾. Молотово, [лето 1935 г.]²⁾

Николай Кузьмич!

Я решил еще раз написать тебе. Меня обвиняют в серьезном деле, а именно, в агитации против Советской власти, чего я, конечно, никогда не делал. Свидетели Симакин, Буторин и, видимо, Гутов. Разве это так? Ведь цеху известно и не раз приходил к Симакину и Ермашеву уговаривать Рочев и Владимиров за их недовольство и рвачество, а они, чтобы отделаться, все свои разговоры валят на меня. Цех, зная, как я работал, я думаю, может дать характеристику, что я этого не делал на имя пермского прокурора НКВД. Сидеть ни за что чрезвычайно тяжело. Буторин и Гутов, конечно, на меня злы, потому что они получали от меня выговоры за плохую работу и за появление на работе в не совсем трезвом виде, а они ведь два друга и пьют одну ноту.

Если можно, то устрой за подписями цехкома, сам знаешь как. Дело сейчас в области и ничего неизвестно, что и как будет. Все, что

говорил Симакин чисто своим языком, записано на меня, что, конечно, я отвергаю категорически, но ему это не пройдет. Ну, всего хорошего. Жду твоего содействия, хотя знаю, что тебе не легко, но, будь добр, сделай это. С тов[арищеским] приветом.

Копьев

ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996 (Премудров П.К.). Т. 1. Л. 181–181 об. Копия. Машинопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документам дела.

**Документ 2. Письмо Германа Копьева директору
Машиностроительного союзного завода имени В.М. Молотова
(№ 172) Петру Константиновичу Премудрову¹⁾.
Молотово, 25 июля 1935 года²⁾.**

Дорогой П[етр] К[онстантинович]!

Я очень извиняюсь, что осмелился к вам обратиться с большой просьбой, но выхода нет, после этой попытки должна решиться судьба семьи, дело в том, что у меня 21 мая⁶ арестовали папу, за что, конечно, я не знаю, но, судя по статье, прихожу в ужас и не верю своим ушам, что слышу про папу и как не вдумываюсь в обвинение, которое ему приписывают, ничего не подходит, потому что я за 14 лет своей жизни ни разу не слышал, чтобы папа хоть слово сказал против Советской власти, что высказал какое-либо недовольство, а всегда говорил, что торговля выправляется, строительство расширяется, скоро, ребята, заживете, хорошо будет вам, а я уже скоро умирать буду, а сестры 11 и 8 лет говорят: поживи еще, папа, лет 12, ведь надо учиться, а потом посмотри, как будем жить⁷.

Теперь папу заживо похоронили, и он для нас больше не существует.

Благодаря чего, не знаю, но мне так тяжело смотреть на маму, убитую горем, ей 49 лет. Папу я видел, он опух. Он 12 лет работал нормировщиком, весь издергался. Я помню, однажды мы с ним пошли гулять на Каму, его увидели пьяные рабочие и давай ругать, но он смолчал. Когда я его спросил, за что они его ругали, он сказал, что

такая работа и что мы привыкли, потом случай в поселке: он стоял с одним знакомым, и мимо его уха пролетела пуля, откуда неизвестно, таких случаев было два.

Тов[арищи] Семенов и Зеликман⁸ должны знать, как он просил расчет и хотел уехать, но его уговорили, а теперь видите, что получилось. А между прочим я помню, как папа, приходя с завода, возмущался, говоря с мамой: «Ну и молодежь стала никуда не годной, не хотят подчиняться, на замечания, что плохо выполнена работа, ругались, говорили: делай сам, посылали, кому куда хочется, приходили на работу в нетрезвом виде и дремали». Буторин, Гутов и другие поместили заметку в стенгазету, что он плохой администратор и что нет дисциплины, то он решил показать дисциплину, им не понравилось, вот они и сделали. Впрочем, я не знаю, может папа и верно виноват, но тут есть и личные счеты многих его сотрудников. Папа был старше своих сотрудников, но они его не признавали, вот что и получилось. Ведь папа сам с 15 лет работал и помнит, как приходилось тянуться и работал всего на двух заводах в Ленинграде на судостроительном и здесь в Молотово МЗМ⁹. Он был всегда аккуратен, прогулов не делал, отпуском пользовался редко и во все время своей работы домом отдыха не пользовался, не пьяница какой-нибудь, всегда хорошо и честно выполнял работу, можете спросить инженеров Сохацкого¹⁰, Войновека¹¹, Зеликмана.

Уважаемый П[етр] К[онстантинович]. У нас к Вам просьба: помогите папе выйти из положения, не оставьте нас сиротами, мы и так уже настрадались за два месяца, ведь мы не живем богато¹², а теперь у нас вообще все погибло, нам помощи ждать неоткуда, родных нет, нам никто не подаст руку помощи. Мы погибнем. Мама больна, не знает, куда поступить, у нее шум в голове, слабое зрение, слух, а мне 14 лет. Но куда я могу поступить, чем могу помочь семье, да еще 2 сестры, одной – 11 лет, другой – 8, им нужно учиться, но поддержки нет, помогите, не дайте погибнуть. Папа – не какой-нибудь скандалист, дома ссор не было, всегда тихо, спокойно, люди любовались на нашу жизнь. Никуда не ходил, кроме завода, да иногда в цирк¹³. Мы привыкли видеть его дома, а теперь что случилось, он в апреле приходил

все в 12 часов вечера, с 8 по 28 исполнял работу, а в мае вот случилась беда, не знаю, как мы ее переживем. Папа, бедный папа, за что его погубили и нас тоже, он работал и говорил: ну, ребята, я подработал, к зиме купим теплую одежду, да и летом отдохнете, а потом с новыми силами за учебу, а теперь так отдохнули, что едва живы и мы, и папа. Что будет с нами после приговора, ведь нас выселят с квартиры на улицу, лишат имущества, которое описано в 615 рублей, в этом числе есть кое-что чужое. Посоветуйте, куда маме устроиться на работу, не дайте погибнуть, помогите нам, мы и так уже за месяц должны 47 руб. за квартиру, денег нет, продать нечего.

Дорогой П[етр] К[онстантинович], простите папу, если он что-либо сказал, то был подведен под разговор из-за зависти к нашей мирной жизни, чтобы погубить всю семью, я это заключаю из некоторых фактов, которые происходили у меня на глазах. Будьте добры, накажите папу чем-нибудь таким, чтобы он был с нами. Я буду учиться, чтобы через некоторое время встать в ряды инженеров, я даю вам честное слово пионера, что буду следить за папой, тогда бы он был с нами, иначе мы погибнем. Мы скоро останемся раздеты и без квартиры, не говоря, конечно, о куске хлеба. Товарищ, еще прошу вас, пощадите нас, пожалуйста, правда папе 50 лет, он отжил свое время¹⁴, но неужели за 35 лет работы ничего не заслужил для нас. Конечно, маме не пройти к Вам, она бы вам все рассказала, и вы бы поняли, что папа противником Советской власти никогда не был, или вредным элементом, в заводе он в своей работе всегда давал большую экономию.

Помогите же, не дайте погибнуть, мы не заслужили этого, и папа тоже. Выручите папу, значит, дадите мне возможность учиться и малым сестрам.

С почтением и прозвбой к Вам

Герман Копьев, ученик 8-го класса школы № 2.

ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1. Л. 178–181 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁴ Заголовок публикатора.

² Место и дата приводятся по документу.

**Документ 3. Письмо Марьи Васильевны Копьевой директору
Машиностроительного союзного завода имени В.М. Молотова
(№ 172) Петру Константиновичу Премудрову¹⁾.
Молотово, 25 июля 1935 года²⁾.**

Многоуважаемый Петр Константинович, я сегодня 25 июля была на свидании у мужа, и он все время плакал, говорил, что его незаслуженно унизили, его сотрудники над ним надсмелялись, некто Готов, Буторин и другие, которые спят постоянно во время работы, они остаются хорошими, или как два первых почти всегда приходили на работу пьяные, или с похмелья и на его замечания сквернословили к тому же отец Буторина очень просил, чтобы его сына научили работать по нормированию, но он оказался не способным к этой работе, но кто же в этом виноват, как мой муж ни старался его научить, он даже обращался, не знаю к кому, не зная, как ему поступить с ним. Он приходил на работу в ненормальном состоянии, он решил посоветовать перейти на другую работу. Он это сделал и рассердился, говоря в таком виде, он меня попомнит, что и привел в исполнение. Теперь мой муж убедительно Вас просит защитить его, пусть накажут меня, это в его силе; я, проработавши столько лет, абсолютно не могу быть без работы; пусть меня заставят усиленно работать, я буду добросовестно выполнять ее. Я умираю без работы.

Уважаемый Петр Константинович¹⁶, не дайте погибнуть, помогите выйти из затруднительного положения моему мужу, ведь мы без его помощи погибаем¹⁵. Я не знаю, куда я пойду работать больная, а детей у меня трое; старшему 14 лет, потом 8 лет и 11 л[ет]. Куда я с ними? Муж просит их раздать в дети кому-либо; но они говорят: лучше голодная смерть, но с мамой, и никуда от мамы.

Простите меня, что я осмелилась написать Вам, я знаю, что только Вы можете спасти нам жизнь, мы в ваших руках, если вы захотите. С почтением к Вам Мария Васильевна Копьева¹⁷.

ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1. Л. 178–181 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

Примечания и комментарии

¹ См.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 815.

² См.: Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг.: сб. документов и материалов. Пермь, 2004. С. 201–203, 205–207.

³ Анкета арестованного // Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 16239. Л. 5–5 об.

⁴ Постановление от 19 мая 1935 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 16239. Л. 1.

⁵ О П.К. Премудрове см.: Шабалин В.В. Спаситель Мотовилихи. О директоре завода им. Молотова Петре Константиновиче Премудрове // РЕТРОспектива: Историко-архивный журнал. 2012. № 1. С. 4–9.

⁶ В приговоре указана другая дата ареста – 20 мая 1935 года (см.: Приговор по делу № 4–391 от 27 авг. 1935 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16239. Л. 98).

⁷ На следствии Д.В. Копьев признал, что когда-то в разговоре с товарищами обмолвился, что «...в период введения НЭПа т[оварищ] Ленин арестован на 3 месяца противниками НЭПа. Но это обстоятельство я не связывал с необходимостью развития частной собственности и за развитие частной собственности никогда не агитировал. Слух о якобы произошедшем аресте т[оварища] Ленина мною слышан 10–12 лет тому назад в Молотово, но от кого именно, не помню» (Протокол допроса Копьева Д.В. от 1 июня 1935 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16239. Л. 18).

⁸ А.М. Зеликман в 1935 г. занимал должность коммерческого директора завода № 172. Семенов не установлен.

⁹ МЗМ – Машиностроительный завод имени В.М. Молотова (завод № 172). Завод был основан в 1863 г. как Пермский сталепушечный завод. В 1871 г. был объединен с Пермским чугунопушечным заводом (основан в 1864 г.) в единое предприятие Пермские пушечные заводы. В 1920-е гг. предприятие называлось Пермский оружейный завод, с начала 1930-х гг. – Мотовилихинский машиностроительный завод, затем – Машиностроительный завод имени В.М. Молотова, в годы Великой Отечественной войны – Государственный Союзный завод № 172 им. В.М. Молотова или артиллерийский завод № 172 Наркомата вооружений СССР, с 1957 г. по 1991 г. – Пермский машиностроительный завод им. В.И. Ленина, ныне – ОАО «Мотовилихинские заводы».

¹⁰ В.В. Сохацкий – в 1935 г. технический директор завода № 172.

¹¹ Имеется в виду Войцеленок Леонид Леонидович, в 1935 г. главный металлург завода № 172.

¹² Опись вещей арестованного Д.В. Копьева подтверждает это утверждение. Все имущество семьи состояло из клеенчатой пружинной кушетки, 8 стульев простых, шкафа для посуды, трех столов, часов-ходиков и ручной швейной машинки. Вместе с личными вещами Д. Копьева («мужской пинжак серый» и «шарф шерстяной») все вместе оценили в 615 рублей (см.: Опись имущества Копьева Д.В. от 7 июня 1935 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 16239. Л. 4).

¹³ Имеется в виду «Госцирк – театр им. Премудрова», располагавшийся в деревянном здании для цирковых представлений (на 1500 мест), построенном в 1927 г. и сгоревшем в 1943 г. В августе 1937 г. П.К. Премудров утверждал, что его имя присвоили цирку без его ведома: «Я был недоволен тем, что цирк называли моим именем» (Протокол № 14 общего закрытого партсобрании заводууправления от 8 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 65 об.). См. также: Пермский цирк: Электронный ресурс. URL: http://www.jur-portal.ru/work.pl?act=law_read&subact=sudja&id=118397, дата обращения – 3 окт. 2013 г.

¹⁴ Здесь Герман Копьев повторяет одну из расхожих «истин» начала 1930-х гг.: старшие поколения, выросшие при царизме, являются носителями всякого рода предрассудков; при социализме достойно жить, в первую очередь, молодые люди, воспитанные советской властью. Ср.: «Простите меня – я жалею старушек, / Но это – единственный мой недостаток» (Светлов М. Старушка: Электронный ресурс. URL: <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/svetlov/verses.htm>, дата обращения – 3 окт. 2013 г.). «Поколение в публичной (официозной) речи приравнивалось к классу. Класс, который представляло старшее поколение, был обречен на отживание, умирание, причем не "мирное", не эволюционное» (Чудакова М. Заметки о поколениях в Советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30): Электронный ресурс. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/30/chudak-pr.html>, дата обращения – 3 окт. 2013 г.).

¹⁵ Выяснить, пытался ли П.К. Премудров помочь старому нормировщику, не удалось. Д.В. Копьев был приговорен 27 августа 1935 г. Спецколлекцией Свердловского областного суда «...по совокупности преступлений на основании 1 ч. 58–10 ст. УК к лишению свободы на 2 года» (Приговор по делу № 4–391 от 27 авг. 1935 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16239. Л. 98).

¹⁶ Директор завода № 172 П.К. Премудров 11 августа 1937 г. сам оказался под арестом. 13 января 1938 г. бывший директор был осужден за контрреволюционную деятельность, шпионаж, вредительство и терроризм и приговорен к расстрелу с конфискацией имущества (см.: Шабалин В.В. Указ. соч. С. 8–9).

¹⁷ Что-либо о дальнейшей судьбе семьи Копьевых установить не удалось.

ИНТИМНОЕ И ПОЛИТИКА В ПОЗДНЮЮ СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ¹

Публичное пространство и частная жизнь не были разделены в сталинскую эпоху. В условиях, когда власть включала отношения мужчины и женщины в политическую сферу, семейная жизнь выносилась на всеобщее обсуждение, а публичное пространство приватизировалось и становилось ареной для семейных сцен. «Документы поздней сталинской эпохи свидетельствуют о том, что власти проводили целенаправленную политику лишения партийцев права на частную жизнь. Организация контролировала их семейный быт: заботу о женах, уделяя особое внимание тому, чтобы они не забывали водить их в кино, театр, воспитание детей, досуговые занятия, дружеские связи»,² — утверждает О.Л. Лейбович. Но была и другая сторона. Желание раскрыть свою семейную проблему перед властью зачастую являлось инициативой снизу. В письмах к власти мы видим примеры, когда женщины обращались к власти, чтоб настроить отношения с мужьями или приструнить ревнивую жену сослуживца.

Елена Зубкова описывает случай, который показывает переплетение интимного и политического на центральном уровне: «28 октября 1949 г. на личный прием Н.М. Швернику³ пришла супружеская пара. Он — на костылях, инвалид войны, совсем еще молодой человек, 25 лет. Жена — еще моложе. Пришли они в Приемную с просьбой, может быть, не совсем обычной. Молодая женщина была беременна и хотела сделать аборт, но на это требовалось специальное разрешение. Советским законодательством абортыв были запрещены, разрешались лишь в исключительных случаях — "по медицинским показаниям"⁴. ... Дело в том, что молодые супруги были женаты три года, но до сих пор не имели возможности жить вместе. Он ночевал в общежитии при фабрике им. Воровского, где работал, она жила вместе с мачехой и ее замужними дочерьми в 18-метровой комнате. Днем мачеха сидела с их полуторагодовалым сыном, за что молодая женщина платила ей 200 руб. в месяц из своего 500-рублевого зара-

ботка. Однако оставлять ребенка на ночь мачеха не позволяла, ...его приходилось носить к отцу в общежитие.... Перспектив на получение жилья у молодой семьи не было никаких. А тут еще вторая беременность. Сначала они обратились в райисполком, где стояли в очереди на получение комнаты, но получили отказ. И тогда пошли в Приемную Президиума Верховного Совета ... Их приняли, поговорили, а уже через несколько дней было готово заключение комиссии, которая обследовала жилищные условия этой семьи... Молодой женщине разрешили, "в порядке исключения", сделать аборт. По "личному указанию товарища Шверника Н.М."»⁵. Данный пример демонстрирует, что государство вмешивалось в вопрос о деторождении, а граждане, действуя в рамках закона, обращались к высшему лицу в государстве, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, ожидая от него либо разрешения на аборт, либо помощи в получении квартиры.

Публикуемые нами документы продолжают поднятую Е.Ю. Зубковой тему, достаточно ярко иллюстрируя обе стороны отношений интимного и политики. Документы 1 и 2 показывают личную инициативу женщины, желавшей повлиять на поведение жены сослуживца. Документ 3 – свидетельство партийного наказания отца за брачное поведение дочери. Документ 4 иллюстрирует неформальные публичные практики воздействия на материальные отношения отца и сына. Документы 5–7 демонстрируют, как частное и публичное смешивались и выносились на широкое обсуждение, как личные отношения оказывались не только темой для писем, но и инструментом борьбы за положение во власти.

Фамилии действующих лиц изменены в связи с тем, что публикуемая информация касается их личной жизни. Орфография и пунктуация приводятся в соответствии с текстом документов.

Документ 1. Письмо помощника секретаря Нытвенского райкома ВКП (б) О.В. Петровой первому секретарю Молотовского обкома ВКП(б) Ф.М. Прассу⁶ с жалобой на действия П.В. Дмитриевой¹). [Нытва⁷, Молотовская область⁸, 25 мая 1951 г.]²

Вы, меня пожалуйста извините, что я Вас беспокою по этому делу, которое можно было решить у себя на месте. Но беда в том, что наши секретари райкома не могут этого решить, а я больше не могу этого терпеть и работать в такой обстановке больше нельзя. Вот поэтому решила побеспокоить Вас.

Я работаю помощником секретаря Нытвенского РК КПСС, а зав[едующим] учетом работает у нас тов. Дмитриев, и вот уже около 3-х лет его жена, Дмитриева, меня ревнует к нему. Об этом знает весь аппарат райкома. Дело дошло до того, если тов[ариш] Дмитриев работает вечером в райкоме, так мне надо уходить из райкома. Нельзя в райкоме одной дежурить, обязательно надо брать кого-нибудь с собой, а если он дежурит, так она с ним. Больше того мне нельзя заходить к нему в кабинет. Был такой случай: жена Дмитриева пришла к нам в райком (она в райком ходит каждый день) он за чем-то был у меня в кабинете, так на весь райком был поднят шум. При беседе с секретарем тов[арищем] Казаковой, Дмитриева заявила, если Вы Петрову не накажете, так я сама с ней рассчитаюсь.

24 мая утром я шла на работу в райком, она меня обругала, а сейчас только остается, чтоб она побила меня, у нее на это толку хватит.

Филипп Михайлович, прошу Вас как-то мне помочь в этом, у меня нет больше никаких сил терпения, да и обидно, когда ругают, а ты ни в чем не виноват. И при такой обстановке работать невозможно.

Пом[ощник] Секретаря РК КПСС [О.В. Петрова]

21 мая 1951 г.

ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 193. Л. 76. Подлинник. Машинопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата установлены по документу.

**Документ 2. Докладная записка инструктора особого сектора
Молотовского обкома КПСС Тихоновой о работе, проведенной
по результатам проверки фактов письма помощника секретаря
Нытвенского райкома ВКП(б) О.В. Петровой¹⁾.
[Нытва, Молотовская область, 1 июня 1951 г.]²⁾**

По заявлению пом[ощника] Секретаря Нытвенского райкома партии тов[арища] Петровой Ольги Викторовны проведена личная беседа с Петровой О.В., Дмитриевым – зав[едующим] учетом райкома и его женой Дмитриевой П.В. (беспартийная, домашняя хозяйка).

Установлено, что конфликт между Петровой и Дмитриевой П.В. продолжается около трех лет, возник на почве сплетни переданной членом партии – уборщицей райкома Кирилловой В. жене Дмитри-

ева о том, что ее муж ухаживает за Петровой, вызывает ее в райком, угощает пряниками и апельсинами, привез Петровой дрова и запряг лошадь для поездки Петровой в больницу и это служило поводом для ревности и конфликтов доходящих до оскорблений на улице.

Конфликты в семье Дмитриевых были известны секретарям райкома партии, которые неоднократно с женой Дмитриева беседовали. Кроме того, вопрос разбирался на партсобрании, где серьезно предупрежден Дмитриев, Петрова и уборщица райкома Кириллова.

В процессе беседы Дмитриева П.В. признала, что между Петровой и ее мужем Дмитриевым ничего нет и что живут они между собой не плохо, но чувство ревности и ненависть к Петровой сохранились.

Дмитриева П.В. обещала в присутствии секретаря райкома тов[арища] Рябова, что отношение к мужу изменит и преследование т[оварища] Петровой прекратит⁹.

Инструктор особого сектора обкома партии [Тихонова]

1 июня 1951 г.³⁾

ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 193. Л. 77. Подлинник. Машинопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата установлены по документу.

³⁾ На документе резолюция: В дело.

**Документ 3. Письмо И.С. Виноградова секретарю Центрального Комитета ВКП(б) Г.М. Маленкову¹⁰ с жалобой на действия секретаря Губахинского горкома ВКП(б) В.А. Белякова¹⁾.
[Губаха¹¹, Молотовская область, 15 марта 1951 г.]²⁾**

Секретарю Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) товарищу Маленкову Георгию Максимовичу от члена ВКП(б) с 1940 года партийный билет № 3615428 Виноградова Ивана Сергеевича, проживающего в г. Губаха, Молотовской области, ул. Комсомольская дом № 7 кв. 1.

Георгий Максимович! Обращаюсь к Вам с жалобой на издевательское отношение ко мне со стороны секретаря Губахинского горкома ВКП(б) тов[арища] Белякова В.А., который в течение 9 месяцев не дает мне спокойно жить и работать.

Существо дела заключается в следующем:

В феврале месяце 1950 года моя дочь 23 лет без моего и жены согласия¹² вышла замуж за гр[аждани]на Червякова тоже 23 лет, который состоит на учете в спецкомендатуре МГБ как расконвоированный после спецпроверки по II категории без права выезда за пределы г. Губахи в течении 6 лет. За политическую близорукость бюро горкома ВКП(б) в марте месяце 1950 года наложило на меня партийное взыскание, объявило мне строгий выговор с предупреждением с занесением в учетную карточку. 27 июня 1950 года по этим же мотивам освободило меня от работы в горисполкоме, где я работал с апреля 1946 года, т.е. после демобилизации из Советской Армии в должности заместителя председателя горисполкома по местной промышленности.

В течении 6 месяцев тов[арищ] Беляков не давал нигде работать. Правда мне было предложено пойти работать в леспромхоз зам[естителем] директора, но я от нее отказался, чувствуя, что с ней не справлюсь. Тогда мне тов[арищ] Беляков заявил, что в Губахе для меня работы не будет. Моя просьбы была очень скромной разрешить пойти на работу в шахту откуда в свое время я был и взят, но в этом мне было отказано.

Об этом я писал в Комиссию партийного Контроля при ЦК ВКП(б) разбор этой жалобы был поручен Молотовскому обкому ВКП(б)¹³ откуда я получил ответ удовлетворяющий меня, однако тов[арищ] Беляков не выполнил указаний обкома ВКП(б).

После того написал на имя секретаря Молотовского обкома ВКП(б) тов[арища] Прасс, который мне никакого ответа не дал. Тогда решил написать в ЦК ВКП(б) на имя товарища Сталина И.В. Последнее мое письмо по имеющимся сведениям поручено было разобрать Молотовскому обкому ВКП(б) последний пытался разобраться дважды вызывал меня в обком но Губахинский горком ВКП(б) ни разу о вызове не сообщил, теперь я не знаю какая судьба постигла мое письмо и какой ответ был дан товарищу Сталину И.В.

Десятки раз ходил в горком ко всем секретарям и все без результата, так продолжалось до ноября 1950 года. Тогда я решил без согласия горкома устроиться на работу в шахту так как дальше мне жить было не на что, получаемой пенсии 240 руб. в месяц с больной женой прожить невозможно. Тогда тов[арищ] Беляков перешел

на худшее запретил принимать меня на работу, я еще целый месяц был без работы, обивал пороги в горкоме ВКП(б). И только 12 декабря 1950 года нач[альни]к шахты им. Калинина¹⁴ принял меня на работу в цех вентиляции. До настоящего времени горком партии и его секретарь тов[арищ] Беляков не дают мне прикрепительного талона для принятия на учет в парторганизацию шахты, чем оторвал меня от участия в работе парторганизации, а по месту старой работы в горисполкоме и выполняемая мною работа в настоящее время не дает мне возможности участвовать в партийной работе. Хуже того секретарь парторганизации горисполкома тов[арищ] Ванюшкина не принимает партвзносов, направляет в горком, я уверен, что здесь не обошлось без вмешательства тов[арища] Белякова.

28 февраля 1951 года парторг ЦК ВКП(б) на шахте им. Калинина Вафин не допустил меня до работы, приказал раздеться и на второй день явиться в горком, в этот день я по существу сделал прогул, за который мне не заплатили зарплату и здесь очевидно тоже влияние горкома было.

Я считаю, что тов[арищу] Белякову ни кто не дал права нарушать устав нашей партии и сталинскую конституцию лишать права на труд и участия в партийной организации, до каких пор тов[арищ] Беляков будет издеваться над человеком. Ведь я инвалид Отечественной войны, три раза ранен, участник битвы на оборону города Сталинграда.

Прошу Вас товарищ Маленков разобрать мою просьбу и дать указание Губахинскому горкому ВКП(б) о прекращении издевательского отношения ко мне и дать мне возможность спокойно и работать на благо и укрепление нашей любимой родины.

Прошу извинить меня за беспокойство.

К сему И. Виноградов

15 марта 1951 года³⁾

ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 191. Л. 250–251 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата установлены по документу.

³⁾ Резолюция на документе: «Решением бюро Молотовского обкома ВКП(б) тов[арищ] Виноградов за антипартийное поведение исключен из рядов партии. В дело. 25/IV–1951 г. В дело. 9/V–1951».

**Документ 4. Письмо Медянцева, сотрудника Кильмезского райкома ВКП(б), первому секретарю Молотовского обкома ВКП(б) К.М. Хмелевскому¹⁵ о поведении начальника водного пути Камского речного пароходства Н.Я. Шубина¹.
[Кильмезь¹⁶, Кировская область, 3 марта 1948 г.]²⁾**

В Камском речном пароходстве начальником водного пути работает Шубин Николай Яковлевич, который является коммунистом, но его отношение к своему отцу [...] ³⁾ старому коммунисту рабочему пенсионеру не партийное¹⁷. Находясь на пенсии, страдая катаром желудка, Яков Анисимович нуждается в диетическом питании, а получаемая пенсия 200 руб. не дает это выполнить [...] сын же Н.Я. [Шубин] не оказывает ему никакой помощи тогда как по закону обязан содержать его, к помощи народного суда Яков Анисимович обращаться не хочет, считая это низким недостойным: из этого я делаю вывод, что сознание и родственные чувства отца стоят намного выше, чем у образованного коммуниста сына [...] я вынужден обратиться к вам с просьбой, как один из старых знакомых по работе, по месту жительства и по партии воздействовать на Шубина Н.Я. как коммуниста, заставив помогать материально своему отцу [...]

Сотрудник Кильмезского райкома ВКП(б) [Медянцев]

3 марта 1948 г.

ПермГАНИ. Ф.105. Оп.14. Д. 521. Л. 21. Подлинник. Машинопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата установлены по документу.

³⁾ Здесь и далее опущен текст, не относящийся к делу.

**Документ 5. Анонимное письмо первому секретарю Молотовского обкома КПСС А.И. Струеву¹⁾, ¹⁸. [Белоево¹⁹, Молотовская область],
2 июля 1955 г.²⁾**

Доводим до Вашего сведения о всех безобразиях руководства Белоевского района²⁰ и просим принять соответствующие меры.

19 июня в районе проводился молодежный фестиваль в защиту мира. Подготовка к фестивалю была пущена на самотек, поэтому он прошел неорганизованно, отсутствовали игры, физкультурные соревнования. Вместо культурного отдыха в бору, где проходил фестиваль, были организованы пьянки и разврат.

Первый секретарь райкома тов[арищ] Шляков организовал компанию из своих подчиненных как Барановой и Ярловой Клары, начальником отдела Чесноковым и других, который после выпивки совершили половой акт с Барановой. К ним по несколько раз подходили смотреть народ секретарского зрелища. Могут подтвердить Сарсацкая Тамара, Маношина, Тотмянина, секретарь редакции, Каннюкова Мария Демидовна, Бражкин Геннадий, зам[еститель] отделом культуры и других. Когда пришли последний раз и девушки не выдержали и засмеялись, тогда Баранова³, подхватив в руку трусы, убежала в лес. Тов[арищ] Шляков, не вставая с земли, натягивал на себя штаны, и остался лежать на земле вниз головой. Этот факт и ряд других фактов нас очень возмущает, так как морально-бытовое разложение среди работников райкома очень распространено. Второй секретарь Гушин с зав[едующей] отделом пропаганды Ярловой Анной Петровной тоже сожительствует. В период отсутствия жены в первомайские дни няня Гушина возмущалась, что он три дня не ночевал дома, а находился на квартире Ярловой, а иногда и Ярлова находилась на его квартире.

По примеру руководителей райкома такая же обстановка создалась и [в] РК ВЛКСМ. Первый секретарь тов[арищ] Лунев сожительствует с зав[едующей] учетом Бракиной, об этом давно знают в райкоме партии, но какие же они будут принимать меры, если сами морально разложились. Такая же бытовая распущенность свирепствует в ряде районных организаций, в райком пишут жалобы, но никаких мер не принимают. Так было с директором дома культуры Потемкиной, которая только после скандала с мужем сожительствовала⁴, была освобождена с работы. Факты бытового разложения зав[едующего] райздравом Черткова с зав[едующей] библиотекой Шестаковой, которых во время полового акта неоднократно фотографировал суд[ебный] исполнитель Путин. Да, таких фактов полно, всех не перечтешь, но они должны быть предотвращены [...]⁵

Направляют в разные колхозы мужа и жену, из чего всегда получаются плохие последствия. Так разъединена семейная жизнь у секретаря редакции Томяниной, на которую было о ее поведении много жалоб, да как им и быть, если жена работает в Белоево, а муж и семья в Куве²¹ за 20 км [...]

Всеми этими фактами мы очень возмущены и просим к разбору их подойти по серьезному и предотвратить, так чтобы больше никому было неповадно так поступать.

ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 134. Л. 158–159 об. Подлинник. Машинопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Испр., в документе Башарина.

⁴⁾ Так в документе.

⁵⁾ Здесь и далее опущен текст, не относящийся к делу.

Документ 6. Письмо-объяснительная заведующей партийной библиотекой Белоевского райкома партии А.И. Барановой первому секретарю Молотовского обкома КПСС А.И. Струеву¹⁾. [Белоево, Молотовская область], 30 июля 1955 г.²⁾

Зав[едующая] партбиблиотекой Белоевского райкома партии Баранова Анастасия Ивановна.

17/VII–55 г. в день фестиваля молодежи я совершила непартийный, недостойный поступок. После торжественной части фестиваля я собиралась уже идти домой, но вдруг встречаю зав[едующую] отделом пропаганды и агитации Косинского райкома партии тов[арища] Хромцову И.Л. С нами была инструктор райкома партии тов[ариш] Ярлова К.Н. Вместе втроем стали искать райкомовскую машину. Когда подошли к машине³⁾, в машине было уже человек 5 людей. В это время подходят к нам Шляков²²⁾ и Чесноков²³⁾.

В ожидании машины вдруг Шляков и Чесноков говорят Храмцовой и Ярловой: «Давайте, отпускники, покупайте водку». И, действительно, они купили два пол-литра.

Я выпила гр[амм] 120–150. Шляков же настаивал, чтобы я еще выпила. Больше не стала я пить, а дала Храмцовой, она выпила.

Два пол-литра оказались им мало, да они уже раньше, видимо, выпили, и стали вымогать деньги у меня. Я долго не соглашалась и говорила, что хватит, а они говорят: «Вам жалко денег». Я вынуждена была отдать 20 рублей.

Ярлову К.Н. послали опять в киоск.

После этого Шляков мне говорит: «Покажите мне, где тут речка?»²⁴⁾

Я даже ничего не могла предположить и допустить мысли, что секретарь райкома партии может пойти на такую гадость и подлость, и пошла, чтобы показать речку. Когда шли, он сразу начал хвататься за груди.

Я испугалась и стала говорить, как вам не стыдно так вести себя с подчиненными; я говорю, что это недопустимо, это позор, не по партийному.

У меня сколько сил было, я отбивалась, это было больше часу, потом же мои силы уже иссякли.

Никакого согласия с моей стороны не было, а он, как скотина, приложил все усилия, чтобы удовлетворить свои животные чувства.

Опозорил навеки. После этого я болела [...] ⁴⁾ дней, была вся в синяках, хотела покончить с собой.

Этим несчастным горем не с кем мне было поделиться в райкоме партии, так как Гущина²⁵ и зав[едующего] отделом пропаганды не было, и тут через 5 дней я выехала на курсы пропагандистов в область.

За месяц я поседела, не спала несколько ночей, собиралась зайти в обком, в окружном, но мне было стыдно, либо я опозорена, унижена навеки.

Я еще раз подтверждаю, что с ним у меня никаких связей не было, об этом может подтвердить любой работник райкома и коммунисты.

ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 134. Л. 163–166. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Дата и место установлены по документу.

³⁾ Испр. по смыслу, в документе в машине.

⁴⁾ Слово нрб.

**Документ 7. Письмо заведующей партийной библиотекой
Белоевского райкома партии А.И. Барановой первому
секретарю Молотовского обкома КПСС А.И. Струеву¹⁾.
[Усть-Качка²⁶, Молотовская область], 17 сентября 1955 г.²⁾**

Александр Иванович, это беспокоит Вас из Белоевского РК КПСС Баранова по позорному белоевскому факту.

Объяснение Вашему инструктору я не давала, но почему-то тов[арищ] Павлюченко не нашел время со мной побеседовать. Я считаю это неправильно. Либо судить о человеке по одним фактам нельзя, либо бывает сколько угодно случаев, когда совершенно безвинный человек терпит поражение.

Я себя не защищаю, я признаю свою вину в том, что вместе с [...] ³⁾ выпили два пол-литра вермута. Вот я за это должна получить партийное взыскание. В остальном же, Александр Иванович, я не виновата, так как Шляков поступил со мной как подлец, как свинья, скотина и нахал.

Я без всяких задних мыслей, с простой души (а он просил) пошла

показать речку и тем более народу было везде полно и так плохо ко мне он всегда относился.

Александр Иванович, если бы на такое пойти, как многие думают, я бы нашла другое место и другого человека, пока я в сознании и мне не 17 лет.

Об этом писать очень тяжело, но еще тяжелей переносить. Не могу я словами передать, сколько я пережила за эти три месяца, вся поседела, процентов на 20 потеряла зрение, и не могу ни к какому выводу придти, так как я с большим желанием пошла на эту работу, так же с желанием продолжала работать, но Шляков всегда недооценивал местные кадры. В аппарате за эти три года была всегда напряженная атмосфера, перестановка работников, а учить было некому.

Сейчас у меня такое положение создалось, что я не знаю, что делать. А жить еще хочется, и дома положение плохое. На моем иждивении две старухи и один старик, который уже на краю могилы.

Я пишу эту записку из Усть-Качки (путевка до 27 сентября), а в письме мне сообщили, что 25 сентября будет проходить конференция, а меня на конференции не будет. Истинное положение дел я не могу высказать делегатам, и могут сделать очень дурные выводы обо мне, поэтому просьба, Александр Иванович, как-то в этом помочь.

Если бы я виновата была, не стала бы лишний раз Вас беспокоить. Но я должна где-то искать правду. Почему это с одиночкой можно как угодно поступать, можно позорить и почему первому секретарю можно позволять такие вещи.

Мне очень обидно, тяжело и не хочется больше жить на белом свете. Я никогда не думала, что так сложится моя жизнь, но мой враг это сделал. Александр Иванович, очень трудно доказывать свою правоту, но я от чистого сердца, как коммунист, говорю Вам: я переношу все эти несчастья из-за Шлякова, а сейчас еще уговаривает жену, чтобы она всякие дразги против меня собрала. Одним словом, ищет выход. Пусть я потерплю самый позорный удар, но положусь⁴⁾, что я не виновата.

ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 134. Л. 160–162 об. Подлинник. Рукопись.

- ¹⁾ Заголовок публикатора.
²⁾ Дата и место установлены по документу.
³⁾ Слово нрб.
⁴⁾ Так в документе.

Примечания и комментарии

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12–01–0052.

² Лейбович О.Л. Дом о трёх этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения (ноябрь 2008): Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России: Материалы науч. конф. Пермь, 2009. С. 250–274.

³ Шверник Николай Михайлович – с 19 марта 1946 г. по 15 марта 1953 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

⁴ Аборты в СССР были запрещены Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родительных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторые изменения в законодательство о разводах». Постановление было отменено в 1955 г.

⁵ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 177–178.

⁶ Прасс Филипп Михайлович – с 14 января 1950 г. по 15 января 1954 г. первый секретарь Молотовского областного комитета ВКП(б)/КПСС.

⁷ Нытва – город, центр Нытвенского района Молотовской области РСФСР.

⁸ Молотовская область – административно-территориальная единица в составе РСФСР, существовала с 1940 г. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1940 г.) по 1957 г. (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 октября 1957 г.). Ныне – Пермский край.

⁹ На любые письма во власть полагалось отвечать в установленные сроки, приняв соответствующие меры. В данном случае инструктор Особого сектора обкома партии, скорее всего, лично ездила в Нытву и говорила со всеми участниками «любимого треугольника». Ссора была улажена, но, как говорится, «осадок остался». По результатам работы и была написана докладная записка.

¹⁰ Маленков Георгий Максимилианович – в 1951 г. секретарь ЦК ВКП(б) (с 1948 г.), а также заместитель председателя Совета Министров СССР (с 1946 г.).

¹¹ Губаха – город областного подчинения на территории Молотовской области, объединивший в 1941 г. рабочие поселки Губаха, Кржижановск и пос. шахты им. Крупской.

¹² С точки зрения традиционной культуры согласие родителей на брак девушки было естественным. Видимо, именно это послужило причиной того, что отца наказали по партийной линии за то, что дочь вышла замуж за неблагонадежного с позиции партии

человека. Данный пример демонстрирует в первую очередь то, как партия боролась за «правильный» состав семьи партработников.

¹³ Передача жалоб из центральных органов власти в местные было обычной практикой.

¹⁴ Шахта им. Калинина – бывшая Верхне-Губахинская копь. Основана в 1887 г. на Верхней Губахе, в 1925 г. переименована в шахту им. Калинина горного управления «Кизелтрест». В 1951 г. входила в состав треста «Сталинуголь». См.: Архивный отдел администрации Губахинского муниципального района (Пермский край). Ф. 29: Шахта им. Калинина треста «Губахауголь» (1896–1970 гг.).

¹⁵ Хмелевский Кузьма Михайлович – с апреля 1946 г. по январь 1950 г. первый секретарь Молотовского областного комитета ВКП(б).

¹⁶ Кильмезь – поселок городского типа Кильмезского района Кировской области.

¹⁷ Типичный пример партийного регулирования отношений детей с родителями. По неписаным нормам «образованный коммунист-сын» должен был материально обеспечивать старого и больного отца добровольно. Если он этого не делал, повлиять на него должна была именно партия, а не народный суд.

¹⁸ Струев Александр Иванович (1906–1991 гг.) – первый секретарь Молотовского областного комитета КПСС (1954–1958 гг.)

¹⁹ Белоево – село, центр Белоевского района Молотовской (Пермской) области РСФСР.

²⁰ Белоевский район Молотовской (Пермской) области образован 3 января 1941 г. В 1955 г. в состав Белоевского района вошел Кудымкарский район. 4 ноября 1959 г. Белоевский район переименован в Кудымкарский район.

²¹ Кува – село в Белоевском районе Молотовской (Пермской) области РСФСР, центр Кувинского сельского совета.

²² Шлаков – первый секретарь Белоевского райкома КПСС.

²³ Чесноков – очевидно, начальник Белоевского районного отдела милиции.

²⁴ Очевидно, имеется в виду река Мечкор, левый приток реки Кувы, в свою очередь впадающей в реку Иньва.

²⁵ Гушин – второй секретарь Белоевского райкома КПСС.

²⁶ Усть-Качка – курорт на территории Молотовской (Пермской) области, а ныне – Пермского края. Прошлое курорта неразрывно связано с промышленным строительством и геологоразведочными работами первых пятилеток 30-х гг. XX в. Летом 1935 г. разведочная скважина № 16 «Главнефти», заложенная вблизи старинного прикамского села Усть-Качка, дала самоизливающуюся сероводородную минеральную воду. Тогда же около буровой была обустроенная ванница, где из медицинского оборудования были лишь микроскоп и несколько аппаратов для измерения кровяного давления. Руками нескольких рабочих из близлежащих колхозов «им. Малкова», «им. Соснина» и «Пробуждение» было начато строительство курорта. После того, как профессора Пермского медицинского института Н.Г. Хорошавин, П.А. Ясницкий и В.К. Модестов провели полномасштабное экспериментальное исследование усть-качкинской воды и доказали целесообразность ее медицинского применения, начиналось стремительное обустройство территории курорта. В годы Великой Отечественной войны

курорт продолжал работать, но уже в качестве филиала Краснокамского эвакуогоспиталя, где успешно осуществлялось долечивание раненых на полях сражений бойцов и командиров. 21 июля 1948 г. санаторий был передан Министерству угольной промышленности. К началу сезона 1949 г. здесь были открыты клиническая и биохимическая лаборатории, кабинет электрокардиографии и рентгеновский кабинет. С той поры начинается новая стадия развития курорта: строятся временные спальные деревянные корпуса, а также ряд помещений, обеспечивающих лечение, питание и отдых. Курорт переходит на круглогодичную работу, повышается его пропускная способность, возрастает число плановых коек, что обуславливалось высокой популярностью санатория среди отдыхающих. Уже к концу 1950-х гг. курорт становится одной из крупнейших здравниц страны, где лечение и отдых были организованы на основе новейших достижений современной медицины и курортологии. Функционирует до сих пор, ежегодно принимая до 30 тыс. человек. См. об этом: Гайдаш Г.Я., Елькина А.В. Курорт Усть-Качка. Пермь, 1968; Щукин В.Н. Лечебные воды Усть-Качки. Пермь, 1959; и др.

**ИЗ ПОСЕЛКА КАЛИНИНСК М.И. КАЛИНИНУ И ДРУГИМ:
«ДИАЛОГ» СЕМЬИ КУЧЕВСКИХ С РЕЖИМОМ (1940–1958 гг.)**

Для современного состояния отечественной исторической науки характерно ставшее уже привычным состояние своеобразного разрыва с прежними исследовательскими традициями советской эпохи, когда история являлась системным элементом государственной идеологии и политики. Однако и поиски новой, «не идеологизированной» и «не политизированной» истории также не приносят ожидаемого историческим сообществом позитивного результата. Более того, в настоящее время имеет место едва ли не массовая ностальгия среди историков по «твердой государственной руке», «руководящей и направляющей силе», могущей дать основу стабильности для профессиональной деятельности историков в динамично меняющемся социальном мире.

Поле для дискуссий не только внутри профессионального сообщества, но и острого общественного интереса выступает самоопределение в ключевом вопросе – о фундаментальных, базовых ценностях для жизнедеятельности как социума в целом, так и составляющих его элементов. И при такой постановке проблемы своего рода водоразделом становится принятие в качестве приоритетной ценности либо государственности и политического режима, как ее визитной карточки, либо личности как базовой ценности. Очевидно, что итогом XX в. с его торжеством государственного и политического насилия стало обесценение, подавление личности, вплоть до массового людского физического уничтожения одних групп социума и нивелирования личностных свойств другой части населения.

Доминировавший в сталинскую эпоху политический режим применил в массовом масштабе и довел до «блестящего» технологического состояния процесс «стирания личности», описанный в литературе в знаменитом романе Дж. Оруэлла «1984». В этом многогранном произведении прекрасно отражен микроуровень системного действия, где через личностное восприятие главным героем Уинстоном Смитом

своего положения, места и значения семьи и родственных связей и отношений в тоталитарном обществе показано, как сама семья превращается в инструмент и пространство индоктринации. На этой основе формируется и культивируется массовый поведенческий конформизм.

Виды и степень проявления конформизма в сталинскую эпоху еще ждут своего углубленного исследования. В то же время очевидно и то, что данная поведенческая позиция в случае как личностного, так и семейного или группового поведения являлась своего рода каналом для взаимодействия с институтами власти и управления с целью либо сохранения, либо возможного улучшения своего статусного положения. Для этого минимально требуемым ресурсом выступало выполнение основных санкционированных государственными органами правил и процедур, то есть демонстрация «управляемого поведения». Весьма важным при этом оказывалось знание и использование простейших процедур, среди которых громадное значение имели ходатайства, или «письма во власть». Как правило, такого рода обращения облекались в форму заявлений, прошений и даже жалоб, но в содержательном плане опирались на выдвижение осуществимых просьб и имевшуюся практику их реализации. Нахождение просителей/заявителей на нижних ступенях в социальной иерархии в известной степени гарантировало им то, что их статус в случае обращения не опустится «ниже нижнего» уровня, тогда как в случае успешного результата статус мог и измениться в желаемом направлении.

В документальной подборке, публикуемой ниже, отражены поэтапные шаги, предпринимавшиеся оказавшимися на спецпоселении после депортации 1930 г. членами семьи Кучевских для того, чтобы изменить свое «незаконное» и дискриминационно-репрессивное положение на «законное» статус. На это ушло без малого 20 лет (с 1930 г. по 1947 г.) и повлияли значительные события в стране и в мире (Вторая мировая и Отечественная войны). Семья Кучевских не была уникальной в общей массе депортированных крестьянских семей. Скорее наоборот: именно своей типичностью и «усредненностью» внутри спецпоселенческого социума данная семейная история и ценна для понимания того, как выстраивались, реализовывались по-

веденческие практики, применявшиеся крестьянскими семьями для адаптации и выживания в экстремальных условиях несвободы.

Типичное: семья Кучевских оказалась в Сибири в эпоху массовых переселений за Урал в начале XX в. Сам глава семьи, Степан Иосифович Кучевский, 1887 г. рождения, уроженец Гродненской губернии, осел с семьей в селе Верх-Майзасс Каинского уезда Томской губернии, затем, после 1921 г., это территория Кыштовского района Новониколаевской губернии. В эпоху войн и революций был призван сначала в царскую армию, затем ему довелось послужить по мобилизации в Красной армии. В относительно спокойные нэповские годы он, используя свой немалый жизненный опыт, занимался неземледельческим трудом, работая заготовителем в системе Сибторга. Период экстремальных событий начался для семьи в 1928 г., когда Степан Кучевский и его тесть, Михаил Иванович Григорьев, были лишены избирательных прав, то есть стали «лишенцами». Этого оказалось достаточно, чтобы в феврале 1930 г. их имущество подверглось экспроприации, а они вместе с другими членами семьи были высланы в северные районы Томского округа, в наскоро созданную Шерстобитовскую, затем Пудинскую комендатуру. Семья Кучевских – Григорьевых оказалась одной из полутора тысяч семей (7,6 тыс. чел.), высланных из Барабинского округа на север.

Статистика депортационной кампании: всего в первый депортационный 1930-й г. из «Сибири в Сибирь» внутри региона было переселено 16 тыс. семей, около 83 тыс. чел. Средний показатель состава высланных семей (около 5 чел.) в целом соответствовал общесибирскому показателю (5,5 чел. согласно переписи 1926 г.). Семья Кучевских на момент депортации состояла из 6 человек¹.

Уже в первый год нахождения на спецпоселении семья Кучевских потеряла двоих из четырех детей. После трагического года и последующей относительной хозяйственной устроенности (С.И. Кучевский с 1931 г. стал работником аппарата комендатуры и отвечал за заготовки и транспортную часть) семья пополнилась детьми, рожденными в 1931 и 1933 гг. В ноябре 1936 г. в рамках массово проводившейся кампании по восстановлению в правах в комендатурах глав семей и живущих с ними других членов семьи Кучевский был восстановлен

в правах, с характеристикой участкового коменданта «все поручения выполняет и имеет самостоятельную заботу в работе».

Статистика «восстановительной» кампании: накануне принятия Конституции 1936 г. в комендатурах Западной Сибири в избирательных правах были восстановлены около 12 тыс. глав семей, а вместе с членами их семей – 57 тыс. чел., что составило примерно четверть от общего числа так называемого спецконтингента комендатур. Однако восстановление в правах не давало права выезда из комендатур, а вело лишь к некоторому ослаблению режима для бывших «лишенцев»².

В 1937 г. «Большой террор» прямо ударил по семье Кучевских. В учетном деле семьи отложилась характеристика главы семьи, уже прямо противоположная прежней: «По имеющимся сведениям до революции служил урядником. В общественно-политической работе не участвует». Такого рода «информация», очевидно, должна была легитимировать предстоящий арест С.И. Кучевского, который последовал 16 августа 1937 г. Кучевский оказался осужден как участник совершенно фантастически сфальсифицированной чекистами «контрреволюционной кадетско-монархической и эсеровской организации», якобы готовившей восстание на спецпоселении. По приговору тройки УНКВД по Новосибирской области 22 сентября 1937 г. он был приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение 2 октября 1937 г.

Статистика террористической кампании: в 1937–1938 гг. по сфальсифицированным органами НКВД основаниям в комендатурах Западной Сибири было арестовано 3,7 тыс. ссыльных крестьян; предположительно, каждый второй из них был расстрелян³.

На протяжении последующих почти 20 лет осторожные попытки жены Кучевского узнать о судьбе мужа (см. документы ниже) фактически блокировались сообщениями органов в принятой тогда форме, искажающей реальную информацию о гибели С.И. Кучевского. Так, в 1945 г. И.М. Кучевской сообщили, что ее муж осужден на 10 лет без права свиданий и переписки. В 1956 г. семье в ответ на очередной запрос сообщили о смерти С.И. Кучевского, но при этом сфальсифицировали причину и дату смерти. Реальная судьба С.И. Кучевского отражена в краткой записи во втором выпуске Томской Книги памяти «Боль людская», опубликованной в начале 1990-х гг.⁴

Теперь – о старшем сыне арестованного и расстрелянного С.И. Кучевского, Леониде. Его жизненный путь также вполне типичен для большинства представителей его поколения – «кулацких сыновей». Из публикуемого ниже письма Леонида к М.И. Калинин уясвствует, что он избежал прямой депортации вместе с семьей в 1930 г., а был передан в семью к родственникам (такое если и не разрешалось открыто, то и не пресекалось в 1930–1931 гг.). Однако затем родственники все же отправили его к семье в Нарымский край. В некоторой степени ему повезло, что его, вчерашнего школьника, едва окончившего семилетку, оставили в учительской должности: в комендатурах был в тот момент жесточайшая нехватка педагогов, так как при всей экстраординарности режима спецпоселений реализация планов по охвату всеобучем детей школьного возраста распространялась и на комендатуры.

Мотивы обращения Леонида Кучевского к «всесоюзному старосте» понятны: он, как минимум, хотел получить профессиональное образование, а для этого ему требовалось изменить статус – быть снятым с учета комендатуры и, получив право на паспорт, выехать в крупный город, где имелись специальные учебные заведения. Правда, поскольку он не получил полного среднего образования, то мог рассчитывать только на обучение в педагогическом училище. Правовое основание для этого имелось: 22 октября 1938 г. секретным постановлением СНК СССР детям трудпоселенцев по достижении ими 16-летнего возраста (в случае данных из комендатуры об их лояльности) предоставлялось право на снятие со спецучета и выезд из комендатур для обучения или работы. Этим, пусть и очень зависимым от мнения коменданта шансом и предполагал воспользоваться Леонид Кучевский. Тональность письма можно признать классической, поскольку в нем проситель четко акцентирует внимание на известном сталинском тезисе «сын за отца не отвечает».

Статистика кампании по снятию молодежи с учета спецпоселения и разрешению выезда на учебу или работу: в 1939 г. этой нормой в комендатурах Западной Сибири воспользовались 2 тыс., а в 1940 г. – около тысячи молодых людей⁵.

В конце 1940 г. Леонид Кучевский мог выехать на учебу, хотя очевидно, что его не могли отпустить, пока не завершится учебный год

в школе. А дальше был июнь 1941 г., который заблокировал для молодежи этот канал. Зато открылся новый – фронтовой. С лета 1942 г. начался призыв «кулацкой» молодежи из трудпоселков в Красную армию. С лета 1942 г. Л. Кучевский находился в действующей армии.

Статистика кампании по мобилизации молодежи из трудпоселков в армию в 1942 г.: всего из комендатур страны было призвано около 60 тыс. чел., в том числе из нарымских комендатур 4,8 тыс. чел. Как позднее, после войны, рапортовали партийные органы, среди призванных из комендатур Нарыма более тысячи человек были награждены орденами и медалями⁶.

Вернувшийся с фронта после демобилизации Л.С. Кучевский в 1946 г. вступил в длительную борьбу с карательными структурами за то, чтобы перевести свою семью из комендатуры в Томск, где он теперь учительствовал. Из документов не трудно установить, что на это ушел целый год – с лета 1946 г. до лета 1947 г. Семье Кучевских, наконец, повезло: старший сын не погиб на фронте, не пропал без вести, вернулся не инвалидом, а воином, удостоенным боевых наград, и членом партии. К тому же, с точки зрения властей, он взваливал на свои плечи громадное «обременение» – четверых нетрудоспособных «едоков», снимая с комендатуры груз ответственности за них. Семья Кучевских благодаря настойчивости и заслугам Леонида Степановича оказалась в числе первых, кто был освобожден из «кулацкой ссылки» после войны; большинству тех, кто не имел подобных счастливых обстоятельств, предстояло ожидать конца сталинской эпохи.

Публикуемые ниже документы извлечены из учетного дела семьи Кучевских, хранящегося в Информационном центре (ИЦ) УВД Томской области, в рамках работы над Книгой памяти жертв политических репрессий Новосибирской области, куда вошли краткие сведения об этой семье⁷. Номер фонда и описи в легендах к документам не указаны, так как сложившаяся практика ведомственного делопроизводства предполагает только номер единицы хранения, где литера Р обозначает личное дело реабилитированного лица. Заявления членов семьи Кучевских в органы власти публикуются в авторской редакции, с сохранением орфографии и особенностей стиля. Соращения раскрываются в квадратных скобках.

**Документ 1. Заявление трудпоселенца – учителя Л.С. Кучевского
М.И. Калинину с просьбой о снятии со спецучета и возможности
выезда из комендатуры¹⁾. Пос. Калининск, Пудинский район,
Нарымский округ, Новосибирская область, 23 июня 1940 г.²⁾**

Председателю Президиума Верховного Совета СССР
М.И. Калинину
От учителя Пудинского района Новосибирской области
Кучевского Леонида Степановича
Заявление

Родился я в 1917 году в семье крестьянина Кыштовского района Новосибирской области в с. В[ерх]-Майза. В 1926 году я начинаю учиться. Отец в это время переезжает в район и устраивается на работу в Сибторг заготовителем. Я остаюсь в селе на воспитании деда, который жил богато и имел работника. Учиться мне приходилось мало. С начала учебного года меня дед заставляет выполнять непосильные для меня работы (пахать, боронить, ухаживать за лошадьми). В 1929 году деда лишают избирательных прав, как кулака. Об отце известий нет. Но вскоре он пришел к деду по случаю лишения его избирательных прав. Я к тому времени еще не окончил 4 класса. В 1930 году деда и отца ссылают в Нарымский край как кулаков. Я остаюсь на иждивении дяди.

У дяди была большая семья, прокормить меня [он] не мог. Жить мне у него он отказывается. Дядя был член колхоза, и я числился в колхозе. В таком возрасте я обеспечить себя не мог, колхоз дает мне лошадь, и я уезжаю к родителям в Нарымский округ.

В 1932 году я кончаю IV класс и в этом же году уезжаю учиться в неп[олную] ср[еднюю] шк[олу] пос. Новиково Парабельского района на расстоянии 120 км [от родителей]. В 1935 году окончил неп[олную] ср[еднюю] шк[олу] и еду к родителям. У меня желание учиться дальше, но комендатура непустила. Предложили мне поступить на работу в качестве учителя. С 1935 года и по настоящее время работаю учителем. В 1936 году в июне меня восстанавливают в правах без права выезда.

В настоящее время я числюсь в списках уч[астковой] комендатуры и выехать из Пудинской уч[астковой] комендатуры не разрешают, как трудпереселенцу, что меня огорчает. Мне обидно, что в детстве я не видел веселой жизни со стороны родителей и деда, а сейчас опять

мне приходится через их понести обиду. Я же за них не отвечаю, что они кулаки. И на основании всего выше изложенного, прошу Вас удовлетворить мою просьбу – восстановить меня в правах с правом выезда из придела Нарымского округа⁸.

К сему Л. Кучевский.

23/IV–40 г.

Сообщите по адресу: Новосибирская область

Нарымский округ

Пудинский район

пос. Калининск

Кучевскому Леониду^{3), 4)}

ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 25–25 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾Заголовок публикатора.

²⁾Место и дата приводятся по документу.

³⁾ На л. 25 сверху слева угловой штамп приемной М.И. Калинина с датой получения письма «4 июля 1940 г.».

⁴⁾ На заявлении рукописная резолюция начальника Пудинского райотдела НКВД Резникова: «Р[айонный]/О[тдел] НКВД о снятии с учета не возражает. 26/VII–40. Резников».

Документ 2. Заявление трудпоселенки И.М. Кучевской в Пудинский райотдел УНКВД по Новосибирской области с просьбой сообщить о судьбе мужа, С.И. Кучевского, арестованного в 1937 г.¹⁾ Пос. Калининск, Пудинский район, Нарымский округ, Новосибирская область, 27 декабря 1944 г.²⁾

Начальнику Рай[онного] Отдела У.Н.К.В.Д.

Н[овосибирской] области⁹

члена колхоза «Культура Севера»

пос. Калининского Пудинского района

Кучевской Ирины Михайловны

Заявление³⁾

В 1937 году 16/VIII муж мой гр[ажданин] пос. Калининского Пудинского района Кучевский Степан Осипович Парабельским райотде-

лом НКВД был арестован по подозрению в принадлежности к троцкизму и этапирован в г. Колпашево. С тех пор я положительно незнаю о дальнейшей участи мужа и о том, где он находится в настоящее время и жив ли он? Поэтому настоящим ходотайствую о наведении справки[,] где находится мой муж в настоящее время. О результатах настоящего ходотайства прошу мне объявить по моему адресу

Пос. Калининск Пудинского района Томской области

1944 года декабря 27-го дня

К сему подписуюсь

Кучевская И.М.^{4), 10}

ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 32. Подлинник. Рукопись.

¹⁾Заголовок публикатора.

²⁾Место и дата приводятся по документу.

³⁾ В верхнем левом углу резолюция: «Сдобникову. Пров[ерить] и сообщ[ить]. 28.XII [подпись нрб.]».

⁴⁾ Заявление, скорее всего, было написано работником комендатуры по просьбе И.М. Кучевской.

Документ 3. Заявление Л.С. Кучинского коменданту Пудинской спецкомендатуры с просьбой разрешить выезд членов его семьи из спецпоселка в Томск для соединения с ним¹⁾.

Томск, 5 июня 1946 г.²⁾

Заявление¹⁾

С 1935 года по 1942 год я работал учителем в школах Пудинского района. В 1942 г. я мобилизован в Красную Армию. Участвовал на фронте Великой Отечественной войны в составе 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте я награжден орденом [«]Отечественная война[»] II ст[епени], медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Отечественной войне 1941–1945 гг.». С декабря месяца 1944 г. член ВКП(б).

1 ноября 1945 г. я демобилизовался из Красной Армии. С 1 февраля 1946 г. я работаю учителем 16 шк[олы] г. Томска и без отрыва от производства продолжаю учиться. Моя семья: мать, Кучевская Ири-

на Михайловна, рождения 1895 г., бабушка, Григорьева Прасковья Матвеевна, рожд. 1874 г., брат, Кучевский Виктор Степанович, рожд. 1931 г., ученик 7 класса, сестра, Кучевская Галина Степановна, рожд. 1933 г., ученица 4 класса, проживают в пос. Калининск.

А поэтому прошу Вас дать разрешение на выезд из Пудинской комендатуры в г. Томск моей семьи на соединение.

Прошу не отказать в моей просьбе.

К сему Л. Кучевский

5 июня 1946 г.¹²

ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 41 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾Заголовок публикатора.

²⁾Место и дата приводятся по документу.

Документ 4. Заявление И.М. Кучевской в УВД Томской области с просьбой о выдаче справки о трудовом стаже мужа для начисления ей пенсии¹⁾. Томск, 31 октября 1958 г.²⁾

Заявление

В 1930 г. мы всей семьей были высланы в Пудинский район Томской области. Состав семьи был: муж, Кучевский Степан Иосифович, я и четверо детей. Двое детей в 1930 г. умерли.

По приезду в Пудино, начиная с 1931 г. мой муж работал в Пудинской комендатуре в торгово-заготовительной части заведующим транспорта до момента его ареста (16 августа 1937 г.).

Прошу Вас выдать мне справку о стаже работы моего мужа для начисления мне пенсии.

31 октября 1958 г.

Кучевская³⁾, ¹³

ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 51. Подлинник. Рукопись.

¹⁾Заголовок публикатора.

²⁾Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Заявление было написано не самой И.М. Кучевской, а кем-то другим по ее просьбе.

Примечания и комментарии

¹ См.: Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь. 1920–1930-е годы. Новосибирск, 2004. С. 320.

² Там же. С. 365.

³ Там же. С. 366.

⁴ Боль людская: Книга памяти репрессированных томичей. Томск, 1992. Т. 2. С. 147.

⁵ Маргиналы в социуме... С. 330.

⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945. Новосибирск, 1996. С. 138, 162.

⁷ Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2010. Вып. 3. С. 220.

⁸ 31 августа 1940 г. временно исполняющий должность участкового коменданта Пудинской комендатуры Мильчин, рассмотрев прошение Л. Кучевского, переданное из Москвы, дал заключение о том, что Кучевский «за время нахождения в трудпоселке ничем себя не опорочил, а поэтому на основании постановления СНК СССР № 1143–280 с от 22 октября 1938 г. постановил: Кучевского Леонида Степановича [...] с учета трудпоселения снять без права проживания в режимных местностях СССР» (ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 26–26 об.).

⁹ Здесь неточность. Летом 1944 г. Томская область выделилась из состава Новосибирской области.

¹⁰ В деле хранится заполненный бланк стандартной справки спецотдела УНКВД Новосибирской области от 5 января 1945 г., направленный в Пудинский райотдел НКВД Томской области, с указанием устно объявить И.М. Кучевской о том, что ее муж «осужден сроком на 10 лет тюремного заключения и этапирован для отбытия наказания в особорежимные лагеря, без права переписки и свидания с родственниками». На бланке помета: «Объявлено 10/II–45 г. [подпись нрб.]» (ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 33).

¹¹ К заявлению приложено нотариально заверенное и датированное тем же числом обязательство: «Я, Кучевский Леонид Степанович, учитель мужской семилетней школы № 16 Томска[,] беру на себя обязательство, что я обязуюсь кормить до конца жизни мать Кучевскую Ирину Михайловну, рожд[ения] 1895, бабушку, Григорьеву Прасковью Матвеевну, рожд[ения] 1874 г., и воспитать до совершеннолетия брата, Кучевского Виктора Степановича, рожд[ения] 1931 г., и сестру, Кучевскую Галину Степановну, рожд[ения] 1933 г.» (см.: ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 34).

¹² Заключение УМВД Томской области и областного прокурора о снятии с учета спецпоселения членов семьи Л.С. Кучевского было утверждено 5 апреля 1947 г. Справка о снятии с учета спецпоселений была выдана И.М. Кучевской 3 июня 1947 г. (см.: ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 45–46).

¹³ В деле есть краткая справка о судьбе С.И. Кучевского, подготовленная в 1990-е гг.: «Осуж[ден] Тр[ойкой] УНКВД НСО 22.09.37 г. ст. 58–2–8–11 [к] ВМН, когда исполнен [данных] нет. Объявлено 07.07.56 г., что он в 1937 г. осужден на 10 лет лишения свободы и умер 23.09.43 г. от паралича сердца. Определением В[оенного] Т[рибунала] СибВО от 07.02.58 г. реабилитирован. Смерть зафиксирована 10.06.58 г. за № 43 в Загсе Парабельского района Томской области» (см.: ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 52).

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ УРАЛЬСКОГО ИНЖЕНЕРА

Автор приведенного ниже отрывка – Михаил Михайлович Ковалевский (1904–1999 гг.), родоначальник газотурбостроения на Урале, Заслуженный машиностроитель РСФСР, кандидат технических наук.

Будущий мемуарист появился на свет в Казани, в семье преподавателя гимназии и автора учебников по истории Михаила Осиповича Ковалевского и его жены Зинаиды Васильевны, урожденной Зимницкой. Дедушкой М.М. Ковалевского по материнской линии был известный в Поволжье просветитель, автор популярных пособий по русскому языку и выразительному чтению, директор Вольской учительской семинарии действительный статский советник Василий Григорьевич Зимницкий. Сестра М.М. Ковалевского, Зинаида (1902–1979 гг.), без малого полвека прожившая в Самарканде, стала народным художником Узбекской ССР (после кончины З.М. Ковалевской брат написал о ней книгу¹).

Сам М.М. Ковалевский после окончания в 1929 г. Донского политехнического института в Новочеркасске восемь лет проработал инженером на различных электростанциях страны. Работу на электростанциях он уже тогда рассматривал как подготовку к турбостроению. В ноябре 1937 г. инженер прибыл по направлению Главэнергопрома в Свердловск на строившийся Уральский турбинный завод (УТЗ)². С этим предприятием оказалась связана вся его дальнейшая трудовая деятельность. Первая должность Ковалевского на УТЗ – начальник испытательного стенда будущих паровых турбин. В период Великой Отечественной войны, когда предприятие остро нуждалось в электроэнергии, он руководил работами по проектированию машинного зала заводской ТЭЦ и всем энергетическим хозяйством³. С 1945 г. М.М. Ковалевский – заместитель главного конструктора УТЗ (УТМЗ) по паротурбостроению. Участвовал в создании паровых теплофикационных турбин мощностью от 6 до 50 МВт, разработал метод качественной оценки конструкции паровых турбин⁴.

Подлинный расцвет инженерной деятельности М.М. Ковалевского пришелся на 1959–1973 гг., когда он возглавлял созданное им же специальное конструкторское бюро газовых турбин (СКБгт). Под непосредственным руководством Ковалевского сформировалась уральская школа газотурбостроения, был налажен выпуск газотурбокомпрессоров для наддува быстроходных дизелей, газоперекачивающих агрегатов мощностью 6 и 16 МВт, а также серии газовых утилизационных бескомпрессорных турбин, вырабатывавших дешевую электрическую энергию на доменном газе. За эти достижения он был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1968 г.) и удостоен почетного звания Заслуженного машиностроителя РСФСР (1972 г.). Истории уральского газотурбостроения М.М. Ковалевский посвятил книжку документальных записок конструктора⁵.

Летом 1981 г. М.М. Ковалевский вышел на пенсию. В 1999 г. заводская газета «Знамя» дважды посвящала заслуженному ветерану отдельные материалы: в октябре поздравила его с 95-летием, а уже в декабре опубликовала скорбный некролог⁶. В день столетнего юбилея М.М. Ковалевского, 21 октября 2004 г., по адресу улица Свердлова, 58 была установлена мемориальная доска: «В этом доме с 1955 по 1999 год жил главный конструктор первых газовых турбин на Урале Ковалевский Михаил Михайлович»⁷.

Копия отпечатанной на машинке 130-страничной рукописи М.М. Ковалевского «Я помню... Штрихи к истории Турбомоторного завода: Люди, дела, судьбы», датированной 1994 г., хранится в фондах музея закрытого акционерного общества «Уральский турбинный завод». В 2005 г. газета «Знамя» приступала к публикации этих воспоминаний, однако ограничилась лишь самым их началом – описанием событий 1937–1938 гг.⁸ Работа М.М. Ковалевского «Я помню...» также уже становилась объектом внимания историков⁹.

Настоящая публикация посвящена событиям 1941 г. – начальному периоду Великой Отечественной войны. За возможность познакомиться с этим документом благодарим заведующую Музеем ЗАО «УТЗ» Ольгу Ивановну Ведерникову.

**Фрагмент воспоминаний инженера-конструктора Уральского
турбинного завода М.М. Ковалевского «Я помню...
Штрихи к истории Турбомоторного завода: Люди, дела, судьбы»¹⁾.
Екатеринбург, не позднее 1994 г.²⁾**

В те годы за границей, особенно в Германии, несмотря на начавшуюся войну, закупалось много оборудования, в том числе и турбинного. Приемку изготовленного [оборудования]³⁾ торговые соглашения оговаривали советскими специалистами, которым это давало возможность несколько подучиться. И это было очень кстати: наша техника тогда сильно отставала, и подучиться было полезно. Дошла очередь и до УТЗ: для командировки в Германию и Швейцарию завод выдвинул пять кандидатов: Ционский¹⁰⁾, Сахнин¹¹⁾, Герасимов¹²⁾, я и Валерий Аркадьевич Ивановский, недавно принятый на должность начальника цеха турбомеханизмов, уже опытный производственник, перешедший с Уралмаша¹³⁾. Среди них только я – беспартийный. С нами много беседовали, изучали наши объемистые анкеты. Окончательное «добро» должен был дать райком.

Сначала вызвали Ционского и меня. С Ционским говорили долго, конечно, при закрытых дверях. Я истомился длительным ожиданием в неудобном помещении; уже минут сорок из-за плотно закрытых дверей слабо доносятся голоса, но разобрать ничего нельзя. Почему так долго? И вот выходит Абрам Борисович... Я не знал, что лицо человека может быть таким красным! На мой вопросительный взгляд он только махнул рукой, а я, ожидая чего-то страшного, с трепетом вошел. Но со мной дружелюбно поговорили всего минут 7–8, «каверзных» вопросов не задавали.

Позже Ционский рассказал, что его опорочил пустяковый факт, сообщенный одним из членов райкома (и как только дознались!), что кто-то из его родственников, не самых близких, в годы НЭПа имел в Харькове небольшую лавочку. Дело это не криминальное, тогда многие торговали, но то, что он это скрыл от партии, посчиталось тяжким грехом. Его кандидатуру отвели, нас осталось четверо [...] ⁴⁾

Кажется, второго мая мы четверо выехали в Москву для окончательного оформления, подробнейшего инструктажа и некоторой «доподготовки», в которую входил небольшой практикум по проверке

качества металла, оценке результатов испытаний и т. д., что входило в обязанность приемщика, и – расхожему немецкому языку. И кое-что еще, специфическое. Определились и адреса: Ивановский и я – в Германию, Сахнин и Герасимов – в Швейцарию. Пробыли в Москве около трех недель...

В начале июня последовал окончательный вызов командированных за границу, «готовность № 1». А дней через десять мне объявили, что моя виза получена, выезд назначен на 23 июня. Остальным срок выезда еще не уточнен.

22 июня, около 10 часов утра, мы собрались в холле нашего этажа гостиницы «Новомосковская» и что-то лениво обсуждали. Подошел еще один работник УТЗ, начальник отдела оборудования, Марк Самойлович Скульский, приветствовал нас словами: «Ну что, уехали?» Я отозвался: «Пока не уехали, а я уезжаю завтра!» Он не понял: «Да куда же ты уезжаешь?» «Как это куда? Пока в Берлин, билет уже куплен». Дальше пошло непонятное...

– Ну да, попал ты в Берлин!

– Попаду завтра к вечеру.

Скульский спросил:

– Да вы все с ума посходили что ли или меня разыгрываете?

– Нет, все точно, завтра выезжаю в Берлин.

– Да как же ты поедешь, ведь война!!! Разве вы не знаете?

– Война идет давно, она помешать не сможет.

– Да нет, не та; теперь война с НАМИ⁵). Разве вы не знаете, Гитлер напал на нас?!

Последовала немая сцена, как в Гоголевском «Ревизоре».

Потрясающе! С четырех часов утра началась война, может быть ужаснейшая и величайшая из всех войн, а мы, четыре чудака, сидим в центре Москвы, возле окна с видом на Красную площадь, и не знаем!

Это была новость! Помимо ее всемирно-исторического значения для меня лично это было крушением многих надежд, да еще накануне их осуществления. Нечасто такие роковые совпадения. А что будет с нашим заводом? Вряд ли нам придется работать над проектом «68»; это ведь дальняя перспектива, а сейчас нужны быстрые, военные меры. Будущее представлялось туманным.

Тогда меня не очень интересовало, почему именно меня, беспартийного, оформили и отправили раньше остальных: мало ли что могло задержать в этой бюрократической машине? Но позже, много, много лет позже, прочитав книгу бывшего разведчика В. Суворова «Ледокол» (издана в 1992 году)¹⁴, начал кое-что подозревать.

Если, как убедительно аргументирует эта книга, «наше» вступление в войну тайно намечалось на 6 июля, а в порядке особой сверхсекретности, о которой не мог прознать противник, могло осуществиться и на несколько дней раньше, то, по моей версии, было важно показать, что все идет нормально, в соответствие с пактом, продолжают политические и экономические связи. В том числе приезжают наши представители для приемки оборудования: пусть ничто, даже косвенно, не намекает на возможность неожиданной агрессии. Коварного нападения со стороны СССР. А если что – беспартийным Ковалевским можно и пожертвовать: авось, не пропадет. Но трех коммунистов лучше попрiderжать – в тогдашней фашистской обстановке они вряд ли смогли бы уцелеть [...]⁶⁾

Выехать из Москвы было нелегко, а шел скорый поезд до Свердловска теперь четверо суток, пропуская на запад бесконечные воинские эшелоны и позволяя обгонять себя санитарным поездам. Так что на завод я попал лишь в первых числах июля, застав уже полную неразбериху на производстве и разгром нашего конструкторского бюро.

Уволили В. Янченко¹⁵, зав[едующего] бюро расчетов, за «неблагонадежность»: ему припомнили его службу у Колчака, хотя всего телеграфистом. Теперь ему нельзя доверить работу на таком заводе в военное время. Он перебазировался в Верх-Нейвинск, там «зоны» еще не было, где мирно проработал всю войну механиком на заводе. После войны работал преподавателем в УПИ. Умер около 1960 года.

Шпиц, Мининберг, Матвеев были призваны и погибли. Ферштер¹⁶ тоже попал на войну, где потерял ногу; после войны (или в ее конце) он вернулся на завод, в конструкторский отдел турбинного, но уже другого завода. После 1950 г. переехал по семейным причинам в Сумгаит, где через несколько лет умер.

Благополучно отвоевал Белоцерковский, но на Урал не вернулся, окопался где-то в Западной Украине. Кирей¹⁷, этот верующий комсомо-

лец, тоже перенес войну, после которой поступил в КБ турбинного завода в Николаеве. Теперь он Бога отрицал, ибо, по мнению Кирея, если бы Он, Милостивый, был, то не допустил бы такого ужаса этой войны. [...]»⁷⁾

Интересна судьба Герасимова. Уже в конце 1941 г. он был использован в наиболее охраняемом цехе сборки моторов кем-то вроде сменного ответственного дежурного. Потом за что-то был изгнан с завода чрезмерно горячим директором¹⁸⁾, работал в какой-то мастерской, а в конце 1942 г. – или начале 1943 г. – был выдвинут кандидатом... в высшую школу подготовки дипломатов и уехал в Москву. Такая забота о развитии дипломатического корпуса в тот момент мне представлялась удивительным предвидением резкого увеличения дипломатической деятельности, а также ее характера после неизбежной победы! И это – когда только ликвидировалась армия Паулюса¹⁹⁾.

Будущий дипломат, специалист по странам французского языка был, несомненно, умным человеком, а его внешняя простоватость и какая-то деревенская неотесанность исчезли, – по словам видевших его уже на площади Воровского²⁰⁾, – в результате учебной, всесторонней шлифовки [...]»⁸⁾

На заводе по инерции продолжалось турбинное производство, отгружалась в Ижевск турбина²¹⁾, изготавливались детали для следующих: в плане ведь их четыре. Но уже известно, что теперь от УТЗ вой-на срочно требует другого и немедленно. Завод по мобилизационному плану (Если был такой? Может быть, и не было, раз собирались «бить врага на его территории»!) переключался на изготовление мощных авиамоторов типа М-40, производство которых переводилось сюда с Кировского завода. Первый эшелон с оборудованием и людьми уже отправлен, а вся перебазировка должна завершиться за один месяц²²⁾.

Непонятно на первый взгляд – почему такая спешка? Ведь фронт так далеко... Но – Ленинград все же приграничный город, Финляндия, с которой мы только что воевали, рядом. Да и для авианалетов доступен.

У меня впечатление, что руководство завода, да и области такого плана не знали. Не было того, особого секретного, за семью печатями пакета, который надлежало вскрыть только по особому указанию. Поэтому чувствовалась явная растерянность руководства, приученного действовать «по указанию»; вот и к приему эшелонов, ко всей этой

огромной перестройке в мышлении и действиях военного времени не могли подготовиться. Лисин²³, не говоря уже о Березнюке²⁴, были не в состоянии быстро овладеть ситуацией, да еще при противоречивых указаниях сверху, получении дополнительных, непродуманных заданий. Например, внесло сумятицу дополнительное задание на ракетные снаряды для «Катюши»... Кнабе²⁵, ознакомившись с заказом, авторитетно утверждал, что технология их изготовления чрезвычайно сложна, требования необычайно строги, что без специального оборудования, да еще с учетом масштабов пуска в условиях особой секретности этого производства на УТЗ просто несовместимы с авиадвигателями. К счастью в «верхах» это тоже поняли и «Катюша» от нас ушла... [...]»⁹

Еще получили заказ на выпуск стальных колпаков, – не знаю, как их правильно называть, – для ДОТов («Долговременная огневая точка»). Но об этом дальше; заказ отменили. А чего стоил переход на танковые дизели, в связи с чем к нам перебазировался еще один завод – харьковский!

Медлительность завода не осталась незамеченной²⁶, и в начале октября²⁷ к нам нагрянул сам грозный Зальцман²⁸, замнаркома танковой промышленности²⁹, особо уполномоченный по Уральскому региону, ставшему единственным поставщиком танков Т-34. Их выпуск был организовал в Челябинске (на базе тракторного), в Свердловске (УЗТМ) и Н[ижнем] Тагиле (Уралвагонзавод). От того, что увидел у нас, Зальцман пришел в бешенство. Он собрал руководящий состав, обрисовал положение на фронтах, обвинил руководство УТЗ, – переименованного в завод № 76³⁰, – в преступной бездеятельности, яростно набросился на Лисина. Как рассказывали присутствовавшие на этой экзекуции, он кричал Лисину почти точно: «Ты не знаешь, что сейчас на войне на один наш танк приходится десять немецких? Или знаешь, но бездействуешь? Сволочь ты! Убирайся с завода немедленно, я тебя отдаю под суд. Руководство заводом беру на себя».

Бедный Лисин молча вышел³¹.

До этого, а может быть и позже, неукротимый Зальцман на митинге в семипролетке³², на котором присутствовал и мой друг Брюно³³, – по воспоминаниям которого я это пишу, – пламенно кричал о тяжелейшем положении на фронтах, о преступной бездеятельности

руководства завода, размахивал револьвером, обрушился на Лисина: снимаю с работы, таких директоров будем расстреливать!

Конечно, положение было ужасное, немцы уже подходили к Харькову³⁴, наши войска деморализованы и обезоружены. Из-за преступных ошибок («недосмотров») верховного руководства страны тысячи наших танков, самолетов, артиллерийских установок были уничтожены в первые дни войны, даже не вступив в бой. А тут, на заводе, такая неразбериха с комплектованием танков моторами. Конечно, сейчас нужны и особая требовательность и твердость, может быть и не укладывающиеся в обычные рамки. Но совершенное Зальцманом все же было недопустимым хамством, да и просто ненужным. И это было, кажется, общим мнением.

Под суд Лисин все же не попал и был назначен директором завода транспортного машиностроения³⁵.

Директорство Зальцмана «по совместительству» было недолгим. Вскоре приехал директор Харьковского моторного завода Дмитрий Ермолаевич Кочетков. Он хорошо знал производство и прибывших вместе с ним людей, его опору; он тоже не был ангелом, правил железной рукой, тоже допускал жестокость, не обуздывал своих страстей. Как грубейшее, в стиле Зальцмана, безпричинное, позорное изгнание с завода П. Герасимова (будущего дипломата...!). Или унижительное наказание за «инакомыслие»: крупного специалиста Гулельми он поставил на «ломку гильзы» – физически тяжелый труд. Но был чаще все же справедлив; его боялись, но... уважали. Работал он не щадя ни других, ни себя. Несмотря на некоторые и другие его отрицательные свойства, мне хотелось бы его «оправдать»: обстоятельства очень уж тяжелые, а его личная ответственность безмерно велика³⁶.

Архив Музея ЗАО «Уральский турбинный завод». Ковалевский М.М. Я помню... Штрихи к истории Турбомоторного завода: Люди, дела, судьбы. Л. 33–34, 37–41, 42–43, 44–45. Копия. Машинопись.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Испр. по смыслу, в документе слово «оборудования» отсутствует.

- 4) *Опущено описание дел на УТЗ в первой половине 1941 г.*
- 5) *Так в документе.*
- 6) *Здесь опущен заголовок: «Часть 2. Война».*
- 7) *Опущены описания судебных некоторых инженеров-конструкторов УТЗ.*
- 8) *То же.*
- 9) *Опущен один абзац.*

Примечания и комментарии

- ¹ Ковалевский М.М. Зинаида Ковалевская: Жизнь и творческий путь народного художника Узбекистана. Ташкент, 1991.
- ² Послевоенные переименования предприятия: в 1948–1976 гг. – Уральский турбомоторный завод (УТМЗ) и в 1976–2003 гг. – Турбомоторный завод (ТМЗ).
- ³ О строительстве заводской ТЭЦ см.: Ковалевский М. Монтажная симфония // Знамя: Орган трудового коллектива ОАО «Турбомоторный завод». 2000. 31 окт. С. 4–5; 8 дек. С. 4–5; 28 дек. С. 10–11.
- ⁴ Ковалевский М.М. Качественная оценка конструкций паровых турбин. М.–Свердловск, 1963.
- ⁵ Он же. Единственный вариант: Записки конструктора. Свердловск, 1986.
- ⁶ Основателю уральского газотурбостроения М.М. Ковалевскому исполняется 95 лет! // Знамя... 1999. 14 окт. С. 1, 3; Светлая память // Знамя... 1999. 15 дек. С. 8.
- ⁷ 21 октября состоялось торжественное открытие мемориальной доски... // Знамя: Газета ЗАО «Уральский турбинный завод». 2004. 22 окт. 3 нояб. С. 3.
- ⁸ Ковалевский М. Я помню... Штрихи к истории Турбомоторного завода: Люди, дела, судьбы // Знамя... 2005. 2–16 сент. С. 4.
- ⁹ Соловьева В.В. «О себе неудобно писать...»: проблема источников личного происхождения в изучении советской тыловой повседневности 1941–1945 гг. // Урал в зеркале тысячелетий (V тыс. до н. э. – XXI в. н. э.). Екатеринбург, 2009. Кн. 2. С. 208–210.
- ¹⁰ Ционский Абрам Борисович – инженер-конструктор, один из первых работников Уральского турбинного завода, куда был приглашен на должность начальника цеха с Харьковского турбогенераторного завода (далее – ХТГЗ).
- ¹¹ Сахнин Абрам Вениаминович (1911–1986 гг.) – инженер, уроженец г. Сумы Полтавской губернии. После окончания в 1933 г. Харьковского механико-машиностроительного института по специальности инженера-механика работал на ХТГЗ, затем – в научно-исследовательском отделе выпустившего его института. С конца 1938 г. – старший инженер бюро расчетов конструкторского отдела УТЗ (руководитель В.Ф. Янченко). В период Великой Отечественной войны участвовал в строительстве заводской теплоэлектроцентрали, затем на этой же ТЭЦ прошел путь от сменного начальника до главного инженера. С 1957 г. работал в Свердловском (с 1962 г. – Средне-Уральском) совнархозе главным специалистом по энергетическому машиностроению и судостроению. Когда в 1965 г. региональные совнархозы были упразднены, А.В. Сахнин

вернулся на турбомоторный завод, где и проработал до выхода на пенсию в 1979 г. (см.: К 50-летию кафедры «Турбины и двигатели». 50 лет – возраст зрелости: Давайте вспомним... / сост. Ю.М. Бродов, М.А. Ниленштейн. Екатеринбург, 2012. С. 17).

¹² Герасимов Павел Иванович (1915–1991 гг.) – после окончания в 1939 г. Ленинградского индустриального института – инженер-конструктор на УТЗ, в дальнейшем – на дипломатической службе: сотрудник миссии СССР в Швейцарии (1946–1949 гг.), советник посольства в Египте и Объединенной Арабской республике (1954–1959 гг.), чрезвычайный и полномочный посол в Гвинее (1959–1960 гг.), в Люксембурге (1961–1962 гг.), в Бельгии (1962–1967 гг.), в Швейцарии (1973–1978 гг.) (см.: Дипломатический словарь / под ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалева, П.П. Севостьянова, С.Л. Тихвинского. В 3-х тт. М., 1985. Т. 1. С. 254).

¹³ Уралмаш – Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ), одно из крупнейших советских машиностроительных предприятий. Введен в эксплуатацию в 1933 г.

¹⁴ Суворов Виктор – псевдоним Владимира Богдановича Резуна (1947 года рождения) – советского резидента в Женеве, бежавшего в 1978 г. в Великобританию и в дальнейшем в своих историко-публицистических произведениях подвергший пересмотру принятые в СССР взгляды на причины и возникновение Второй мировой войны. В частности, в книге «Ледокол» он утверждал, что СССР планировал нападение на Германию, и что А. Гитлер лишь опередил И. Сталина.

¹⁵ Янченко Виктор Федорович (1899–1972 гг.) – инженер и преподаватель, коренной екатеринбуржец. После окончания реального училища в 1918 г. поступил в недавно открывшийся в городе Горный институт. В период Гражданской войны служил в армии адмирала А.В. Колчака. В 1920 г. вернулся в Екатеринбург, став одним из первых кандидатов только что созданного Уральского университета. В 1922 г. перевелся в Петербургский (позднее – Ленинградский) политехнический институт, с дипломом которого в 1926 г. пришел инженером-конструктором на Ленинградский металлический завод. После возвращения в Свердловск (новое имя Екатеринбурга с 1924 г.) работал в тресте «Уралцветмет», заведовал сектором «Уралгипроцветмета», руководил лабораторией в Уральском отделении Всесоюзного теплотехнического института. В 1938 г. филиал закрылся, и В.Ф. Янченко возглавил бюро расчетов конструкторского отдела УТЗ. Во время Великой Отечественной войны работал главным механиком Верх-Нейвинского механического завода. В 1945 г. в очередной раз вернулся в Свердловск, где стал доцентом кафедры «Теплосиловые установки» Уральского индустриального института (в 1948 г. переименованного в Уральский политехнический институт, УПИ). В 1947 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. Один из основателей кафедры «Турбиностроение» УПИ и с 1962 г. до конца жизни – доцент этой кафедры (см.: К 50-летию кафедры «Турбины и двигатели»... С. 16).

¹⁶ Ферштер Марк Владимирович – главный конструктор УТЗ накануне Великой Отечественной войны.

¹⁷ Кирей Серафим Николаевич – инженер-конструктор УТЗ, характеризуя которого, М.М. Ковалевский писал: «Он отличался особой тщательностью выполнения черте-

жей и был одновременно исправным комсомольцем и – глубоко верующим человеком. Законом это не запрещено, но как-то не было принято» (л. д. 28).

¹⁸ Имеется в виду Д.Е. Кочетков (о нем см. ниже).

¹⁹ Паулус Фридрих (1890–1957 гг.) – германский военачальник, генерал-фельдмаршал, командующий 6-й армией, окруженной и капитулировавшей под Сталинградом в январе 1943 г.

²⁰ Площадь имени В.В. Воровского в Москве – с 1918 г. место расположения сначала Наркомата, а затем Министерства иностранных дел.

²¹ Речь о паровой турбине АТ-12-1 – первенце УТЗ, успешно прошедшем испытание на заводском стенде в середине мая 1941 г. (см. подробнее: Ефимова Т.И., Ардашева М.А. Турбомоторный: дела и судьбы. Свердловск, 1988. С. 31–66).

²² Работа по производству авиационных двигателей М-40 была прекращена на УТЗ в конце 1941 г. из-за невозможности совместить ее с выпуском танковых моторов В-2, ставших на тот момент приоритетной продукцией предприятия.

²³ Лисин Иван Иванович (1896–? гг.) – в 1937–1938 гг. директор ХТГЗ. В период его директорства турбогенераторный завод объединился с Харьковским электро-механическим заводом. При нем же была изготовлена вторая харьковская турбина мощностью в 100 тыс. киловатт для Зуевской ГРЭС. За день до того, как турбина сошла с заводского стенда, 25 июля 1938 г., И.И. Лисин был арестован как участник правотроцкистского террористического центра. Спустя год, 22 июля 1939 г., оправдан Военным трибуналом Харьковского военного округа (см.: База данных о жертвах репрессий Харьковской област: Электронный ресурс. URL: <http://lists.memo.ru/d20/f209.htm>, дата обращения – 25 июня 2013 г.). Вскоре после этого был назначен директором УТЗ.

²⁴ Березнюк Владимир Авксентьевич – главный инженер УТЗ в 1939–1941 гг. До 1939 г. – начальник монтажного отдела ХТГЗ. В своих воспоминаниях М.М. Ковалевский характеризовал его так: «Березнюк был очень энергичным, деятельным, преданным делу человеком, средним организатором, но не крупного масштаба, излишне суетливым, любил или позволял себе вмешиваться в действия подчиненных, даже Кнабе! А ведь уметь доверять и знать, кому можно доверять, – важное свойство крупных, настоящих руководителей. Этим он больше мешал, чем помогал делу. В некоторых же случаях он просто был хорош: например, при сооружении в 1942 году машзала заводской ТЭЦ... Но – не такой был нужен главный инженер сейчас» (л. д. 23).

²⁵ Кнабе Георгий Анатольевич (1904–1962 гг.) – инженер-конструктор, сын известного харьковского терапевта А.А. Кнабе. После окончания Харьковского технологического института в 1930 г. работал сначала на ХТГЗ, а с конца 1938 г. – на УТЗ. М.М. Ковалевский писал о Г.А. Кнабе: «Это был удивительный, выдающийся человек и специалист, влюбленный в машины вообще, а в турбины, одно из их наиболее ярких воплощений, особенно... На ХТГЗ продолжительное время он числился заместителем нач[альника] сборочного цеха – важнейшего, выпускного на заводе. Заместитель! Как кажется, всю свою жизнь он был чьим-то заместителем, являясь, однако, душой, фактическим руководителем участка, номинального начальника которого «замещал». Это было следствием не только его беспартийности, но и предпочтения

им непосредственного участия административному руководству, возне с бумагами. К нам он приехал на должность заместителя главного инженера, а занимался – всем! Многие считали его главным технологом, другие – начальником производства. Помню, как он энергично организовывал модельный участок, ранее как-то не предусмотренный» (л. д. 19–20). В 1945 г. за работу по рационализации производства танковых двигателей Г.А. Кнабе был награжден орденом Красной Звезды и Знаком Отличника Танкопрома. В октябре того же года командирован на ХТГЗ для оказания технической помощи в восстановлении турбины для Зуевской ГРЭС. На Урал больше не вернулся: с 1946 г. преподавал на кафедре турбостроения Харьковского политехнического института (см.: Столбикова Л. Пути-дороги друзей: К 50-летию уральского турбостроения // Знамя: Еженедельная газета ПО «Турбомоторный завод». 1991. 11 марта. С. 3; Георгий Анатольевич Кнабе: К 100-летию со дня рождения // Політехнік: Газета Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут». 2004. 30 нояб. С. 26–27).

²⁶ Согласно приказу наркома среднего машиностроения В.А. Малышева за № 300 от 7 июля 1941 г., эвакуацию части цехов Ленинградского Кировского завода на УТЗ предписывалось завершить к 15 июля, монтаж оборудования – к 10 августа, организацию и подготовку производства танковых дизелей В-2 – к 1 сентября. До конца года следовало выпустить 500 штук двигателей. Между тем, первый эшелон с оборудованием, оснасткой, инструментом и заготовками, работниками и их семьями ушел из Ленинграда 3 июля и, проведя в пути без малого две недели, прибыл в Свердловск только 16 июля. Последний, шестнадцатый эшелон был отправлен из Ленинграда 23 июля и прибыл на УТЗ 15 августа – на месяц позже планового окончания эвакуации. Всего за это время было перевезено 1022 единицы оборудования, 3260 работников и свыше 6000 членов их семей (см.: Летопись уральского мотора. Ч. 1: 1941–1961 годы / Материал подготовлен специалистами СКБм под руководством В.В. Лашманова // Знамя: Газета акционерного общества «Турбомоторный завод». 1997. 27 окт. С. 5).

²⁷ В действительности описываемое ниже событие произошло 24 октября 1941 г.

²⁸ Зальцман Исаак Моисеевич (1905–1988 гг.) – директор Ленинградского завода опытного машиностроения № 185 имени С.М. Кирова (Ленинградского Кировского завода) с 1938 по октябрь 1941 гг. Будучи назначен заместителем наркома танковой промышленности, руководил эвакуацией завода на Урал. Постановлением Государственного комитета обороны № 734 от 4 октября 1941 г. и приказом по Наркомату танковой промышленности № 75 от 6 октября того же года Челябинский тракторный завод был объединен с эвакуируемым на его площадку Ленинградским Кировским заводом под именем Челябинского Кировского завода (ЧКЗ). Тем же постановлением учреждался Уральский комбинат по производству тяжелых танков (УКТТ) в составе: ЧКЗ, УЗГМ и УТЗ. Директором ЧКЗ и одновременно УКТТ стал И.М. Зальцман. С июля 1942 по июнь 1943 гг. – народный комиссар танковой промышленности, затем вновь вплоть до 1949 г. – директор ЧКЗ. В сентябре 1949 г. исключен из партии и снят с должности за связь с арестованными по «Ленинградскому делу» и делу Еврейского антифашистского комитета. С трудом устроился инженером на машиностроительном заводе сначала в Муроме, затем в Орле. В 1955 г. восстановлен в партии. С 1959 г. ра-

ботал директором механического завода Ленгорисполкома. Ушел на пенсию в 1986 г. В 2007 г. именем И.М. Зальцмана названа одна из улиц в Тракторозаводском районе Челябинска.

²⁹ Показательно, что мемуарист ни единым словом не упомянул здесь о визите на УТЗ 24 сентября 1941 г. Вячеслава Александровича Малышева, который 11 числа того же месяца был назначен наркомом танковой промышленности (см.: Ефимова Т.И., Ардашева М.А. Указ. соч. С. 81; Летопись Турбомоторного завода. Начата к 25-летию завода в 1963 г. / сост. А.В. Завольский, В.М. Эфрос, Е.А. Кубышкин, П.Г. Харин и др.; записала В.А. Вялых // Архив Музея ЗАО «УТЗ»).

³⁰ Уралтурбозавод был переименован в завод № 76 приказом по Наркомату танковой промышленности № 120 от 13 декабря 1941 г.

³¹ Описание М.М. Ковалевского подтверждается материалами секретной стенограммы административного совещания 24 октября 1941 г.: «Тов[ариш] Зальцман: ...Из-за Вас на фронте погибают тысячи людей, а Вы за срыв оборонного заказа сменяете людей по должности. Вы до сих пор поняли или нет, что из-за такой, как ты, сволочи, которые не дают танки, погибают тысячи людей, а Вы рассказываете какие-то причины... Кого Вы отдали под суд за провал графика? Директор завода обязан назвать, кого он отдал под суд. Лисин: За некачественную работу привлечены к ответственности, есть приказы по заводу. В этой части мы не использовали свои возможности и права привлекать к уголовной ответственности за срыв графика. Это правильно, тов[ариш] Зальцман, это нам урок. Зальцман: А я воспользуюсь своим правом (диктует приказ по Наркомтанкопрому). Лисин: Я работал честно и отдавал все для интересов дела. Зальцман: Нам сейчас даже честных дураков не надо. Нам нужна честь бойца, а честности одной мало, с честностью воевать не будем. И предупреждаю коллектив, что моторы с нашего завода должны пойти немедленно. Если кто тут дурака валяет..., если вам дорога ваша жизнь, приведите в порядок коллектив. Я терпеть не буду, что, предположим, сорвалась машина потому, что кто-то виноват. Терпеть такие ответы я не буду. Вы меня знаете. За это время я мягче не стал, а стал жестче, потому что видел своими глазами, как погибают тысячи наших детей, братьев, сестер из-за нашей расхлябанности. Таких людей надо привлекать к суровой ответственности. Руководить заводом буду я по особым формам. Буду издавать приказы по заводу и..., если я буду сидеть в Челябинске, ...думаю, мне это удастся» (ГАСО. Ф. Р-1930. Оп. 3. Д. 9. Л. 129, 136).

³² «Семипролетка» – семипролетная часть главного турбинного корпуса УТЗ.

³³ Брюно Валерий Ипполитович – инженер-конструктор, один из первых работников УТЗ, внук бельгийского инженера. Переехал в Свердловск по приглашению М.М. Ковалевского, вместе с которым ранее работал на Новороссийской электростанции. В 1941 г. руководил монтажом испытательного стенда для первой турбины УТЗ. В 1959 г. перешел вслед за М.М. Ковалевским во вновь созданное СКБгт.

³⁴ Харьков был оккупирован германскими войсками 24–25 октября 1941 г., то есть одновременно с описываемым событием.

³⁵ В сентябре 1943 г. постановлением Государственного комитета обороны и прика-

зом Наркомтанкопрома в Свердловске был образован завод № 50, выпускавший комплектующие для танкосборочных предприятий (Уралтрансмаш). Директором предприятия был назначен И.И. Лисин, остававшийся на этой должности до победного 1945 г. (см.: Устьянцев С.В. Мы можем все! Екатеринбург, 2007. С. 48, 49).

³⁶ До перевода на Урал Д.Е. Кочетков руководил Харьковским транспортным заводом № 75 (бывший паровозостроительный завод, ныне – завод им. В.А. Малышева). В ноябре 1943 г., во время перелета в Москву по вызову Наркомата танковой промышленности, Д.Е. Кочетков попал в авиакатастрофу. Его дальнейшая судьба в изложении М.М. Ковалевского выглядела так: «Доставленный в областную больницу изувеченный Кочетков в тяжелом беспмятстве вел себя буйно, грубо ругался, крича на всю больницу, обнаруживая внутреннее, обычно скрываемое. В ближайшие дни, как особый больной, он был перемещен в Кремлевскую больницу. Там его подлечили, восстановив то, что было возможно, но необратимые последствия тяжелой травмы остались и, в конечном счете, догубили [так в документе – *В.Ш.*] его... Вернувшись в Свердловск примерно в январе 1944 г., он скорее, вопреки настойчивым рекомендациям врачей "не спешить", с нетерпением и надеждой приступил к тяжелым директорским обязанностям. Но, увы, быстро выяснилось, что эта работа теперь ему не под силу... Стремясь преодолеть недуг, он заставлял себя не замечать его, работать по-прежнему, совсем игнорируя настойчиво рекомендуемый ему "щадящий" режим жизни и труда. Но ничего не могло ему помочь, общая слабость, взвинченные нервы, ужасные головные боли сломили его; с завода он вынужден был уйти. Признавая большие заслуги Кочеткова, нарком назначил его своим заместителем по кадрам; должность почетная, работа – полегче директорской... Непривычно-кабинетная работа его не увлекала и не поддерживала, состояние не улучшилось. Стал еще больше пить, ища в вине поддержки и забвения. Заместителем наркома продержался недолго; началось его неуклонное перемещение на все менее значительные должности, деградирование как в служебных делах, так и в личностном отношении. Умер он, кажется, не дожив до 50 лет. Так закончилась эта незаурядная жизнь» (Архив Музея ЗАО «Уральский турбинный завод». Ковалевский М.М. Я помню... Штрихи к истории Турбомоторного завода: Люди, дела, судьбы. Л. 57, 58).

СПИСОК АББРЕВИАТУР

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВМН – высшая мера наказания
ВСЮР – Вооруженные силы Юга России
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, до августа 1918 г. – по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГАОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАО – Государственный архив Тверской области
ГРЭС – государственная районная электрическая станция
ГУАК – губернские ученые архивные комиссии
ДОТ – долговременная огневая точка
Е.И.В. – Его (Ее) Императорское Величество
ЗАО – закрытое акционерное общество
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук
ИЦ УВД – Информационный центр Управления внутренних дел
КБ – конструкторское бюро
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
МВД – Министерство внутренних дел
МЗМ – Машиностроительный завод имени В.М. Молотова (завод № 172)
НАН – Национальная академия наук (Украины)
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НСО – Новосибирская область

НЭП – новая экономическая политика
ОАО – открытое акционерное общество
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПермГАНИ – Пермский государственный архив новейшей истории
ПУАК – Пермская учёная архивная комиссия
РАН – Российская Академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РО – районный отдел
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СибВО – Сибирский военный округ
СКБгт – специальное конструкторское бюро газовых турбин
СКБм – Специальное конструкторское бюро машиностроения
СНК – Совет народных комиссаров
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТЭЦ – теплоэлектроцентраль
УЗТМ – Уральский завод тяжелого машиностроения
УК – Уголовный кодекс
УКГБ – Управление Комитета государственной безопасности
УНКГБ – Управление Наркомата государственной безопасности
УНКВД – Управление Наркомата внутренних дел
УПИ – Уральский политехнический институт им. С.М. Кирова
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
УТЗ – Уральский турбинный завод
ХТГЗ – Харьковский турбогенераторный завод
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алеврас, Наталия Николаевна – д.и.н., профессор Челябинского государственного университета

Быкова, Светлана Ивановна – к.и.н., доцент Уральского федерального университета

Голикова, Светлана Викторовна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

Голубев, Александр Владимирович – к.и.н., ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН

Дашкевич, Людмила Александровна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

Игнатьева, Оксана Валерьевна – к.и.н., заведующая кафедрой социологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Кимерлинг, Анна Семеновна – к.и.н., доцент, научный сотрудник Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Киселев, Михаил Александрович – к.и.н., научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

Красильников, Сергей Александрович – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН

Ларионова, Марина Бариевна – к.и.н., доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета

Лебеденко, Елена Юрьевна – к.и.н., заведующая научным архивом Института истории и археологии УрО РАН

Лейбович, Олег Леонидович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой культурологии Пермского государственного института искусства и культуры

Литовская, Мария Аркадьевна – д.филол.н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, профессор Уральского федерального университета

Лобанов, Дмитрий Алексеевич – научный сотрудник Отдела истории Пермского краеведческого музея

Микитюк, Владимир Петрович – к.и.н., научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

Набокина, Татьяна Александровна – аспирант Челябинского государственного университета

Ощепков, Лев Геннадьевич – научный сотрудник отдела истории Пермского краеведческого музея

Пахалюк, Константин Александрович – ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества

Поршнева, Ольга Сергеевна – д.и.н., профессор Уральского федерального университета

Румянцева, Марина Федоровна – к.и.н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Середа, Надежда Владимировна – д.и.н., профессор Тверского государственного университета

Суржикова, Наталья Викторовна – к.и.н., старший научный сотрудник, руководитель Группы истории повседневности Института истории и археологии УрО РАН

Троицкий, Юрий Львович – к.и.н., профессор, заместитель директора Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета

Шкерин, Владимир Анатольевич – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

Научное издание

История в эго-документах

Исследования и источники

Сборник статей и документов

Верстка и подготовка к печати – С.В. Шангина

ООО «Издательство «АсПУр»
620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
Тел.: (343)371-12-06
E-mail: aspurizdat@mail.ru
ЛР № 369 от 15.12.2008 г.

Подписано в печать 11.12.2014. Формат 60х84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага ВХИ-80.
Печ. л. 22,45. Тираж 300 экз. Заказ № 5723.

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750, г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22